

ՊՅՅԻՂ
ԱՐՄԵՆԻՍ

Purchased for the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

съ древнѣйшихъ временъ
до нашихъ дней,

въ переводахъ русскихъ поэтовъ.

Редакція, вступительный
очеркъ и примѣчанія
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе
Московскаго Армянскаго Комитета.
1916.

24 NOV 1922

Вера Ноткин
ноябрь 1922 г.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

НАРОДНАЯ — СРЕДНЕВѢКОВАЯ — НОВАЯ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта,
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,
Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова,
Федора Сологуба, В. Ф. Ходасевича,
С. В. Шервинскаго и др.,

подъ редакціей, со вступительнымъ
очеркомъ и примѣчаніями
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе

Московскаго Армянскаго Комитета.

1916.

PK
S831
R3B67
1916

ОБЪЯСНЕНІЯ РЕДАКЦІИ.

I. Отъ редактора къ читателямъ.—II. Задачи изданія.—

III. Распредѣленіе работъ.

- I. *Валерій Брюсовъ*. Отъ редактора къ читателямъ.
- II. *Редакція*. Задачи изданія.
- III. » » Распредѣленіе работъ.

I.

ОТЪ РЕДАКТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзія, особенно поэзія прошлыхъ вѣковъ, составляетъ для большинства русскихъ читателей то самое, что на старинныхъ географическихкихъ картахъ означалось бѣлымъ мѣстомъ съ лаконической надписью: terra incognita — область невѣдомая. Тѣмъ смѣлѣе я могу высказывать такое предложеніе, что еще очень недавно и самъ я былъ въ положеніи такихъ читателей: и для меня поэзія Арменіи была чѣмъ-то неизвѣстнымъ, съ чѣмъ я былъ знакомъ лишь по смутнымъ и неопредѣленнымъ слухамъ. Мнѣ случалось читать произведенія нѣкоторыхъ ново-армянскихъ писателей (въ переводѣ Ю. Веселовскаго и др.); мнѣ приходилось, среди моихъ историческихкихъ занятій, знакомиться съ эпизодами изъ исторіи Арменіи, показавшими мнѣ, какого высокаго культурнаго уровня достигъ армянскій народъ уже въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ; наконецъ, по статьѣ Я. Полонскаго и по его подражаніямъ стихамъ Саятъ-Новы, я могъ составить нѣкоторое понятіе о высокой художественности поэзіи лучшихъ ашуговъ (народныхъ пѣвцовъ Арменіи). Но всѣ эти свѣдѣнія были разрознены и далеко не давали представленія объ истинномъ богатствѣ армянской литературы. Впрочемъ, и нельзя было ставить мнѣ и другимъ русскимъ читателямъ такую неосвѣдомленность въ вину, такъ какъ, на русскомъ языкѣ, почти не откуда было почерпнуть болѣе основательныя свѣдѣнія по исторіи Арменіи и не существовало сочиненій, которыя могли бы познакомить съ художественными сокровищами прошлаго армянской литературы.¹

¹ Въ другомъ мѣстѣ (въ моей отдѣльной брошюрѣ: «Очеркъ историческихкихъ судьбъ армянскаго народа») я болѣе подробно рассматриваю рус-

Вотъ почему, когда, въ іюлѣ прошлаго года, ко мнѣ обратились представители Московскаго Армянскаго Комитета съ просьбой принять на себя редактированіе сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, я сначала отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Съ одной стороны, мнѣ представлялось невозможнымъ редактировать книгу, относящуюся къ той области знанія, которая мнѣ была едва знакома; съ другой (сознаюсь въ этомъ откровенно)—я не предвидѣлъ, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо цѣнное мнѣ самому. Только послѣ долгихъ настояній отдѣльныхъ представителей Комитета,—которымъ за это я обязанъ глубокой благодарностью,—согласился я сдѣлать опытъ, пробу: присмотрѣться къ работѣ ближе и, лишь вникнувъ въ нее, дать окончательный отвѣтъ. Между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ своего согласія я поставилъ одно: чтобы мнѣ дана была возможность ознакомиться съ армянскимъ языкомъ и изучить, хотя бы въ общихъ чертахъ, какъ исторію армянскаго народа, такъ и исторію его литературы. Послѣ этого, одинъ изъ представителей Комитета, любезно принявъ на себя обязанности быть моимъ учителемъ, моимъ профессоромъ, началъ давать мнѣ уроки языка и читать мнѣ курсъ лекцій по исторіи армянской литературы....

Съ того времени прошло немногимъ больше полугода,—срокъ, конечно, крайне недостаточный, чтобы получить сколько-нибудь основательныя свѣдѣнія объ исторіи народа, обнимающей 2½ тысячелѣтія, и объ исторіи литературы, начало которой вос-

скія сочиненія объ Арменіи. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, на русскомъ языкѣ, литература по исторіи Арменіи сводится: 1) къ работамъ строго ученыхъ, требующимъ подготовки для ознакомленія съ ними, наковы, напр., университетскія лекціи проф. Г. А. Халатьянца, труды по отдѣльнымъ, специальнымъ вопросамъ проф. Н. Я. Марра, еще болѣе спеціальныя работы г. Эзова, еп. Месропа Теръ-Мовсесяна и т. под.; или 2) къ статьямъ въ Энциклопедическихъ Словаряхъ, весьма дѣльнымъ, но сухимъ и краткимъ, наковы, напр., статья Н. Адонца, І. Орбели и др.; или 3) къ сочиненіямъ, хотя и популярнымъ, но частью совершенно устарѣвшимъ и крайне наивнымъ, какъ, напр., книга г. Шопена, частью—непростительно поверхностнымъ, какъ, напр., недавно изданная брошюра г. Лагова. Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ собственно о художественныхъ достиженіяхъ армянской поэзіи въ прошломъ говорится очень немногое, болѣею частью—три-четыре строки. Добавлю, что въ послѣднемъ отношеніи лишь немногимъ богаче литература на другихъ языкахъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ.

ходить, по меньшей мѣрѣ, къ V столѣтію нашей эры. Но съ твердымъ сознаніемъ своей правоты, я могу сказать, что время не было мною потеряно даромъ. Мною была прочитана цѣлая библиотека книгъ, на разныхъ доступныхъ миѣ языкахъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, латинскомъ, итальянскомъ), и я успѣлъ ознакомиться, какъ, до нѣкоторой стѣпени, съ армянскимъ языкомъ, такъ съ тѣмъ изъ армянской литературы, что могъ найти въ переводѣ. Это теоретическое изученіе закончилъ я поѣздкой по областямъ русской Арменіи, по Кавказу и Закавказью,—поѣздкой, во время которой могъ лично познакомиться со многими представителями современной армянской интеллигенціи, съ ея выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными дѣятелями. Миѣ удалось также, хотя и бѣгло, видѣть современную армянскую жизнь, посѣтить развалины нѣкоторыхъ древнихъ центровъ армянской жизни и побывать въ Эчмиадзинѣ, этомъ священномъ для всѣхъ армянъ мѣстѣ, гдѣ, по справедливому выраженію, «бьется сердце Арменіи». Мое маленькое путешествіе какъ бы увѣнчало первый періодъ моихъ работъ по Арменіи, позволивъ миѣ подтвердить живыми впечатлѣніями кабинетныя соображенія и пробѣрить по критикѣ или по одобренію авторитетныхъ лицъ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, работая самостоятельно...

Все это я сообщаю отнюдь не для того, чтобы похвалиться достигнутыми мною результатами или своимъ трудолюбіемъ: напротивъ, я хорошо знаю, что сдѣланнаго мною еще слишкомъ недостаточно, чтобы имѣть право выставлять себя человѣкомъ, освѣдомленнымъ въ вопросахъ армяновѣдѣнія, что, напротивъ, откровенно указывая даты моего перваго знакомства съ исторіей и литературой Арменіи, я скорѣе подрываю довѣріе къ своимъ утвержденіямъ. Но, перечисляя свои работы, я хочу подчеркнуть тотъ живой, и глубокий интересъ, какой возбудило го миѣ изученіе Арменіи. Конечно, никакія обязательства передъ издателемъ (а, въ данномъ случаѣ, никакихъ формальныхъ обязательствъ съ моей стороны не было вовсе), никакія внѣшнія соображенія не могли бы заставить меня,—или кого другого,—совершить весь этотъ трудъ, прочесть всѣ эти книги, столько учиться и такъ углубиться въ дѣло! Побудить къ этому могло лишь одно: то, что въ изученіи Арменіи я нашелъ неизсякаемый источникъ высшихъ, духовныхъ радостей, что, какъ историкъ, какъ чело-

вѣкъ науки, я увидѣлъ въ исторіи Арменіи—цѣлый, самобытный міръ, въ которыхъ тысячи интереснѣйшихъ, сложныхъ вопросовъ будили научное любопытство, а какъ поэтъ, какъ художникъ, я увидѣлъ въ поэзіи Арменіи—такой же самобытный міръ красоты, новую, раньше неизвѣстную мнѣ, вселенную, въ которой блистали и свѣтились высокія созданія подлиннаго художественнаго творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною, какъ одна изъ очередныхъ литературныхъ задачъ, какія мы, писатели по-профессіи, должны бываемъ иногда выполнять, постепенно превратилась для меня въ завѣтное, страстно-любимое дѣло, которое заняло всѣ мои помыслы, которому я уже могъ отдаться, и не могъ не отдаться всей душой.

Чѣмъ глубже я вникалъ въ изученіе Арменіи, чѣмъ яснѣе вырисовывались предо мной очертанія ея историческихъ судебъ и образы ея великихъ людей, прежде всего художниковъ (ибо на литературѣ, въ частности на поэзіи, были преимущественно сосредоточены мои работы),—тѣмъ все настойчивѣе вставалъ предо мной укоръ въ томъ, что раньше я могъ такъ равнодушно проходить мимо этого міра. Уже давно судьбы древней Арменіи связаны съ судьбой великой Россіи; уже цѣлое столѣтіе значительная часть армянскаго народа живетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи; армяне—наши сограждане, а еще не освобожденные отъ мусульманскаго ига армянскія области именно отъ русскихъ ждуть своего освобожденія. И, тѣмъ не менѣе, мы—громадное большинство изъ насъ—ничего, или почти ничего, не знаемъ объ армянахъ и Арменіи. Нужны міровыя катастрофы, нужны безпримѣрные ужасы турецкой рѣзни или дикаго преслѣдованія цѣлой націи (что имѣло мѣсто, напр., въ началѣ нынѣшней Великой войны), чтобы мы вновь обратили вниманіе на бѣдствія «многострадательнаго народа». Мы, русскіе, какъ и вся Европа, вспоминаемъ объ армянахъ лишь въ тѣ дни, когда имъ нужна бываетъ рука помощи, чтобы спасти ихъ отъ поголовнаго истребленія озвѣрѣвшими полчищами султана. Между тѣмъ есть у армянъ болѣе высокое право на наше вниманіе и на вниманіе всего міра: та высокая культура, которую выработалъ армянскій народъ за долгіе вѣка своего самостоятельнаго существованія, и та исключительно-богатая литература, которая составляетъ драгоцѣнный вкладъ Арменіи въ общую сокровищницу человѣчества.

Дальше, во вступительномъ очеркѣ, я сдѣлалъ попытку

вкратцѣ охарактеризовать различные этапы въ развитіи армянской поэзіи и отмѣтить высшія достиженія отдѣльныхъ армянскихъ поэтовъ прошлаго и современности. Здѣсь довольно будетъ сказать, что, изучая поэзію Арменіи, я много разъ останавливался прежде всего въ изумленіи передъ исключительнымъ совершенствомъ ея отдѣльныхъ созданій. Народная армянская поэзія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ среди всѣхъ, какія мнѣ извѣстны: немногіе народы могутъ гордиться, что ихъ народныя пѣсни достигаютъ такого же художественнаго уровня, такъ изысканно-плѣнительны, такъ оригинально-самобытны, при всей ихъ непосредственной простотѣ и безыскусственной откровенности. Религіозная поэзія армянской церкви сохранила много созданій истинныхъ поэтовъ,—гимны, которые дышатъ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ лучшіе образцы греческихъ и римскихъ гимнотворцевъ, но утонченностью своихъ художественныхъ пріемовъ приближаются уже къ стихамъ новаго времени, вплоть до вдохновеній Верлена. Средневѣковая армянская лирика есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ побѣдъ челоувѣческаго духа, какія только знаетъ лѣтопись всего міра. Поэзія совершенно своеобразная, новая для насъ по своимъ формамъ, глубокая по содержанію, блистательная по мастерству техники, армянская поэзія среднихъ вѣковъ, въ своихъ лучшихъ образцахъ, можетъ и должна будетъ еще многому научить современныхъ поэтовъ: къ ней еще предстоитъ обратиться за уроками и за художественными откровеніями. Истинно прекрасное создали и лучшіе изъ ашуговъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саятъ-Нова, поэтъ XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткій и, какъ Мюссе, страстный: одинъ изъ тѣхъ «первоклассныхъ» поэтовъ, которые силою своего генія уже перестаютъ быть достояніемъ отдѣльнаго народа, но становятся любимцами всего челоувѣчества. Наконецъ, въ ново-армянской поэзіи есть рядъ именъ и рядъ созданій, которыя по праву могутъ стоять рядомъ съ чтимыми именами и прославленными созданіями западныхъ литературъ.

Давая зтотъ восторженный отзывъ, я, конечно, имѣю въ виду *лучшихъ* представителей армянской поэзіи, *наиболѣе удачныя* ея созданія, ибо въ любой литературѣ вокругъ выдающихся талантовъ неизбежно группируются писатели рядовые и даже лица, обдѣленные дарованіемъ. Но и ряда тѣхъ поэтовъ, которыхъ армянская литература имѣетъ право выдвинуть въ своей исторіи

на первыя мѣста, совершенно достаточно, чтобы обезпечить ей вниманіе на всѣ вѣка, пока люди будутъ цѣнить достиженія искусства. Каждый вѣкъ послѣдняго тысячелѣтія, безъ исключенія, имѣеть въ армянской поэзіи своихъ достойныхъ представителей: одинъ—больше, другой меньше, въ зависимости отъ общей эволюціи литературы. Григорій Нарекскій (X в.), Нерсесь Благодатный (XII в.), Фрикъ (XIII—XIV в.), Константинъ Ерзынкайскій (XIII—XIV в.), Мкртичъ Нагашъ (XV в.), Оганнесь Ерзынкайскій (XIV—XV в.), Григорій Ахтамарскій (XVI в.), Наапеть Кучакъ (XVI в.), Нагашъ Ионатанъ (XVII в.), Саять-Нова (XVIII в.) и лучшіе поэты современной Арменіи, все это—имена, которыя должно помнить и чтить всѣмъ, кому дорога поэзія, наравнѣ съ именами любимыхъ лириковъ другихъ народовъ: Сафо и Овидія, Гафиза и Омара-Хайама, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлена...

Но въ то же время, армянская поэзія, взятая въ ея цѣломъ, представляетъ другой, также выдающійся интересъ: историческій. Поэзія всегда—вѣрное зеркало народной души; поэтъ, даже думая, что воспѣваетъ свои личныя, скромныя радости, свои личныя, маленькія скорби, бессознательно, непримѣтно для самого себя, всегда поетъ о великихъ торжествахъ или о великихъ печаляхъ всей своей родины; въ созданіяхъ художниковъ всегда воплощены переживанія родного народа. И многообразная исторія Арменіи, сплетенная за двадцать пять столѣтій съ судьбами всѣхъ народовъ нашего міра, ассиро-вавилонянь, древне-персовъ, грековъ, римлянъ, парсовъ, византійцевъ, новоперсовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ, народовъ новой Европы, русскихъ, отчасти также съ судьбами Индіи, Китая, Африки, Америки,—эта исторія живыми отголосками, далекими эхо живетъ въ армянской поэзіи. Народы, давно сошедшіе съ міровой сцены, оставили слѣды въ народной душѣ Арменіи, и эти слѣды таинственно оживаютъ въ стихахъ армянскихъ поэтовъ. Прислушиваясь, мы слышимъ въ средневѣковой армянской лирикѣ отзвуки сѣдой, намъ еле вѣдомой старины... А въ созданіяхъ ново-армянской поэзіи оживаетъ передъ нами жизнь современной Арменіи, тоже мало-извѣстная намъ жизнь цѣлаго народа, своеобразная, красочная, также связанная незримыми нитями съ отдаленнѣйшими вѣками.

Для русскаго читателя армянская поэзія, въ ея цѣломъ, есть

новый міръ, въ которомъ путникъ видитъ неизвѣстные ему цвѣты и деревья, невѣдомыхъ птицъ и животныхъ, впервые наблюдаемые обычаи и церемоніи. Такой была армянская поэзія для меня, и я надѣюсь, что сходное впечатлѣніе испытаютъ и всѣ другіе читатели. Но важнѣе, что армянская поэзія есть именно міръ красоты, что она обогащаетъ новыми сокровищами тотъ пантеонъ поэзіи, который каждый культурный человѣкъ воздвигаетъ въ своей душѣ, чтобы хранить въ немъ прекрасныя созданія поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Въ этомъ пантеонѣ мирно стоятъ рядомъ творенія генія французскаго и генія нѣмецкаго; поэмы индусскихъ поэтовъ или японскія танки со стихами классиковъ Эллады и Рима; пѣсни первобытныхъ скандинавовъ, грозная Элда, пѣснь о Нибелунгахъ, съ утонченными строфами Китса, съ загадочными балладами Эдгара По; достиженія пѣвцовъ, жившихъ на зарѣ нашей эры, съ попытками поэтовъ послѣднихъ дней. Въ этомъ же храмѣ, по праву, должны занять свое мѣсто и лучшія созданія генія армянскаго,—прежде всего поэмы средневѣковыхъ поэтовъ Арменіи и плѣнительныя пѣсни ашуга Саятъ-Новы. Знакомство съ армянской поэзіей должно быть *обязательно* для каждаго образованнаго человѣка, какъ обязательно для него знакомство съ эллинскими трагиками, съ «Комедіей» Данте, драмами Шекспира, съ поэмами Виктора Гюго. Поскольку изданіе, редактированное мною, сдѣлаетъ это доступнымъ для русскаго читателя, судить, конечно, не мнѣ,—но задача, которую я себѣ ставилъ, была именно такова: открыть передъ русскими читателями поэтическій міръ Арменіи.

Мнѣ хотѣлось бы еще, чтобы предлагаемая книга не оказалась лишней и для читателя-армянина, владѣющаго русскимъ языкомъ. Прежде всего произведенія армянскихъ поэтовъ прошлыхъ вѣковъ до сихъ поръ не собраны въ популярныхъ, легкодоступныхъ изданіяхъ, но разсѣяны по разнымъ специальнымъ сборникамъ и журналамъ, а частью, остаются еще въ рукописи. Въ нашемъ изданіи читатель-армянинъ найдетъ подборъ образцовъ поэзіи разныхъ эпохъ, что можетъ вполнѣдствіи, до нѣкоторой степени, быть руководствомъ при чтеніи поллинниковъ. Кромѣ того, произведенія прошлыхъ вѣковъ Арменіи написаны на языкѣ, который требуетъ уже особаго изученія отъ современнаго армянина. Не всѣ имѣли случай и возможность заняться такимъ изученіемъ. Несомнѣнно, въ среднемъ кругу армянскаго

общества, среди тѣхъ, кто не посвятилъ себя научнымъ работамъ, найдутся лица, которыя впервые прочтутъ, на русскомъ языкѣ, нѣкоторыя поэмы армянскихъ средневѣковыхъ поэтовъ. Если это чтеніе побудитъ такихъ лицъ заняться изученіемъ классическаго и старо-армянскаго языка, чтобъ въ подлинникѣ насладиться красотой стиховъ, неизбежно поблѣднѣвшей въ переводѣ,—я, какъ редакторъ даннаго изданія, уже сочту себя нравственно удовлетвореннымъ и вознагражденнымъ за свой трудъ. Наконецъ, даже лицамъ, знакомымъ съ армянской поэзіей въ оригиналѣ, можетъ быть, не безынтересно будетъ перечестъ тѣ же стихи въ томъ истолкованіи, которое пытались имъ дать мы, русскіе поэты, отнесшіеся къ поставленной намъ задачѣ со всей серьезностью, со всѣмъ вниманіемъ, со всей любовью. Такія созданія, какъ лирика армянскаго Средневѣковья, никогда не устаешь перечитывать, въ какой бы одеждѣ ни представали они передъ нами. И я не могу, въ заключеніе, не повторить словъ, сказанныхъ мною въ другомъ мѣстѣ, когда я примѣнилъ къ этой лирикѣ четверостишіе Фета о поэзіи Тютчева: эти стихи вправѣ повторять каждый армянинъ, думая о расцвѣтѣ лирической поэзіи въ Средніе вѣка своей родной страны:

Вотъ нашъ патентъ на благородство,—
Его вручаетъ намъ поэтъ:
Здѣсь — духа мощнаго господство,
Здѣсь — утонченный жизни цвѣтъ.

Далѣе тотъ же поэтъ говоритъ:

У чуждей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не прндетъ.

И, дѣйствительно, есть народы, даже среди тѣхъ, которыхъ превратности исторической судьбы дѣлали временными господами надъ армянами,—народы, которые не могутъ назвать, въ числѣ своихъ писателей, ни одного имени, достойнаго стоять рядомъ съ лучшими лириками армянскаго Средневѣковья, дававшими разъ навсегда «патентъ на благородство» родному армянскому народу.

II.

ЗАДАЧИ ИЗДАНИЯ.

Поэзія Арменіи, за послѣднія десятилѣтія, не разъ привлекала вниманіе русскихъ поэтовъ, и въ различныхъ изданіяхъ, — въ журналахъ, газетахъ, альманахахъ,—было напечатано не мало произведеній армянскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ: Я. Полонскаго, К. Бальмонта, И. Бунина, Ю. Веселовскаго, И. Бѣлоусова, С. Головачевскаго, П. Сухотина, С. Потресова - Яблоновскаго, Л. Уманца, И. Гриневской, О. Чюминой и др.; былъ также изданъ рядъ отдѣльныхъ книгъ, въ которыхъ собраны русскіе стихотворные переводы съ армянскаго: сборники, посвященные Р. Патканьяну, Смбату Шахъ-Азизу, Ов. Туманьяну («Парвана» и др.), А. Исаакіану («Цвѣты Араза» и др.), «Современные армянскіе поэты», «Армянскіе беллетристы и поэты», «Современная армянская литература, вып. 1, поэзія», «Армянская Муза», и др.,—перечень которыхъ данъ въ нашей «Библиографіи». Большинство этихъ переводовъ и изданій было сдѣлано со вниманіемъ и съ любовью къ дѣлу, и можно сказать, что переводчики и издатели, большею частью, вполне достигали поставленныхъ ими себѣ цѣлей. Однако, русскіе переводчики, за весьма немногими исключеніями (напр., переводы Я. Полонскаго, А. Гарденина, Авреліана—стиховъ Саятъ-Новы, поэта XVIII в.), обращались только къ *новой* армянской поэзіи, т.-е. къ дѣятельности армянскихъ поэтовъ послѣдняго столѣтія. Поэтическія богатства средневѣковой лирики и народныхъ пѣсенъ оставались незатронутыми. Кромѣ того, многіе издатели и переводчики, при выборѣ образцовъ, болѣе стремились, повидимому, ознакомить читателей съ настроеніями народа, съ идеями поэтовъ, нежели дать представленіе о художественномъ уровнѣ армянской поэзіи.

Сборникъ, нынѣ предлагаемый вниманію читателей, въ отличіе отъ изданныхъ ранѣе, имѣетъ двѣ задачи: во-первыхъ, представить, въ характерныхъ образцахъ, въ русскомъ переводѣ, по возможности *всю поэзію Арменіи*, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, на всемъ протяженіи ея, полутора-тысячелѣтняго, существованія; во-вторыхъ, положить въ основу выбора *художественную цѣнность*, какъ творчества отдѣльныхъ

поэтовъ, такъ и каждого отдѣльнаго произведенія, чтобы стихи, объединенные въ книгѣ, были высшими художественными достиженіями армянской поэзіи въ различные періоды ея развитія. Можно надѣяться, что этимъ будутъ въ то же время охарактеризованы и настроенія народа, идеи, руководившія его жизнью, потому что знакомство съ поэзіей народа, въ его цѣломъ, всего вѣрнѣе знакомитъ и съ самимъ народомъ, и произведенія, наиболѣе совершенныя въ художественномъ отношеніи, всегда оказываются и наиболѣе характерными. Помимо того, высокія достиженія въ области искусства служатъ лучшимъ показателемъ культурнаго уровня народа и даютъ благородное право на вниманіе другихъ націй, независимо отъ тѣхъ или иныхъ превратностей исторической судьбы.

Сообразно съ такимъ общимъ замысломъ, сборникъ «Поэзія Арменіи» раздѣленъ на три части или отдѣла: 1) *Народная поэзія*; 2) *Поэзія Средневѣковья и поэзія ашуговъ*; 3) *Новая поэзія*.

Первая часть обнимаетъ народную поэзію стараго и новаго времени и распадается на два подотдѣла: лирическихъ пѣсенъ и эпическихъ созданій. Во главѣ *лирическихъ пѣсенъ* поставлены стихи, которые можно датировать болѣе отдаленными эпохами: пѣсня о рожденіи Ваагна, сохраненная Моисеемъ Хоренскимъ, и относящаяся еще къ языческой порѣ; отрывокъ, представляющій, повидимому, христіанскую переработку также еще языческаго гимна; лирической отрывокъ исторической пѣсни о царѣ Артасешѣ и др. Далѣе идутъ народныя пѣсни, время возникновенія которыхъ установить затруднительно, но которыя всѣ и понынѣ живутъ въ памяти и въ устахъ народа. Нами взяты онѣ изъ различныхъ сборниковъ, какъ въ научныхъ изданіяхъ, такъ и популярныхъ, — изъ «пѣсенниковъ» («ергаранъ» и «тагаранъ», въ томъ числѣ и рукописныхъ, еще не напечатанныхъ, хранящихся въ библиотекѣ Эчмиадзина). При выборѣ стихотвореній, мы, въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ обще-эстетическаго принципа, руководились еще желаніемъ — представить различные типы армянской народной пѣсни. Поэтому, рядомъ съ пѣснями любовными мы помѣстили пѣсни обрядовыя, свадебныя, колыбельныя, заплачки, наконецъ, — военныя, создавшіяся въ новое время, какъ, напр., Зейтунскій маршъ. Произведеній *эпическаго склада* дано нами два: стихотворная сказка о владыкѣ Асланѣ и значительная часть (почти вся первая половина избраннаго нами варианта) эпоса о Давидѣ Сасунскомъ.

Вторая часть, поэзія Средневѣковья и пѣсни ашуговъ, распадается на три подотдѣла. Въ первомъ подотдѣлѣ собраны образцы ранней *религіозной поэзіи* (V—XII вв.), въ стихахъ Григорія Нарекскаго, въ церковныхъ «шараканахъ» и въ произведеніяхъ (лирическихъ и эпическихъ) Нерсеса Благодатнаго. Во второмъ подотдѣлѣ представлены *лирики армянскаго Средневѣковья* и позднѣйшіе поэты, тѣсно примыкающіе къ нимъ по характеру своей поэзіи (XIII—XVII в.), причѣмъ особое вниманіе обращено на эпоху XV—XVI в., когда творчество армянскихъ лириковъ достигло своего высшаго расцвѣта. Въ третьемъ подотдѣлѣ даны пѣсни *ашуговъ*; центральное мѣсто занимаетъ здѣсь замѣчательнѣйшій и знаменитѣйшій среди нихъ—Саятъ-Нова (XVIII в.), но сохранены образцы также болѣе ранняго и болѣе поздняго времени, вплоть до стиховъ нашего современника—ашуга Дживани. При выборѣ стихотвореній, въ этомъ второмъ отдѣлѣ, мы, останавливаясь на лучшемъ, художественно наиболѣе значительномъ, постоянно стремились—показать также поступательный ходъ развитія армянской поэзіи, ея эволюцію отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, постепенное утонченіе и углубленіе, какъ темъ, такъ и творческихъ пріемовъ автора. Въ виду этого мы старались дать образцы творчества каждаго отдѣльнаго столѣтія (отъ XIII до XVIII) и каждаго обособленнаго періода. Наконецъ, по мѣрѣ возможности, мы заботились и объ отраженіи въ избранныхъ стихахъ историческихъ моментовъ, переживавшихся Арменіей въ различныя эпохи.

Третья часть, новая поэзія, раздѣлена на два подотдѣла: *поэзія русскихъ армянъ и турецкихъ (константинопольскихъ) армянъ*. Эволюція этихъ двухъ школъ, въ первое время ихъ существованія, шла настолько раздѣльно, и ихъ художественныя устремленія настолько разнились между собой, что мы не сочли возможнымъ расположить всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ въ одной общей хронологической послѣдовательности. При всемъ томъ, мы задавались цѣлью дать въ этой части характеристики всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, если только ихъ творчество представлялось намъ имѣющимъ художественный интересъ. Само собой разумѣется, что, при выборѣ стихотвореній, въ этой части, мы никогда не теряли изъ виду исторической точки зрѣнія, давая широкое мѣсто поэтамъ, дѣятельность которыхъ оказала опредѣленное

вліяніе на художественное развитіе армянской литературы, но не могли, однако, во всемъ слѣдовать сложившимся традиціямъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ писателей. Въ частности, мы считали необходимымъ руководствоваться установившимися взглядами преимущественно по отношенію къ поэтамъ старшихъ поколѣній, дѣятельность которыхъ уже стала достояніемъ исторіи. Напротивъ, по отношенію къ поэтамъ болѣе молодымъ, многіе изъ которыхъ еще не успѣли вполне опредѣлиться, и дѣятельность которыхъ еще всецѣло подлежитъ критикѣ, мы считали себя вправѣ дать больше простора нашимъ личнымъ сужденіямъ. Такъ, напр., мы помѣстили въ концѣ этой части нѣсколько стихотвореній поэтовъ, имена которыхъ еще не пользуются извѣстностью, что, однако, отнюдь не показываетъ отрицательнаго отношенія къ другимъ, чьи стихи не нашли себѣ мѣста въ сборникѣ. Касаясь новѣйшихъ явленій литературы, каждая, антологія неизбежно становится, до извѣстной степени, вышкой, и читатели должны смотрѣть на нѣсколько стихотвореній молодыхъ поэтовъ, включенныхъ въ нашу книгу, лишь какъ на образчики новѣйшей армянской поэзіи, избранные болѣе или менѣе случайно среди ряда другихъ, не менѣе достойныхъ вниманія.

Выборъ всѣхъ стихотвореній, включенныхъ въ нашу книгу, былъ сдѣланъ, конечно, по подлинникамъ, послѣ внимательнаго просмотра всего написаннаго въ данную эпоху или даннымъ поэтомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историческое и художественное значеніе писателя позволяло, мы старались, въ самомъ подборѣ стиховъ одного поэта, характеризовать различныя стороны его дарованія и даже ходъ его развитія. Такъ могли мы поступить по отношенію къ такимъ, напр., поэтамъ, какъ Наапеть Кучакъ, Саятъ-Нова, І. Іоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ. Въ другихъ случаяхъ, выбирая у поэтовъ одно или два стихотворенія, мы не рассчитывали, конечно, дать полное понятіе объ ихъ поэтической дѣятельности, но имѣли въ виду охарактеризовать опредѣленное направленіе въ литературѣ или опредѣленный типъ творчества. Это равно относится какъ къ поэтамъ прошлыхъ вѣковъ, напр., къ стихотворенію Іереміи Кемурджіана, такъ и къ авторамъ новаго періода, напр., стихамъ г-жи Ш. Кургиньянъ. Однако, при всѣхъ условіяхъ, мы давали мѣсто въ книгѣ лишь тому, что удовлетворяло требованіямъ художественности.

Нѣтъ сомнѣнiя, что, при всемъ нашемъ желанiи, какъ можно полнѣе представить эволюцiю армянской поэзи, въ нашемъ выборѣ сказалась извѣстная доля субъективности. Но, въ свое оправданiе мы должны указать, что въ осуществленiи нашей задачи встрѣчалось не мало и внѣшнихъ затрудненiй. Такъ, инья стихотворенiя, которыя мы же, ли бы видѣть въ нашемъ сборникѣ, не помѣщены потому, что мы не могли получить ихъ переводы, которые насъ удовлетворили бы. Другiя имена отсутствуютъ въ книгѣ потому, что мы не могли получить самыхъ сочиненiй нѣкоторыхъ поэтовъ. Это относится, напр., къ стихотворенiямъ Егиа Демирчибашьяна, до сихъ поръ не соединеннымъ въ отдѣльномъ сборникѣ, но разсѣяннымъ по старымъ, нынѣ недоступнымъ, журналамъ и газетамъ. Значительнымъ препятствiемъ служили намъ и обстоятельства военнаго времени, по которымъ совершенно прекратились сношенiя съ Константинополемъ и весьма затруднились—съ Западной Европой. Наконецъ, самые размѣры нашего сборника заставляли насъ ограничивать свой выборъ только наиболѣе важнымъ и наиболѣе характернымъ, оставляя въ сторонѣ, напр., авторовъ, которые лишь изрѣдка писали стихи и главнсе значенiе которыхъ въ романѣ, какъ, напр., Хачатура Абовiана, Раффи и др. Нѣкоторыя объясненiя нашего выбора даны нами въ «Примѣчанiяхъ», гдѣ перечислены имена тѣхъ, болѣе извѣстныхъ, армянскихъ поэтовъ, произведенiя которыхъ, по разнымъ причинамъ, не включены въ нашъ сборникъ,

Что касается самаго перевода, то, во-первыхъ, оцѣнка его достоинства принадлежитъ не намъ, а, во-вторыхъ, мы можемъ говорить лишь о томъ идеалѣ, который ставили себѣ въ этомъ отношенiи. Прежде всего мы заботились съ томъ, чтобы переводчикъ, какъ можно лучше, былъ ознакомленъ съ подлинникомъ. Такъ какъ отъ громаднаго большинства русскихъ поэтовъ нельзя было требовать знанiя армянскаго языка, то въ основу всѣхъ переводовъ положенъ буквальный подстрочный переводъ и правильная транскрипцiя армянскаго текста, освѣдомлявшая переводчика о ритмической и звуковой сторонѣ оригинала. Каждый исполненный переводъ затѣмъ вновь провѣрялся по подлиннику и, въ случаѣ надобности, подвергался (самимъ переводчикомъ или редакторомъ) новой переработкѣ, исправленiямъ и усовершенствованiямъ. Нашей конечной, идеаль-

ной цѣлью было получить, на русскомъ языкѣ, *точное воспроизведеніе оригинала* въ такой мѣрѣ, чтобы читатель могъ *довѣрять* переводамъ и былъ увѣренъ, что по нимъ онъ знакомится съ созданіями *армянскихъ* поэтовъ, а не *русскихъ* переводчиковъ.

Въ частности мы считали, что стихотворный переводъ долженъ не только вѣрно передавать содержаніе оригинала, но и воспроизводить всѣ характерныя отличія его формы. Первой задачей, по отношенію къ *формѣ*, являлся выборъ стиха, соответствующаго *метру и ритму* подлинника, насколько это осуществимо при разницѣ стихосложенія русскаго (тоническое) и армянскаго (силлабическое). Однако, мы не доводили своихъ требованій до педантизма и не настаивали на сохраненіи тѣхъ особенностей, которыя зависятъ отъ свойствъ самаго языка: напр., вмѣсто постоянной *мужской рифмы*, господствующей въ армянскихъ стихахъ (такъ какъ въ армянскомъ языкѣ, въ литературномъ произношеніи, почти всѣ слова имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ), допускали чередованіе рифмъ мужскихъ и женскихъ, обычное въ русскихъ стихахъ. Напротивъ, мы искали строгаго соблюденія техники оригинала въ построеніи стихотвореній, т.-е. *формы строфы, чередованія рифмъ* и т. п., такъ что число стиховъ въ переводѣ (за немногими исключеніями, которыя были вызваны особыми соображеніями) всегда соответствуетъ оригиналу. Наконецъ, настойчивое вниманіе обращалось на соблюденіе *звуковой стороны стиха*, т.-е. какъ ассонансовъ, аллитерацій, звукоподражаній, такъ особенно «звукописи» или «словесной инструментовки», составляющей особое очарованіе средневѣковой лирики. Что касается *содержанія*, то здѣсь идеаломъ было: сохранить и въ стихотворной передачѣ подстрочную близость къ тексту, посколькy она допускается духомъ языка, сохранить всѣ образы подлинника и избѣгать всякихъ произвольныхъ добавленій.

Определенно отказались мы отъ воспроизведенія *различій въ языкѣ* разныхъ эпохъ и отдѣльныхъ поэтовъ. Стихи, собранные въ книгѣ, можно раздѣлить по языку на нѣсколько группъ. Небольшая часть (гимны Григорія Нарекскаго, Нерсеса Благодатнаго и др.) написаны на древнемъ классическомъ языкѣ (грапарь); произведенія среднихъ вѣковъ—на средневѣковомъ; народныя пѣсни и пѣсни ашуговъ—на различныхъ діалектахъ; стихи новыхъ поэтовъ—на двухъ, нѣсколько отличныхъ одинъ

отъ другого, нарѣчіяхъ ново-литературнаго языка, иногда съ преднамѣренной примѣсью мѣстныхъ говоровъ, и т. п. Всѣ наши переводы сдѣланы на одномъ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ и переводы народныхъ пѣсенъ). Поступая такъ, мы имѣли въ виду соображеніе, что, въ концѣ концовъ, всѣ наши оригиналы также написаны на одномъ армянскомъ языкѣ, только въ разныхъ стадіяхъ и формахъ его развитія. Въ тѣ дни, когда писалъ тотъ или другой поэтъ, напр. данный лирикъ Средневѣковья,—къ языку, который онъ употреблялъ, его читатели относились совершенно такъ же, какъ относится теперь русскій читатель къ современному литературному языку. Что же касается діалектическихъ особенностей, вводимыхъ нѣкоторыми поэтами для приданія своимъ стихамъ «мѣстнаго оттѣнка» (*couleur locale*), то отъ ихъ передачи мы также отказались, по трудности отыскать въ русскомъ языкѣ соответствующіе эквиваленты.

Необходимо, однако, сдѣлать, ко всему сказанному о переводѣ, одну существенную оговорку. Въ виду того, что въ переводѣ участвовало значительное число лицъ, и среди нихъ—поэты, имѣющіе свою, рѣзко выраженную индивидуальность, между отдѣльными переводами оказались нѣкоторыя различія, не только въ исполненіи, но и въ самыхъ пріемахъ работы. То, что говорилось выше о принципахъ стихотворнаго перевода, вполне приложимо лишь къ переводамъ, исполненнымъ самимъ редакторомъ или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Глядя лучшихъ русскихъ поэтовъ, которые оказали огромную услугу дѣлу, посвятивъ свое дарованіе переводу армянскихъ стиховъ, пользовался, само собой разумѣется, полной свободой въ своей работѣ. Такія имена, которыми подписаны многіе переводы, какъ, напр., К. Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ, Ив. Бунинъ, Ѡ. Сологубъ, А. Блокъ (называемъ только нѣсколькихъ), служатъ достаточной порукой, что всѣ красоты, всѣ достоинства оригинала сохранены въ ихъ передачѣ. Но, въ цѣляхъ правильнаго отношенія къ предлагаемымъ образцамъ армянской поэзіи, должно отмѣтить, что приемы перевода *нѣкоторыхъ* изъ названныхъ поэтовъ, въ извѣстной степени, отличались отъ пріемовъ, положенныхъ въ основу другихъ (*значительнаго большинства*) переводовъ. Особенно приходится это отмѣтить по отношенію къ переводамъ К. Бальмонта и Вяч. Иванова. Впрочемъ, различіе это смягчается тѣмъ, что въ переводѣ Вяч. Иванова представлены,

преимущественно, произведенія *одного* поэта (рядъ лирическихъ поэмъ Ов. Туманьяна).

Переводамъ предпосланъ (кромя даннаго «объясненія») *Вступительный очеркъ* редактора, дающій очеркъ исторіи армянской лирики. Задачей этой статьи было ознакомить читателей съ возникновеніемъ и эволюціей лирической поэзіи въ Арменіи, указать на взаимоотношенія отдѣльныхъ поэтовъ, дать краткія характеристики ихъ творчества, отмѣтить основныя теченія армянской поэзіи, особенно въ новое время, и, наконецъ, предложить ея общую историко-литературную оцѣнку. Статья строго замыкаетъ свои предѣлы именно исторіей *лирики*, и не только не разсматриваетъ хода всей армянской литературы, но и касается лишь попутно другихъ формъ поэзіи (напр., созданій драматическихъ, произведеній, написанныхъ прозой, а также всего, что новыя поэты писали на классическомъ грапарѣ). Также лишь бѣгло говорится въ статьѣ объ обще-историческихъ условіяхъ, при которыхъ возникала и развивалась армянская лирика, причемъ авторъ отсылаетъ интересующихся къ другой своей статьѣ, посвященной исторіи Арменіи и изданной отдѣльно. Въ предлагаемомъ изданіи поэзія Арменіи должна говорить сама за себя, и авторъ Вступительнаго очерка счелъ себя обязаннымъ ограничиться лишь самымъ необходимымъ.

Такой же характеръ носятъ помѣщенные въ концѣ книги *Объяснительныя примѣчанія*, относящіяся: 1) къ каждому изъ семи подотдѣловъ; 2) къ отдѣльнымъ поэтамъ; 3) къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ. *Примѣчанія къ подотдѣламъ* содержатъ важнѣйшія свѣдѣнія общаго характера о данномъ родѣ поэзіи или данномъ литературномъ теченіи въ Арменіи, его возникновеніи, судьбѣ въ исторіи, оцѣнкѣ у критиковъ и историковъ и т. под. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ поэтамъ* содержатъ біографическія свѣдѣнія объ нихъ, сжатую характеристику ихъ поэзіи, необходимѣйшую бібліографію ихъ сочиненій и переводовъ на русской языкъ. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ* содержатъ нужныя реальныя поясненія, касающіяся мало-извѣстныхъ обычаевъ, предметовъ обихода армянской жизни, и т. под., и перечень другихъ русскихъ переводовъ того же произведенія; иногда здѣсь же приводится другой переводъ того же стихотворенія, по разнымъ соображеніямъ не получившій мѣста въ самомъ текстѣ книги. Все изданіе заключается общей *Библіографіей*, дающей перечень русскихъ книгъ, которыя посвящены Поэзіи Арменіи.

III.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РАБОТЪ.

Ради правильнаго распредѣленія отвѣтственности, редакция считаетъ нужнымъ указать, какъ была распредѣлена работа между сотрудниками книги.

Вопросъ събъ изданіи сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, былъ принципиально рѣшенъ Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ С. Г. Мамиконяна, причемъ было постановлено организовать особую редакціонную комиссію и пригласить редактора сборника изъ среды русскихъ писателей.

Редакціонная комиссія работала въ составѣ: К. Б. Кусикьяна (скончался), Карэна Микаэляна, А. І. Цатуріана и П. Н. Макинціана; на послѣдняго редакціей былъ возложенъ выборъ произведеній поэзіи народнои, средневѣковой и ашуговъ.

Выдающіяся услуги сборнику, по отдѣлу средневѣковой поэзіи, оказалъ своими обширными познаніями и постоянной готовностью давать всѣ необходимыя разъясненія—проф. К. Костаньянцъ, которому редакция считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую сердечную благодарность.

К. Костаньянцъ оказалъ также цѣнную услугу редакціи, способствуя ей въ полученіи необходимыхъ книгъ, какъ изъ его собственной библіотеки, такъ и изъ библіотеки Лазаревскаго Института. Редакция выражаетъ свою глубокую признательность также завѣдующему библіотекой Лазаревскаго Института,—проф. Атая.

Общую редакцію русскихъ переводовъ принялъ на себя В. Я. Брюсовъ, участвовавшій также и въ окончательномъ выборѣ произведеній, назначавшихся для перевода. Кромѣ того В. Я. Брюсову было предложено написать Вступительный очеркъ къ сборнику (историческій обзоръ армянской поэзіи).

Работа надъ стихотворнымъ переводомъ была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: В. Я. Брюсовъ переводилъ преимущественно произведенія поэзіи народнои, средневѣковой и ашуговъ, а также отдѣльныя произведенія новой поэзіи, въ томъ числѣ поэму А. Исаакіана «Абуль Ала Маари»; Вяч. И. Ивановъ переводилъ преимущественно лирическія поэмы Ов. Ту-

маньяна, въ томъ числѣ «Анушъ», «Голубинный скитъ», «Сердце дѣвы», затѣмъ отдѣльныя стихотворенія І. Іоаннисіана, Ов. Туманьяна и А. Исаакіана; К. Д. Бальмонтъ перевелъ стихи Ваана Тэріана и г-жи Сипиль, а также далъ разрѣшеніе перепечатать исполненные имъ ранѣе переводы стиховъ І. Іоаннисіана и А. Цатуріана; Ѳедоръ Сологубъ перевелъ два стихотворенія Наапета Кучака; А. А. Блокъ перевелъ рядъ стихотвореній А. Исаакіана; Ю. К. Балтрушайтисъ—стихи А. Цатуріана и В. Тэкэяна; Ю. Н. Верховскій—стихи А. Цатуріана и І. Іоаннисіана; С. В. Шервинскій—стихи Д. Варужана и Сіаманто, а также Р. Патканьяна и др.; В. Ф. Ходасевичъ—сказку Ов. Туманьяна, стихи С. Шахъ-Азиза и др. Акад. И. А. Бунинъ и Ю. А. Веселовскій дали разрѣшеніе перепечатать исполненные ими ранѣе переводы, первый—стиховъ А. Исаакіана, второй—стиховъ Р. Патканьяна и С. Шахъ-Азиза. Другіе сотрудники сборника: Н. С. Ашукинъ, В. Я. Бакулинъ, С. П. Бобровъ, К. А. Большаковъ, Е. В. Выставкина, А. П. Глоба, К. А. Липскеровъ, В. В. Спасскій, Е. А. Сырейщикова, В. Г. Шершеневичъ и др.—переводили стихотворенія отдѣльныхъ поэтовъ, исключительно изъ эпохи новой литературы.

Рисунокъ для обложки,—воспроизведеніе армянской миниатюры изъ рукописи XI вѣка,—исполнилъ художникъ М. С. Сарьянъ; рисунокъ для фронтисписа,—по образцамъ древнихъ армянскихъ миниатюръ,—художникъ В. Я. Суреньянъ.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНИИ ВѢКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Вступительный очеркъ составлень *В. Я. Брюсовымъ*.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНІИ ВѢКОВЪ.

Историко-литературный очеркъ.

1.

Двѣ силы, два противоположныхъ начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь въ нѣчто новое, единое, направляли жизнь Арменіи и создавали характеръ ея народа на протяженіи тысячелѣтій: начало Запада и начало Востока, духъ Европы и духъ Азіи. Поставленная на рубежѣ двухъ міровъ, постоянно являвшаяся ареной для столкновенія народовъ, вовлекаемая ходомъ событій въ величайшіе историческіе перевороты, Арменія, самой судьбой, была предназначена—служить примирительницей двухъ различныхъ культуръ: той, на основѣ которой выросъ весь христіанскій Западъ, и той, которая въ наши дни представлена мусульманскимъ Востокомъ. «Арменія—авангардъ Европы въ Азіи», эта, давно предложенная, формула правильно опредѣляетъ положеніе армянскаго народа въ нашемъ мірѣ. Историческая миссія армянскаго народа, подсказанная всѣмъ ходомъ его развитія,—искать и обрѣсти синтезъ Востока и Запада. И это стремленіе всего полнѣе выразилось въ художественномъ творчествѣ Арменіи, въ ея литературѣ, въ ея поэзи.

Современная наука,¹ въ теоріи, выставленной и блиста-

¹ Здѣсь я могу дать только нѣсколько намековъ на историческія судьбы Арменіи. Болѣе подробно исторія армянскаго народа изложена мною въ отдѣльной брошюрѣ, являющейся какъ бы дополненіемъ къ настоящему очерку и изданной также Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ: Валерій Брюсовъ «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», Мск. 1916.

тельно развиваемой акад. Н. Я. Марромъ, видитъ въ самомъ составѣ армянскаго народа два разнородныхъ элемента, западный и восточный. Происхожденіе армянскаго народа эта теорія связываетъ съ такъ называемымъ Киммерійскимъ движеніемъ VIII—VII в. до Р. X. Въ ту эпоху одно изъ фригійскихъ племень (слѣдовательно—индо-европейскаго корня), перебросившись, вмѣстѣ съ другими, изъ Фракіи въ Малую Азію, продвинулось на верховья рѣкъ Галиса и Евфрата и затѣмъ подчинило себѣ населеніе сосѣднихъ странъ, въ томъ числѣ Урарту и Наири, частью поработивъ, частью ассимилировавъ аборигеновъ (народъ не индо-европейскаго, по Н. Я. Марру, яфетидскаго корня). Изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ: завоевателей фригійцевъ, индо-европейцевъ по происхожденію, и покоренныхъ урартійцевъ, яфетидовъ по происхожденію, и возникла армянская народность, сочетавшая въ себѣ, такимъ образомъ, чисто-восточный элементъ (урартійцы) съ элементомъ западнымъ (фригійцы). Это подтверждается филологическимъ анализомъ армянскаго языка, показаніями античныхъ историковъ, данными археологіи, этнографіи, географіи и, наконецъ, свидѣтельствомъ народныхъ армянскихъ преданій. Мы вправѣ поэтому разсматривать армянскій народъ, въ самомъ его существѣ, какъ западно-восточный, одновременно—и азіатскій и европейскій.

Вся исторія Арменіи могла только усилить это двуединство народнаго духа, такъ какъ армянскій народъ попеременно подвергался разнымъ вліяніямъ, то со стороны своихъ восточныхъ, то—западныхъ сосѣдей. На зарѣ ея исторіи Арменіи суждено было испытать сильное воздѣйствіе персидскаго *иранизма*, такъ какъ она входила, какъ отдѣльная сатрапія, въ составъ державы древне-персовъ (съ VI по конецъ IV в. до Р. X.) Армянами управляли персидскіе сатрапы, армяне судились по персидскимъ законамъ и участвовали въ персидской арміи; въ народѣ получилъ широкое распространеніе персидскій языкъ и многіе чисто-персидскіе обычаи; наконецъ, въ значительной степени усвоили армяне и національную религію древне-персовъ. Персы—народъ аrio-европейскаго корня; ихъ языкъ принадлежитъ къ семьѣ арійскихъ языковъ. Но держава древне-персовъ была прямой наслѣдницей ассиро-вавилонской (семитической) имперіи. Персы испытали могучее давленіе той семитической культуры, которая сложилась, за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры, въ Передней Азіи, преимущественно въ бассейнахъ

Тигра и Евфрата, включивъ въ себя и элементы культуры Египта, съ которымъ ассиро-вавилоняне были въ постоянныхъ сношеніяхъ. Поддаваясь иранизації, армяне восприняли и извѣстную долю культурныхъ началъ Ассиро-Вавилоніи.

Періодъ персидскаго господства оставилъ глубокіе слѣды на всемъ характерѣ армянскаго народа, которые можно, въ слѣдующіе вѣка, слѣдить въ нравахъ, въ вѣрованіяхъ, въ государственномъ строѣ. Персидскій языкъ, напр., былъ настолько распространенъ въ Арменіи, что его знали даже женщины (свидѣтельство Ксенофонта), и несомнѣнно, что еще въ эту раннюю эпоху въ армянскій языкъ проникло множество иранскихъ корней. Армянскій пантеонъ почти совпадалъ съ иранскимъ, и Страбонъ писалъ, что «всѣ святины персовъ чтутся также и армянами», на что указываютъ самыя имена армянскихъ боговъ: Арамазда, Анаитъ, Тиръ, Михра; были переняты армянами и идеи зароастризма. Дворъ армянскаго царя, съ его официальнымъ титуломъ «царь царей», до послѣднихъ временъ былъ сколкомъ съ роскоши персидскаго царскаго двора. Вообще влеченіе къ пышности, великолѣпію, торжественности было въ значительной степени, усвоено армянами подъ воздѣйствіемъ ихъ восточныхъ сосѣдей и, одно время, господъ.

Противовѣсомъ этому вліянію явилось могущественное вліяніе *эллинизма*, который сталъ быстро распространяться на Востокъ послѣ походовъ Александра Великаго (ум. въ 323 г.), и возникновенія въ Азіи новыхъ полу-греческихъ государствъ. Македонское завоеваніе какъ бы распахнуло двери на Западъ для всей Передней Азіи, которая цѣлыя тысячелѣтія жила обособленной, замкнутой жизнью. Въ теченіе ближайшихъ трехъ столѣтій (съ конца IV до середины I в. до Р. Х.) благотворный духъ Эллады, вѣя надъ Арменіей, во многомъ видоизмѣнилъ идеи, міросозерцаніе и самый характеръ народа. Умиравшая Греція передала, какъ многимъ другимъ странамъ, такъ и Арменіи, свои послѣдніе вздохи, оплодотворившіе всю европейскую культуру. Поддаваясь эллинизации, армяне тѣмъ самымъ становились причастны безсмертному источнику красоты и мысли, изъ котораго и нынѣ мы почерпаемъ наши лучшіе идеалы.

Результаты эллинизации уже опредѣленно сказались въ Арменіи къ эпохѣ Тиграна Великаго (95—56 г. до Р. Х.) и его преемниковъ. По крайней мѣрѣ, высшіе классы армянскаго общества находились тогда подъ несомнѣннымъ греческимъ

вліяніемъ. Армянская архитектура того времени носила отпечатокъ эллинскаго художества; въ армянскихъ храмахъ появились статуи олимпійцевъ, отождествленныхъ съ національными божествами; образованные армяне понимали по-гречески, читали греческихъ писателей, интересовались греческимъ искусствомъ; существовало обыкновение—посылать юношей, чтобы закончить ихъ образованіе, въ Афины и другіе научные центры Эллады. Мы знаемъ, что ко двору армянскаго царя приглашались эллинскіе риторы, поэты, ученые, художники; что въ столицахъ Арменіи, въ придворномъ театрѣ, исполнялись пьесы великихъ трагиковъ Эллады; что сынъ Тиграна Великаго, царевичъ (впослѣдствіи—царь) Артаваздъ II, самъ писалъ драмы и стихотворенія на греческомъ языкѣ. Глубоко въ массу народа это эллинское вліяніе, повидимому, не проникало, но все же творческое воздѣйствіе его явно выразилось потомъ во всѣхъ прясвленіяхъ духовной жизни Арменіи.

Попутно должно отмѣтить, что въ ту эпоху, когда случайности историческихъ судебъ вознесли, одно время, Арменію до высоты настоящей «имперіи», когда владѣнія армянскаго «царя царей» простерлись «отъ Куры до Иордана и отъ горъ Мидійскихъ до Киликійскаго Тавра»,—армянскій народъ принялъ въ себя новую волну восточной стихіи,—*семитической*. Тигранъ Великій и Артаваздъ II доходили въ своихъ завоеваніяхъ до предѣловъ Іудеи и нашли полезнымъ переселить въ свою страну значительное количество евреевъ (армянскіе историки увѣряютъ, что до 100.000 семействъ). Позднѣе нѣкоторыя знатнѣйшія армянскія фамиліи выводили свое происхожденіе именно отъ этихъ іудейскихъ выходцевъ и даже прямо отъ царя Давида Псалмопѣвца. Разумѣется, эта волна эмигрантовъ не могла имѣть существеннаго вліянія на составъ народа, но нѣкоторые слѣды въ его характерѣ оставить могла, какъ и вообще разныя другіе народности Малой Азіи, въ тѣ десятилѣтія, когда армянскіе цари-завоеватели совершали свои походы отъ Каспійскаго моря къ Средиземному и отъ береговъ Понта Эвксинскаго до глубинъ Месопотаміи, когда вновь смѣшивались племена, когда строились новые города (какъ великолѣпная столица Тиграна—Тигранакертъ) и заселялись выходцами съ разныхъ концовъ земли, и когда сокровища, въ томъ числѣ и художественныя, накопленныя вѣками, текли изъ завоеванныхъ странъ въ предѣлы своей властительницы—Арменіи.

Послѣ вступленія Рима въ число азіатскихъ державъ и послѣ распространенія по всему Востоку римскаго могущества, постепенно забиравашаго подъ свою тяжелую руку царства и народы,—Арменія не могла не поддаться новой, сильной волнѣ западнаго вліянія, на этотъ разъ *романизации*. Римляне появились въ Азіи въ началѣ II в. до Р. Х. (189 г. битва при Магнесіи), но Арменія долго сопротивлялась римскому воздѣйствію: романизации противился эллинизмъ высшихъ классовъ общества и иранизмъ народныхъ массъ. Высшіе классы видѣли въ римлянахъ—варваровъ, поработителей Эллады; народъ тянулъ въ сторону сосѣдней, родственной по обычаямъ и по религіи, Парѣи, которая во многсмъ была преемницей персидской державы. Въ теченіе трехъ столѣтій (отъ середины I в. Р. Х. и до середины III в. по Р. Х.) борьба между Западомъ и Востокомъ, въ Арменіи, воплощалась въ формѣ борьбы «партіи римской» и «партіи пареской». Потребовались цѣлые вѣка, чтобы романизация достигла успѣховъ въ Арменіи, и нужны были коренные перевороты въ политическихъ отношеніяхъ, чтобы Арменія, уже въ III в. по Р. Х., тѣсно сблизилась съ Римомъ и стала его вѣрною союзницей.

Первоначальныя отношенія между Арменіей и Римомъ были враждебныя. Поступательное движеніе римлянъ на Востокъ грозило утратой самостоятельности всѣмъ мѣстнымъ государствамъ, что вызывало естественныя коалиціи азіатскихъ царствъ противъ Рима. Такой коалиціей были и союзы Тиграна Великаго съ Митридатомъ понтійскимъ (Эвпаторомъ) или Артавазда II съ царемъ парескимъ Ородомъ. И, въ общемъ, за всѣ три столѣтія, до возникновенія ново-персидской державы, армяне всегда оставались естественными врагами Рима, хотя не разъ, уступая угрозамъ силы, выступали, какъ союзники римлянъ. Римъ не былъ въ силахъ поработить Арменію; медали, выбитыя римлянами съ надписями: «*Armenia devicta*», «*Armenia reserpta*», «*Armenia capta*» и т. под., были лишь хвастовствомъ; вассалитетъ Арменіи, котораго добился Римъ, былъ (по признанію Моммсена) «лишенъ внутренняго содержанія»; попытка Траяна обратить Арменію въ римскую провинцію не удалась, не продержалась и года, и т. д. Но удары, которые Римъ наносилъ Арменіи: походы Суллы, Лукулла, Помпея, Антонія, Корбулона и др., обезсилили ее; римляне, дѣйствуя шагъ за шагомъ, принудили Арменію отка-

заться отъ всѣхъ своихъ завоеваній и постепенно замкнули ее въ ея естественныя границы, низвели съ высоты «имперіи» на степень національнаго царства, которое, позднѣе, уже не могло сопротивляться своимъ сильнымъ сосѣдямъ.

При всемъ томъ постоянныя сношенія съ Римомъ, то враждебныя, то дружественныя, неизбежно вводили въ Арменію элементы романской культуры. Уже Тигранъ Великій вступилъ въ рядъ «друзей и союзниковъ римскаго народа» и сыну своему завѣщаль союзъ съ Римомъ, какъ залогъ благополучія царства. Новыя войны съ римлянами привели въ Арменію много военнопленныхъ-италійцевъ; за ними послѣдовали римскіе купцы. Антоній, со всей арміей, принужденъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Арменіи (37 г. до Р. Х.); Августъ отправилъ въ Арменію особое посольство, во главѣ съ Тиберіемъ Клавдіемъ, будущимъ принцепсомъ (20 г. до Р. Х.); позднѣе съ посольствами являлись—Гай Цезарь, усыновленный Августомъ (1 или 2 г. по Р. Х.) и Германикъ (18 г. по Р. Х.). На армянскій престолъ стали всходить—возводимыя, разумѣется, проискама Рима,—лица, получившія римское воспитаніе (Тигранъ V, Тигранъ VI и др.) Царь Тиридатъ (58—59 и 62—107 г. по Р. Х.), послѣ долгой (и, во многихъ отношеніяхъ, побѣдоносной) войны съ римлянами, согласился лично поѣхать въ Римъ и принять армянскую корону изъ рукъ Нерона. Съ Тиридатомъ ѣхало много знатныхъ армянъ; города, по пути, устраивали имъ торжественныя встрѣчи; въ Неаполѣ и въ Римѣ въ честь царя были даны пиры, праздники, представленія въ театрахъ, игры въ циркѣ. Уѣзжая обратно, Тиридатъ повезъ съ собой много италійскихъ художниковъ, мастеровъ, рабочихъ для возстановленія разрушенныхъ, во время войны, городовъ и храмовъ.

Начиная со II в. по Р. Х., культурное вліяніе Рима начинаетъ явственно сказываться въ Арменіи. Это подтверждаютъ и данныя археологіи,—извѣстныя раскопки въ Гарни (древняя Гарнея), гдѣ найденъ храмъ, относящійся къ II—III в. и совпадающій съ формами римской архитектуры того времени. То же вліяніе отразилось въ нѣкоторыхъ деталяхъ другихъ археологическихъ находокъ. Надобно предположить, что распространялось среди армянъ также знаніе латинскаго языка и римской литературы. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что армянскіе юноши, для окончанія образованія, стали ѣздить въ Римъ, какъ раньше ѣздили въ Аѳины. Впрочемъ, армяне могли знакомиться съ ла-

тинскимъ языкомъ и на родинѣ, такъ какъ, въ теченіе всего II в., въ разныхъ армянскихъ городахъ стояли римскіе гарнизоны. Въ предѣлахъ древней Арменіи теперь находятъ не мало латинскихъ надписей; въ одной греческой надписи царя Тиридата (III в.) мѣсяць доименованъ латинскимъ названіемъ (февраль), и т. д.

Противовѣсомъ римскому вліянію служила въ Арменіи «пареская партія», вліяніе которой поддерживало въ народѣ вражду къ Риму, ко всему, идущему съ Запада. Парсеія, во многомъ, была близка Арменіи, такъ какъ сложилась при сходныхъ условіяхъ; между двумя народами, армянами и парсеями, существовали давнія связи родства, общности въ нравахъ, почти единства въ вѣрованіяхъ. Кромѣ того союзъ съ Парсеіей давалъ надежду на сохраненіе политической независимости, тогда какъ сближеніе съ Римомъ означало подчиненіе ему, переходъ въ состояніе вассальной зависимости (что римляне подчеркивали, требуя, чтобы армянскіе цари принимали корону изъ рукъ представителя Рима). Въ серединѣ I в. по Р. Х. парсеамъ удалось возвести на армянскій престолъ свою династію (къ ней принадлежалъ и Тиридатъ I, ѣздившій въ Римъ). Династія скоро націонализовалась, но осталась въ родственныхъ отношеніяхъ съ парескими царями, что тоже должно было способствовать жизненности, въ Арменіи, началъ, общихъ съ Парсеіей. Стоявшая не на высокой ступени культуры, Парсеія не могла вліять на Арменію въ прямомъ смыслѣ слова, но союзъ и общеніе съ парсеями укрѣплялъ въ армянахъ традиціонные, иранскіе элементы. Такимъ образомъ, въ Арменіи, которая одновременно и романизовалась и влеклась къ своему иранскому сосѣду, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно.

Оріентація Арменіи рѣзко измѣнилась, когда, послѣ паденія парескаго царства (около 226 г.), на его мѣстѣ возникла держава ново-персовъ. Сассаниды, занявъ престолъ парескихъ царей, опредѣленно порвали съ традиціями своихъ предшественниковъ. Полные мечтами о быломъ величіи персидской монархіи, ново-персы стали стремиться къ тому, чтобы возстановить въ своей землѣ древніе персидскіе обычаи, между прочимъ, и древній зароастризмъ, во всей первоначальной чистотѣ, и воздвигли гоненіе на все пареское. Естественно, что Сассаниды не могли не смотрѣть недружелюбно на Арменію, гдѣ продолжала царить пареская династія, свергнутая ими въ Парсеи. Кромѣ того ново-

персы, съ самаго начала, выказали агрессивныя стремленія по отношенію ко всѣмъ сосѣднимъ землямъ,—какъ къ пограничнымъ провинціямъ Римской имперіи, такъ и къ Арменіи. Къ этому времени культурное вліяніе Рима въ Арменіи настолько окрѣпло, что сталъ возможенъ тѣснѣйшій союзъ армянъ съ римлянами противъ общаго врага. И въ теченіе слѣдующаго столѣтія во всѣхъ войнахъ, какія вела имперія противъ Персіи и которыя, въ сущности, были единой непрерывной войной (растянувшейся потомъ на рядъ вѣковъ), армяне всегда выступали на сторонѣ римлянъ, какъ ихъ вѣрные союзники.

Связь Арменіи съ Римомъ еще болѣе усилилась, когда армянскій царь Тиридатъ III Великій принялъ, со всѣмъ народомъ, крещеніе (295, 299 или 301 г.), и христіанство стало официальной религіей армянъ. Принявъ христіанство, которое глубоко проникло въ душу народа, армяне окончательно связали себя съ міромъ Запада, съ христіанскимъ міромъ Европы. Въ продолженіи всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ они оставались вѣрны своей религіи и не поддались проповѣди ислама, который позднѣе властно подчинилъ себѣ большинство народовъ Передней Азіи. Христіанство вырыло непреодолимую пропасть между армянами и персами. Однако, прозелитизмъ новообращенныхъ и политической союзъ съ Римомъ не означалъ для Арменіи полнаго разрыва съ Востокомъ. Восточныя начала поддерживались въ Арменіи этого времени воздѣйствіемъ христіанской Сиріи, откуда армяне и приняли новое ученіе. Сирійское вліяніе, позднѣе, явственно отразилось на первыхъ этапахъ армянской литературы и на памятникахъ древнѣйшаго церковнаго строительства въ Арменіи.

Какъ извѣстно, римляне весьма дурно отплатили армянамъ за ихъ вѣрность. Императоръ Іовіанъ, заключивъ съ Персіей позорный миръ, предоставилъ на разгромъ персамъ Арменію, и она не могла, конечно, сопротивляться державѣ, борьба съ которой оказалась не подъ силу и Риму. Позднѣе же (конецъ IV и начало V в.) римская имперія и персы прямо подѣлили между собою Арменію, такъ что, въ теченіе двухъ столѣтій (до начала VII в.), она оставалась разрѣзанной на двѣ части, византійскую и персидскую. Границы этихъ половинъ постепенно мѣнялись, такъ какъ завоеванія отдѣльныхъ византійскихъ императоровъ, Юстиніана, Маврикія, Ираклія и др., вырывали у персовъ отдѣльныя армянскія области, присо-

единяемая къ имперіи. Но общее положеніе дѣлъ оставалось неизмѣннымъ. Эти двѣ Арменіи стали какъ бы двумя очагами, въ которыхъ разгорались и крѣпли основныя начала армянской жизни: въ византійской—западныя, въ персидской—восточныя.

Византійскіе императоры сознательно стремились къ *романизации* (по терминамъ того времени, т.-е. эллинизации) своей части Арменіи: вводили въ ней обще-имперскую администрацію, объявляли государственнымъ языкомъ—греческій, способствовали распространенію греческой литературы, византійскаго искусства и т. д.; наконецъ принимали мѣры, вплоть до насильственныхъ, къ сближенію армянской церкви (весьма рано обособившейся) съ византійской. Въ персидской Арменіи, по мѣткому выраженію историка Елисея (Егише), «царство перешло къ нахарарамъ» т.-е. владѣтельнымъ князьямъ, которые собирали подати, выставляли въ персидскую армию опредѣленный контингентъ войска, но во внутреннихъ дѣлахъ распоряжались самостоятельно (что повело къ утверженію феодализма). Въ этой части Арменіи развивались начала національныя, *иранскія*, не говоря уже о томъ, что нѣкоторое вліяніе на жизнь народа не могли не получить и ставшіе владыками—персы (ирано-сассанидскія черты въ армянской архитектурѣ).

Успѣхи того и другого вліянія можно прослѣдить на рядѣ историческихъ фактовъ. Въ V в. возникла и стала быстро развиваться національная армянская литература, послѣ изобрѣтенія свв. Саакомъ и Месропомъ армянскаго алфавита. Первоначально, армянская литература опредѣленно подпала подъ сирійское вліяніе, и, какъ полагаютъ, первый переводъ книгъ Святого Писанія былъ сдѣланъ на армянскій языкъ съ сирійскаго (впослѣдствіи—исправленный по греческому тексту). Но съ VI в. въ армянской литературѣ проявляется, въ сильнѣйшей степени, вліяніе греческое. Армяне переводятъ на свой языкъ громадное количество греческихъ книгъ: сочиненія по философіи, богословіи, риторикѣ, исторіи, грамматикѣ и по точнымъ наукамъ, какъ математика, астрономія, медицина, географія и т. под. Весь этотъ періодъ въ армянской литературѣ носитъ названіе эпохи эллинистовъ. Своего расцвѣта движеніе достигаетъ въ VII в., когда даже самый армянскій языкъ приспособливается, въ книгахъ, къ формамъ греческаго языка, обогащаясь новыми реченіями, новыми оборотами рѣчи, новой разстановкой словъ, порой искусственной. У писателей—элли-

нистовъ замѣтно и желаніе воспринять лучшія стороны греческой литературы: пытливость мысли, аналитическое отношеніе къ трактуемому предмету, точность и ясность изложенія.

Параллельно этому, въ армянскомъ народѣ несомнѣнно существовала партія, тянувшая въ сторону сближенія съ персами. Представители ея вербовались преимущественно въ высшемъ слоѣ общества, особенно среди владѣтельныхъ князей, которымъ политическія отношенія къ Персіи давали различныя преимущества. Традиція (по новымъ изслѣдованіямъ—несправедливая) обвиняетъ, напр., въ симпатіяхъ къ персамъ Васака, бывшаго правителемъ персидской Арменіи въ эпоху возстанія 451 г. и отказавшагося примкнуть къ народному движенію. Во время войнъ Юстиніана, часть армянъ добровольно дѣйствовала на сторонѣ персовъ. Въ армянскихъ областяхъ, присоединенныхъ Юстиніаномъ къ имперіи, вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлю—вернуть эти области Персіи, и т. д. Эти факты и преданія, несмотря на рядъ открытыхъ выступленій (возстаній) противъ персидскаго гнета, какъ Вартана Великаго (451 г.), Ваана Мамиконида (484 г.), Варта (511 г.), другого Вартана (571 г.) и др., свидѣтельствуютъ о наличности среди армянъ партіи, которая чувствовала связь и сродство Арменіи съ Восточнымъ міромъ.

Арабское завоеваніе (середина VII в.) объединило всѣ армянскія области подъ властью халифата. Слѣдствіемъ этого была утрата Арменіей той связи съ Западомъ, которая поддерживалась черезъ Византію, и четыре столѣтія послѣ того армянская культура развивалась преимущественно подъ воздѣйствіями восточными. Непосредственное владычество арабовъ въ Арменіи продолжалось приблизительно два столѣтія (отъ 652 г. по 861 или 885 г.), но зависимость армянскихъ земель отъ халифата постепенно ослабѣвала (что показываетъ уменьшеніе дани, которой были обложены армяне: съ 13 милліоновъ диргемъ въ VIII в. на 8 милл., потомъ 4 милл. въ IX в. и менѣе 2 милл. въ X в.). Ослабленіе халифата повело къ тому, что армянскія феодальныя владѣнія постепенно превратились въ полунезависимыя армянскія «царства» и «княжества», изъ которыхъ самое значительное было царство Багратидовъ (съ 885 г.), со столицею въ Ани. Просуществовавшее также два вѣка (послѣдній Багратидъ, Гагикъ II, былъ убитъ въ 1079 г.), Багратидское царство развивалось въ обособленности отъ Западнаго міра, отъ новой Европы, въ которой скла-

дывалась тогда (IX—XI в.) своеобразная средневековая культура. Во всем Багратидском періодѣ мы не находимъ значительныхъ слѣдовъ воздѣйствія Западной Европы и, напротивъ, видимъ не мало чертъ, проникшихъ съ мусульманскаго Востока. Правда, связь съ Византіей возстановилась, но она сама къ этому времени во многомъ поддалась восточнымъ вліяніямъ.

Эти двѣ эпохи,—арабскаго владычества и царства Багратидовъ,—характеризуются рѣшительнымъ преобладаніемъ въ армянской жизни и въ армянскомъ искусствѣ восточныхъ, азіатскихъ началъ. Въ архитектурѣ византійскія формы, господство которыхъ относится къ VII—VIII в., понемногу уступаютъ вліянію арабскаго архитектурнаго стиля, который сначала подчинилъ себѣ свѣтскія постройки, а потомъ коснулся и храмовъ. Мусульманское вліяніе сказывается и въ нѣкоторыхъ чертахъ армянскій миниатюры. Въ литературѣ распадается школа эллинистствъ, и писатели начинаютъ искать своего собственнаго стиля. Возможно, что въ поэзію уже въ эту эпоху проникаютъ нѣкоторыя формы персидской и арабской лирики. Къ концу періода восточныя начала начинаютъ живо чувствоваться во всѣхъ сферахъ культурной жизни. Но Армению ждалъ новый обновляющій притокъ идей съ Запада.

Багратидское царство и другія армянскія «царства» и «княжества» на Сѣверѣ распались и были поглощены Византіей (начало XI в.). Вскорѣ затѣмъ всѣ эти области были захвачены новыми завоевателями, тюрками-сельджуками (паденіе Ани 1071 г.). Однако, армянская самостоятельность не погибла подъ этими ударами. Она возродилась на Югѣ, въ Киликіи, гдѣ армянскими выходцами, во главѣ съ князьями Рубенидами, было основано Киликійское царство,—сначала маленькое баронство, потомъ обширное и значительное государство. Это Киликійское царство просуществовало три столѣтія (приблизительно съ 1080 г. по 1375 г.). Въ то же время, на Сѣверѣ, коренныя армянскія области также добились освобожденія отъ тюркскаго гнета, при содѣйствіи единовѣрной Грузіи (начало XII в.) Въ области Ани стали правителями, подъ грузинскимъ сюзеренитетомъ, князья Долгорукіе (Иванъ и Захарія и ихъ потомки); въ сосѣднихъ областяхъ—другіе армянскіе княжескіе дома. Эти полунезависимыя княжества (Долгорукиихъ именовали тогда и «царями») продержались до походовъ Тамерлана (XIV в.) и завоеваній турокъ-османовъ (XV в.)

Въ Киликійскомъ царствѣ произошло сближеніе армянъ съ Западной Европой. На самой зарѣ его существованія киликійскіе армяне вступили въ сношенія съ крестоносцами, путь которыхъ лежалъ черезъ Киликію. Впослѣдствіи эти сношенія съ Европой не прерывались, но развивались шире. Рубениды, получившіе королевскій титулъ въ 1198 г. отъ папы и германо-римскаго императора, и ихъ преемники связали себя съ владѣтельными домами Запада длиннымъ рядомъ брачныхъ союзовъ. До насъ дошла разнообразнѣйшая переписка королей Киликіи съ европейскими государями и папами (на латинскомъ языкѣ). Обширная торговля Киликіи привела въ нее выходцевъ со всѣхъ концовъ міра, и всѣ большіе города Европы имѣли въ киликійскихъ центрахъ свои колоніи и факторіи. Одинъ документъ, относящійся къ царствованію Левона V (середина XIV в.), перечисляетъ въ киликійской гавани суда изъ Генуи, Венеціи, Нима, Монпелье, Севильи, Брюгге, Лондона, Мессины, съ Майорки, съ Крита... Государственный строй Киликіи совпадалъ съ формами западнаго феодализма. Ученые Сиса (столицы Киликіи) именовали себя «докторами». Одинъ изъ киликійскихъ писателей, Нерсесъ Ламбронскій (XII в.), жаловался что «населеніе *заимствуетъ у франковъ* любовь къ благамъ временнымъ, также какъ и много прекрасныхъ вещей» и т. под.

Параллельно этому въ областяхъ древней Арменіи происходило дальнѣйшее объединеніе армянской культуры съ опредѣлявшейся культурой мусульманскаго Востока. Въ позднѣйшихъ строеніяхъ, обнаруженныхъ раскопками въ Ани, всего больше мотивовъ арабскаго зодчества. Остатки дворцовой обстановки и домашняго обихода свидѣтельствуютъ о развитіи чисто-«восточной» пышности. Хотя съ Киликіей сѣверная Арменія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ, обособленное положеніе все же дѣлало ее естественнымъ членомъ восточной семьи государствъ. Культура новой Персіи и Грузіи должна была, въ этотъ періодъ, гораздо живѣе вліять на древнюю Арменію, нежели Западная Европа, вліяніе которой могло доходить лишь черезъ посредство Киликіи. Три столѣтія отдѣльнаго существованія Киликійскаго царства и царства Долгорукихъ завершили процессъ тысячелѣтій: западные и восточные элементы, въ разныхъ формахъ и проявленіяхъ, были восприняты ремянскимъ народомъ. Историческія судьбы словно озаботились,

чтобы то и другое вліяніе имѣли свои преимущественныя эпохи и свои центры воспріятія.

Монгольское нашествіе и завоеваніе турокъ-османовъ положили конецъ самостоятельности Арменіи. Послѣ того три столѣтія (XVI, XVII и XVIII) всѣ армянскія области томились подъ мусульманскимъ игомъ. Безпримѣрныя опустошенія во время походовъ Чингизъ-хана, Ленкимура (Тамерлана) и турокъ-османовъ, истребительная политика турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ и кровавыя войны между Турціей и Персіей, ареной которыхъ большею частью была Арменія—надолго загасили свѣточъ армянской культурной жизни. Но 2-тысячелѣтняя культура, конечно, не могла погибнуть. Новыми ея носителями, положившими начало армянскаго возрожденія, явились армянскія *колоніи*, богато расцвѣтшія во всѣхъ большихъ центрахъ Европы, отчасти Америки и Азіи. Въ колоніяхъ были основаны, между прочимъ, пѣрвыя армянскія типографіи и зародилась новая армянская литература. По самому своему положенію армянскія колоніи въ Европѣ (въ Венеціи, Вѣнѣ, Амстердамѣ, Парижѣ и др. городахъ) способствовали проникновенію въ среду армянъ европейскихъ идей. Въ то же время въ самой Арменіи, силой вещей, въ массу поработаннаго армянскаго народа просачивались обычаи, вѣрованія и уклады жизни мусульманскаго міра. Такимъ образомъ, и въ эти тягостныя вѣка работа тысячелѣтій продолжалась.

Съ начала XIX в. часть армянскихъ областей перешла подъ скипетръ Россіи. Этимъ для части армянъ была открыта возможность для мирнаго развитія народныхъ силъ и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература и былъ выработанъ новый литературный языкъ, называемый *ашхараларъ*—въ отличіе отъ древняго классическаго *гранара*. Однако, и въ этомъ возрожденіи сказалась вѣковая разъединенность армянъ: на Западѣ и на Востокѣ (въ Россіи) въ основу нсваго литературнаго языка были положены различныя нарѣчія: константинопольское—у западныхъ армянъ, араратское—у русскихъ. Сообразно съ этимъ ново-армянская литература пользуется двумя, нѣсколько отличающимися одно отъ другого, нарѣчіями. Помимо того и самое развитіе ново-армянской литературы шло въ двухъ теченіяхъ,—западномъ (въ Европѣ) и восточномъ (въ Россіи), что повело къ образованію двухъ основныхъ литературныхъ школъ, получившихъ названіе: *школы турецкихъ*

и русских армянъ. Въ этомъ раздѣленіи можно видѣть послѣдній отголосокъ извѣчной борьбы въ Арменіи двухъ началъ,—Запада и Востока.

Вліяніе яфетидовъ и арійцевъ, Персіи и Эллады, Парейи и Рима, Ново-Персіи и Византіи; арабы и царство Багратидовъ, Анійское княжество Долгорукихъ и Киликійское царство, Арменія подъ мусульманскимъ игомъ и армянскія колоніи въ Европѣ; школы турецкихъ и русскихъ армянъ въ новой литературѣ,—таковы, въ схематическомъ изображеніи, тѣ этапы, которые характеризуютъ взаимодѣйствіе Востока и Запада, Азии и Европы въ Арменіи. Если исторической миссіей армянскаго народа должно признать исканія синтеза этихъ двухъ извѣчно противоборствующихъ началъ, то армянская литература должна отразить въ себѣ этапы этихъ исканій. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородныхъ элементовъ и первыя попытки ихъ гармоническаго примиренія должна лирика, какъ голосъ народной души.

2.

Двуединство армянскаго народнаго характера даетъ ключъ къ армянской народной поэзіи.

Существуетъ армянская народная сказка, повидимому, весьма древняго происхожденія. Когда-то, — рассказываетъ сказка, — розу любила птичка *булбуль* и воспѣвала розу лучше всѣхъ другихъ птицъ; никакая птица не могла сравниться съ булбуломъ въ искусствѣ пѣсни. Но пришло такое время, что прилетѣла другая чужеземная птица, въ армянской сказкѣ: *іадонъ*, и этотъ іадонъ тоже полюбилъ розу и сталъ ее воспѣвать еще лучше, такъ что булбуль долженъ былъ улетѣть и его пѣсни забылись. *Булбуль* по-армянски значить—соловей: слово это заимствовано изъ персидскаго языка; но *іадонъ* тоже значить—соловей: это—искаженное греческое слово *ἀιδών* (аидонъ, съ перестановкой двухъ первыхъ буквъ). Въ народной сказкѣ, слѣдовательно, символически изображена смѣна двухъ вліяній—персидскаго и эллинскаго, восточнаго и западнаго. Въ народной армянской пѣснѣ тѣ же вліянія сказались въ сочетаніи восточной яркости, пестроты съ западной сдержанностью, стройностью.

Опредѣлить время, когда возникли тѣ или другія пѣсни, большею частью, невозможно. Лишь нѣкоторыя удастся при-

урочить къ извѣстной эпохѣ, или потому что онѣ дошли до насъ въ памятникахъ извѣстнаго времени (такъ, нѣсколько древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ сохранили намъ Моисей Хоренскій, Григорій Магистръ и др.), или потому, что пѣсня явно относится къ извѣстному историческому событію (такова пѣсня о плѣненіи короля Левона, новыя пѣсни о Зейтунскомъ возстаніи и т. под.) Самое содержаніе пѣсни и даже языкъ, на которомъ она сложена, не всегда даютъ точное указаніе на время ея возникновенія, потому что новыя поколѣнія нерѣдко приспособливали старую пѣсню къ своимъ возрѣніямъ и къ своему говору (вставляли, напр., на мѣсто именъ языческихъ боговъ—имена Христа, Богоматери, Григорія Просвѣтителя, святыхъ и замѣняли обетшальныя слова и выраженія болѣе обычными въ данные годы). Поэтому народную пѣсню,—у армянъ, какъ у другихъ народовъ,—приходится разсматривать, какъ итогъ всей исторической жизни народа. Поколѣніе за поколѣніемъ, вѣкъ за вѣкомъ производили свою критическую работу: пѣсня, менѣе удовлетворявшая эстетическія требованія, забывалась; пѣсня, нравившаяся новому вѣку, какъ нравилась она отцамъ и дѣдамъ, укрѣпилась въ народной памяти. Такимъ «естественнымъ отборомъ» вырабатывался нѣкій канонъ, создавался особый ковчегъ пѣсенъ, гдѣ хранилось все, казавшееся народу особенно близкимъ, дорогимъ и нужнымъ. Уцѣлѣвшія на протяженіи вѣковъ народныя пѣсни—не свидѣтельства отдѣльныхъ увлеченій того или другого періода, но общее выраженіе народнаго духа.

До сихъ поръ нѣтъ всеобъемлющаго собранія армянскихъ народныхъ пѣсенъ, какое успѣли, напр., составить (не говоря о первенствующихъ народахъ) латыши или финны. Условія исторической жизни всячески препятствовали собиранію матеріала; понинѣ армянскіе фольклористы продолжаютъ находить и записывать неизвѣстные еще образцы народнаго творчества (пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ такихъ записей въ Тифлисѣ, въ началѣ 1916 года). Но собраннаго, какъ въ научныхъ изданіяхъ (надъ чѣмъ въ послѣдніе годы особенно много потрудились проф. К. Костаньянцъ), такъ и въ популярныя «пѣсенникахъ» («ергаранъ» и «тагаранъ»), достаточно, чтобы дать понятіе объ особомъ, исключительномъ богатствѣ армянской народной лирики. «Въ каждомъ армянинѣ есть поэтъ», утверждаетъ старинная поговорка, и она оправдывается сборни-

ками армянскихъ пѣсень. Обладая обычными достоинствами народнаго творчества,—безыскусственностью, непосредственностью, мѣткостью эпитетовъ,—армянская пѣсня поражаетъ кромѣ того особой изысканностью словеснаго выраженія, несвойственной, напр., пѣснѣ славянской. Знакомясь съ армянскими пѣснями, порой едва вѣришь, что это не тонко обдуманная созданія какого-нибудь позднѣйшаго поэта, искушеннаго въ стихотворной технику, пока не узнаешь, что всѣ эти пѣсни понынѣ поетъ народъ на плоскогорьяхъ подъ Араратомъ, въ долинахъ Аракса, въ горныхъ деревняхъ древней Айастанъ и еще недавно, до послѣднихъ трагическихъ дней, плѣлъ на побережьяхъ Вана.

Въ армянской народной пѣснѣ нѣтъ суровости пѣсень скандинавскихъ, вскормленныхъ холоднымъ моремъ и свинцовымъ небомъ: въ ней дышитъ знойность Юга и роскошь Востока. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ заунывности и наивности пѣсень русскихъ, сложенныхъ во дни младенчества нашего народа: въ ней чувствуется большая зрѣлость народа, съ самой колыбели брошеннаго въ среду культурнѣйшихъ націй земли. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ и грубости германскихъ пѣсень, часто отталкивающихъ своей цинической откровенностью: она заимствовала утонченность мысли и изысканность чувствованій у своихъ восточныхъ сосѣдей. Въ то же время армянской пѣснѣ чужда преувеличенная чувственность восточныхъ народныхъ пѣсень: арійская кровь и эллинская школа наложили спасительную узду на восточный разгулъ фантазіи. При всей своей страстности, армянская пѣсня—цѣломудренна; при всей пламенности,—сдержана въ выраженіяхъ. Это—поэзія, по-восточному цвѣтистая, по-западному мудрая, знающая скорбь безъ отчаянья, страсть безъ изступленія, восторгъ, чуждый безудержности: не пѣсня персидскаго гаремнаго владыки, но вздохъ влюбленнаго, поджидающаго свою милую на свиданіе; не призывъ Магомета—«ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь!»—но благословеніе матери сыну, идущему на правый бой; не покорный стонъ вдовы индуса передъ погребальнымъ костромъ, на которомъ ей предстоитъ обуглиться вмѣстѣ съ трупомъ, но полный христіанскаго смиренія плачъ жены на могилѣ любимаго мужа. А особое изящество формъ и оригинальность подхода къ каждому замыслу позволяетъ назвать армянскую народную поэзію пѣснями народа-художника.

Народныя пѣсни, переведенныя въ этомъ сборникѣ, должны подтверждать сказанное выше, поскольку переводъ можетъ передать очарованіе народнаго творчества. Какъ ни накладываетъ властно національность свою печать на созданія поэта, все же въ «искусственной» поэзіи всѣхъ народовъ и эпохъ есть нѣчто общее, нѣкоторая всемірная художественная культура, что позволяетъ пересоздавать стихи на другомъ языкѣ. Въ народной пѣснѣ—все, начиная съ языка, своеобразно, единственно, неповторимо. Не довольно сохранить содержаніе, мысли, образы: при всей точности перевода можетъ отлетѣть что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной пѣсни. Все же можно обратить вниманіе читателей на такія вещи, какъ «Ноктюрнъ» (названіе, конечно, позднѣйшее, данное собирателями), очарованіе котораго въ той сдержанности, съ какой народный пѣвецъ передаетъ пламенную роскошь южной ночи;—на любовную пѣсню: «О, злая, съ черной красотой...», въ которой утонченность самага построенія, особаго рефрена съ повтореніемъ только-что сказанныхъ словъ, сдѣлала бы честь любому мастеру стиха нашихъ дней;—на маленькую, записанную на берегу Вана, пѣсенку: «Ахъ, растворится и стать водой...», гдѣ въ семи строкахъ цѣлое море нѣжности и гдѣ поражаетъ именно неожиданный подходъ къ столу, казалось бы, избитому сюжету. Далѣе нельзя не указать на своеобразіе «обрядовой» свадебной пѣсни, «Царю что дамъ я...», гдѣ пѣвецъ оставилъ себѣ въ каждомъ четверостишіи лишь по одному стиху (остальные—повторенія) и, при такомъ ограниченіи художественныхъ средствъ, достигаетъ величайшаго разнообразія;—на сходное построеніе пѣсни: «Вновь прилетѣли тѣ птицы...»;—на пѣсни колыбельныя и похоронныя;—на веснянки-«джанъ-гюлюмы»; и, наконецъ, на складъ, на манеру всѣхъ другихъ, представляющихъ такое разнообразіе замысловъ и напѣвовъ!

Лирика въ армянскомъ народномъ творествѣ господствуетъ, но только оригинальностью своихъ созданій. Рядомъ съ пѣснями армянскій народъ создалъ не мало стиховъ повѣствовательныхъ (историческихъ, на темы религіозныя и иныхъ) и сказокъ. Особый интересъ представляютъ они для этнографа, такъ какъ отражаютъ нравы, вѣрованія и народный духъ разныхъ эпохъ. Въ единую эпопею, подобную «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» или «пѣснѣ о Нибелунгахъ», армянскія народныя поэмы не спаялись. Къ тому же древнѣйшія изъ нихъ, отрывки изъ кото-

рыхъ приводилъ Моисей Хоренскій, утеряны. Тѣ, которыя дошли до насъ, всѣ относятся уже къ эпохамъ послѣ принятія христіанства и притомъ, сравнительно, позднимъ. Наиболѣе популярна поэма о Давидѣ Сасунскомъ (Сасунское княжество процвѣтало одновременно съ Анійскимъ княжествомъ Долго-рукихъ, т.-е. въ XIII—XIV в.) Давидъ—олицетвореніе народныхъ идеаловъ, герой безмѣрно сильный, неустрашимо храбрый, глубоко цѣломудренный, непоколебимо честный, до конца правдивый. Но въ поэмѣ придана Давиду и комическая черта, отбѣняющая его благородство: наивная простота, въ которую переходитъ его прямодушіе и которая нерѣдко доводитъ героя до самыхъ опасныхъ положеній; кромѣ того Давидъ—косноязыченъ, способенъ увлечься, порой совершаетъ явные промахи,—все это сообщаетъ образу жизненную правдивость. Рядомъ съ Давидомъ очертанъ въ поэмѣ рядъ другихъ лицъ, въ характеристикѣ которыхъ также соединены свѣтлыя и темныя черты, напр., дядя Давида—Ованъ; даже въ «злодѣѣ» поэмы, великанѣ Мысрамеликѣ, мелькаетъ кое-что привлекательное. Поэма живо изображаетъ бытъ своего времени, княжескія усобицы конца среднихъ вѣковъ и гнетъ надвигавшихся мусульманъ. Несомнѣнно, «Давидъ Сасунскій» созданъ не безъ сильнаго воздѣйствія персидскаго эпоса (образъ Рустема и др.), но армянскіе сказители внесли въ поэму и свои черты, напр., ослабили чрезмѣрности восточныхъ образовъ. Въ нашемъ сборникѣ, какъ образцы народнаго армянскаго эпоса, мы даемъ значительную часть поэмы «Давидъ Сасунскій» (вариантъ Манука Абгегіана) и сказку о «Владыкѣ Асланѣ», въ которой чистовосточный сюжетъ обработанъ въ христіанскомъ духѣ.

Народная поэзія была въ Арменіи, какъ мы видимъ то и у другихъ народовъ, поэзіей устной: ея созданія хранились въ памяти народа. Поэзія искусственная могла возникнуть только съ распространеніемъ письменности, которая въ Арменіи утвердилась сравнительно поздно. Традиція приписываетъ изобрѣтеніе армянской азбуки свв. Месропу и Сааку, въ V в. по Р. Х. Существовала ли до той поры армянская письменность (которая могла пользоваться алфавитомъ греческимъ или сирійскимъ), вопросъ спорный; повидимому, существовала, но до насъ не дошло никакихъ, или почти никакихъ, ея слѣдовъ. Мы знаемъ, что древнѣйшіе армянскіе писатели пользовались иностранными языками, писали, или по-гречески, какъ старѣйшій изъ нихъ,

царь Артаваздъ II, и какъ нѣсколько позднѣйшихъ, чьи сочиненія дошли до насъ, Агаѳангель (Агатангехосъ, IV в.), Фавстъ Византійскій (Павстосъ Бюзандаци IV в.) и др., или по-сирійски какъ (можетъ быть) Зенобъ Глакъ (IV в.). Послѣ изобрѣтенія письменъ возникаетъ національная литература на родномъ языкѣ, но уже ея быстрый расцвѣтъ заставляетъ предположить, что ей предшествовали созданія армянскихъ писателей не только на чужихъ языкахъ. Современная наука отказывается допустить, чтобы одинъ и тотъ же вѣкъ видѣлъ и самое рожденіе армянской письменности и ея богатое цвѣтеніе, выразившееся въ превосходномъ переводѣ Святого Писанія (который однимъ западнымъ критикомъ названъ «царицей переводовъ») и въ послѣдовавшемъ затѣмъ «золотомъ вѣкѣ» армянской литературы. Предполагаютъ поэтому, что еще до изобрѣтенія письменъ существовали зачатки армянской письменной литературы, пользовавшейся или иностраннымъ, или своимъ, но несовершеннымъ алфавитомъ (на чтѣ есть намеки у различныхъ авторовъ той эпохи). Но вся эта древнѣйшая письменность погибла, и для насъ армянская литература начинается не ранѣе, какъ съ V в. по Р. X.

Эпоха, въ которую армянская литература возникла, характеризуется въ Арменіи, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ странъ, преобладающимъ вліяніемъ идей христіанства. То было начало среднихъ вѣковъ, когда складывалось средневѣковое міросозерцаніе, полагавшее въ основу религиозное отношеніе къ міру и тотъ взглядъ, что этотъ міръ есть юдоль грѣха, скорби и скверны, а истинная жизнь начинается за гробомъ. Средневѣковое міросозерцаніе осуждало всѣ земныя радости и подлиннымъ благомъ считало лишь радости духовныя, прежде всего радости молитвы, богопознанія и, какъ ихъ увѣнчаніе, экстатическое сліяніе съ Божествомъ. Схоластика и мистика таковы два основныхъ начала всей духовной жизни средневѣковья, опредѣлившія пути науки и искусства. Поскольку духовная жизнь Арменіи двигалась въ направленіи духовной жизни Запада, постольку тѣ же начала предопредѣлили духъ ранней армянской литературы, въ которой властно выразился элементъ религиозный и которая ктому же была вовлечена въ догматическіе споры, свойственные всему христіанскому Востоку. Благодѣтельнымъ противодѣйствіемъ такому одностороннему направленію явилось вліяніе классической греческой литературы, которая съ того же V в. стала распространяться въ Арменіи

въ многочисленныхъ переводахъ, и въ VII в. вызвала появленіе «школы эллинистовъ». Этому эллинскому вліянію ранняя армянская литература обязана многими изъ своихъ лучшихъ созданій, особенно въ ряду историческихъ трудовъ, не исключая и книги Моисея Хоренскаго (на которомъ сказалось, между прочимъ, вліяніе Гомера).

Весьма вѣроятно, что оба указанныхъ вліянія отразились и въ ранней армянской поэзіи. На ряду съ религиозными гимнами, надо предполагать, писались въ Арменіи и стихи, образцами для которыхъ были греческія и латинскія антологіи или поэмы Гомера, Вергилія и александрійскихъ эпиковъ. До насъ, однако, дошла только одна струя этой ранней поэзіи: религиозная, и о существованіи второй мы должны лишь догадываться. Всѣ «свѣтскія» поэмы того времени (что таковыя были, намъ кажется несомнѣннымъ) утрачены; сохранились только «духовныя» благодаря тому, что извѣстная часть ихъ была принята для церковнаго употребленія. Именно церковь сберегла для будущихъ вѣковъ цѣлый многовѣковый періодъ армянской лирики, составивъ особый канонъ лучшихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, и своимъ высшимъ авторитетомъ утвердивши за этими стихами право на всеобщее вниманіе. Сохранилось также и небольшое число стихотвореній внѣ этого канона, главнымъ образомъ потому, что авторами ихъ признавались тѣ же лица, которымъ были приписаны и гимны, одобренные церковью.

Сборникъ, въ которомъ дошли до насъ древнѣйшія религиозныя армянскія пѣсни, называется *Шараканъ*. Полагають, что это слово—семитическаго происхожденія и вошло въ армянскій языкъ лишь къ XII в.; имъ означается «духовная пѣснь» и, въ смыслѣ собственнаго имени, та книга, гдѣ эти пѣсни соединены. Редакція «Шаракана», извѣстная нынѣ, выработана, повидимому, лишь въ XIV в., но ей предшествовали болѣе раннія. Такъ есть извѣстія, что сборникъ духовныхъ пѣсень, прототипъ будущаго «Шаракана», былъ составленъ и одобренъ церковнымъ соборомъ еще въ VII в. Въ современномъ видѣ «Шараканъ» обнимаетъ религиозныя пѣсни, слагавшіяся на протяженіи 8 столѣтій, при чемъ традиція приписываетъ эти пѣсни двумъ группамъ поэтовъ: древнѣйшимъ, отъ V до VIII в., въ томъ числѣ—св. Месропу и Сааку (V в.), Иоанну Мандакуни (V в.), Моисею Хоренскому (V в., по новымъ изслѣдованіямъ жилъ гораздо позднѣе), католикосу Комиту (VII в.), Барсегу

Тчону (VII в.), Іоанну философу (VIII в.), и болѣ новымъ отъ XI до XIII в., въ томъ числѣ—Григорію Мартирофилу (XI в.), Нерсесу Благодатному (XII в.), Нерсесу Ламбронскому (XII в.), Іоанну Ерзынкайскому (XIII в.) и др., всего же 18 авторамъ. При всей научной спорности этихъ традиціонныхъ атрибуцій, несомнѣнно, что въ «Шараканѣ» имѣются наслоенія разныхъ эпохъ, и гимны, приписываемые древнѣйшимъ слагателямъ, отличаются отъ позднѣйшихъ, какъ по языку, такъ по общему складу. Въ болѣ древнихъ преобладаютъ стихи, впрочемъ не подчиненные опредѣленной метрикѣ; въ болѣ новыхъ—кадансированная проза, богатая различными звуковыми украшеніями (аллитераціями и т. п.).

Исслѣдователь (и переводчикъ на русскій языкъ) «Шаракана», Н. Эминъ, отмѣчаетъ, что въ болѣ древнихъ пѣсняхъ «читателя поражаютъ—простота формы, ясность содержанія, оригинальность образовъ и торжественность тона». Качествами этими особенно выдѣляются пѣсни, приписываемыя авторамъ V вѣка. Содержаніемъ такихъ раннихъ шаракановъ служатъ, по большей части, эпизоды изъ земной жизни Спасителя. Напомнивъ, въ краткихъ словахъ, то или иное евангельское событіе, поэты затѣмъ изливаютъ свои чувства въ смиренномъ, покаянномъ сокрушеніи о грѣхахъ или въ восторженномъ гимнѣ, славящемъ конечное торжество истины. Почти всѣ эти пѣсни очень кратки; ихъ образы заимствованы изъ Святого Писанія; поэтическое значеніе этихъ гимновъ—въ подлинномъ религіозномъ одушевленіи авторовъ. Въ нашемъ сборникѣ ранніе шараканы представлены нѣсколькими отрывками, приписываемыми св. Месропу и Іоанну I Мандакуни.

Пробѣль между ранними и позднѣйшими гимнотворцами заполняютъ стихотворенія, не включенныя въ «Шараканъ», но пользующіяся огромной популярностью среди армянъ,—Григорія Нарекскаго, автора X в. (951—1003 г.), жившаго въ царствѣ Багратидовъ. Григорій Нарекскій, сынъ выдающагося писателя Хосрова Андзевацийскаго, автора нѣсколькихъ богословскихъ трудовъ, и самъ замѣчательнѣйшій писатель всей своей эпохи, оставилъ рядъ сочиненій въ прозѣ: толкованія на библейскія книги, проповѣди и т. д. Но слава Григорія Нарекскаго основывается на сложенныхъ имъ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя справедливо называются «священными элегіями». До сихъ поръ молитвенникъ Григорія пользуется широкимъ распростра-

неніємъ въ армянскомъ народѣ, называясь просто «Нарекъ». Въ стихахъ Григорія Нарекскаго религиозное чувство соединяется съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ, и многіе аллегорическіе гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо отъ ихъ богословскаго толкованія. Притомъ Григорій Нарекскій довелъ до высокаго совершенства форму стиховъ, любовно культивируя «звукопись» задолго до того, какъ она расцвѣла въ лирикѣ персидской и арабской. Въ этомъ отношеніи стихи Григорія Нарекскаго являются предвареніемъ «свѣтской» поэзіи средневѣковья. На современниковъ же Григорій Нарекскій оказалъ сильнѣйшее вліяніе, и позднѣйшіе поэты «Шаракана» несомнѣнно вышли изъ его школы. Въ нашемъ собраніи поэзія Григорія Нарекскаго представлена двумя стихотвореніями.

Изъ позднѣйшихъ гимнотворцевъ «Шаракана» особенно выдѣляются три поэта: Нерсесь Благодатный († 1173 г.), Нерсесь Ламбронскій (1153—1198 г.) и Іоаннь Ерзынкайскій (1250—1326 г.). Отъ Нерсеса Благодатнаго, кромѣ гимновъ, включенныхъ въ «Шараканъ», дошли до насъ и другія поэтическія созданія: элегіи, поэма на взятіе Эдессы, стихотворное переложеніе Евангелія, а также сочиненія прозаическія. Потомокъ Аршакидовъ, въ послѣдствіи католикосъ, Нерсесь Благодатный—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ писателей Арменіи и имѣлъ огромное вліяніе на умы своего времени. Поэмы Нерсеса Благодатнаго всѣ проникнуты истиннымъ одушевленіемъ, мѣстами высоко трогательны и написаны съ исключительнымъ мастерствомъ, обличающимъ большаго художника, плѣненнаго и техникой своего искусства. Есть у Нерсеса Благодатнаго стихотворенія, гдѣ каждый стихъ (точнѣе два стиха-полустихія) начинается, послѣдовательно, съ новой буквы алфавита. Такая стихотворная игра не мѣшаетъ свободѣ и чистотѣ вдохновенія поэта. Въ элегіи на взятіе Эдессы около 4.000 стиховъ написано на одну рѣму, но рассказъ остается живымъ и въ рѣчи поэта не чувствуется никакого затрудненія. Рассказываютъ, что многія стихотворенія Нерсеса Благодатнаго (получившаго свое прозвище столь же за кротость характера, какъ за «благодатное» изящество стиля)—импровизаціи, плоды безсонной ночи, когда поэтъ, въ порывѣ одушевленія, творилъ одновременно и текстъ и напѣвъ, слова и музыку. А. Чобаньянъ справедливо называетъ Нерсеса Благодатнаго «однимъ изъ величайшихъ поэтовъ церкви», и параллель его гимнамъ при-

ходится искать въ XIX в., у Варлена, въ его книгѣ «Sagesse». Въ нашемъ сборникѣ Нерсесь Благодатный представленъ переводомъ нѣсколькихъ лирическихъ гимновъ и отрывковъ изъ элегии на взятіе Эдессы.

Нерсесь Ламбронскій, жившій въ Киликійскомъ царствѣ, былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей всей своей эпохи (XII в.). Онъ также оставилъ много сочиненій, о которыхъ современные ему европейскіе авторитеты отзывались съ величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторымъ апостоломъ Павломъ» и дивились его святости, мудрости и учености. Въ стихахъ Нерсеса Ламбронскаго меньше непосредственнаго вдохновенія и преобладаетъ рефлексія. То же надо сказать о стихахъ Ованнеса Ерзынкайскаго (иначе: Іоанна Плуза или изъ Дзэрдзора), отъ котораго, кромѣ гимновъ, сохранились еще стихи дидактическаго характера, «Хвала св. Григорію Просвѣтителю» и работы научныя: разсужденіе о движеніи небесныхъ тѣлъ, грамматическій комментарий и др. Іоаннъ Ерзынкайскій представленъ въ нашемъ сборникѣ отрывками дидактическаго содержанія.

Однако, всѣ эти поэты религіознаго направленія—только на половину поэты. Для нихъ поэзія важна и цѣнна не сама по себѣ, а по выражаемымъ въ стихахъ идеямъ; поэзія еще не цѣль, а средство. Иногда непосредственное дарованіе заставляетъ и гимнотворцевъ «Шаракана» какъ бы забывать о своихъ дидактическихъ задачахъ. У Григорія Нарекскаго, у Нерсеса Благодатнаго, кое-гдѣ и у другихъ, встрѣчаются строфы и цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ поэтъ свободно изливаетъ свое чувство. Но почти всегда и такимъ созданіямъ поэты придаютъ аллегорическое толкованіе, хотя бы, чтобы ихъ слова понимались иносказательно. Таково, напр., стихотв. Григорія Нарекскаго объ «алмазной розѣ», въ которомъ мы видимъ только живую картину природы, но комментаторы признаютъ аллегорическое изображеніе Богоматери. Кромѣ того всѣ эти поэты ограничены въ выборѣ своихъ темъ, посвященныхъ исключительно или библейскимъ сюжетамъ или выраженію чувствъ благоговѣйныхъ. Ограниченъ и однообразенъ также выборъ образовъ, большею частью почерпаемыхъ изъ Святого Писанія. Современность этимъ поэтамъ какъ бы чужда: то, что они видѣли ежедневно, что непосредственно волновало ихъ и всѣхъ окружающихъ, проникало въ «духовныя пѣсни» лишь случайными

намекамн. Религіозна поэзія—еще не свободная поэзія, такъ какъ поэту заранѣе указано, о чемъ и какъ онъ долженъ писать. Вполнѣ свободное художественное творчество въ армянской поэзіи мы находимъ лишь въ созданіяхъ слѣдующаго періода,—въ средневѣковой лирикѣ (XIII—XVI в.)

3.

Средневѣковая армянская лирика создавалась и окрѣпла въ эпоху послѣ окончательной редакціи «Шаракана», въ темныя времена XIV вѣка. То была эпоха, когда, послѣ 2-тысячелѣтняго, болѣе или менѣе самостоятельнаго, существованія, армянскій народъ принужденъ былъ уступить натиску враговъ, надвигавшихся со всѣхъ сторонъ. Оба центра армянской культурной жизни гибли подъ ударами монголовъ. Киликійское царство было на краю паденія, и въ 1375 г. послѣдній король Киликійскаго царства, Левонъ VI, былъ захваченъ въ плѣнъ мусульманами. Оплотъ независимости армянскаго народа рушился: «окно въ Европу» было вновь наглухо заколочено. Въ то же время, на Сѣверѣ, какъ яростная буря, ломавшая все на своемъ пути, проходили полчища «железнаго хромца», Тамерлана, котораго армянскіе лѣтописцы именуютъ Ленктимуромъ. Вслѣдъ за ними должны были нахлынуть орды турокъ-османовъ. Ани былъ разрушенъ; города и селенія лежали въ развалинахъ; жители разбѣгались. Подступали вѣка тяжелаго порабоженія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что господами на этотъ разъ являлись не утонченные, хотя бы и «коварные», византійцы, не персы или арабы, народы, умѣвшіе цѣнить дары искусства и знанія, но дикіе турки, чуждые всему, кромѣ своего слѣпого фанатизма.

И странно! Именно въ эти вѣка въ армянской литературѣ начинается расцвѣтать изысканный цвѣтокъ чистой лирики. Эпоха была въ высшей степени неблагоприятна для всѣхъ вообще проявленій литературной дѣятельности. Въ то самое время, когда Западъ начиналъ дышать первыми вѣяніями обновляющаго Возрожденія, когда въ Европѣ мрачную схоластику прорѣзывали первые лучи воскресающаго античнаго искусства и оживающей греко-римской науки, когда въ средневѣковомъ міросозерцаніи, превыше всего ставившее умерщвление плоти, проницало сіяніе эллинской жизнерадостности,—въ это самое

время Арменія, силою вещей, была отброшена къ самымъ чернымъ днямъ эпохи переселенія народовъ, ко днямъ Аттилы и вандаловъ. Какъ въ самое раннее средневѣковье, въ Арменіи той поры, литературѣ и наукѣ приходилось ютиться и укрываться по уединеннымъ монастырямъ; совѣстная литературная дѣятельность сдѣлалась почти невозможной; литературное общеніе крайне затруднительнымъ. Самое образованіе, которое, еще недавно, стояло такъ высоко въ академіяхъ Киликійскаго царства и въ школахъ царства Багратидовъ и князей Долгорукихъ,—было едва ли не уничтожено, такъ что писателямъ трудно было даже разсчитывать найти читателей своимъ произведеніямъ. И, дѣйствительно, многія отрасли литературы склонили головы передъ такими неодолимыми препятствіями, подъ такими жестокими ударами. Крайне уменьшилась дѣятельность переводчиковъ; остановились научныя изысканія; исторія ограничивалась немногимъ, такъ сказать, только необходимыми созданіями; даже литература церковно-догматическая значительно обѣднѣла. И только для лирики наступила эпоха новаго расцвѣта, богатой и щедрой жатвы того, что было посѣяно предыдущими вѣками. И, конечно, именно этими долгими вѣками культурнаго развитія, напряженностью ихъ духовной жизни, объясняется зтотъ блестящій расцвѣтъ самаго благороднаго, самаго утонченнаго, самаго хрупкаго изъ всѣхъ земныхъ искусствъ,—чистой субъективной лирики.

Лирика армянскаго средневѣковья есть высшее и наиболѣе самостоятельное созданіе армянскаго народа въ области поэтическаго творчества. Отъ европейской поэзіи армянская средневѣковая лирика не стоитъ почти ни въ какой зависимости. Да и чтó могла дать лирическому творчеству западно-европейская поэзія XIII—XIV в., еще только зарождавшаяся во всѣхъ странахъ, не исключая и передовой Италіи? Нѣсколько большому могла научить поэзія такъ называемыхъ восточныхъ народовъ, арабовъ, персовъ, которые издавна культивировали чистую лирику. Указываютъ на различныя заимствованія армянскихъ поэтовъ у своихъ восточныхъ сосѣдей, особенно въ области формы. Такъ, напр., армянскіе средневѣковые поэты охотно строятъ цѣлое стихотвореніе на одной риемѣ, какъ арабскіе; на всѣ лады воспѣваютъ розу и соловья, какъ персидскіе; пользуются характерными особенностями стихотворной формы «газели», и т. п. Однако, уже у поэтовъ предыдущаго

періода, у Григорія Нарекскаго, какъ у гимнотворцевъ «Шаракана», мы находимъ и изысканное построеніе строфы, и многократное повтореніе одной риѣмы, и особенно—глубокую игру внутренними созвучіями, ассонансами и аллитераціями, все то, что обычно считается заимствованіемъ. Съ другой стороны, армянскіе поэты безусловно внесли въ поэзію новый духъ, отличный отъ господствующаго духа характерно-«восточнаго» творчества: отвергли безудержную цвѣтистость, необузданное накопленіе красокъ и безграничное нагроможденіе образовъ, что составляетъ необходимое свойство восточной поэзіи. Вотъ почему, за послѣдніе годы, въ наукѣ выдвигается мнѣніе, что армянская поэзія гораздо менѣе подвергалась прямому вліянію Востока, нежели думали раньше, что весь культурный міръ Передней Азіи, въ томъ числѣ и армяне, совмѣстно работали надъ созданіемъ того стиля, который сталъ характернымъ, какъ для лирики арабовъ и персовъ, такъ и для поэзіи армянскаго Средневѣковья.

Но можно оставить въ сторонѣ эти нерѣшенные вопросы о степени вліянія одной литературы на другую. Въ концѣ концовъ это не такъ важно, ибо никакое благодѣтельное «вліяніе» не можетъ создать искусства тамъ, гдѣ нѣтъ его зерна. Какъ ни удобрять и ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если въ почву не были брошены нужныя сѣмена. Вѣка культурной эволюціи бросили такія сѣмена въ душу армянскаго народа, и въ средніе вѣка этотъ сѣвъ всколосился, созрѣлъ и далъ плодъ въ десять разъ и сторицей. Сіяющая всѣми семью цвѣтами радуги, переливающаяся блескомъ всѣхъ драгоценныхъ каменьевъ, благоуханная, какъ полевые цвѣты, и какъ изнѣженные ароматы, то лепечущая, какъ лѣсной ручей, то рокочущая, какъ горный потокъ, знающая усладительныя слова нѣжной любви и обжигающія рѣчи торжествующей страсти, всегда стройная, гармоничная, умѣющая подчинять части общему замыслу,—средневѣковая армянская лирика есть истинное торжество армянскаго духа во всемірной исторіи. Длинный рядъ поэтовъ, преемственно сохранявшихъ традиции своихъ предшественниковъ, постепенно вносившихъ новыя элементы въ содержаніе и неустанно совершенствовавшихъ технику, идетъ отъ XIII до XVI в.—эпохи высшаго расцвѣта средневѣковой лирики, которая затѣмъ частью замираетъ въ созданіяхъ XVII в., частью перерождается въ пѣсни ашуговъ.

Средневѣковая лирика тѣсно связана съ религіозною поэзіей предыдущаго періода и вырастаетъ изъ нея. На рубежѣ стоитъ творчество Іоанна Ерзынкайскаго, гимны котораго нашли себѣ мѣсто въ «Шараканѣ», а дидактическія стихотворенія уже характеризуютъ переходъ къ поэзіи свободной, въ которой поэтъ говоритъ обо всемъ, что непосредственно волнуетъ его въ современности. Но еще отчетливѣе сказывается это въ творчествѣ поэта, жившаго одновременно съ Іоанномъ Ерзынкайскимъ (ум. въ 1326 г.) и извѣстнаго подъ псевдонимомъ Фрикъ (XIII—XIV в., ум., м. б., въ 1330 г.). Кто именно былъ Фрикъ, пока не выяснено. Есть мнѣніе, отождествляющее его со священникомъ по имени Хачатуръ Кечареци, который жилъ въ ту же эпоху и также писалъ стихи; нынѣ это мнѣніе оставлено. Съ именемъ Фрика дошелъ до насъ рядъ стихотвореній, которыя еще не всѣ изданы. Написаны они частью на классическомъ грапарѣ, частью—съ примѣсю формъ разговорнаго языка того времени. Последнее—употребленіе общепонятнаго языка, вмѣсто того, на который 8—9 столѣтіи назадъ было переведено Святое Писаніе и который уже сталъ «мертвымъ» для новыхъ поколѣній,—составляетъ характерную черту отличія «средневѣковыхъ лириковъ» (терминъ, конечно, условный) отъ «религіозныхъ поэтовъ» предыдущаго періода.

Поэзія Фрика—еще дидактична, но уже смѣло подступаетъ къ самой жгучей современности. Подхватывая то теченіе поэзіи, которое отразилось въ «Элегіи на взятіе Эдессы» и въ историческихъ риемованныхъ хроникахъ, Фрикъ въ своихъ стихахъ говоритъ обо всемъ томъ, что видѣлъ своими глазами, какъ непосредственный наблюдатель, о событіяхъ своего вѣка, своего времени, своихъ дней. Во многихъ отношеніяхъ поэмы Фрика можно назвать сатирами въ лучшемъ смыслѣ слова: поэтъ съ горечью изображаетъ тѣ отрицательныя стороны жизни, какія подмѣтилъ (напр., въ приведенныхъ у насъ двухъ стихотвореніяхъ). Но Фрикъ и въ другомъ отношеніи порываетъ съ традиціями своихъ предшественниковъ. «Въ то время какъ большинство древнихъ армянскихъ писателей,—говоритъ А. Чобаніанъ,—приписывало, слѣдуя примѣру библейскихъ пророковъ, бѣдствія, постигавшія Арменію, наказанію за ихъ грѣхи, Фрикъ возстаетъ противъ самого Господа Бога и жалуется на Его несправедливость по отношенію къ армянскому народу». Поэтъ какъ бы начинаетъ грозную тяжбу съ Создателемъ, обвиняя въ

неправедномъ судѣ и Его, и самую сущность вещей, Судьбу (стихотв. «Колесо Судьбы»). Духъ свободной критики впервые загорается въ этихъ стихахъ армянскаго вольнодумца XIV в., послѣ той догматической покорности волѣ Божіей, которой проникнуты стихи гимнотворцевъ «Шаракана».

Въ стихахъ Іоанна Ерзынкайскаго и Фрика армянская лирика освобождается отъ узъ церковности и библейскихъ образовъ. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейти къ чисто-субъективной лирикт. Этотъ шагъ и дѣлаетъ младшій современникъ Іоанна и Фрика,—Константинъ Ерзынкайскій (родившійся въ концѣ XIII и скончавшійся въ серединѣ XIV вѣка). О жизни его мы почти ничего не знаемъ, и изъ его произведеній дошли до насъ только стихи. Тѣмъ не менѣе въ исторіи армянской поэзіи Константинъ Ерзынкайскій долженъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Онъ, между прочимъ, рѣшительно отказался отъ классическаго грапара и сталъ писать на народномъ, живомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ общепринятымъ языкомъ лирики (такъ наз. «средній» или «средневѣковый» армянскій языкъ). Важнѣе, однако, то, что поэтъ заговорилъ не только на языкѣ жизни, но и о самой жизни, ближе, интимнѣе, нежели Фрикъ. Не поучать, не упрекать, не выставять неправду въ сатиру хотѣлъ Константинъ Ерзынкайскій, но—излить въ стихахъ свою душу, съ ея радостями и печалями. Среди армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ Константинъ Ерзынкайскій былъ и первымъ, кто коснулся мотивовъ любви, ставшихъ затѣмъ одной изъ господствующихъ темъ армянской поэзіи.

Въ нашемъ сборникѣ приведена поэма Константина Ерзынкайскаго, озаглавленная «Весна». Несмотря на упоминаніе въ первой строфѣ о благодати Всевышняго, вся эта поэма исполнена духомъ почти языческимъ, дышитъ необузданнымъ веселіемъ бытія. Аскетическій идеаль Средневѣковья, взглядъ на эту земную жизнь, какъ на юдоль скорби, увѣренность, что радости жизни—скверна и грѣхъ, остались гдѣ-то далеко позади. По силѣ, по энергіи стиха и языка, поэма сдѣлала бы честь любой литературѣ Западной Европы того вѣка, и Европѣ даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она, всѣми своими частями, принадлежитъ великому вѣянію Возрожденія, которое тогда едва занималось надъ передовыми странами Запада, и невѣдомыми путями было занесено въ далекія горы Арменіи. Поэтъ радъ веснѣ, счастливъ ею, и не боится,

не стыдится выразить въ стихахъ эту свою радость, это свое счастье. «Поэзія Константина Ерзынкайскаго,—справедливо говорить А. Чобаніанъ,—не созданіе богослова, ученаго и сухого, но плодъ вдохновенія, непосредственнаго порыва».

По путямъ, проложеннымъ Іоанномъ Ерзынкайскимъ, Фрикомъ и Константиномъ Ерзынкайскимъ, пошелъ цѣлый рядъ поэтовъ слѣдующихъ поколѣній,—XIV, XV, XVI в.: Аракель Багешскій, Мкртичъ Нагашъ, Кэробэ, Ованнесь (Ерзыканскій), Ованнесь Тылкуранскій, Саркавагъ Бердакскій, Григорій Ахтамарскій, Газарось (Лазарь) Севастійскій, Нерсесь архимандрить и др. Поэзія ихъ только за послѣдніе годы обратила на себя вниманіе изслѣдователей, такъ что созданія средневѣковой армянской лирики еще далеко не всѣ изданы, собраны и изучены. Разумѣется, не всѣ названные поэты обладали равнымъ поэтическимъ дарованіемъ: однихъ должно поставить выше, другимъ отвести болѣе скромное мѣсто. Но вся эта поэзія объединена тѣмъ же духомъ, сходной техникой стиха, одинаковыми или похожими формами, въ которыя выливалось творчество поэтовъ. Въ то же время въ ней нельзя не отмѣтить опредѣленнаго поступательнаго движенія, развитія, которое вело къ совершенствованію техники и къ углубленію темъ. Зерна, брошенныя зачинателями средневѣковой лирики, всѣ принялись и дали ростки. Заимствуя у своихъ сосѣдей, персовъ и арабовъ, нѣкоторыя темы и нѣкоторые приемы ихъ разработки, армянскіе поэты шли своей дорогой, продолжая дѣло двухъ Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и, частью, желчнаго Фрика.

Опредѣленно «восточный» колоритъ имѣетъ поэма Аракела Багешскаго (поэта послѣднихъ десятилѣтій XIV в.), который изложилъ стихами діалогъ между розой и соловьемъ. Очень возможно, что Аракель Багешскій былъ не первый среди армянскихъ поэтовъ, избравшій такую тему, позднѣе же цѣлый рядъ лириковъ варіировалъ ее то ради красочности самыхъ сопоставленій, то влагая въ слова діалога аллегорическое содержаніе. Одна изъ извѣстнѣйшихъ поэмъ такого рода принадлежитъ Григорію Ахтамарскому, поэту уже XVI в. Историки литературы давно отмѣтили, что образъ соловья, влюбленнаго въ розу,—«испоконвѣченъ» въ восточной поэзіи. Мы его находимъ особенно часто у персидскихъ лириковъ, Джелаледдина (XIII в.), Саади (XIII в.), Гафиза (XIV в.) и мн. др., также у арабскихъ и турецкихъ (позднѣе). Подражалъ ли Аракель

Багешскій какому-либо опредѣленному образцу или воспользовался популярнымъ сюжетомъ, какъ общимъ достояніемъ (какъ имъ воспользовался, напр., въ русской поэзіи, въ XIX в., А. Фетъ въ діалогѣ «Соловей и Роза»), пока не выяснено. Несомнѣнно, однако, что армянскій поэтъ внесъ въ поэму и свое, хотя бы въ заключительныхъ строфахъ, гдѣ истолковываетъ діалогъ аллегорически: соловей это—архангелъ Гавріиль, роза—Богоматерь, царь—Христось. Но и помимо этого внѣшняго добавленія, въ армянской поэмѣ есть особая сдержанность, которой чуждались чисто-«восточные» поэты. Въ нашемъ сборникѣ стихотвореніе Аракела Бакешскаго дано въ отрывкахъ.

Иной характеръ имѣтъ лирика Мкртича Нагаша, — поэта слѣдующаго поколѣнія. Мкртичъ Нагашъ родился, вѣроятно, въ самомъ концѣ XIV в., т.-е. на столѣтіе позже Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и Фрика и на нѣсколько десятилѣтій позже Аракела Багешскаго. Достоверно извѣстно, что Мкртичъ Нагашъ былъ посвященъ въ епископы, въ Сисѣ, въ 1430 г.; смерть поэта относятъ, предположительно, къ 1470 г. Извѣстенъ Мкртичъ Нагашъ также какъ художникъ (самое его имя, Нагашъ, поперсидски, значитъ «живописецъ»), его кисти приписывается много миниатюръ въ рукописяхъ того времени, и онъ считается основателемъ особой школы въ миниатюрной живописи. Эпоха, когда жилъ Мкртичъ Нагашъ, была изъ числа самыхъ тягостныхъ: онъ пережилъ эпидемію моровой язвы, опустошившую Арменію, и не менѣе губительное нашествіе Джаханъ-хана. Въ этихъ событіяхъ поэтъ-епископъ принималъ близкое участіе, всячески стараясь облегчать бѣдствія населенія: посѣщалъ больныхъ, выкупалъ плѣнныхъ и т. п. Но, исполняя свой долгъ епископа, находилъ время и для занятій искусствомъ.

Поэзія Мкртича Нагаша во многомъ подхватываетъ мотивы Фрика. Но за сто лѣтъ, прошедшихъ съ его дней, отношеніе всей Арменіи къ переживаемымъ ударамъ измѣнилось: при Фрикѣ еще была жива память о самостоятельности предшествовавшихъ вѣковъ; при Мкртичѣ Нагашѣ—мусульманское иго уже стало вѣковой традиціей, рана оскорбленнаго національнаго самолюбія, конечно, не зажила, но временно затянулась. Поэтому не только личными особенностями двухъ поэтовъ надо объяснять различіе ихъ поэзіи. Мкртичъ Нагашъ, и въ своей общественной дѣятельности выдѣлявшійся добротой, кротостью, готовностью помогать несчастнымъ, перенесъ и въ поэзію мяг-

кость своей души. Развивая темы Фрика, онъ не возобновляетъ его дерзностнаго спора съ Творцомъ, но съ тихой грустью призываетъ покориться Непобѣдимому. Поэмы Мкртича Нагаша менѣе блестящія, менѣе разнообразныя, нежели стихи нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ Средневѣковья, всѣ проникнуты глубокимъ чувствомъ, и его религиозность выражается интимнѣе, нежели у первыхъ гимнотворцевъ, и въ образахъ болѣе реалистическихъ. Въ этомъ—и значеніе лирики Мкртича Нагаша, какъ новаго этапа въ развитіи армянской поэзіи. Въ нашемъ сборникѣ дано одно изъ характернѣйшихъ стихотвореній Мкртича Нагаша—«Суета міра».

Мотивы страстной любви, впервые затронутые въ лирикѣ Константиномъ Ерзынкайскимъ, были подхвачены въ XV в. цѣлымъ рядомъ поэтовъ. Эта вѣчная тема поэзіи, быть можетъ, всего болѣе отвѣчаетъ самой сущности лирики, искусства, запечатлѣвающаго переживанія личныя, субъективныя, а что сильнѣе волнуетъ душу, нежели любовь? Расцвѣтъ лирики всегда совпадаетъ съ культомъ поэзіи любви; такъ было и въ Арменіи. Наиболѣе яркіе стихи на эту вѣчную тему, въ XV в., писались двумя поэтами, которые оба носили имя Іоанна,—одинъ—Ованнесь Тылкуранскій, другой—просто Ованнесь, или Оаннесь (можетъ быть, также изъ Ерзынкайскихъ монастырей). Ованнесь Тылкуранскій жилъ во второй половинѣ XV в. и былъ уже въ преклонныхъ годахъ католикосомъ въ Сисѣ, отъ 1489 по 1525 г. Кромѣ любовныхъ пѣсень отъ Ованнеса сохранились стихи дидактическаго характера, поученія о страхѣ смерти, о вредѣ вина, о ложныхъ друзьяхъ и т. п. Извѣстно, что еще при жизни Ованнесь Тылкуранскій пользовался, какъ поэтъ, высокимъ уваженіемъ современниковъ. Мы даемъ одну изъ его пѣсень любви, въ которой лишь послѣдняя строфа обличаетъ въ авторѣ его духовный санъ.

Дата жизни другого Ованнеса неизвѣстна: вѣроятно, онъ жилъ также въ XV в., если не въ концѣ XIV в. Дошло до насъ лишь *одно* стихотвореніе Ованнеса, но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтомъ самостоятельное мѣсто въ исторіи лирики. Въ Ованнесь нѣтъ мудрой разсудительности Нагаша: онъ весь—порывъ, страсть, пламя. Но стихотвореніе Ованнеса вскрываетъ такія глубины чувства, которыя стали широко доступны поэзіи лишь въ нашъ вѣкъ. Смѣло можно сказать, что тотъ, мало кому извѣстный, Ованнесь, быть мо-

жетъ, простой монахъ, затерянный въ армянскомъ (думаютъ: Ерзынкайскомъ) монастырѣ XIV или XV в., писавшій почти безъ надежды на читателя,—въ выраженіи своего чувства во многомъ опередилъ всю современную ему поэзію на 2 или 3 вѣка. Такихъ криковъ подлинной страсти нѣтъ ни въ сонетахъ Петrarки, жившаго на столѣтіе раньше, ни въ любовныхъ пѣсенкахъ Ронсара, писавшаго вѣроятно, на столѣтіе позже. Стихотвореніе Ованнеса (повторяемъ, единственное сохранившееся, воспроизведенное у насъ) заканчивается примирительнымъ аккордомъ. Но не это важно: важно, что поэтъ нашелъ такія признанія («О, сердце ты мое сожгла»... и т. д.), которыя вполнѣ понятны стали лишь въ наши дни, послѣ того, какъ дали свои откровенія и Альфредъ де Мюссе, и Гейне, и Бодлэръ...

Высшаго своего расцвѣта средневѣковая лирика достигла въ XVI вѣкѣ, въ которомъ ея наиболѣе характернымъ представителемъ явился Григорій Ахтамарскій. Полагаютъ, что онъ родился на островѣ Ахтамарѣ, на Ванскомъ озерѣ, повидимому, въ самомъ концѣ XV в., былъ членомъ мѣстной духовной общины и позднѣе сталъ Ахтамарскимъ католикосомъ. Поэтъ самъ указываетъ, что одно изъ его стихотвореній написано въ 1515 г.; съ другой стороны онъ былъ современникомъ католикоса всѣхъ армянъ Михаила I (1547—1574 гг.): такимъ образомъ жизнь Григорія Ахтамарскаго падаетъ, приблизительно, на годы 1500—1575. Извѣстно, что положеніе армянскаго народа въ эту эпоху не только не улучшилось, сравнительно съ предшествующими, но, если то возможно, стало еще болѣе невыносимымъ. Посольства армянъ къ государямъ Европы, въ частности въ Венецію, къ папѣ, къ императору Германіи (1547—1550 гг.), не имѣли существеннаго успѣха, а, напротивъ, вызвали озлобленіе въ мусульманахъ. Персы жестоко опустошали армянскія области, а турецкія войска, выступившія противъ персовъ, продолжали эти опустошенія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этихъ бѣдствіяхъ могло служить лишь зарожденіе въ европейскіхъ армянскихъ колоніяхъ первыхъ культурныхъ начинаній: въ 1512 г. была напечатана первая книга на армянскомъ языкѣ; въ серединѣ вѣка, подъ руководствомъ католикоса Михаилла, основана первая армянская типографія, въ Венеціи, перенесенная затѣмъ въ Константинополь. То были первые, слабые ростки грядущаго обновленія.

При такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ мѣстной жизни

долженъ былъ дѣйствовать и творить Григорій Ахтамарскій. Мы ничего не знаемъ о другихъ его литературныхъ трудахъ, кромѣ стиховъ, но сохранившіяся его поэмы (общимъ счетомъ около 20) показываютъ въ немъ, кромѣ вспышекъ поэтического гения, незаурядное литературное дарованіе. Поэмы Григорія Ахтамарскаго всегда глубоко задуманы и, по общей концепціи, по стройности выполненія, принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ въ средневѣковой лирикѣ. Однако, эта стройность плана и затѣмъ—христіанскія идеи, вплетаемая поэтомъ въ стихи, это все, что взялъ отъ Запада поэтъ, всю жизнь проведенной въ глубинѣ армянскаго монастыря. Образы, сравненія, весь духъ поэзіи у Григорія Ахтамарскаго—вполнѣ восточные. Восточнымъ колоритомъ окрашена его «Пѣсня объ одномъ епископѣ» (которую мы даемъ въ выдержкахъ, согласно съ переводомъ К. Костаньянца), вариантъ жалобъ Фрика на несправедливость судьбы. Еще болѣе «восточнымъ» характеромъ отличается «Пѣсня» (также переведенная нами), въ которой поэтъ, прославляя свою милую, подыскиваетъ десятки яркихъ уподобленій, сравнивая ее съ солнцемъ, луной, утренней звѣздой, съ драгоценными камнями, съ благоухающими деревьями, съ блистающими цвѣтами, со всѣмъ, что прекрасно въ мірѣ. Эта пышная поэма, насыщенная напряженностью страсти, по-восточному цвѣтиста и сама похожа на горсть самоцвѣтныхъ камней, стливающихъ всѣми цвѣтами радуги. Духомъ восточной поэзіи проникнуто и третье стихотвореніе Григорія Ахтамарскаго, включенное въ наше собраніе,—«Пѣсня о розѣ и соловѣѣ».

Къ XVI в., вѣроятно, относится и поэзія Наапета Кучака. Теперь установлено, что онъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, съ тѣмъ поэтомъ Кучакомъ, который жилъ въ началѣ XVI в. въ области Вана; Наапеть Кучакъ, повидимому, былъ родомъ изъ окрестностей Акина (Эгины), такъ какъ стихи его, по языку, по складу, по отдѣльнымъ выраженіямъ близко напоминаютъ мѣстныя народныя пѣсни. Но кто бы ни былъ историческій Наапеть Кучакъ и на какіе бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всякомъ случаѣ, онъ жилъ въ концѣ Средневѣковья),—стихи его остаются прекраснѣйшими жемчужинами армянской поэзіи. Среди всѣхъ средневѣковыхъ лириковъ Кучакъ выдѣляется непосредственностью и безыскусственностью своихъ вдохновеній. Это, между прочимъ, даже подало поводъ

къ мнѣнію, что Кучакъ былъ только собирателемъ народныхъ пѣсень, тѣмъ болѣе, что въ его стихахъ встрѣчаются мотивы и цѣлые стихи, безспорно принадлежащіе народной поэзіи. Такое мнѣніе опровергается, однако, явнымъ оттѣнкомъ нѣкоторой книжности (не въ дурномъ смыслѣ слова), лежащемъ на другихъ стихахъ Кучака: онъ могъ пользоваться народными пѣснями, какъ матеріаломъ, но много обрабатывалъ самостоятельно и своеобразно.

Литературное наслѣдіе Наапета Кучака, сравнительно, богато. До насъ дошли отъ него: гномическіе отрывки, обычно—четверостишія, пѣсни любовныя и рядъ трогательныхъ пѣсень изгнанника. Гномы Кучака представляютъ характерные образцы восточной мудрости. Большею частью, это—тѣ же мысли, воплощенныя въ сходные символы, какіе находимъ мы въ поучительныхъ стихотвореніяхъ персидскихъ поэтовъ: о непрочности житейскихъ благъ, о гибельности лжи, о предпочтительности молчанія и т. п.,—но все это овѣяно христіанскимъ отношеніемъ къ міру. Нѣсколько гномическихъ четверостишіи Кучака приведено въ нашемъ сборникѣ. Представлены въ немъ и пѣсни изгнанника Кучака,—въ популярномъ стихотвореніи о журавлѣ («Крункъ»,—впрочемъ, принадлежность этого стихотворенія Кучаку оспаривается). Однако, самое драгоценное среди созданій Кучака—его любовная лирика. Его стихи о любви всѣ очень невелики по размѣрамъ, часто вложены въ форму четверостишія, этого «сонета Востока», какъ давно было сказано. Чисто восточнымъ колоритомъ отмѣчены и образы Кучака,—яркіе, блистательные, порой преувеличенные и неожиданные. Въ стихахъ чувство страсти преобладаетъ надъ чувствомъ духовной любви,—тоже черта, роднящая Кучака съ восточной поэзіей. Но его сила и его очарованіе—въ глубокой искренности его стиховъ. Это не искусственныя разсужденія на избранную тему, не теоретическое или аллегорическое воспѣваніе нѣкоей «милой», которой, можетъ быть, и не существуетъ въ мірѣ. Нѣтъ, стихи Кучака—свободныя изліянія души, признанія въ томъ, что поэтъ дѣйствительно извѣдалъ, записанныя по мѣрѣ того, какъ ихъ подсказывала самая жизнь.

А. Чобаньянъ, у котораго мы заимствуемъ нѣкоторыя черты этой характеристики, проводитъ параллель между поэзіей Кучака и стихами наиболѣе прославленныхъ поэтовъ Востока. Лира Саади, Гафиза и даже Омара-Хайяма служила царямъ

и вельможамъ; эти поэты были придворными, и ихъ поэзія отзывается дворомъ, блеститъ дворцовымъ лоскомъ. Этого нѣтъ въ простыхъ пѣсняхъ Наапета К чака. Онъ независимъ въ выраженіи своихъ чувствъ; онъ ближе къ уличной толпѣ, нежели къ дворцовымъ ступенямъ; его голосъ звучалъ не для «сильныхъ міра сего», а въ народныхъ собраніяхъ. Единственный султанъ, передъ которымъ Кучакъ склонялъ голову, была его вѣчная и властная повелительница—любовь. А. Чобаньянъ предпочитаетъ сравнивать Наапета Кучака съ поэтами XIX вѣка, съ Гейне и Верленомъ, и это справедливо. Въ XVI вѣкѣ Кучакъ далъ въ своей поэзіи образцы истинной лирики, въ томъ смыслѣ, какъ это слово мы понимаемъ теперь,—поэзіи интимной и свободной, личной и ставящей себѣ лишь одну цѣль: выразить чувство, владѣющее поэтомъ въ данный мигъ.

4.

XVII вѣкъ былъ эпохой, когда армянская средневѣковая поэзія замирала. Все безотраднѣе становилось положеніе Арменіи; лучшія силы страны покидали ее,—искали пріюта на чужбинѣ. Выросли и крѣпли армянскія колоніи, гдѣ должна была зародиться новая жизнь, засвѣтить новое армянское Возрожденіе. Въ предѣлахъ же древней Арменіи, опустошаемой, систематически обезлюдиваемой политикой султановъ и шаховъ, почти не оставалось мѣста для литературной работы. И все же за стѣнами монастырей находились трудолюбцы, которые брались за перо, чтобы переписать рукописи болѣе счастливаго прошлаго и чтобы продолжить работу своихъ предшественниковъ. Въ частности не замолкалъ и голосъ поэзіи. Нѣсколько поэтовъ-монаховъ выступило въ Арменіи именно въ XVII в., и бодрые звуки ихъ поэзіи служатъ лучшимъ доказательствомъ той силы народнаго духа, которую не могли сломить никакія испытанія.

На самомъ рубежѣ вѣка стоитъ Іеремія Кемурджіанъ, родившійся въ 1600 г. То былъ довольно плодовитый писатель, много переводившій съ латинскаго и греческаго, писавшій также по вопросамъ богословскимъ, авторъ «Исторіи Оттоманской имперіи», армянской исторіи (современныя ему событія), географіи и мн. др. сочиненій, написанныхъ на классическомъ грапарѣ. Между прочимъ, Кемурджіанъ писалъ также по-ту-

репки и подарилъ турецкой литературѣ переводъ отрывковъ изъ исторіи Моисея Хоренскаго. Но несомнѣнно Кемурджианъ былъ и поэтъ. Кромѣ стихотворной «Исторіи Александра», онъ написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній, по-армянски (на народномъ языкѣ) и по-турецки. Въ своей поэзіи Кемурджианъ продолжалъ традиціи средневѣковой лирики и въ его стихахъ слышенъ подлинный голосъ души. Особенность лирики Кемурджиана состоитъ въ томъ, что славить она преимущественно чувство раздѣленной любви, радость не только любить, но и быть любимымъ. Одно изъ такихъ стихотвореній воспроизведено въ нашемъ сборникѣ.

Значительнѣе и оказала большее вліяніе — поэзія Нагаша Ионатана (или Овнатана), который жилъ уже въ концѣ вѣка и умеръ въ 1722 г. Ионатанъ, какъ и Мкртичъ, былъ художникъ, чему оба и обязаны одинаковымъ прозвищемъ: Нагашу Ионатану принадлежать прекрасныя фрески въ Эчміадзинѣ. Пѣсни Ионатана всѣ славятъ любовь и проникнуты какой-то особенной солнечностью. Мѣстами въ нихъ чувствуется какъ-бы легкая иронія, словно самъ поэтъ чуть-чуть улыбается надъ уже изжитыми формами средневѣковой лирики; но все же въ этихъ пѣсняхъ столько ликованія, такіе смѣлые реалистическіе штрихи, что онѣ захватываютъ читателя непобѣдимо. По пріемамъ творчества, этотъ поэтъ-монахъ почти вполне совпадаетъ съ той народной поэзіей ашуговъ, которая въ ту эпоху начинала получать широкое распространеніе въ Арменіи. Нагашъ Ионатанъ одинъ изъ послѣднихъ поэтовъ-монаховъ и одинъ изъ первыхъ поэтовъ-ашуговъ. Въ этомъ—историческое значеніе его поэзіи, которой, въ нашемъ сборникѣ, мы даемъ три образца: три «пѣсни любви».

Но уже на смѣну умиравшей монастырской поэзіи выступала поэзія ашуговъ. Народные пѣвцы, рапсоды, существовали въ Арменіи съ незапамятной древности; объ нихъ упоминаетъ еще Моисей Хоренскій. Армяне, этотъ «народно-художникъ», любили, чтобы всѣ празднества сопровождались пѣсней. На семейныхъ торжествахъ, вродѣ свадебъ, крестинъ и т. под., въ народныхъ собраніяхъ, просто на базарахъ и въ кофейняхъ—пѣвцы всегда были желанными гостями. Имъ удѣляли почетное мѣсто на пирѣ; ихъ музыкальнымъ инструментамъ (каманча, сазъ, таръ и др.) отводили почетное мѣсто на особой полкѣ; когда раздавалась пѣсня, всѣ смолкали, при-

слушиваясь внимательно. Издавна существовалъ и обычай состязанія между пѣвцами: ашуги поочередно пѣли пѣсни своего сочиненія, и побѣжденный, обыкновенно, уступалъ свою каманчу побѣдителю. Возможно, что многія изъ пѣсенъ, сохранившихся до сихъ поръ въ памяти народа и относимыхъ нами къ «народной поэзіи», были сочинены именно ашугами для одного изъ такихъ состязаній. Но долгое время никто не задумывался надъ тѣмъ, чтобы записать и сохранить эти импровизаціи. Пѣсни жили только въ памяти самого слагателя и тѣхъ, кому самъ авторъ передавалъ ихъ: со смертью этихъ немногихъ—пѣсня исчезала, забывалась, за самыми рѣдкими исключеніями.

Только къ XVIII в. выработался новый типъ ашуга-поэта, народнаго пѣвца, который дорожить своими вдохновеніями и хочетъ сохранить ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ такой ашугъ,—до извѣстной степени, конечно,—сталъ уже человѣкомъ книги, т.-е. знакомымъ съ поэзіей прошлаго. Завѣщая свои стихи будущему, онъ, естественно, начиналъ интересоваться прошлымъ. Наконецъ, повысились и требованія нѣкоторой части народа. Отъ пѣвца стали требовать, на ряду съ традиціонными элементами пѣсни, чего-то большаго: оригинальности и строгости формы, глубины содержанія. Появились придворные ашуги, пѣвцы, пѣвшіе при дворѣ грузинскихъ царей, гдѣ армянскій языкъ получилъ распространеніе, рядомъ съ грузинскимъ. Такъ послѣдовательно, подъ вліяніемъ роста самихъ пѣвцовъ и культурнаго роста народа, создался типъ ашуга-поэта, подхватившаго традиціи средневѣковой армянской лирики и поведшей ее дальше, по новымъ путямъ. Однимъ изъ первыхъ ашуговъ новаго типа былъ пѣвецъ Степаннось (жившій, вѣроятно, въ XVII в.), пѣсни котораго, частью, дошли до насъ и который представленъ въ нашемъ сборникѣ однимъ изъ своихъ красивѣйшихъ стихотвореній.

Пѣвцомъ, вознесшимъ поэзію ашуговъ на недосягаемую до него высоту, былъ Саять-Нова; мощью своего генія онъ превратилъ ремесло народнаго пѣвца въ высокое призваніе поэта. Можно сказать, что все, что сдѣлали предшественники Саять-Новы, ничтожно предъ его подвигомъ и какъ бы померкло въ лучахъ его славы. Саять-Нова первый показалъ и доказалъ своимъ примѣромъ, какая сила таится въ голосѣ народнаго пѣвца,—показалъ, что этотъ пѣвецъ не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророкъ, какъ бы ни казались легкомысленны

темы его пѣсень. Саятъ-Нова воспринялъ манеру своихъ предшественниковъ, но придавъ ей чеканъ совершенства, и вдругъ стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается въ той пѣснѣ ашуговъ, къ которой многіе относились слишкомъ поверхностно. Въ то время, какъ умирала монастырская поэзія ученыхъ монаховъ, Саятъ-Нова далъ почувствовать, что армянская поэзія жива: она только ушла изъ монастырскихъ стѣнъ въ народъ и зазвучала въ свободныхъ пѣсняхъ ашуговъ, распѣваемыхъ на базарахъ, на площадяхъ и на семейныхъ торжествахъ, въ скромныхъ домахъ простолюдиновъ.

Саятъ-Нова наполнилъ своей жизнью весь XVIII в., такъ какъ родился, въ Тифлисъ, въ 1719 г., а умеръ (былъ убитъ), тамъ же, въ 1795 г. Подлинное имя поэта—Арутинъ; Саятъ-Нова—псевдонимъ, означающій, согласно съ разслѣдованіемъ Ов. Туманьяна, «царь пѣснопѣній» или «владыка музыки» (на языкѣ индустани, который былъ широко извѣстенъ въ Передней Азіи). Отецъ отдалъ маленькаго Арутина учиться къ ткачу, но мальчикъ съ раннихъ лѣтъ мечталъ стать ашугомъ: онъ въ свободныя минуты убѣгалъ слушать состязанія пѣвцовъ и самъ учился играть на каманчѣ, на чонгурѣ и на тарѣ. Рано сталъ Арутинъ и сочинять пѣсни, которыя распѣвалъ сначала въ домахъ родственниковъ, потомъ—у знатнѣйшихъ тифлисцевъ, которые приглашали къ себѣ талантливаго юношу. Успѣхъ побудилъ Арутина окончательно отдаться ремеслу пѣвца; онъ принялъ имя Саятъ-Нова и скоро сдѣлался любимѣйшимъ ашугомъ во всемъ Тифлисъ. Сколько можно судить по самымъ сочиненіямъ Саятъ-Новы, онъ успѣлъ приобрести довольно обширныя познанія: въ его стихахъ затрагиваются вопросы довольно сложные, упоминаются различные страны и народы, чувствуются отзвуки поэзіи персидской, у которой, между прочимъ, Саятъ-Нова заимствовалъ формы своихъ пѣсень. Кромѣ того Саятъ-Нова зналъ много языковъ; онъ писалъ свои стихи не только по-армянски, но также по-грузински и по-турецки: до насъ дошло 115 стихотвореній Саятъ-Новы, написанныхъ по-татарски (по-армянски только 46), а грузины считаютъ его своимъ поэтомъ.

Дальнѣйшая жизнь Саятъ-Новы еще не достаточно изслѣдована. Извѣстно только, что онъ пользовался покровительствомъ грузинскаго царя Герекла II, который высоко цѣнилъ дарованіе Саятъ-Новы и сдѣлалъ его своимъ придворнымъ пѣв-

цомъ. При дворѣ грузинскаго царя разыгрался и основной романъ знаменитаго ашуга: его любовь къ грузинской царевнѣ, которой посвящено большинство его стихотвореній. Позднѣе, уже въ немолодыхъ годахъ, Саять-Нова покинулъ блестящую жизнь при дворѣ и вступилъ въ монастырь Сурбь-Нишана, въ Агдабъ; это рѣшеніе поэта связываютъ со смертью его жены Мармарь, въ 1770 г. Въ монашествѣ Саять-Нова принялъ имя Давида, и, согласно съ новѣйшими архивными розысканіями Ов. Туманьяна, былъ возведенъ въ санъ тифлисскаго епископа. Этотъ санъ былъ данъ бывшему ашугу католикосомъ исключительно по настоянію царя. Но и за монастырской стѣной епископъ Давидъ не могъ побѣдить въ себѣ влеченія къ поэзіи: онъ продолжалъ писать стихи и тосковалъ по публичнымъ состязаніямъ. Говорятъ, новый епископъ иногда переодѣвался въ одежду ашуга, тайно уходилъ изъ монастыря, пробирался въ Тифлисъ и все-таки выступалъ передъ народомъ, какъ пѣвецъ. Такъ, однажды, узнавъ, что въ Тифлисъ появился новый ашугъ, затмевающий всѣхъ другихъ, старикъ Саять-Нова не устоялъ передъ желаніемъ померяться съ нимъ силами, надѣлъ свое старое платье бродячаго пѣвца, взялъ свою каманчу и, явившись на состязаніе, одержалъ побѣду надъ молодымъ соперникомъ. Сохранилась переписка, въ которой католикосъ жалуется царю на такое поведеніе епископа Давида, указывая на соблазнъ, проистекающій отсюда для народа; престарѣлому поэту грозило лишеніе сана; но царь попросилъ оставить своего любимаго пѣвца въ покоѣ.

Въ 1795 году Ага-Махмутъ-ханъ персидскій обложилъ Тифлисъ и населенію угрожала жестокая рѣзня. Узнавъ объ томъ, престарѣлый ашугъ, онъ же—епископъ Давидъ, покинулъ свой уединенный монастырь и поспѣшилъ въ столицу, чтобы спасти свою семью. Ему удалось удалиться изъ города своихъ дѣтей въ Моздокъ, гдѣ они были въ безопасности. Но самъ Саять-Нова или не успѣлъ уѣхать или не захотѣлъ покинуть своихъ согражданъ въ бѣдѣ. Какъ бы то ни было, Саять-Нова былъ въ Тифлисъ въ тотъ день, когда городъ былъ взятъ персидскимъ полчищемъ. Поэтъ-епископъ, вмѣстѣ съ толпой народа, молился на колѣняхъ въ соборѣ. Персы потребовали, чтобы всѣ вышли изъ церкви и приняли исламъ. Саять-Нова отвѣчалъ однимъ стихомъ по-татарски:

Изъ храма, нѣтъ! не выйду я, не отрекусь я отъ Христа!

Мусульмане вытащили старика изъ собора силой и убили его на порогѣ. Теперь на этомъ мѣстѣ поставлена мраморная доска, на которой вырѣзаны—даты рожденія и смерти Саятъ-Новы и его три стиха:

Не вѣзмъ мой ключъ гремучій пить,—особый вкусъ ручьевъ моихъ!
 Не вѣзмъ мои писанья чтить,—особый смыслъ у словъ моихъ!
 Не вѣрь: меня легко свалить,—гранитна твердь основъ моихъ!

С держаніе стиховъ Саятъ-Новы на первый взглядъ—однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотвореній. Но какое неисчерпаемое разнообразіе сумѣлъ вложить поэтъ въ эту кажущуюся однотонность! Онъ почти вездѣ говорить о любви, но какъ разноцвѣтны оттѣнки ея въ различныхъ стихотвореніяхъ, всѣ эти переходы отъ тихой нѣжности къ пламенной страсти, отъ отчаянья къ восторгу, отъ сомнѣнія въ самомъ себѣ къ гордому самосознанію художника! Поистинѣ Саятъ-Нову можно назвать «поэтомъ оттѣнковъ». Онъ, въ XVIII вѣкѣ, какъ бы уже исполнилъ завѣтъ, столѣтіе позже данный Верленомъ:

Fas la couleur, rien que la nuance!

Да, не надо яркихъ красокъ! Истинный поэтъ даетъ читателю или слушателю почувствовать все—лишь силою едва замѣтныхъ переходовъ одного цвѣта къ другому. Но какъ, въ то же время, остры, глубоки и сочны въ пѣсняхъ Саятъ-Новы эти «оттѣнки»: ихъ воспринимаемъ мы какъ самые яркіе цвѣта, съ которыми не могутъ соперничать никакіе мазки менѣе удачливыхъ (скажемъ прямо: менѣе гениальныхъ) поэтовъ, накладывающихъ краски слишкомъ густо. Тонкой и нѣжной кистью живописаль Саятъ-Нова, и тѣмъ больше очарованія въ его всегда плѣнительныхъ стихахъ.

Саятъ-Нова утвердилъ, освятилъ для пѣсенъ ашуговъ особую форму стиховъ, приближающуюся къ персидской «газели»; послѣ того эта форма стала излюбленной и господствующей у всѣхъ пѣвцовъ. Непремѣнное повтореніе одного и того же слова (или нѣсколькихъ одинаковыхъ словъ) въ концѣ цѣлаго ряда стиховъ, требуемое этой формой, само уже принуждаетъ поэта и с к а т ь р а з н о о б р а з і я в ь о д н о о б р а з і и. Но въ то же время эта форма, почти независимо отъ поэта, даетъ

особую звучность, углубленную пѣвучесть его стихамъ. У Саять-Новы соединяется съ этимъ чуткая заботливость вообще о звуковой сторонѣ стиха. Пѣсни Саять-Новы исполнены ассонансовъ, аллитерацій, повторныхъ и внутреннихъ риемъ: онъ одинъ изъ высшихъ мастеровъ «звукописи», какихъ знала міровая поэзія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и—дивный эвритмистъ, умѣющей находить новизну напѣва въ общеупотребительныхъ размѣрахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Саять-Нову можно сравнить, въ нашей поэзіи, съ К. Д. Бальмонтомъ. У послѣдователей и подражателей Саять-Новы многія особенности его поэзіи выродились въ условность: изысканная форма свелась къ мертвымъ повтореніямъ, напѣвность—къ пустой игрѣ звуками, тонкая смѣна оттѣнковъ—къ скучной монотонности содержанія. Но у самого Саять-Новы все оживлено и одухотворено силой подлиннаго поэтического гения. Поэтъ былъ правъ, когда заявлялъ гордо, (это—грудость, создавшая «Памятникъ» Горация и Пушкина!): «гранитна твердь основъ моихъ!» Хочется вѣрить, что и къ памятнику Саять-Новы «не зарастетъ народная тропа». Такими поэтами, какъ Саять-Нова, можетъ и долженъ гордиться весь народъ; это—великіе дары Неба, посылаемые не всѣмъ и не часто; это—избранники Провидѣнія, кладущіе благословеніе на свой вѣкъ и на свою родину...

Мощное развитіе поэзіи ашуговъ въ стихахъ Саять-Новы, конечно, вызвало къ жизни множество послѣдователей и подражателей. Быстро создалась «школа Саять-Новы», и, въ сущности, до самыхъ нашихъ дней, армянскіе ашуги всѣ подчинены его неодолимому вліянію, вращаются въ кругу имъ очертанной орбиты. Вотъ почему нѣтъ надобности ближе останавливаться на отдѣльныхъ представителяхъ поэзіи ашуговъ конца XVIII и XIX в. Среди нихъ были пѣвцы талантливые, сумѣвшіе сказать свое слово; не мало было среди нихъ поэтовъ съ настоящимъ даромъ пѣснопѣнія, создававшихъ напѣвныя, ласкающія слухъ строки. Но изъ предѣловъ, захваченныхъ во владѣніе поэзіи ашуговъ Саять-Новой, никто изъ нихъ,—какъ кажется,—не вышелъ. Всѣ остались талантливыми учениками,—не больше. Добавимъ только, что число ашуговъ, т.-е. тѣхъ изъ нихъ, которые стали собирать и записывать свои пѣсни, въ XIX в. весьма значительно. Эта лирика представляетъ большой интересъ, историческій и эстетическій, но мы, въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыми характеризуемъ эволюцію армянской поэзіи,

принуждены обойти ее молчаніемъ. Тѣ 12 стихотвореній Саять-Новы, которыя приведены въ нашемъ сборникѣ, въ нашемъ усиленномъ переводѣ, даютъ достаточное представленіе о различныхъ темахъ и о характерныхъ приемахъ поэзіи ашуговъ.

Исключеніе мы можемъ только сдѣлать для двухъ позднѣйшихъ ашуговъ, во-первыхъ,—чтобы все же охарактеризовать творчество народныхъ пѣвцовъ нашихъ дней, а, во-вторыхъ, потому,—что у обоихъ этихъ поэтовъ, сильнѣе, чѣмъ у другихъ, звучитъ нѣчто свое, новое. Мы говоримъ объ ашугахъ Лункіаносѣ и Дживани. Первый изъ нихъ, Лункіаносъ, родился въ самомъ концѣ XVIII в., въ Эрзерумѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, потомъ оказался въ Египтѣ, служилъ секретаремъ у Ибрагима-паши, но, покинувъ его, отдался бродячей жизни, полной всевозможныхъ лишеній, причемъ побывалъ, между прочимъ, въ Петроградѣ, и умеръ, въ серединѣ прошлаго вѣка въ деревнѣ Вареванъ. Дживани—уже нашъ современникъ; онъ родился въ 1846 г., близъ города Ахалкалаки, рано сдѣлался бродячимъ пѣвцомъ, ашугомъ, организовалъ даже цѣлую труппу пѣвцовъ, и пѣлъ свои пѣсни, съ огромнымъ успѣхомъ, въ Александрополь, въ Тифлисъ, въ Баку, въ Батумъ, въ Карсѣ; скончался Дживани въ 1909 г. Поэзія Лункіаноса замѣчательна своимъ мистическимъ оттѣнкомъ, мало обычнымъ въ пѣсняхъ ашуговъ. Поэзія Дживани болѣе разнообразна, разностороння; поэтъ, въ своихъ пѣсняхъ, касался самыхъ различныхъ темъ,—изъ пѣвца любви становился моралистомъ, воспѣвалъ современныя ему событія, злобы дня, и писалъ застольныя пѣсни и т. под. Между прочимъ, языкъ Дживани—уже современный литературный языкъ, и вообще на пѣсняхъ Дживани сказалось книжное вліяніе. Среди несомнѣнныхъ подражаній Саять-Новѣ и нѣкоторымъ новымъ поэтамъ, Дживани создалъ нѣсколько истинно прекрасныхъ стихотвореній, которыя, вѣроятно, останутся въ армянской поэзіи навсегда. Именно такія пѣсни мы постарались воспроизвести въ нашемъ сборникѣ, также какъ и одну изъ мистическихъ пѣсень Лункіаноса.

Но поэзія Лункіаноса и Дживани относится уже къ слѣдующему періоду. Раньше, чѣмъ ашугъ Дживани началъ слагать свои пѣсни, возникла, выросла и окрѣпла новая армянская поэзія,—поэзія не народныхъ пѣвцовъ, но книжная, «искусственная», какъ обычно (и, конечно, неправильно) ее называютъ.

На Западѣ, въ Константинополь и въ европейскіихъ колоніяхъ армянъ, и въ предѣлахъ Россіи, какъ въ армянскіихъ областяхъ, прежде всего въ Тифлисъ, такъ особенно въ армянской колоніи въ Москвѣ,—началось развитіе ново-армянской литературы, возстановившей связь армянской литературы съ міровой. Выработанъ былъ новый литературный языкъ (точнѣе: два новыхъ литературныхъ языка или нарѣчій, одно—у западныхъ армянъ, другое—у русскихъ), и рядъ поколѣній армянскихъ писателей принялъ на себя трудную, отвѣтственную, но и благодарную задачу,—усвоить армянскому народу все то, что европейскія литературы успѣли свершить за нѣсколько вѣковъ, въ теченіе которыхъ Армения была отрѣзана отъ обще-культурной работы человѣчества.

Исторія ново-армянской литературы есть совершенно особая область знанія. Здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, невозможно будетъ сколько-нибудь обстоятельно изложить эту исторію и прослѣдить всѣ послѣдовательные этапы ея развитія. По многимъ причинамъ (въ томъ числѣ и по недостаточной подготовленности къ такой задачѣ пишущаго эти строки), мы должны будемъ ограничиться лишь указаніемъ на общія черты этого развитія и также лишь общими характеристиками наиболѣе выдающихся дѣятелей. Притомъ, вниманіе мы обратимъ преимущественно на дѣятельность поэтовъ старшихъ поколѣній, въ большей или меньшей степени завершившихъ кругъ своего творческаго подвига, такъ какъ для болѣе молодыхъ писателей, продолжающихъ итти впередъ, измѣняться и искать, еще не наступило время *исторіи*: ихъ поэзія еще всецѣло подлежитъ *критикѣ*, которой не мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

5.

Возрожденіе армянской литературы тѣсно связано съ дѣятельностью конгрегаціи мхитаристовъ, основанной Мхитаромъ Себастианомъ (1676—1749) въ Константинополь, но упрочившейся въ Венеціи. Изъ этой коллегіи вышелъ длинный рядъ ученыхъ, писателей и вообще дѣятелей просвѣщенія. Мхитаристы издали словари и грамматики армянскаго языка (древняго), сочиненія по исторіи Арменіи, переводы классиковъ европейской литературы на армянскій языкъ и много др. сочи-

неній, оказавшихъ могущественное вліяніе. Позднѣе часть мхитаристовъ основала особую коллегію въ Вѣнѣ и продолжала тамъ ту же полезную дѣятельность. Изъ рядовъ мхитаристовъ вышли и первые ново-армянскіе поэты, въ томъ числѣ Багратуни и Алишанъ. Первый Арсенъ Багратуни (1790—1866 г.), былъ представителемъ лже-классицизма, еще господствовавшего въ его время въ европейскихъ литературахъ. Второй, Геондъ Алишанъ, также не избѣгъ этого вліянія, но постепенно освобождался отъ него, что выразилось между прочимъ и въ переходѣ отъ классическаго грапара (на которомъ написаны всѣ болѣе раннія стихотворенія Алишана) къ новому языку (константинопольскому нарѣчію).

Геондъ Алишанъ (1820—1901 гг.) оставилъ много цѣнныхъ научныхъ работъ,—по исторіи, археологіи, географіи и т. под. Но онъ былъ и выдающимся поэтомъ, стихи котораго составили въ общемъ 5 томовъ. Въ технику стиха Алишанъ достигалъ большого совершенства, и его произведенія до сихъ поръ сохраняютъ любовь значительнаго числа читателей, какъ искреннія и красивыя вдохновенія. Алишаномъ написано не мало религиозныхъ стихотвореній, молитвъ и гимновъ; есть поэмы, посвященныя историческому прошлому Арменіи; есть живыя описанія природы; особую глубину стихамъ Алишана придаетъ его трогательная любовь къ родинѣ, воспламеняющаяся судьбой поэта, жившаго на чужбинѣ. Въ нашемъ сборникѣ Алишанъ представленъ стихотвореніемъ «Разданъ», въ которомъ «вѣчная» тема поэзіи—возвращеніе изгнанника въ родной край,—оживлена и согрѣта сильнымъ чувствомъ армянина-патріота.

Однако, истинными основателями «школы турецкихъ армянъ» (или константинопольской) въ ново-армянской литературѣ должно признать двухъ поэтовъ слѣдующаго поколѣнія: Пэшикташляна и Дуріана,—поэтовъ, творчество которыхъ уже всецѣло пользовалось новымъ языкомъ. Чтобы правильно оцѣнить ихъ дѣятельность,—также какъ и дѣятельность работавшихъ параллельно съ ними зачинателей «школы русскихъ армянъ», должно представить себѣ огромность и трудности выдвигающихся задачъ. Предстояло, прежде всего, слѣлавъ выборъ изъ разнообразныхъ діалектовъ, выковать новое орудіе литературной, въ частности поэтической, рѣчи: иначе говоря,—предстояло *создать языкъ*: угадать единство въ противорѣчивыхъ элементахъ народныхъ говоровъ, приспособить этотъ

языкъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ утонченной мысли, сдѣлать его пригоднымъ для отраженія всѣхъ порывовъ души совершеннаго человѣка. Конечно, эту задачу разрѣшали совмѣстно и прозаики и поэты, но на долю тѣхъ, кто писалъ стихами, выпала наиболѣе отвѣтственная ея часть: придать языку красоту при сжатости выраженій. Рядомъ стояла другая задача, не менѣе огромная и не менѣе трудная: усвоить возникавшей новой армянской поэзи всѣ завоеванія европейскихъ литературъ, которыя къ срединѣ XIX вѣка пережили длинную эволюцію, изживъ, одна за другой, школы псевдо-классицизма, сентиментализма, романтизма и уже вступивъ въ періодъ господства реализма. Въ Европѣ уже были и Гете и Шиллеръ, и Викторъ Гюго и Мюссе, и Байронъ и Шелли, не говоря о болѣе раннихъ творцахъ: предстояло основныя черты созданнаго ими сроднить и съ армянской душой. Наконецъ, первые новоармянскіе писатели не имѣли права быть только художниками: положеніе родины обязывало ихъ въ той же мѣрѣ быть трибунами, глашатаями полузабытыхъ истинъ, будить народное самосознаніе, живить и одухотворять любовь къ родному краю, посилено врачевать многовѣковыя раны націи, укрѣплять въ ней силы для борьбы и поддерживать вѣру въ лучшее будущее... Только помня эти великія задачи, изъ которыхъ ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оцѣнить сдѣланное Пэшикташлянѣмъ, Дуріанѣмъ, Патканьянѣмъ, Шахъ-Азизѣмъ и др. «зачинателями», сумѣвшими пребыть и истинными поэтами.

Мкртичъ Пэшикташлянъ (1828—1868 гг.) былъ прямымъ ученикомъ Алишана, такъ какъ воспитаніе получилъ въ обители мхитаристовъ. Но въ монашескій орденъ Пэшикташлянъ не вступилъ и потому его жизнь прошла болѣе бурно, подверженная всѣмъ волненіямъ страстей, надеждъ и разочарованій. Во внѣшнемъ отношеніи жизнь Пэшикташляна была полна тяжелыхъ испытаній; между прочимъ извѣдалъ онъ и борьбу съ матеріальной нуждой; но поэтъ не запятналъ своего образа никакимъ угодничествомъ передъ сильными. Онъ прожилъ свою жизнь скромно, но съ достоинствомъ, работалъ, какъ учитель и былъ боготворимъ учениками, зналъ неудачную любовь, но нашелъ утѣшеніе въ свѣтлой дружбѣ, и, благодаря своему ясному, привѣтливому характеру, пріобрѣлъ гораздо больше друзей, нежели противниковъ. Уже при жизни избранные

круги общества сумѣли оцѣнить творчество Пэшикташляна, и въ дни его послѣдней, предсмертной болѣзни множество лицъ постоянно освѣдомлялось о его здоровьи, что крайне трогало скромнаго поэта.

Наибольшую популярность имѣли трагедіи Пэшикташляна, особенно тѣ, сюжетъ которыхъ взятъ изъ армянской исторіи; несмотря на условность формы, драмы эти имѣли облагораживающее значеніе возвышенностью своего содержанія. Въ лирикѣ—лучшія вещи Пэшикташляна тѣ, въ которыхъ дышитъ патріотичное чувство: поэтъ умѣлъ подходить къ такимъ темамъ не банально и каждый разъ придавать своимъ стихамъ привлекательность новизны. Но, и какъ поэтъ природы, Пэшикташлянъ имѣетъ право на вниманіе, такъ какъ онъ ее понималъ и любилъ, «дышалъ одною жизнью» съ ней. Темамъ любви также отдано значительное мѣсто въ поэзіи Пэшикташляна. Ю. Веселовскій, въ очеркѣ о творествѣ Пэшикташляна, справедливо говоритъ, что «поэтъ обладалъ необыкновенною способностью соединять въ своихъ эротическихъ стихотвореніяхъ восточную роскошь красокъ съ міросозерцаніемъ и духовнымъ міромъ культурнаго европейца». Въ этомъ отношеніи Пэшикташлянъ являлся истиннымъ продолжателемъ основной традиціи древней армянской поэзіи. Остается добавить, что въ поэзіи Пэшикташляна сказывается вліяніе Гейне и Мюссе и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ XIX вѣка и что поэтический языкъ, въ его стихахъ, еще носитъ слѣды ранняго періода своего образованія. Въ нашемъ сборникѣ Пэшикташлянъ представленъ восемью стихотвореніями, характеризующими его какъ поэта родины, любви и природы.

Совершенно иного типа была личность Петроса Дуріана (1851—1872 гг.), поэта слѣдующаго поколѣнія, умершаго почти 20-лѣтнимъ юношей и прорѣзавшаго небосклонъ армянской литературы какъ яркій метеоръ. Родившись въ бѣдной семьѣ константинопольскаго армянина, учившійся только въ народной школѣ, не имѣвшій никакихъ покровителей или вліятельныхъ друзей, Дуріанъ одному себѣ обязанъ и своимъ образованіемъ и своими успѣхами въ литературѣ. Страстный, порывистый, но настойчивый, Дуріанъ всю жизнь боролся,—и съ нуждой, и съ непониманіемъ современниковъ, и съ міровыми предрасудками, свойственными не однимъ только армянамъ. Авторъ ряда драматическихъ произведеній, выступавшій на сценѣ и какъ актеръ, Дуріанъ наиболѣе силенъ, какъ лирикъ; но лирика

всегда—голосъ молодости, и ранняя кончина Дуріана не позволяетъ судить, какимъ могъ бы онъ стать драматургомъ, если бы могъ творить уже послѣ опыта жизни.

Романтикъ, и по убѣжденіямъ и по природѣ, Дуріанъ въ своихъ, сравнительно, немногочисленныхъ пѣсняхъ, прокричалъ міру о своей страстной любви къ родному народу, о своей вѣрѣ въ самого себя, о своихъ страданіяхъ, которыя были бы страданіями каждаго мыслящаго человѣка въ окружавшей поэта средѣ, и, наконецъ, бросилъ (въ стихотв. «Упреки») свой вызовъ Богу, нѣсколько романтически-преувеличенный, но захватывающій душу искренностью и глубиной чувства... Юноша Дуріанъ остается въ исторіи армянской поэзіи, какъ яркій, огненный штрихъ: среди другихъ, болѣе спокойныхъ поэтовъ, онъ показалъ, что значитъ въ творчествѣ «темпераментъ», сила непосредственныхъ переживаній, часто не только замѣняющихъ «школу», «технику», но безмѣрно возвышающихся надъ ними... Въ этомъ—историческое значеніе творчества Дуріана, особенно важное и именно для поэзіи «турецкихъ армянъ», послѣдующіе дѣятели которой порой грѣшили излишней выдержкой, клонясь къ холоду парнассизма и ставя себя идеаломъ его «непогрѣшимость». Впрочемъ, многія стихотворенія Дуріана, и по формѣ, достигаютъ большой изысканности: особенно же изящно умѣлъ поэтъ строить строфу, въ чемъ учителями ему служили его любимѣйшіе французскіе поэты: Викторъ Гюго и Ламартинъ. Въ нашемъ сборникѣ мы стремились представить поэзію Дуріана во всѣхъ ея наиболѣе характерныхъ образцахъ.

Наряду съ Пешикташлянью и Дуріаномъ въ школѣ «турецкихъ армянъ» работало не мало другихъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ падаетъ на два среднихъ двадцатипятилѣтія XIX в. (между 1825 и 1875 гг.). Среди этихъ поэтовъ, безусловно, были писатели съ дарованіемъ, произведенія которыхъ не прошли безслѣдно для армянской литературы. Изъ болѣе раннихъ, таковы—Галфаянъ (Хоренъ Наръ-Бей, 1831—1892 гг.), также членъ общины мхитаристовъ, впрочемъ, впоследствии выступившій изъ нея, и Ачемьянъ (р. въ 1838 г.), драматургъ и лирикъ, авторъ нѣсколькихъ красивыхъ стихотвореній. Какъ эти два писателя, такъ и нѣкоторые изъ ихъ преемниковъ (назовемъ: Восканіана, Руссиньяна, Тцеренца; въ «Смирнской школѣ»: Мамуріана, Отіана, Пароніана, Демирчибашьяна), безспорно,—писатели съ дарованіемъ. Въ ихъ произведеніяхъ ново-

армянскій языкъ выработывался, очищался и обогащался, новыми словами, и оборотами. Одновременно съ тѣмъ, дѣятели школы «турецкихъ армянъ», не по сознательному методу, но просто подчиняясь влеченію личныхъ симпатій, «пересаживали», такъ сказать, на армянскую почву цвѣты западной поэзіи, особенно — французской. Въ рядѣ прямыхъ переводовъ, сознательныхъ подражаній и невольныхъ реминисценцій, эти поэты усвоили армянской поэзіи мотивы французскихъ романтиковъ и, отчасти, парнасцевъ: В. Гюго, А. де-Виньи, А. де-Мюссе, Ламартина, Сюлли-Прюдома и мн. др. Такая дѣятельность и подготовила богатый расцвѣтъ послѣдующаго періода этой школы (конецъ XIX и начало XX вѣка). Рядъ поэтовъ (мы не будемъ здѣсь перечислять ихъ имена), съ большимъ совершенствомъ, разработалъ *технику*, обточилъ стихъ, обострилъ риѣму, испробовалъ всѣ формы (съ особой любовью культивируя сонетъ) и передалъ въ руки слѣдующаго поколѣнія превосходно-настроенный инструментъ, способный выразить всю гамму раздумій и чувствованій современнаго человѣка.

Иными путями шло развитіе школы «русскихъ армянъ», дѣятели которой выступили на литературное поприще позднѣе. Въ то время, какъ на Западѣ, благодаря дѣятельности мхитаристовъ, уже съ XVIII вѣка существовала новая армянская литература, хотя и пользовавшаяся для своего выраженія мертвымъ грапаромъ, русскіе армяне долгіе годы не имѣли, строго говоря, своей литературы (если не считать совершенно разрозненныхъ попытокъ, изданія нѣкоторыхъ учебниковъ, рукописныхъ сочиненій и т. под.). Только къ срединѣ вѣка вопли созрѣла потребность дать литературное выраженіе новому народному духу и, приблизительно около той же эпохи, когда западные армяне стали дѣлать попытки писать на константинопольскомъ нарѣчій, у русскихъ армянъ возникло первое произведеніе на араратскомъ нарѣчій, ставшемъ затѣмъ общепринятымъ: то былъ романъ Хачатура Абовьяна (1803—1848 гг.), «Раны Арменіи», написанный въ 40-хъ годахъ (но напечатанный лишь въ 1858 г.). Затѣмъ, въ 50-хъ годахъ было положено основаніе періодической печати на разговорномъ языкѣ: въ 1850—1851 г., въ Тифлисѣ, Габріэль Патканьянъ (отецъ будущаго поэта), издавалъ первый, въ Россіи, армянскій журналъ «Араратъ»; въ 1858 г., возникъ, благодаря энергической дѣятельности С. Назарьянца и М. Налбандяна, въ Москвѣ, другой

армянскій журналъ «Сѣверное Сіяніе», продержавшійся нѣсколько лѣтъ; Г. Арцруни была основана, въ 1872 г., въ Тифлисѣ газета «Мшакъ», издающаяся и понынѣ... Эти изданія вызвали къ жизни цѣлую литературу: публицистическихъ статей, разсказовъ, также—романовъ и стиховъ. Изъ первыхъ дѣятелей литературы, среди русскихъ армянъ, должны быть отмѣчены имена—Раффи (1835—1888 гг.), стяжавшаго большую и заслуженную популярность своими, широко задуманными романами, Габріэля Сундукьяна (1825—1912 гг.), не менѣе извѣстнаго создателя армянскаго театра, автора превосходныхъ бытовыхъ драмъ, Перча Прошьянца (романъ «Сось и Вартитеръ», 1860 г., написанный, однако, на аштаракскомъ нарѣчій), и, наконецъ, зачинателей новой поэзіи—Р. Патканьяна и С. Шахъ-Авиза.

Рафаэль Патканьянъ (1830—1892 гг.) вышелъ изъ семьи, преданной литературнымъ интересамъ. Дѣдъ поэта, Керовпэ, выходецъ изъ Константинополя, учившійся у мхитаристовъ въ Венеціи и затѣмъ поселившійся въ Нахичевани на Дону, сочинялъ пѣсни, охотно распѣвавшіяся современниками. Отецъ поэта, Габріэль, по сану—священникъ, тоже писалъ стихи и еще больше времени отдавалъ публицистикѣ, основавъ (какъ мы указывали) первый, въ Россіи, армянскій журналъ. Всѣ три сына Габріэла стали писателями: Микаэль,—кромя статей публицистическаго характера, писалъ комедіи и организовалъ первый, въ Тифлисѣ, публичный театръ; Керовпэ,—заявъ въ Петроградскомъ университетѣ каѳедру армянской словесности и исторіи, оставилъ рядъ научныхъ трудовъ и рядъ стихотворныхъ переводовъ европейскихъ классиковъ; наконецъ, Рафаэль Патканьянъ—сталъ знаменитымъ поэтомъ. Отецъ, съ раннихъ лѣтъ, поощрялъ литературные интересы въ своихъ дѣтяхъ, такъ что будущій поэтъ, съ дѣтства, дышалъ атмосферой литературы. Между прочимъ, отецъ самъ поправлялъ его отроческіе стихи и, позднѣе, нѣкоторые изъ нихъ напечаталъ въ своемъ «Араратѣ». Начальное образованіе Рафаэль также получилъ подъ руководствомъ отца, такъ какъ тотъ содержалъ въ Нахичевани школу; затѣмъ, въ 1843 г., будущій поэтъ перешелъ въ Московскій Лазаревскій институтъ (основанный въ 1815 г.); наконецъ, съ 1852 г., слушалъ лекціи въ Юрьевскомъ университетѣ. За эти школьные годы Патканьяномъ было написано множество стихотвореній: самыя раннія—на грапарѣ, послѣдую-

шія—на разговорномъ языкѣ, однако, смѣшанномъ изъ разныхъ діалектовъ (эриванскомъ, ново-нахичеванскомъ, астраханскомъ), и только относящіяся къ концу этого періода—на томъ «новомъ литературномъ языкѣ», который тогда сталъ завоевывать права гражданства. Многія изъ юношескихъ стихотвореній Патканьяна исполнены одушевленіемъ молодости и понынѣ охотно поются армянской молодежью. Но серьезная литературная работа началась для Патканьяна лишь съ середины 50-хъ годовъ.

Въ 1855 г., Патканьянъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами издалъ первый сборникъ стиховъ (подъ псевдонимомъ Гамарь-Катипа), возбудившій общее вниманіе; эпиграфъ книжки гласилъ: «пиши такъ, какъ говоришь, и говори такъ, какъ пишешь» (Карамзинъ). Стихотвореніе «Слезы Аракса», появившееся вслѣдъ затѣмъ, сдѣлало имя молодого поэта популярнымъ, и эта популярность росла съ появленіемъ новыхъ стихотвореній и новыхъ книгъ Патканьяна. Одно время онъ издавалъ, въ Петроградѣ, армянскій журналъ «Сѣверъ»; но скоро прекратилъ его, переселился въ родной городъ и здѣсь, подобно своему отцу, занялся педагогической дѣятельностью, такъ какъ одна литература еще не могла, въ то время, обезпечить жизнь армянскаго писателя. Но задушевнымъ дѣломъ Патканьяна оставалась все же литература: онъ продолжалъ дѣятельно сотрудничать въ армянскихъ періодическихъ изданіяхъ, и его стихи тотчасъ становились достояніемъ всего народа, видѣвшаго въ Патканьянѣ своего національнаго поэта. Рано перешли его стихи и въ школу, такъ что дѣти воспитывались на его поэзіи. Послѣдніе годы жизни Патканьяна были окружены всеобщимъ признаніемъ и почитаніемъ, въ которомъ исчезали голоса отдѣльныхъ недоброжелателей, раздраженныхъ обличительными сатирами поэта. Однако, матеріальное положеніе уже знаменитаго писателя все же оставалось необезпеченнымъ; чтобы дать возможность Патканьяну серьезно лечиться отъ грознаго недуга, пришлось прибѣгнуть къ общественной помощи... Необходимыя средства были собраны, но спасти поэта уже не удалось: онъ скончался въ родномъ городѣ и тамъ же похороненъ, хотя выражалъ желаніе покойтись въ Эчмиадзинѣ, гдѣ теперь воздвигнутъ Патканьяну скромный памятникъ-бюсть.

Значеніе поэзіи Патканьяна трудно оцѣнить въ полной мѣрѣ читателю не-армянину. Ея основная сила въ чувствѣ высокаго патріотизма, въ той огненной и безкорыстной любви къ

родному народу, которая выражается не въ однихъ диѳирамбахъ, но и въ горькихъ сатирахъ. Истинная любовь не чуждается гнѣва и даже ненависти, и именно потому вѣришь въ глубину любви Патканьяна, что онъ смѣлъ ненавидѣть въ родной странѣ все, достойное ненависти, и умѣлъ разить гнѣвными стрѣлами все, заслуживающее такихъ ударовъ. Есть поэты, которые искренно любятъ родину, но ихъ любовь—слѣпая, разливающаяся, безъ различія, на все «родное»; любовь другихъ—безотчетная, не сознающая, на что именно она направлена, подобная привязанности звѣря къ тому лѣсу, гдѣ онъ родился; бываютъ и третьи, готовые любить родину изъ корыстныхъ цѣлей... Не таковъ патріотизмъ Патканьяна: его не ослѣпляетъ любовь, онъ видитъ грѣхи и язвы родного народа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, за что его любить и что въ немъ любить. Это—патріотизмъ дѣйственный, обязывающій не къ безличнымъ восторгамъ, но къ рѣшающимъ поступкамъ; это—любовь оживляющая другихъ и самому поэту дающая черпать изъ себя все новыя силы. Но, конечно, надо быть сыномъ своего народа, чтобы вполне понять могучее впечатлѣніе, которое должна производить поэзія, проникнутая силой такой любви...

Патканьянъ писалъ публицистическія статьи и беллетристическіе очерки (на нахичеванскомъ нарѣчій, широко популярны въ Нахичевани), но его обще-народное значеніе покоится на его лирикѣ. Пѣсни Патканьяна назначены для народа, и потому въ нихъ нѣтъ «особенной заботы объ отдѣлкѣ языка» (опредѣленіе Ю. Веселовскаго); въ частности, самый языкъ Патканьяна представляетъ соединеніе разныхъ элементовъ, такъ что въ немъ смѣшиваются различныя армянскіе діалекты. Но зато поэтъ умѣлъ найти выраженія мѣткія, прямо попадающія въ цѣль, и, въ каждомъ стихотвореніи, выдвинуть впередъ все самое важное; благодаря этому, стихи Патканьяна производятъ впечатлѣніе непосредственное, чѣмъ и объясняется ихъ огромный успѣхъ въ массѣ читателей. Поэзія Патканьяна, во многихъ отношеніяхъ, была выраженіемъ того, что другіе смутно чувствовали въ себѣ; поэтъ какъ бы сталъ голосомъ своего народа, далъ языкъ нѣмощствующей массѣ, и каждый читатель чувствовалъ какъ бы самого себя авторомъ прочитаннаго стихотворенія. Основой въ поэзіи Патканьяна является мысль: содержаніемъ—сильный подъемъ патріотическаго чувства; все остальное—лишь прикрасой. Стихи Патканьяна,

прежде всего и больше всего,—голосъ учителя, въ которомъ такъ нуждался армянскій народъ въ ту эпоху... Разумѣется, все это относится къ главнымъ созданіямъ Патканьяна, такъ какъ у него есть отдѣльныя стихотворенія другого характера,—выражающія чувство любви, отражающія красоту природы и т. п. Нѣкоторымъ стихотвореніямъ приданъ пѣсенный складъ, съ повтореніемъ припѣва въ каждой строфѣ, и этотъ приѣмъ, заимствованный изъ народной поэзіи, придаетъ стихамъ новую силу. Въ нашемъ сборникѣ Патканьянъ представленъ преимущественно, какъ поэтъ идеи и національный пѣвецъ, ибо таково его историческое значеніе. Представлены въ сборникѣ и наиболѣе популярныя стихотворенія Патканьяна, какъ «Слезы Аракса» и «Пѣснь храбраго Вартана-Мамиконьяна».

Другимъ характеромъ запечатлѣна поэзія Сибата Шахъ-Азиза (1841—1907 гг.). У него не было, какъ у Патканьяна, темперамента бойца и властнаго голоса учителя, хотя цѣли двухъ поэтовъ и пониманіе ими задачъ поэзіи—схожи. Шахъ-Азизъ, опять въ отличіе отъ Патканьяна, посвятилъ поэзіи не всю свою жизнь, но отдалъ ей лишь порывы юности и отдѣльныхъ періодовъ зрѣлаго возраста. Сынъ священника, родомъ изъ села Аштаракъ (Эриванской губ.), рано потерявшій отца, Шахъ-Азизъ воспитывался въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ, началъ писать еще на школьной скамьѣ и, въ 1860 г., издалъ, подъ заглавіемъ «Часы досуга», сборникъ юношескихъ стихотвореній. Болѣе серьезныя стихотворенія были опубликованы поэтомъ въ его второй книгѣ стиховъ, 1865 г., гдѣ появилась и большая поэма, названная «Скорбь Леона». Затѣмъ, только въ 1893 г., Шахъ-Азизъ издалъ третій и послѣдній сборникъ стиховъ, впрочемъ, весьма небольшой по объему. Помимо стиховъ, Шахъ-Азизъ участвовалъ въ литературѣ, какъ публицистъ, и написалъ довольно много статей, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ Лазаревскомъ институтѣ Шахъ-Азизъ занималъ должность преподавателя армянскаго языка и исполнялъ свои обязанности почти до самой своей смерти. Насколько извѣстно, жизнь его прошла безъ особыхъ волненій; не было у него и литературныхъ враговъ, и его старость была скрашена всеобщимъ уваженіемъ, покоившимся почти исключительно на стихахъ, собранныхъ въ сборникѣ 1865 г. Стихи Шахъ-Азиза получили широкое распространеніе; ихъ охотно

пѣли, изучали въ школахъ, и поэтъ былъ признанъ въ числѣ классиковъ ново-армянской литературы.

«Ораторство—*faculté maîtresse* Шахъ-Азиза», говоритъ М. Берберьянъ, и это совершенно справедливо. Тотъ же критикъ отмѣчаетъ «недостатки формы» въ поэзи Шахъ-Азиза: «слишкомъ однообразный размѣръ стиховъ, невыдержанный ритмъ и неправильную риемовку». Если добавить, что темы стиховъ Шахъ-Азиза—всѣ обычные, основныя темы лирики: любовь, чувство патриотизма, картины природы и раздумья надъ вѣчными» вопросами, то образъ поэта станетъ ясенъ. Шахъ-Азизъ самъ признавалъ, что, по его убѣжденію, дѣло поэта—«служить своей лирой обществу». Въ исторіи армянской поэзи Шахъ-Азизъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ Патканьяномъ, хотя уступаетъ ему въ непосредственномъ дарованіи,—такъ какъ выполнялъ ту же историческую задачу: ковать новый языкъ и будить національное чувство. Тотъ же М. Берберьянъ, говоря о патриотическихъ стихотвореніяхъ Шахъ-Азиза, которые называетъ «его рѣчами о патриотизмѣ, облеченными въ стихотворную форму», добавляетъ: «декламаторскій тонъ нѣсколько парализуетъ ихъ силу». О любовныхъ стихахъ Шахъ-Азиза этотъ критикъ выражается такъ: «какъ бы ни была сильна любовь, наружное спокойствіе не покидаетъ поэта; пылкихъ излияній чувствъ въ у него не найдете». Наконецъ, о философскихъ раздумьяхъ поэта тамъ же читаемъ: «не имѣя философскаго образованія, онъ съ жадностью хватался за всѣ, болѣе или менѣе ясно выраженные идеи; потому-то въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ (у Шахъ-Азиза) много неяснаго». Таковы ограниченія, которыя армянскій критикъ счелъ необходимымъ сдѣлать къ оцѣнкѣ Шахъ-Азиза, отмѣтивъ его «богатый и изящный слогъ» и нѣсколько стихотвореній, являющихся «украшеніемъ армянской лирики». Мы, въ нашемъ сборникѣ, постарались представить эти стихотворенія, въ томъ числѣ, дѣйствительно, очаровательное—«Сонъ».

Современникомъ Патканьяна и Шахъ-Азиза былъ поэтъ Георгъ Додохьянъ, среди стихотвореній котораго есть одно—о ласточкѣ (представленное въ нашемъ сборникѣ), прелестная пѣсня, остающаяся украшеніемъ всѣхъ антологій армянской поэзи. Этой пѣснѣ, конечно, суждено жить, пока живъ будетъ или хотя бы будетъ изучаемъ армянскій языкъ. Подобно французскому поэту Арно, автору стихотворенія о «Листикѣ», До-

дохьянъ—поэтъ одного стихотворенія, но имъ онъ навсегда пріобрѣлъ себѣ мѣсто въ исторіи армянской литературы.

6.

Рядомъ съ названными «зачинателями» армянской поэзіи среди «русскихъ» работали и другіе, дѣятельность которыхъ, какъ и второстепенныхъ поэтовъ школы «турецкихъ армянъ», имѣла свое историческое значеніе. Такъ, писали стихи, представлявшіе несомнѣнныя достоинства, и Хачатуръ Абовіанъ и Раффи, но значеніе этихъ писателей покоится не на стихахъ, а на написанныхъ ими романахъ. Также болѣе романистомъ былъ Газаросъ Агаянъ (1840—1912 гг.), впрочемъ, оставившій превосходную «пѣсню о прялкѣ» (также включенную въ нашъ сборникъ). Рядъ другихъ поэтовъ развивали темы Патканьяна и Шахъ-Азиза, «подыгрывая» имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и двигая ихъ дѣло впередъ. Однако, подлинное раскрытіе всѣхъ богатствъ, заложенныхъ въ армянской поэзіи, суждено было только слѣдующему поколѣнію, — поэтовъ, родившихся въ 60-хъ годахъ XIX в. и, слѣдовательно, выступившихъ на литературное поприще въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Въ исторіи всѣхъ литературъ извѣстны такія эпохи, когда для поэзіи вдругъ наступаетъ время цвѣтенія, словно для вишневаго дерева съ наступленіемъ весны. Такую эпоху и пережила поэзія «русскихъ армянъ», когда въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка одинъ за другимъ стали выдвигаться—Іоаннисіанъ, Цатуріанъ, Турманьянъ и Исаакіанъ.

Іоаннесъ Іоаннисіанъ (род. въ 1864 г.) выступилъ съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1886 г., въ эпоху, когда поэтическая дѣятельность Шахъ-Азиза временно прервалась, а—Патканьяна стала нѣсколько менѣе интенсивной, и былъ сразу встрѣченъ сочувственно и критикой и читателями. Съ тѣхъ поръ Іоаннисіанъ, до послѣдняго времени, продолжаетъ работать, какъ поэтъ, помѣщая свои стихи въ періодическихъ изданіяхъ, хотя отдѣльныхъ книгъ имъ издано немного (съ его именемъ вышло всего 3 сборника стиховъ). Образованіе Іоаннисіанъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, что позволило ему вполне овладѣть русскимъ языкомъ и дать позднѣе нѣсколько мастерскихъ переводовъ различныхъ произведеній русской поэзіи. Нѣкоторое время Іоаннисіанъ былъ преподавателемъ въ

Эчмиадзинской академіи, затѣмъ—въ семинаріи въ Тифлисъ; за послѣдніе годы—переселился въ Баку, гдѣ занялъ должность инспектора городскихъ училищъ. Человѣкъ прекрасно образованный, воспитавшій свой вкусъ на классическихъ образцахъ міровой литературы, Іоаннисіанъ, въ многихъ отношеніяхъ, былъ создателемъ новѣйшей фазы новой армянской поэзіи: многіе ея дѣятели являются или прямыми учениками Іоаннисіана или связаны съ нимъ узами дружбы и не избѣгали его благотворнаго воздѣйствія.

Указанныя черты характера Іоаннисіана опредѣляютъ и характеръ его поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что его творчество, какъ и у всѣхъ истинныхъ поэтовъ, развилось лишь подъ вліяніемъ внутреннихъ, «бессознательныхъ» импульсовъ. Но, рассматривая его со стороны, можно подумать, что оно является результатомъ методически выполняемаго плана. Іоаннисіанъ словно ставилъ себѣ задачей—указать всѣ пути и дать всѣ образцы лирики. Пѣсня, ода, элегія, обработка исторической легенды, философское раздумье,—всѣ эти и другія основныя формы лирики были любовно и тщательно культивированы Іоаннисіаномъ. Онъ, съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ его предшественники отнесся также къ техникѣ своего искусства: языкъ Іоаннисіана чистъ и обдуманъ, его размѣры строго выдержаны, и его риѣма подчинена опредѣленнымъ законамъ. Выдающейся особенностью поэзіи Іоаннисіана является ея близость къ народной пѣснѣ: поэтъ обработалъ нѣкоторыя древнѣйшія пѣсни и преданія (напр., пѣсню о рожденіи Ваагна, легенду о царѣ Арташесѣ), воспользовался мотивами и риѣмами народной лирики, и нѣкоторыя стихотворенія Іоаннисіана вернулись въ народъ: поютъся, какъ подлинныя народныя пѣсни, утративъ имя своего автора (напр., пѣсня: «Аразъ течеть, волной біа...»). Конечно, это—одна изъ высшихъ наградъ, о которой только можетъ мечтать поэтъ. Въ этомъ смыслѣ, Іоаннисіанъ, по истинѣ, поэтъ, національный. Между прочимъ связь новой поэзіи съ народной—характерна вообще для всей школы «русскихъ армянъ»: въ этомъ сказалась ея «традиционность», въ противоположность школѣ «турецкихъ армянъ», которая тѣснѣе связана съ теченіями «Запада»,—новыхъ европейскихъ литературъ. Ту же близость къ народной поэзіи находимъ мы въ творчествѣ Туманьяна и Исаакіана.

Ованнѣсъ Туманьянъ (род. въ 1869 г.) представляетъ срав-

нительно съ Іоаннисіаномъ, типъ поэта болѣе страстнаго, болѣе непосредственнаго. Уроженецъ горнаго Лори, во многихъ отношеніяхъ автодидактъ, человѣкъ огромной, но не систематической начитанности, влюбленный въ армянскую старину и близкій духомъ ко всему укладу народной жизни, Туманьянъ какъ бы олицетворилъ собою типъ кужанина, въ которомъ причудливо сочетаются два начала: кейфъ и геній. Нынѣ уже почти «патріархъ» новой поэзіи, такъ какъ уже успѣло вырости новое поколѣніе поэтовъ, принесшихъ съ собою новые идеалы, Туманьянъ является центромъ всей армянской литературной жизни въ Тифлисѣ. Популярность Туманьяна, какъ поэта, огромна и особенно растетъ благодаря тому, что имъ написано много дѣтскихъ книжекъ,—сказокъ, легендъ, рассказовъ, большею частью въ стихахъ,—которыя съ жадностью читаются дѣтьми. Такимъ образомъ подрастающія поколѣнія учатся любить слово и поэзію по страницамъ Туманьяна, и черезъ его стихи впитываютъ въ себя любовь къ родному языку. Въ то же время Туманьянъ охотно сотрудничаетъ въ мѣстной армянской прессѣ, давая преимущественно статьи по вопросамъ, связаннымъ съ исторіей литературы. И, кажется, нѣтъ во всемъ Тифлисѣ человѣка, кто не зналъ бы характерной сѣдой головы поэта и не любилъ бы его, какъ благороднаго человѣка и прекраснаго писателя.

Никакого методическаго плана, какой чудится (конечно, несправедливо) въ поэзіи Іоаннисіана, въ творествѣ Туманьяна усмотрѣть невозможно: оно разливалось свободно, какъ весенняя вода, подчиняясь лишь прихотливому вдохновенію художника. И вообще все творчество Туманьяна носить на себѣ черты импровизаторскаго таланта (что не исключаетъ работы художника надъ своими произведеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны въ двухъ и трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ). Наибольшей силы поэзія Туманьяна достигаетъ въ лирическихъ поэмахъ, гдѣ сказывается всестороннее знаніе народной жизни и живое проникновеніе въ глубь народнаго духа. Для читателей другого народа знакомство съ поэмами Туманьяна (напр., съ его «Анушь») даетъ больше въ познаніи современной Арменіи и ея жизни, чѣмъ могутъ дать толстые томы спеціальныхъ изслѣдованій. Поэтъ, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, возсоздаетъ бытъ роднаго народа, но дѣлаетъ это, какъ художникъ, вызывая къ жизни незабывающіеся образы, не столько индиви-

дуализованные, сколько типическіе. Нѣкоторая небрежность стиха щедро искупается у Туманьяна чуткимъ пониманіемъ ритма и рѣдкимъ даромъ звукописи. Въ цѣломъ, поэзія Туманьяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатлѣнная въ стихахъ большимъ мастеромъ. Въ дѣтскихъ сказкахъ Туманьянъ далъ образцы наивной безыскусственности и свѣтлаго юмора, понятнаго и близкаго дѣтямъ. Наконецъ, сдѣлано Туманьяномъ и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ съ русскаго (отрывокъ изъ былины, баллады Пушкина и т. под.), въ которыхъ плѣняетъ изумительное проникновеніе въ духъ оригинала, способность угадать самую сущность переводимаго произведенія.

Третій типъ поэта является собою Аветикъ Исаакіанъ (род. въ 1875 г.). На цѣлое десятилѣтіе болѣе молодой, нежели Іоаннисіанъ и на 6 лѣтъ моложе Туманьяна, Исаакіанъ не минулъ тѣхъ вліяній, которыхъ остались чужды его старшіе соратники. Кромѣ того самая судьба Исаакіана сложилась иначе и передъ нимъ было болѣе широкое поле наблюденій, такъ какъ, не кончивъ курса въ Эчмиадзинской академіи, онъ уже въ 1893 г. отправился за границу, гдѣ работалъ въ музеѣ въ Вѣнѣ и слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ. Послѣ того поэтъ неоднократно вновь уѣзжалъ въ Западную Европу, гдѣ находится и нынѣ. Благодаря сближенію съ европейскими литературными кругами, Исаакіанъ испыталъ воздѣйствіе того «символистическаго движенія», которое властно захватило всю европейскую литературу въ концѣ XIX в., хотя, впрочемъ, оно отразилось на творествѣ армянскаго поэта только въ своихъ основныхъ чертахъ, скорѣе какъ міровоззрѣніе, чѣмъ какъ литературная программа. Нѣкоторыя обстоятельства личной жизни, нашедшія, конечно, соотвѣтствующую почву въ самомъ характерѣ поэта, лишили его также той цѣльности, которая такъ привлекаетъ въ поэзіи Іоаннисіана и Туманьяна. Въ творествѣ Исаакіана есть надломъ, надрывъ, котораго нѣтъ у его старшихъ братьевъ, и это сообщаетъ его стихамъ особую остроту. Насколько поэзія Іоаннисіана — серьезно-спокойна, насколько творчество Туманьяна — страстно-радостно (говоримъ, конечно, объ общемъ устремленіи поэтовъ, а не объ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ), настолько стихи Исаакіана страдальчески безпокойны и порывисты.

Литературное богатство Исаакіана можно раздѣлить на двѣ половины. Первую составляютъ его пѣсни, въ которыхъ

поэтъ такъ близко подошелъ къ складу народной лирики, что инья стихотворенія кажутся созданіями безымянныхъ пѣвцовъ, новой серіей народныхъ пѣсень. Всѣ обычные мотивы народной лирики использованы здѣсь со всѣмъ тѣмъ мастерствомъ, какое даетъ въ руки поэту новѣйшая стихотворная техника. Этого рода стихотворенія связываютъ Исаакіана съ поэзіей Иоаннисіана и Туманьяна, дѣлая его характернымъ представителемъ школы «русскихъ армянъ», продолжателемъ лучшихъ традицій прошлаго армянской литературы. Другую половину въ творествѣ Исаакіана образуютъ его рефлексивныя стихотворенія и его большая поэма «Абу-Ала-Маари», въ которыхъ особенно явно сказывается вліяніе символическаго періода литературы. Здѣсь Исаакіанъ выступаетъ какъ одинъ изъ европейскихъ поэтовъ, ставя себѣ тѣ же или сходныя задачи, разрѣшить которыя стремятся и лирики другихъ народовъ,—французскіе, нѣмецкіе, русскіе... По этимъ стихамъ можно судить, какого большого мастера имѣетъ армянская литература въ лицѣ Аветика Исаакіана. Впрочемъ, характерно все же, что героемъ его основной поэмы избранъ арабскій поэтъ и что вся она насыщена роскошью и нѣгой Азіи. Элементы Востока и здѣсь торжествуютъ свою побѣду въ созданіи представителя школы «русскихъ армянъ», какъ элементъ Запада господствуютъ вездѣ въ творествѣ представителей школы «турскихъ армянъ».

Въ виду особенно важнаго значенія поэзіи Иоаннисіана, Туманьяна и Исаакіана для всей современной армянской литературы, въ нашемъ сборникѣ ихъ творчество представлено исключительно полно. Эти три поэта составляютъ наиболѣе яркое «тризвѣздіе» на небѣ армянской литературы, и ея историческіе пути лежатъ черезъ дѣятельность этихъ трехъ писателей. Дальнѣйшее развитіе армянской поэзіи должно быть,—и такъ оно есть въ дѣйствительности,—частью развитіе началъ, заложенныхъ ими, частью преодолѣніе поставленныхъ ими предѣловъ, ибо въ «новомъ» всегда продолженіе «старого» соединяется съ его разрушеніемъ. Мы постарались представить разнообразнѣйшіе образцы творчества Иоаннисіана, въ томъ числѣ и его возсозданія древнѣйшихъ пѣсень и легендъ. Поэзія Туманьяна представлена преимущественно его лирическими поэмами, въ центрѣ которыхъ стоитъ всеобъемлющая «Анушъ»; къ ней присоединена историческая поэма «Голубинный скитъ», возсоздающая прошлое Арменіи, и «Сердце дѣвы»; переведена нами и одна

изъ дѣтскихъ сказокъ: «Капля меда». Въ творчествѣ Исаакіана нами представлены обѣ половины: рядъ пѣсенъ, приближающихся къ народнымъ, и рядъ символическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ большой поэмой (или «каситомъ въ 7 сурахъ», какъ озаглавилъ авторъ) «Абу-Ала-Маари». Страницы, отведенныя Іоаннисіану, Туманьяну и Исаакіану, являются центральными въ отдѣлѣ новой армянской поэзіи, характеризующая то высшее развитіе, которое пока было ею достигнуто.

Нѣсколько обособленно отъ этой линіи исторической эволюціи стоитъ поэзія Александра Цатуріана (род. въ 1865 г.), и только потому ей приходится разсматривать здѣсь отдѣльно, такъ какъ, по своему вліянію на современниковъ и по своему абсолютному значенію, она не уступала дѣятельности трехъ названныхъ поэтовъ. Ровесникъ Іоаннисіана, Цатуріанъ выступилъ въ литературѣ въ тотъ же благоприятный моментъ, когда читатели ждали новаго поэта, и его первые стихи почти сразу создали ему видное имя. Воспитанный въ тяжелой школѣ жизни, самъ пробивавшій себѣ путь, Цатуріанъ тѣснѣе связалъ свою поэзію съ вопросами общественными, которымъ посвятилъ значительную часть своихъ стиховъ, особенно позднѣйшаго періода. Но, рядомъ съ ними, онъ далъ и образцы непосредственнаго лиризма, развивающаго «извѣчныя» темы любви и красоты природы. Воспитывая свой вкусъ, преимущественно, на лучшихъ созданіяхъ русской поэзіи, Цатуріанъ много вниманія удѣлялъ отдѣлкѣ языка и, въ этомъ отношеніи, его стихи, въ свое время, представляли значительный шагъ впередъ, что и было тогда же единодушно отмѣчено критикой. Роднить же Цатуріана съ плеядой его современниковъ та же прикосновенность его поэзіи къ поэзіи народной, которую мы отмѣчали у всѣхъ дѣятелей школы «русскихъ армянъ»: таково, напр., очаровательное стихотвореніе «Веселый май, зеленый май!»

Выдающееся псложженіе занимаетъ Цатуріанъ въ армянской литературѣ, какъ переводчикъ стихами. И Іоаннисіанъ и Туманьянъ подарили родной поэзіи нѣсколько превосходныхъ переводовъ, но у нихъ то было дѣломъ случайнаго вдохновенія. Александръ Цатуріанъ, напротивъ, сознательно и систематически посвятилъ себя переводамъ. Въ двухъ томахъ имъ была издана антологія изъ избранныхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина и Плещеева; помимо того, Цатуріаномъ были переведены «Стихотворенія въ прозѣ»

Тургенева, «три разказа» Гюи-де Мопассана, отдѣльныя произведенія Шиллера (переводомъ его стихотворенія «Дитя въ колыбели» Цатуріанъ дебютировалъ въ печати, въ 1886 г.), Байрона, Гартмана, Гюго, Гейне и др. Эта дѣятельность переводчика, разумѣется, не могла отразиться въ нашемъ сборникѣ; точно также, по общему характеру книги, мы не включали въ нее полу-сатиристическихъ, полу-юмористическихъ стихотвореній Цатуріана, собранныхъ имъ въ сборникѣ «Шалости пера», гдѣ есть очень удачныя пьесы. Чистая же лирика Цатуріана представлена въ нашемъ сборникѣ, по возможности, во всѣхъ ея основныхъ направленіяхъ.

Рядомъ съ этими, наиболѣе видными поэтами своего поколѣнія, работало не мало и другихъ, среди которыхъ прежде всего должно назвать Дереника Дѣмерчяна (род. въ 1876 г.). Его дѣятельность не имѣла такого же вліянія, какъ дѣятельность его старшихъ сотоварищей, но причина тому, главнымъ образомъ, въ скупости Дѣмерчяна, какъ писателя: посвящая свое время другимъ областямъ дѣятельности (въ томъ числѣ—музыкѣ), онъ не имѣлъ возможности обработать и раскрыть свое дарованіе. Именемъ Дѣмерчяна подписано лишь ограниченное число стихотвореній, но среди нихъ есть прекрасная историческая поэма о Лэнгтимурѣ, отрывки изъ которой представлены въ нашемъ сборникѣ, какъ и небольшое, но плѣнительное по напѣву, лирическое стихотвореніе «Осень». Нынѣ Дереникъ Дѣмерчяна живеть въ Тифлисі, примыкая къ литературному кружку Туманьяна и являясь однимъ изъ лучшихъ поэтовъ его «школы».

Болѣе драматургомъ, нежели лирикомъ является Левонъ Мануэлянь (род. въ 1864 г.), авторъ также романа «Разбитая жизнь», разказовъ и нѣсколькихъ поэмъ. Нѣсколько стихотвореній Мануэляна было въ свое время переведено на русскій языкъ, но они не представляютъ никакого существеннаго уклона отъ того, что сдѣлано другими, болѣе видными поэтами его поколѣнія. То же приходится сказать о стихотвореніяхъ Леренца, выступившаго какъ ученикъ Патканьяна, но замѣнившаго страстную одушевленность своего учителя разсудочной риторикой; постольку и д е й н а я поэзія имѣетъ всѣ права на вниманіе и всю силу воздѣйствія на души современниковъ, постольку поэзія т е н д е н ц і о з н а я стоитъ внѣ путей художественной эволюціи. Ученикомъ Туманьяна выступилъ Ваанъ Миракіанъ,

(род. въ 1875 г.), издавшій интересную поэму «Охота Лалвара,» подъ псевдонимомъ Миръ-Коно; но поэтъ не далъ болѣе ничего, и потому пока не можетъ быть включенъ въ общій ходъ развитія армянской поэзіи. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ именъ, мы должны назвать поэтессу Шушаникъ Кургиньянъ (род. въ 1876 г.), которая, послѣ первыхъ опытовъ, въ духѣ Исаакіана, обратилась къ идейной поэзіи въ духѣ правовѣрнаго марксизма. Въ этомъ отношеніи Кургиньянъ представляетъ собою характерное явленіе въ армянской поэзіи. Въ стихахъ Кургиньянъ есть одушевленіе, и ея поэзія въ нашемъ сборникѣ представлена. Добавимъ, что по тому же пути стремится итти Акопъ Акопянъ (род. въ 1869 г.) и нѣсколько другихъ, болѣе молодыхъ поэтовъ.

Таковы были пути развитія школы «русскихъ армянъ» при поэтахъ старшаго поколѣнія, творчество которыхъ опредѣлилось еще въ концѣ XIX и въ самомъ началѣ XX в. Одновременно съ тѣмъ поэзія «турецкихъ армянъ» шла впередъ своими путями, слѣдуя, въ общихъ чертахъ, эволюціи западно-европейскихъ литературъ, особенно французской. Такъ западно-армянскіе поэты, безусловно, подпали подъ вліяніе французскаго «парнаса» («парнасской школы»), требовавшаго прежде всего безупречности формы и отрѣшенія поэта отъ своей личности,—исчезновенія поэта за создаваемыми имъ образами. Направленіе «парнаса», во всѣхъ литературахъ, усвоившихъ его, всегда вело къ извѣстной холодности творчества, но зато способствовало развитію пластики въ поэзіи и доводило до высшаго совершенства технику стиха. То же произошло и съ поэзіей «турецкихъ армянъ», которая въ рядѣ своихъ лучшихъ созданій можетъ гордиться «непогрѣшимой» формой («*impressable*»—техническое слово въ этомъ отношеніи), большою скульптурностью образовъ и обдуманностью содержанія, въ ущербъ непосредственности вдохновеній и страстности стиховъ.

Спасительнымъ элементомъ оставалась для армянскихъ поэтовъ ихъ неизмѣнная любовь къ родинѣ, которая согрѣвала и оживляла ихъ «парнасскія» созданія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ поэтовъ даже въ выборѣ темъ не избѣгли вліянія своихъ западныхъ сотоварищей, и, уклонившись отъ чисто-національныхъ сюжетовъ, разрабатывали задачи интернаціональныя. Несомнѣнно, по своей абсолютной цѣнности, инья изъ такихъ стихотвореній не уступаютъ написаннымъ на темы народныя,

связанныя съ жизнью Арменіи. Для читателя-армянина эти произведенія «турецкихъ армянъ» могутъ представлять высокое очарованіе, такъ какъ на родномъ языкѣ даютъ ему ту же красоту, которую онъ долженъ былъ бы иначе искать въ созданіяхъ чужеземныхъ поэтовъ. Но такое очарованіе исчезаетъ для читателя другой націи, который можетъ знакомиться съ этой красотой или въ стихахъ своихъ поэтовъ или въ какой-либо иной, не армянской, литературѣ. Историческое значеніе за дѣломъ школы «турецкихъ армянъ» остается, и для армянской литературы она дала много необходимаго и прекраснаго; но ея значеніе для читателей не-армянъ, черезъ это, значительно уменьшается. Въ частности русскій читатель—и тѣ «вѣчныя» темы, которыя столь охотно и успѣшно разрабатываетъ школа «турецкихъ армянъ», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигаетъ она въ своихъ лучшихъ созданіяхъ,—знаетъ и по стихамъ русскихъ поэтовъ и по творчеству французскихъ парнасцевъ. Вотъ почему въ нашемъ сборникѣ поэзіи «турецкихъ армянъ» удѣлено меньше мѣста, нежели «русскихъ», хотя мы и высоко цѣнимъ отдѣльныя произведенія западныхъ армянскихъ поэтовъ.

Надобно, впрочемъ, признать, что школа «турецкихъ армянъ», не дала поэта, который, по широтѣ захвата и по богатству творчества, могъ бы быть поставленъ въ рядъ съ корифеями школы русскихъ армянъ». На смѣну Пэшикташлянѣ и Дуріану не пришелъ поэтъ съ такой же стихійной силой дарованія. Если не говорить о дѣятельности Дэмирчибашіана, съ поэзіей котораго мы не могли ознакомиться (по причинамъ, указаннымъ въ «объясненіи редакціи»), то поколѣнію Іоаннисіана, Цатуріана, Туманьяна и Исаакіана соотвѣтствуетъ среди «турецкихъ армянъ» поколѣніе—г-жи Сипиль, Шанта, Чобаньяна, Малэзіана и Тэкэяна; моложе ихъ, но примыкаетъ къ нимъ по характеру своей поэзіи—Мэцарэнцъ. Однако, изъ ряда этихъ поэтовъ ни одинъ не ссѣдалъ своего цѣльнаго «міра», какой открывается, напр., въ творествѣ Туманьяна. Всѣ они ктому же исключительно лирики и чуждаются слишкомъ обширныхъ замысловъ и всеобъемлющихъ задачъ.

Шантъ (род. въ 1869 г.)—болѣе драматургъ, нежели лирикъ. Его драмы очень замѣчательны (одна изъ нихъ, «Старые боги», недавно была переведена на русскій языкъ), но какъ чистый поэтъ онъ облюбовалъ себѣ ограниченное мѣсто: фило-

софскихъ раздумій. Какъ философъ-лирикъ, Шантъ создалъ рядъ превосходныхъ стихотвореній, глубоко продуманныхъ и тонко исполненныхъ. Особое очарованіе поэзіи Шанта коренится въ совершенной гармоніи между формой и содержаніемъ: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена только въ данныхъ образахъ и никакихъ иныхъ... Г-жа Сипиль (род. въ 1863 г.) дала рядъ красивыхъ стихотвореній, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ произведеніямъ французской поэзіи того же періода. Въ стихахъ г-жи Сипиль есть что-то характерно-женственное, что рѣдко встрѣчается въ армянской поэзіи. — Есть задушевность въ поэзіи Малезіана (род. въ 1873 г.), и есть большое мастерство въ строгихъ стихотвореніяхъ Мисака Мэцарэнца (род. въ 1885 г.), скончавшагося рано и не успѣшаго развить свое прекрасное дарованіе.

Наиболѣе разнообразенъ и многостороненъ среди этихъ поэтовъ Ваанъ Тэкэянъ (род. въ 1877 г.). Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ и болѣе націоналенъ, такъ какъ охотно затрагиваетъ темы армянской жизни и вопросы о судьбахъ Арменіи. Есть отголоски поэзіи Пэшикташляна и Дуріана въ стихахъ Тэкэяна и вообще онъ можетъ считаться, съ наибольшимъ правомъ, ихъ прямымъ преемникомъ. Со школой «турецкихъ армянъ» Тэкэяна роднитъ мастерство формы, разработанной у него, какъ у всѣхъ западно-армянскихъ поэтовъ до высокаго совершенства. Съ другой стороны Тэкэяна приближаютъ къ школѣ «русскихъ армянъ» темы, которыя характерны для русско-армянскихъ поэтовъ, — напр., о легендарной «лампадѣ Просвѣтителя». Въ нашемъ сборникѣ поэзія Ваана Тэкэяна представлена рядомъ переводовъ, какъ даны образцы и поэзіи г-жи Сипиль, Шанта, Малезіана и Мэцарэнца. Стихи этихъ поэтовъ, какъ сходные по приѣмамъ съ творчествомъ поэтовъ французскихъ, легко, сравнительно, поддаются переводу, но врядъ ли увеличеніе числа этихъ переводовъ соотвѣтствовало бы назначенію нашей книги.

Особое мѣсто занимаетъ въ армянской литературѣ Аршакъ Чобаньянъ (род. въ 1872 г.). Неутомимый дѣятель и плодовитый писатель, онъ оказалъ родной литературѣ неоцѣнимыя услуги. Онъ издавалъ тексты забытыхъ армянскихъ писателей, перевелъ на французскій языкъ образцы народной армянской лирики и лирики средневѣковой, собранные имъ въ двухъ томахъ, редактировалъ, въ Парижѣ, армянскій журналъ, выступалъ съ лек-

ціями и докладами по вопросамъ, связаннымъ съ армянской жизнью и т. д.,—вообще сдѣлалъ такъ много, какъ никто, для знакомства западной публики съ Арменией. За все это армянская литература обязана глубокой благодарностью Аршаку Чобаніану. Меньшее значеніе можетъ имѣть его собственное поэтическое творчество, съ которымъ онъ тоже ознакомилъ европейскихъ читателей, издавъ сборникъ своихъ стиховъ въ собственномъ переводѣ на французскій языкъ. Стихи Чобаніана, чаще всего перепѣвъ, иногда — талантливый, поэзіи новыхъ французскихъ поэтовъ, особенно Бодлера и Верлена. Въ нашемъ сборникѣ представлено два стихотворенія А. Чобаніана.

Въ общемъ можно установить, что обѣ школы—«русскихъ» и «турецкихъ армянъ», независимо отъ размѣра дарованія отдѣльныхъ поэтовъ, выполняли въ XIX в. каждая свою миссію. Первая—продолжала и развивала традиціи древней армянской литературы и сохраняла тѣснѣйшую связь съ народной поэзіей и народной жизнью. Вторая—совершенствовала технику и вводила въ армянскую литературу идеи и принципы западныхъ литературъ, усваивая себѣ ихъ новыя завоеванія. Какъ мы уже указывали, то было возрожденіе, въ новой формѣ, въ новой одеждѣ, исконной въ армянской литературѣ борьбы началъ Востока и Запада. Черезъ русскую литературу, несомнѣнно вліявшую на поэтовъ русской Арменіи, проникало въ армянскую литературу углубленное отношеніе къ выдвигаемымъ вопросамъ, какъ черезъ французскую литературу, столь же несомнѣнно вліявшую на западно-армянскихъ поэтовъ, стремленіе къ совершенству стили и формы. Попытка соединить оба эти направленія выпала на долю слѣдующаго поколѣнія поэтовъ, дѣятельность которыхъ еще только развивается въ наши дни.

7.

Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ среди молодыхъ поэтовъ «русской Арменіи» должно признать Ваана Тэріана (род. въ 1885 г.). Выступившій съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1905 г., но, въ рядѣ стихотвореній опубликованныхъ позже, значительно развившій и углубившій темы своей поэзіи, Тэріанъ былъ принятъ читателями и критикой, какъ несомнѣнная величина, хотя въ оцѣнкѣ его голоса и раздѣлились. Ученикъ символистовъ, Тэріанъ сдѣлалъ попытку усвоить армянской поэзіи все, что

было достигнуто европейской поэзіей (особенно,—русской и французской) за самыя послѣднія десятилѣтія. Такъ, Тэріанъ коснулся темъ, которыя раньше оставались внѣ кругозора армянскихъ поэтовъ, искалъ новыхъ ритмовъ въ армянскомъ стихѣ, съ исключительной строгостью отнесся къ рѣмѣ, наконецъ, далъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ новѣйшихъ русскихъ и французскихъ поэтовъ. Всѣ эти стремленія сближаютъ Тэріана скорѣе съ западно-армянскими поэтами, но онъ остался вѣренъ основнымъ теченіямъ школы «русскихъ армянъ» задушевностью своихъ вдохновеній, подходомъ ко многимъ вопросамъ, всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ (не говоря уже о языкѣ и стилѣ). Въ нашемъ сборникѣ поэзія Тэріана представлена нѣсколькими разнообразными образцами, но, конечно, полного раскрытія его творчества должно ждать только въ будущемъ.

Тѣмъ болѣе должно это сказать о молодыхъ поэтахъ, которые выступили какъ продолжатели начатаго Тэріаномъ дѣла. Всѣ они еще очень молоды и направленіе ихъ творчества совершенно не опредѣлилось. Мы даемъ, только какъ примѣръ, два стихотворенія Теръ-Мартirosіана, не желая, тѣмъ, однако, выдѣлить начинающаго лирика изъ ряда другихъ и отказываясь высказать рѣшительное сужденіе о размѣрахъ его дарованія. Ктому же, рядомъ съ поэтами, которыхъ, въ общихъ чертахъ, можно отнести къ нарождающейся «школѣ Тэріана», работаютъ въ армянской литературѣ другіе молодые поэты, идущіе своими, отъ него независимыми, путями. Такова талантливая поэтесса, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Лейли, одно стихотвореніе которой представлено въ нашемъ сборникѣ. Сколько можно судить по тому немногому, что до сихъ поръ напечатано ею, Лейли не задается никакими «программами» и безыскусственно, но не безъ подлинной, непосредственной художественности, пересказываетъ въ стихахъ свои личныя радости и печали, чаще—печали. Перечисленіе другихъ молодыхъ поэтовъ, какъ г-жа Арменуи Тиграніанъ и др., и характеристика ихъ начинаній вышли бы изъ предѣловъ нашей вступительной статьи.

Характерно, что въ то время, какъ, въ поэзіи Ваана Тэріана и его соратниковъ, школа «русскихъ армянъ» дѣлаетъ шаги въ сторону большаго мастерства и большаго строгости техники, школа «турецкихъ армянъ», въ своихъ молодыхъ представителяхъ, устремляется къ большому углубленію и къ большаго широтѣ содержанія. Особенно замѣтно это въ стихахъ

двухъ молодыхъ дѣятелей западно-армянской литературы: Даниэла Варужана и Сіаманто (псевдонимъ Атома Ярджаньяна). О томъ, какія надежды въ будущемъ можно соединить съ этими именами, сейчасъ говорить затруднительно, такъ какъ есть горестное извѣстіе, будто оба молодыхъ писателя трагически погибли въ страшные дни начала великой войны (впрочемъ, есть и противоположный слухъ, утверждающій, что обоимъ имъ удалось спастись отъ турецкой рѣзни). Во всякомъ случаѣ и то, что уже сдѣлано Варужаномъ и Сіаманто достаточно для того, чтобы обезпечить имъ мѣсто въ исторіи армянской литературы и уяснить общее устремленіе ихъ поэзіи.

Варужанъ и Сіаманто, подобно многимъ западно-армянскихъ поэтамъ, не избѣгли вліянія французской поэзіи, но выбрали своими образцами тѣ ея новыя созданія, въ которыхъ она освобождается отъ обособленности «символистовъ», а ищетъ сближенія съ жизнью. Какъ извѣстно, этотъ выходъ изъ «башни изъ слоновой кости» всего рѣче выразился въ мощномъ творчествѣ Эмиля Верхарна, и отзвуки его поэзіи, дѣйствительно, явно звучатъ въ стихахъ Варужана. Даже въ формѣ стиховъ и Варужана и Сіаманто, въ неравномѣрныхъ строкахъ ихъ поэмъ, чувствуется вліяніе французскихъ «верлибристовъ»,—того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др. Но молодые армянскіе поэты учились у французскихъ собратьевъ не только технику, но и ихъ живой связи съ окружающей дѣйствительностью. Миръ современной жизни и запросы современной души нашли свое выраженіе въ стихахъ Варужана и Сіаманто, но не въ тенденціозно-реторическихъ разсужденіяхъ, а въ живыхъ образахъ, возвышающихся до значенія всеобщаго символа. Варужанъ болѣе суровъ и жестокъ; Сіаманто болѣе лириченъ и женственъ; но оба—истинные поэты. Каждый изъ нихъ представленъ нѣсколькими образцами въ нашемъ сборникѣ.

Великая война нашихъ дней должна во многомъ измѣнить положеніе армянскаго народа, и это, конечно, отразится въ армянской литературѣ и въ армянской поэзіи. Можно надѣяться, что произойдетъ болѣе тѣсное сближеніе между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянскаго народа, что западные армяне подадутъ руку восточнымъ, а въ литературѣ гвѣ раздѣльныя «школы» сольются въ одну. Есть уже несомнѣнные признаки такого сближенія. Тогда основныя достоинства поэзіи западныхъ армянъ,—выработанность стиля и формаль-

ныя достиженія,—сочетаются съ основными достоинствами поэзіи армянъ восточныхъ,—съ постоянной углубленностью содержанія и близостью къ традиціоннымъ началамъ прошлаго. То будетъ первый этапъ въ новомъ осуществленіи вѣковѣчной задачи армянской литературы—найти синтезъ Запада и Востока.

Давно сказано, что пророкомъ быть—дѣло мудреное. Среди дѣятелей молодой армянской поэзіи можно указать поэтовъ безусловно талантливыхъ. Но талантъ—явленіе случайное, благодатный даръ неба, какъ голубые глаза. Явятся ли новые таланты въ ближайшіе годы, и какіе именно, этого намъ знать не дано. Но по всему, что мы знаемъ о прошломъ армянской литературы, мы вправѣ утверждать, что передъ ней открыты самыя широкія перспективы. Въ народной армянской поэзіи и въ поэзіи армянскаго средневѣковья заключенъ неисчерпаемый родникъ новыхъ вдохновеній. *Первая задача* грядущихъ поэтовъ Армении—приникнуть къ этому живительному ключу, черпать затаенные въ немъ мотивы и по-новому разрабатывать ихъ, во всеоружіи современной стихотворной техники и въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и его новыми запросами. *Вторая задача*, тѣсно связанная съ первой и подсказанная всѣмъ прошлымъ армянской литературы,—искать и явить міру новый синтезъ двухъ вѣковѣчныхъ началъ, которыми живетъ все человечество и которыя такъ ярко выражены, въ своемъ взаимодействіи, въ исторіи Армении: началъ Запада и Востока. Примирить ихъ въ высшемъ единствѣ, что, на другой ступени развитія, уже было сдѣлано поэтами армянскаго средневѣковья,—есть выполненіе исторической миссіи всего армянскаго народа. Наконецъ, *третья задача* армянской поэзіи это—полное, всестороннее, предѣльное выявленіе народнаго національнаго духа... Мировую поэзію справедливо сравнивали съ божественной арфой, для которой каждый отдѣльный народъ служить какъ бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущимъ, единственно ей свойственнымъ звукомъ, отличнымъ отъ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ звучать такъ, чтобы ея голосъ гармонично сливался со звуками другихъ струнъ, образуя единую мировую мелодію, таково самое, быть можетъ, высшее призваніе національнаго армянскаго поэта...

Сквозь черныя тучи, столько разъ заволакивавшія горизонтъ армянской исторіи, сквозь грозную и душную мглу, столько разъ застилавшую жизнь армянскаго народа, побѣдно

пробивались и сіяють понынѣ—огненные лучи его поэзіи. Это сіяніе кажется намъ лучшимъ обѣтомъ и для историческихъ судьбъ Арменіи въ будущемъ... Перефразируя слова Тургенева, мы можемъ сказать съ твердымъ убѣжденіемъ: «Нельзя вѣрить, чтобы такая поэзія не была дана народу съ великимъ будущимъ».

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

ПѢСНИ

ЛЮБОВНЫЯ, ОБРЯДОВЫЯ, ВОЕННЫЯ, ДУМКИ И ДР.

- I. Изъ древнѣйшихъ пѣсенъ.
Рожденіе Ваагна.
О царѣ Арташесѣ.
О построеніи Вардгеса.
Пѣсня о разсвѣтѣ.
- II. Пѣсни о любви.
Пѣсни о любви. 1—9.
Джанъ-гюлюмы. 1—11.
- III. Пѣсни колыбельныя, обрядовыя, заплачки и др.
Колыбельныя. 1—4.
Свадебная пѣсня.
Похоронныя. 1—5.
Религіозныя. Заклинанія. 1—6.
- IV. Пѣсни о природѣ, думки и др.
Ноктюрнъ и др. 1—4.
Пѣсня хариба.
Плясовая ванцевъ.
- V. Военныя пѣсни.
Зейтунскій маршъ.
Военная эрзерумская пѣсня.
Пѣсня удальцовъ.
- VI. Средневѣковыя пѣсни, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ.
На плѣненіе короля Левона.
Пѣсня аиста.
Юноша и вода.
О, злая, съ черной красотой...
Пѣсня пахарей.
Пѣсня о четырехъ элементахъ.
- VII. Подражаніе народному.
Пѣсня Арутюна Туманьяна.

Перевель *Валерій Брюсовъ.*

ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПѢСЕНЪ.

1.

РОЖДЕНІЕ ВААГНА. ¹

Небеса и Земля были въ мукахъ родинъ,
Морей багрянедь былъ въ страданьи родинъ,
Изъ воды возникъ алый тростникъ,
Изъ горла его дымъ возникъ,
Изъ горла его пламень возникъ,
Изъ того огня младенець возникъ,
И были его власы изъ огня,
Была у него брада изъ огня,
И, какъ солнце, былъ прекрасенъ ликъ.

2.

О ЦАРѢ АРТАШЕСѢ. ²

ОТРЫВОКЪ.

Храбрый царь Арташесъ на вороного сѣлъ,
Вынулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Черезъ рѣку махнулъ быстрокрылымъ орломъ,
Метнулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Аланской царевны станъ обхватилъ,
Стану нѣжной царевны боль причинилъ,
Быстро въ ставку свою ее повлачилъ.

¹ Ваагиъ—божество армянской мифологій, отождествляемое, позднѣе, съ Геракломъ.

² Арташесъ—одинъ изъ царей древнѣйшей Арменіи; въ пѣснѣ—лицо полумифическое. По преданію, Арташесъ воевалъ съ аланами.

3.

О ПССТРОЕНИИ ВАРДГЕСА.¹

Отдѣлился, пошелъ Вардгесь-юноша,
 Изъ области Туховъ къ Касахъ-рѣкѣ.
 Онъ пришелъ и сѣлъ на Шрешъ-холмѣ,
 Близъ города Артимедъ у Касахъ-рѣки,
 Тесать да ваять Еруанла врата.

4.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Скоро будетъ свѣтло,
 Свѣтъ есть добро!
 Птицы—въ гнѣздѣ,
 Куры—на своемъ шестѣ.
 Лѣнивецъ покоится, спать,
 Работникъ на дѣло спѣшить.
 Небесная дверь растворяется:
 Тамъ тронъ золотой возвышается,
 Христось на престолѣ сидитъ,
 Предъ нимъ Просвѣтитель² стоитъ,
 Золотое Онъ держитъ перо,
 Онъ пишетъ, гдѣ зло, гдѣ добро,
 Чтобъ праведныхъ сонмъ ликоваль,
 Чтобъ грѣшниковъ сонмъ возрыдалъ.

¹ Вардгесь—селеніе, укрѣпленное, по преданію, царемъ Вахаршемъ; Еруандъ—полумифическій армянскій царь.

² Григорій, Пресвѣтитель Арменіи.

ПѢСНИ О ЛЮБВИ.

1.

ПѢСНЯ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ.

Роза распустилась подь Ваномъ въ саду.
Господи! дорогу какъ туда найду!
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

Роза распустилась и пѣтухъ пропѣлъ.
Милую въ саду я утромъ подсмотрѣлъ.
Роза распустилась утромъ подь росой,
Милая срывала розы предь собой.

Роза распустилась въ Воскресенье Розь.¹
Ты зажгла любовью рошу моихъ грезь.
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

2.

Для милой надо платье сшить,
А тканью солнце можетъ быть,
Подкладкой платью—лунный свѣтъ,
И лучше тучекъ—нитокъ нѣтъ,

¹ Воскресенья Розь или день розь—праздникъ Преображенія Господня.

Уборы—пѣна на волнахъ,
 Застежки—звѣзды въ небесахъ,
 А ей на грудь цвѣтокъ—я самъ!

3.

Ахъ, раствориться,—и стать водой,
 И покатиться—большой рѣкой,
 Водой струиться,—ахъ! ключевой!
 А яръ ¹ пришла бы—налить кувшинъ,
 Я прожурчалъ бы—въ ея кувшинъ,
 Съ водой поднялся—ей на плечо,
 Ей грудь облилъ бы—такъ горячо!

4.

Я повторять всегда готовъ!
 «Не надо розъ,—онѣ язвять,
 Люби фіалку безъ шиповъ,
 Ея такъ нѣженъ аромать.

Ты розу пышную нашель?
 Она увянетъ,—вотъ гляди!
 Люби цвѣтокъ, что не расцвѣлъ,—
 Очъ расцвѣтаетъ на груди!»

5.

Отнесите меня къ дверямъ милой моей;
 Раны сердца открывъ, покажите вы ей;
 Пальцы рукъ пусть горять, подобно свѣчамъ,
 Пусть, засыпанъ пескомъ, прахъ струитъ еиміамъ;
 На могилу она пусть глядитъ у дверей!

¹ Яръ—милая (и милый), возлюбленная (и возлюбленный).

6.

Какъ изъ яблокъ шербетъ—твой румяный ликъ!
 Губы—медь у тебя, и сахаръ—языкъ!
 Голось твой—каманча¹, сердце жаждеть—тебя,
 Словно звѣзды—твой взглядъ, груди—сладостный садъ!

Если въ садъ ты войдешь,—какъ станъ твой высокъ!
 Поцѣлуеть тебѣ нсги каждый цвѣтокъ,
 Всѣ деревья тебѣ отвѣсать поклонъ,
 И стыдно лунѣ блистать въ вышинѣ.

Какъ павлинъ ты идешь, хороша и стройна
 Въ переливныхъ цвѣтахъ, и ала и блѣдна.
 Да какую изъ птицъ съ тобой сравнить?
 И чайкѣ морской не спорить съ тобой!

7.

Быль бы сазомъ² я, лежалъ бы
 На груди твоей весь день;
 Быль бы поясомъ шелковымъ,
 Оплеталъ бы я твой станъ;
 Быль бы розой, окроплялъ бы
 Я тебя росой весь день;
 Быль бы я водой фонтана,
 Проникалъ бы я въ твой ротъ;
 Быль бы я струной, звучалъ бы
 Для тебя я цѣлый день;
 Быль бы я виномъ гренады,
 Ты меня бы берегла.
 Быть бы ласточкой желалъ я
 И ласкалъ бы твой языкъ;
 Свивъ гнѣздо подь милой кровлей,
 Вывель птенчиковъ, имъ пѣлъ бы,
 Утолилъ свою любовь!

¹ Каманча—народный музыкальный инструментъ.

² Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

Я отъ вечера до утра
 На твое бѣ лицо смотрѣлъ;
 Съ наступленьемъ ночи темной
 Я бѣ къ тебѣ войти сумѣлъ;
 Я отъ вечера до утра
 Близъ тебя во мглѣ сидѣлъ;
 Съ наступленьемъ зорьки ранней
 Я въ гнѣздо скрывался бѣ вновь,
 А когда вставало бѣ солнце
 Въ Божій міръ гулять летѣлъ!

8.

Ахъ, дѣва! твой станъ—что озерный тростникъ,
 И груди—что плодъ, и плечи—что садъ!
 Я бы все цѣловалъ румяный твой ликъ...
 Ахъ, Богомъ молю! не клонись ты назадъ!
 Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Ты скажи мнѣ: твой станъ—точилъ чей рѣзецъ?
 Рѣсницы твои—чертилъ чей каламъ?¹
 Отъ любви я изсохъ, пришелъ мой конецъ:
 Подѣлимъ, давай, нашу жизнь пополамъ!
 Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Не съ дѣтства ль тебя полюбилъ я давно,
 И вырѣзалъ имя твое на рукѣ?
 Ахъ! сердце мое давно сожжено,
 Лишь на мигъ отлучусь—и страдаю въ тоскѣ!
 Безъ вѣтра—какъ жить!—и тоска и бѣда!

¹ Каламъ—перо, кисть, которымъ пишутъ на Востоцкѣ.

ДЖАНЪ-ГЮЛЮМЫ. ¹

1.

Соловей, въ мой садъ летай,
Пѣсню яра² распѣвай,
Твоей пѣсней мой привѣтъ
Къ дому яра передай.

2.

Ахъ, въ бахчѣ ты возросла,
Какъ шамамъ³ сама была.
День и ночь—все про тебя
Моей пѣсенки хвала.

3.

Ты, Аразъ,⁴ меня пойми,
Говори, языкъ прими,
Молви милому: «Скорѣй
Ты меня въ свой домъ возьми!»

¹ Джанъ-Гюлюмъ—хороводная пѣсня въ праздникъ цвѣтовъ, веснянна. Въ пѣніи послѣ каждаго стиха поется припѣвъ, именно—послѣ нечетныхъ (1-го и 3-го):

Роза моя! джанъ! джанъ!

послѣ четныхъ (2-го и 4-го):

Цвѣтникъ мой! джанъ! джанъ!

(Джанъ—ласкательное именованіе).

² Яръ—милый (см. выше, стр. 98).

³ Шамамъ—особый ароматичный плодъ, вродѣ дыни.

⁴ Аразъ—Аракъ, рѣка.

4.

Ночь велѣла людямъ спать,
Птицамъ—время замолчать.
Что хотять, пусть говорятъ:
Тебя буду цѣловать!

5.

Статный всадникъ проскакаль,
Лишь подковой просверкаль.
Поклонился всѣмъ кругомъ,
Меня сжегъ, а самъ пропаль.

6.

Не умчаться жерновамъ,
Не уйдець съ куста шамамъ.
Птица у отца въ саду,—
Да крылатая я тамъ!

7.

— Противъ вашего нашъ садъ,
Кто слѣдятъ за нами, спать.
Ты въ постель меня возьми,
Иль позволъйти назаць.

— Не возьму тебя въ постель;
Отпускать обратно—миѣ ль?
Нѣтъ, до утра ты броди,
Стереги по саду хмель.

Утромъ встрѣчусь я съ тобой,
Розъ возьму пучокъ съ росой,
По лицу тебя хлестну,
Все лицо залю водой!

8.

Что ты! парень молодой!
 Весь забрызганный россой,
 Про меня въ саду поешь?
 Хорошо мнѣ слушать, пой!

Нарвала я сито розъ!
 Ихъ кладу подъ дождикъ росъ.
 Вотъ, на аломъ на конѣ,
 Ёдетъ милый подъ откосъ.

Куртка алая на немъ,
 У него съ балкономъ домъ.
 Счастливъ будетъ день, когда
 Онъ ко мнѣ придетъ царемъ.¹

Подымаютъ волны гуль,
 Яблокъ яблочко толкнуль,
 Вотъ мой милый на конѣ
 Алой шапочкой взмахнуль.

9.

Бѣлый конь! тебѣ ль подкова!
 — Роза моя, джанъ! джанъ!
 Родинка что чернобровой?
 — Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!
 Если милой вижу взоры,
 — Роза моя, джанъ! джанъ!
 Поведу ли разговоры?
 — Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!

¹ Царемъ, т.е. женихомъ; жениха и невесту въ народѣ называютъ царемъ и царицей (см. дальше—Свадебную пѣсню).

10.

Какъ у насъ за домою—старый складъ,
— Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
Парни были—и пошли назадъ,
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!
Протянула руку и поймала
— Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
Стали всѣ вокругъ—лаллы и кораллы!—
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!

11.

Дождь прошелъ и просверкаль,
— Роза моя! джанъ, джанъ!
Ивы листь поколебаль,
— Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ!
Вотъ мой братецъ проскакаль,
— Роза моя! джанъ, джанъ!
Алый конь подъ нимъ играль,
— Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ!¹

¹ Переводы 1—6 передаютъ основной текстъ веснянокъ, обычно представляющихъ одно четверостишіе; въ переводахъ 7—8 такія четверостишія, болѣе или менѣе произвольно, соединены въ два стихотворенія; въ переводахъ 9—11 сдѣлана попытка передать и припѣвъ.

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

1.

Ты, вода, теки,
Тѣльце дѣтки обойми,
Тысячъ сонъ да будь съ тобой,
Не спать мужу съ молодой женой,
Моему же мальчику—покой!
Баю-бай! ну что жъ, ну что жъ,
Коль до ночи ты заснешь.
Баю-бай! къ тебѣ кто золь,
Пропадеть пускай его осель,
Тотъ осель пойдетъ на огородъ,
Въ творогъ уши обмакнетъ,
Все сожретъ онъ у него,
Не оставить ничего.

2.

У меня ль невѣста есть,
Жениху прямая честь,
У меня ли дочка есть кудрявая,
Справлю свадебку на славу я,
Посреди зеленыхъ свѣчъ,
Въ кудряхъ съ лентами до плечъ.
Дѣвочка руками двигаетъ,
Дѣвочка въ постелькѣ прыгаетъ.
Я кому ее отдамъ?
Принцу я ее отдамъ,
А въ приданое я дамъ—сто кареть

Сь платьями, какіхъ нигдѣ—краще нѣтъ,
Дамъ покрыться ей—узорчатый платокъ,
Дамъ чесаться ей—янтарный гребешокъ,
Дамъ одѣться ей—серебрянъ поясокъ,
Дамъ обуться ей—сафьянный башмачокъ,
Все, что въ домѣ есть,—отъ крыши по порогъ.

3.

Ты въ постелькѣ хороша,
Я тебѣ, моя душа,
Мѣсяць въ гости приведу
Да вечернюю звѣзду.

4.

Баю-бай, идутъ овечки,
Съ черныхъ горъ подходятъ къ рѣчкѣ,
Милый сонъ несутъ для насъ,
Для твоихъ, что море, глазъ,
Усыпляютъ милымъ сномъ,
Упояютъ молокомъ.

Баю-бай! Христось съ тобой,
Бсгоматерь надъ тобой.
Богоматерь надъ тобой,
Чтобы ты тихонько спалъ,
Чтобъ въ постелькѣ ты лежалъ.

Богоматерь—мать твоя,
Сынъ Ея—хранить тебя.
Въ церковь Божію пойду,
Всѣхъ святыхъ я попрошу,
Чтобъ Распятый насъ хранилъ
И тебя благословилъ.

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

I.

Царю¹ что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Зарю ли дамъ я, что займется,
Займется, съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже.
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не солнце ль дамъ я, что засвѣтитъ,
Засвѣтитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю, что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не радугу ли дамъ, что встанетъ,
Что встанетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

II.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не бальзаминъ ли, что задышитъ,
Задышитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не розу ль дамъ я, что заблещетъ,
Заблещетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

¹ Царь и царица — женихъ и невѣста или новобрачные (см. выше, стр. 102).

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не гамаспюръ¹ ли, что не вянетъ,
 Не вянетъ, съ этимъ солнцемъ схоже.

III.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже?
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не абрикось ли, весь цвѣтущій?
 Цвѣтите съ абрикосомъ схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не виноградъ ли, плодъ дающій?
 Давайте плодъ, съ лозою схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не дубъ ли дамъ я, крѣпко мощный?
 Вы будьте мощны, съ дубомъ схоже.

IV.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не василекъ ли дамъ пахучій?
 Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не дамъ ли желтый макъ, пахучій?
 Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
 Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
 Не златоцвѣтъ ли дамъ пахучій?
 Благоухай твоя царица!

¹ Гамаспюръ—сказочный цвѣтокъ.

ПѢСНИ ПОХОРОННЫЯ.

1.

ПЛАЧЪ ВДОВЫ.

Перекинусь я орломъ,
Сяду подъ твоимъ окномъ,
Буду громко такъ стонать,
Чтобъ не могъ ты больше спать,
Пусть отнынѣ спитъ другой,
Не уснуть тебѣ со мной!

2.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ—МАТЕРИ.

Твой не мертвъ, не мертвъ сынокъ:
Розы онъ сорвалъ цвѣтокъ,
Положилъ себѣ на грудь,—
Въ сладкомъ запахѣ заснуть!

3.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ НАДЪ МОЛОДЫМЪ.

Понесемъ тебя мы—хоронить въ саду,
Мы просѣмъ землю черезъ кисею,
Надъ могилою посѣмъ мы цвѣты,
Чтобъ за изгорсдью розъ проснулся ты.

4.

ЖАЛОБА СЕСТЕРЪ.

Пойдемъ мы вдвоемъ, на холмъ мы взойдемъ,
Я буду—звать, ты будешь—искать.
Его не найдемъ,—могилу найдемъ,
И камень могильный будемъ мы цѣловать.

5.

ЗАПЛАЧКА.

Быль ты четками жемчужными,
Зернами на нити дружными,
Да рассыпался жемчугъ.
Вы, сестрицы, соберитесь,
Подбирайте, потрудитесь,
Что зерно къ зерну, самъ другъ!

РЕЛИГИОЗНЫЯ. ЗАКЛИНАНІЯ.

1.

Заблѣлася заря,
Обозначились кресты,
Смилосердился Господь,
Въ рай раскрылися врата,
Въ адъ закрылися врата,
Цѣпи падаютъ съ души,
Господи, помилуй насъ!

2.

На подушку я—голову склонилъ,
Ангелу-хранителю душу поручилъ:
Храни въ полночь,
Храни всю ночь,
Когда пѣтухъ поетъ,
Когда заря идетъ,
Вѣряться одному
Царю Небесному,
Во смертномъ рву лежу,
Я сплю, я отхожу,
Въ руки твои, Матерь Божія,
Душу вручаю на ложѣ я!

3.

Погашены огни,
Лукавый отошелъ.

Закрывъ лицо, Христось,
 Межь ангеловъ своихъ,
 Съ небесъ теперь сошелъ,
 Въ домъ христіанъ вошелъ.

— Куда идешь, Христось?
 — Разожжены огни
 Въ кадилъницахъ моихъ,
 И нити—изъ огня.
 Я люльки обошелъ,
 Спѣшу къ обѣднѣ я.

4.

ЗАКЛИНАНІЕ НА ВОЛКА.

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
 Гривой лошади Саркисовой,¹
 Тѣмъ жезломъ ли Моисеевымъ,
 Тѣмъ копьемъ ли святъ-Егорія,
 Той ли вѣрой святъ-Григорія,
 Богоматери святымъ млекоу,
 Ухвати его, свяжи его;
 Глазъ за глазомъ ему выколи,
 Языкъ въ горлѣ привяжи ему,
 Осѣни его, одолѣй его,
 Ради Господа Христа всѣ бѣдствія
 Да падутъ на звѣря лютаго.

5.

ЗАКЛЯТІЕ НА СГЛАЗЪ.

Храмомъ Соломоновымъ,
 Да жезломъ Давидовымъ,
 Словомъ Аароновымъ,
 Да ключемъ Іоновымъ,

¹ Святой Саркисъ — святой Сергій.

Злого глаза нѣтъ! злого шипа нѣтъ!
Сгинь, лихой навѣтъ! сгинь, лихой совѣтъ!

6.

ЗАКЛЯТІЕ СТАРУХЪ КЪ ЛУНѢ.

— Молодая, молодая, обновленный серпъ!
Въ полноцѣ ала, зелена въ ущербъ!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
Съ края свѣта что намъ ты принесла?

— Счастье на весь міръ,
Царямъ—ладъ и миръ,
Покойникамъ—любовь,
Хлѣбушку—дешовъ,
Добрымъ—много дней,
Рай—душѣ твоей.

ПѢСНИ О ПРИРОДѢ, ДУМКИ И ДР.

1.

НОКТЮРНЪ.

Луна нѣжна, вѣтеръ нѣженъ,
И сонъ земледѣловъ нѣженъ;
Луна высоко взошла,
И голосъ свирѣли нѣженъ;
Пастухъ распустилъ быковъ,
И сонъ подъ чинарой нѣженъ;
Прохлада вѣетъ въ листьѣ,
И вѣтеръ приморскій нѣженъ;
По камнямъ ручей журчить,
И говоръ струй его нѣженъ;
Всѣ птички по гнѣздамъ спятъ,
Но свистъ соловья такъ нѣженъ;
Какъ сладко пахнетъ въ лѣсу:
То запахъ розы такъ нѣженъ!

2.

— Какъ вамъ не завидовать,
Горы вы высокія!
— Что же намъ завидовать,—
Участь наша горькая:
Лѣтомъ жжетъ насъ солнышко,
Въ зиму—стужа лютая!

3.

Не пой ты солнцу обо мнѣ,
 А то оно съ тоски затмится;
 Спой про мою тоску лунѣ,
 Что каждый мѣсяць вновь родится!

4.

Золотая звѣздочка въ небѣ
 Любить маленькую рыбку въ морѣ.
 Но не плавать рыбкѣ по тверди синей,
 Не блистать и звѣздѣ въ морской пучинѣ.

5.

ПѢСНЯ ХАРИБА.

Деревцомъ я персиковымъ росъ,
 Подо мной родимый былъ утесъ.
 Меня выкопали, унесли,
 Посадили въ садъ чужой земли.
 Тамъ шербетъ изъ сахара любимъ,—
 Мои корни поливали имъ.
 Ахъ, меня верните въ край родной,
 Ахъ, полейте снѣговой водой!

6.

ПЛЯСОВАЯ ВАНЦЕВЪ.

Мы сошлись однажды вмѣстѣ пировать,—
 То лавò!
 Говорить тутъ кто-то: «только не плошать!»
 То лавò!
 Въ садъ пойдемъ и будемъ на пиру плясать!
 То лавò!

Водку да закуску съ плясками мѣшать!
То лавò!
Шашлыка вкуснѣй что? съ водкой что сравнять?
То лавò!
Травы подь ногами хорошо топтать!
То лавò!
Пусть Варага скалы вторять намъ въ отвѣтъ:
То лавò!
Малыя, большія звѣзды лють свой свѣтъ,—
То лавò!
Той луной высокой праздникъ нашъ согрѣтъ!
То лавò!

ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

ЗЕЙТУНСКІЙ МАРШЪ.¹

Зейтунцы, въ путь! уже свѣтло.
Бери ружье, садись въ сѣдло,
    Пойдемъ впередъ!
Доколь, доколь хребетъ склоняеть,
Тирану шею подставляеть?

Довольно, братья, въ рабствѣ жить
Да иго туркамъ выносить!
Покуда нашъ народъ согбенъ,
Гдѣ нашъ вѣнецъ, языкъ, законъ?

Зейтунцы! храбрость—наша честь,
И къ туркамъ мы лелѣемъ мечь.
Мы вскормлены не молокомъ,
Съ младенчества мы кровь сосемъ!

Зейтунцы! намъ—стезя одна:
Походы, битвы да война!
Мечь, сабля, пуля да ружье,—
Зейтунецъ, вотъ—добро твое!

Живи, Зейтунъ! цвѣти, Зейтунъ!
Свободы наступилъ канунъ.
Коль у тебя—сыны, какъ мы,
Цвѣти, Зейтунъ! живи, Зейтунъ!

¹ Зейтунъ—городъ, въ горахъ, въ предѣлахъ бывшаго Киликійскаго царства, памятный мужественнымъ возстаніемъ противъ ига турокъ, въ 1895 г. Подрсбнѣ—см. Примѣчанія.

2.

ВОЕННАЯ ЭРЗЕРУМСКАЯ ПѢСНЯ.

Поднялся крикъ съ огромныхъ горъ, гдѣ дремлетъ Эрзерумъ,
Сердца армянъ потрясены, слышавъ бранный шумъ.

Крестьянинъ, знавшій до того лишь ремесло свое,
Бросаетъ старое село, держа въ рукѣ ружье.

Старикъ, на посохъ опершись, съ слезами крестить лобъ.
«Свободной родину узрѣть, а тамъ хотя бѣ и въ гробъ!»

Ласкаясь, женщины мужьямъ сурово говорятъ:
«Ступай, сражайся и безъ ранъ не приходи назадъ!»

И дѣвамъ легкая ихъ жизнь отнынѣ тяжела;
Онѣ торопятъ жениховъ на славныя дѣла.

Рыдала слишкомъ долго ты, о мать, Айастанъ!¹
Пусть голодны твои сыны, но бодръ ихъ бранный станъ.

Въ объятья ихъ свои прими, прижми къ груди своей,
Свои священные поля ихъ кровью отогрѣй!

3.

ПѢСНЯ УДАЛЬЦОВЪ.

Заодно удалецъ съ арабскимъ конемъ,
Не бѣжать никогда имъ двоимъ предъ врагомъ.
Престарѣлый орелъ знаетъ въ добычѣ толкъ,
И волка дѣтенышъ всегда будетъ волкъ!

¹ Гай—армянинъ, отсюда Гайастанъ (или Айастанъ)—Ар-
менія (см. дальше въ разныхъ стихотвореніяхъ).

Я желалъ бы взойти къ себѣ на балконъ,
Веселясь обнимать, въ кого я влюбленъ.
Я бъ желалъ осѣдлатъ вороного коня,
Чтсбъ туда, гдѣ бой, онъ помчалъ меня.

Идутъ удалъцы гулять по полямъ,
Любы розы имъ днемъ, луна—по ночамъ.
Оружье гремитъ, скалы вторятъ въ отвѣтъ,
Если брякнуть мечи, то враговъ вблизи нѣтъ.

Мнѣ скажетъ мой сынъ, что видно въ горахъ.
Видя бой удалъцовъ, дѣвы—въ слезахъ.
А я вамъ скажу, ты, ага, и ты, бей:
Тотъ честенъ, кто палъ съ вѣрой своей!

ПѢСНИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ,

народныя и неизвѣстныхъ авторовъ.

1.

ПѢСНЯ.

НА ПЛѢНЕНИЕ КОРОЛЯ ЛЕВОНА.

1268 г.

Увы, увы! Левонъ
Невѣрными плѣнень.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

Пришелъ играть въ мейтанъ¹
Въ мячъ золотой—султанъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

Левону мячъ даетъ:
«Играй ты въ свой чередъ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

«Невѣрнымъ стань, мы всѣ
Поклонимся тебѣ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

¹ Мейтанъ—площадка для игры въ мячъ или ипподромъ для конскихъ ристаній. См. Примѣчанія.

Левонъ въ тюрмѣ глухой
Твердить, въ слезахъ, съ тоской:
«О караваны, въ Сись идя,
Снесите вы отцу—вѣсть обо мнѣ!»

Отцу лишь дали знать,
Собралъ онъ тотчасъ рать,
Пошелъ онъ на невѣрнаго
И пролилъ онъ въ поляхъ—ручьями кровь.

Вернулся сынъ Левонъ,
Отцомъ освобожденъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранить—его и насъ!

2.

ПѢСНЯ АИСТА.

Здравствуй, аистъ! аистъ-другъ!
Ты вернулся аистъ-другъ,
Разлилась весна вокругъ,
Веселѣй намъ стало вдругъ!

Милый аистъ, къ намъ спустись,
Къ намъ на кровлю опустись,
Въ нашемъ домѣ поселись,
Свей на ясени гнѣздо.

Я пожалуюсь тебѣ,
Ахъ, пожалуюсь тебѣ;
Много бѣдъ въ моей судьбѣ,
Горе сердца—море бѣдъ!

Ахъ! когда ты улетѣлъ,
Съ нашей кровли улетѣлъ,
Вѣтеръ злой разсвирѣпѣлъ,
И засушилъ цвѣты въ саду.

Омрачился небосводъ,
 Помрачился небосводъ,
 Выпаль снѣгъ, закрылся ледъ,
 И зима цвѣты смела.

Отъ Варагскихъ самыхъ горъ
 Ахъ! съ Варагскихъ самыхъ горъ
 Замели снѣга просторъ,
 Холодъ выбѣлилъ поля.

Аистъ! здѣсь у насъ въ раю,
 Все занесъ морозъ въ краю,
 Засушилъ и умертвилъ
 Розу милую мою!

3.

ЮНОША И ВОДА.

Съ высокихъ горъ, угрюмыхъ горъ
 Вода сбѣгаетъ на просторъ.
 Вотъ юноша пришелъ къ водѣ,
 Помылся юноша въ водѣ,
 Лицо и руки мылъ въ водѣ.
 Такъ юноша сказалъ водѣ:

— Съ какой горы, ты, ключъ, бѣжишь,
 Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?

— Я съ той горы струюсь, бѣгу,
 Гдѣ новый снѣгъ, гдѣ старый снѣгъ.

— Въ какой ручей, ты, ключъ, бѣжишь,
 Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?

— Я въ тотъ ручей, струюсь, бѣгу,
 Гдѣ цвѣтъ фіалокъ льнетъ на брегъ!

— Къ бахчѣ какой ты, ключъ, бѣжишь,
 Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?

— Я въ ту бахчу струюсь, бѣгу,
 Садовникъ гдѣ хозяинъ самъ.

— Что за кусты тамъ оросишь—
 Ты, сладкій ключъ, студеный ключъ?
 — Я тѣ стволы тамъ берегу
 Вкругъ коихъ мягкій дернъ возросъ,
 Для аглицевъ мягкій дернъ возросъ:
 Высокихъ яблонь, пышныхъ розъ!
 Я въ тѣ сады струюсь, бѣгу,
 Гдѣ сладокъ голось соловья.

— Въ какую жь рѣку ты бѣжишь,
 Мой сладкій ключъ, студеный ключъ!
 — Я въ ту рѣку струюсь бѣгу,
 Въ какой приходитъ ярь¹ твоя,
 Тамъ воду пьетъ она, а я,
 Пока она твердитъ «люблю»,
 Ея уста волной ловлю!

4.

О, злая! съ черной красотой! о дорогая! ангель мой!
 Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Какъ жжетъ меня моя любовь! о дорогая, жжетъ любовь!
 Твой лобъ такъ бѣлъ, но сумракъ—бровь! о дорогая, сумракъ—
 бровь.

Твой взоръ—какъ море, я—ладья! о дорогая, я—ладья.
 На этихъ волнахъ—чайка я! о дорогая, чайка—я.

Мнѣ не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
 О, злая, выслушай раба! о дорогая, рѣчь раба.

Ты—врачъ: миѣ раны излѣчи, о дорогая, излѣчи!
 Я словно въ огненной печи, о дорогая, я—въ печи!

¹ Ярь—милая (см. выше).

Есѣ дни горю я, стонѣ тая, о дорогая, стонѣ тая,
О, злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

Мнѣ не уснуть и краткій срокъ, о дорогая, краткій срокъ,
Тебя ищу—и одинокъ! о дорогая, одинокъ!

И ночь и день къ тебѣ лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всѣмъ хочу, о дорогая, и молчу.

Но какъ молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

5.

ПѢСНЯ ПАХАРЕЙ.

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Простую пѣсню псемъ,
Сердца свои веселя!

Темная ночка прошла,
Весель зеленый просторъ;
У Бога много тепла,
Солнце встаетъ изъ-за горъ.

Идемъ! за дѣло пора!
Въ лѣсахъ намъ птицы поють.
Богатъ, кто взялся съ утра
На нивѣ за скромный трудъ.

Пусть долго спитъ богатей
И ждетъ онъ другихъ услугъ.
Я сжился съ долей своей,
Хоть ѣмъ только хлѣбъ да лукъ.

У меня нѣтъ лишнихъ заботъ,
Всегда безпечаленъ я,
И пахарь пѣсню поеть,
Звучнѣй, чѣмъ пѣснь соловья.

Едва проснется богачь,
Клянеть онъ участь свою;
Надъ жизнью бѣдный не плачь:
Такая же будетъ въ Раю!

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Пѣсню простую поемъ,
Сердца людей веселя!

ПѢСНЯ О ЧЕТЫРЕХЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ.

Весна.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой весною приходятъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надъ землю кружатся, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Лѣто.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждымъ лѣтомъ приходятъ.
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надъ розой кружили, кружать.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Осень.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что осенью каждой приходятъ.
    Надѣли желтый нарядъ,
    Надѣли желтый нарядъ,
    Надѣли желтый нарядъ,
    Надъ сушью кружатся, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея
Рабъ умиленный Творца.

Зима.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой зимою приходятъ.
    Надѣли бѣлый нарядъ,
    Надѣли бѣлый нарядъ,
    Надѣли бѣлый нарядъ,
    Надъ снѣгами кружатся, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

ПОДРАЖАНІЕ НАРОДНОМУ.

ПѢСНЯ.

Арутюна Туманьяна.

Ахъ, если алымъ сталь бы я,
Твоимъ коралломъ сталь бы я,
Тебя лобзаль бы день и ночь
И снѣгомъ талымъ сталь бы я!
    Я сталь бы алымъ
    Коралломъ, лалломъ
И снѣгомъ талымъ сталь бы я...

Ахъ, если шалью сталь бы я,
Твоей вуалью сталь бы я,
Тебя лобзаль бы каждый день,
Иль бусь эмалью сталь бы я!
    Я сталь бы шалью,
    Твоей вуалью,
И бусь эмалью сталь бы я.

Ахъ, если таромъ¹ сталь бы я,
Звучать не даромъ сталь бы я.
Я разглашалъ бы гимнъ тебѣ,
И милой яромъ² сталь бы я!
    Я сталь бы таромъ,
    Звуча не даромъ,
Ахъ, милой яромъ сталь бы я!

¹ Таръ — народный музыкальный инструментъ.

² Яръ — милый (см. выше).

Э П О С Ъ.

1. Владыка Асланъ. Сказка.
2. Давидъ Сасунскій. Эпосъ.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ВЛАДЫКА АСЛАНЪ.

СКАЗКА.

Владыка Асланъ сидитъ въ златой горницѣ,
И ѣсть онъ хлѣбъ, и пьетъ онъ вино,
Ведетъ на землѣ жизнь счастливую,
Ни о чемъ-то чужомъ не тужитъ онъ.

И случилось такъ: хлѣба нѣтъ, нѣтъ вина.
Владыка Асланъ слугу позвалъ:
«Вотъ деньги тебѣ, на рынокъ ступай,
Тамъ ты хлѣба купи, вина купи,
Поспѣши принеси, пока пирь мой идетъ.»

Аслана слуга на рынокъ пошелъ,
Видитъ: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Онъ попу отдаетъ съ головы чалму,
Поясъ свой отдаетъ на саванъ тому.
Послѣ хлѣба купилъ и вина купилъ,
Но домой припоздалъ: пирь-то кончился.

«Поздно такъ почему ты назадъ пришелъ?»
Осердясь, говоритъ владыка Асланъ.
«Не веди казнить!—отвѣчаетъ слуга,—
Какъ на рынокъ я шелъ,
Вижу: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Тутъ попу я отдалъ съ головы чалму,
И свой поясъ отдалъ на саванъ тому.
Схоронили тогда бѣдняка въ землѣ,
А я потому на твой пирь опоздалъ.»

Тутъ Аслана глаза словно выскочили.
Говорить: «Кто же взялъ душу мертваго?
Коль онъ смѣлъ, пусть придетъ за моей за душой!»
«Не вели казнить, отвѣчаетъ слуга,—
То архангелъ былъ, съ мечомъ Гавріиль,
Того бѣдняка онъ душу унесъ».

Владыка Асланъ слугѣ закричалъ:
«Мнѣ коня подведи, моего Бозъ-Бедави,
Возложи на него съ жемчугами сѣдло,
Какъ же взять онъ смѣлъ, моего бѣдняка?»

Владыка Асланъ на рынокъ поскакалъ,
Гавріила онъ къ себѣ позвалъ.
Говорить: «На что тебѣ мой бѣднякъ?
Зачѣмъ бѣдняка душу ты взялъ?
Коль ты смѣлъ, приходи за моей за душой!»

Архангелъ тогда, съ мечомъ Гавріиль
Съ Асланомъ вступилъ въ безпощадный бой.
И до полдня они рубились тамъ.
Аслана щадя разилъ Гавріиль,
Гавріила съ плеча разилъ Асланъ.

Въ полдень грозно взглянулъ на врага Гавріиль.
Асланъ утомленъ возвратился домой,
Онъ на ложе упалъ, а отецъ говоритъ:
«Помилуй меня, любезный сынъ,
Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
Говорить Асланъ:
«Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
Онъ хотѣлъ прійти за моей душой!»

Отецъ говоритъ:
«Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
И отдай еще съ жемчугами сѣдло
И саблю отдай, закаленный клинокъ,
И злата отдай семь четвертей,
И серебра отдай семь четвертей,
Только пусть не беретъ онъ души твоей!»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріиль:
 Ему на что всего міра добро!
 Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.
 Отецъ говоритъ: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
 Но я какъ женихъ съ невѣстой своей,
 Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Мать пришла, говоритъ: «Помилуй, мой сынъ,
 Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
 Говоритъ Асланъ:
 «Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
 Онъ хочеть прійти за моей за душой.»

Мать говоритъ:
 «Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави
 И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
 И саблю отдай, закаленный клинокъ,
 И злата отдай семь четвертей,
 И сребра отдай семь четвертей,
 Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріиль:
 Ему на что всего міра добро,
 Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.»
 Мать говоритъ: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
 Но какъ невѣста я съ женихомъ своимъ,
 Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Жена пришла, говоритъ: «Помилуй, Асланъ,
 Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
 Говоритъ Асланъ:
 «Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
 Онъ хочеть прійти за моей за душой.»

Жена говоритъ:
 «Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
 И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
 И саблю отдай, закаленный клинокъ,
 И злата отдай семь четвертей,
 И сребра отдай семь четвертей,
 Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріиль,
Ему на что всего міра добро!
Онъ хочеть души въ обмѣнъ на мою.»
Жена говоритъ: «Не знала я,
Что онъ хочеть души въ обмѣнъ на твою,
За тебя я отдамъ отъ сердца свою.»

Аслана жену Гавріиль призваль,
Говорить: «Почему ты себя отдала?
Отець не хотѣль, не хотѣла мать,
Свою душу зачѣмъ ты согласна отдать?»
Въ отвѣтъ жена: «Не знала я,
Что ты хочешь души въ обмѣнъ на его,
Я тебѣ отдаю отъ сердца свою,
Чтобъ въ мірѣ не быть несчастной вдовой.»

Къ Богу тогда Гавріиль возлетѣль,
Господу все тогда разсказаль:
«Отець не хотѣль, не хотѣла мать
Свою душу въ обмѣнъ за сына отдать,
А жена отдаетъ отъ сердца свою.»

Говорить Господь: «Поди и возьми
Душу отца и матери то-жь,
А супруги пускай двѣсти лѣтъ живутъ
Да счастливую жизнь на свѣтѣ вѣдуть.»

ДАВИДЪ САСУНСКІЙ.

Народная эпопея.

1.

Миръ Господень тебѣ, — Абаэлики,
Миръ Господень тебѣ, — Санасаръ,
Миръ Господень тебѣ, — Багдасаръ,
Миръ Господень тебѣ, — Мэликсетъ,
Миръ Господень тебѣ, — Дзеновъ-Ованъ,
Миръ Господень тебѣ, — Цыранъ-Вэрго,
Миръ Господень тебѣ, — Тырланъ-Давидъ,
Матерямъ и отцамъ тѣхъ, предъ кѣмъ я пою.

2.

Скончался когда Давида отецъ,
Съ Мысрамэликомъ мать пошла подъ вѣнецъ,
Остался Давидъ и сиръ и младъ,
Дядя собрались, промежъ себя говорятъ.
Ованъ говоритъ: — Цыранъ-Вэрго,
Ты ль Давида возьмешь, или я возьму?—
Вэрго говоритъ: «Есть сынъ у меня,
Ты возьми, содержи, сдѣлай сыномъ его.»
Взялъ Давида Ованъ и его содержалъ,
Былъ Овану Давидъ, какъ духовный сынъ.

3.

Только мѣсяцъ прошелъ, стосковалася мать,
Послала она за сыномъ гонцовъ.
И въ дому у нея поселился Давидъ.

Каждый день булаву Мысрамэликъ металлъ,
 И Давида мать ему говорить:
 — Мое дитя съ собой возьми.—
 Мысрамэликъ въ отвѣтъ: «Я его не возьму.
 А ну какъ въ него попаду и убью?»
 Люди скажутъ, что я дитя волей убилъ.»
 Но Давида мать опять говорить:
 — Чтобъ не плакать ему, ты возьми, пусть убьешь.—
 Мысрамэликъ съ собой Давида повель,
 Поставилъ его вдалькѣ на лугу.
 И пошли удалыцы метать булаву.
 Мысрамэликъ свою метнулъ булаву,
 Давидъ привсталъ,
 Руку простеръ, булаву поймалъ.
 Мысрамэликъ тогда прогнѣвался, сказалъ:
 «День придетъ, на меня онъ войной пойдетъ!»

Мысрамэликъ домой, разгнѣванъ, пришелъ,
 Принахмурилъ бровь, сидитъ и молчитъ.
 Тутъ жена говорить:
 — Почему ты молчишь, разгнѣванъ сидишь?—
 Онъ женѣ въ отвѣтъ: «Да мнѣ что жь сказать?
 Предъ людьми твой сынъ меня осрамилъ.»
 Говоритъ жена:—Да что сдѣлалъ онъ?—
 «Какъ я нынче свою метнулъ булаву,
 Давидъ привсталъ,
 Руки простеръ, булаву поймалъ.»
 Та въ отвѣтъ:—Онъ же малъ, еще несмышленъ.—
 Мысрамэликъ тогда женѣ говорить:
 «Коли малъ Давидъ, еще несмышленъ,
 Ты со златомъ приборъ поставь передъ нимъ
 И съ углями приборъ поставь передъ нимъ.
 Коли малъ Давидъ, еще несмышленъ,
 Красный уголь онъ возьметъ, злата онъ не возьметъ.»

И со златомъ приборъ и съ углями приборъ
 Былъ поставленъ тогда предъ Давидомъ на столъ,
 Руку поднялъ Давидъ, хотѣлъ золото взять,
 Руку ангель отвелъ, положилъ на огонь.
 Палець къ углю прижалъ и палець обжегъ,

Палець въ ротъ положилъ, и языкъ обжегъ,
 Какъ языкъ онъ обжегъ, мало—онъ онѣмѣлъ,
 И его стали звать—заика-Давидъ.

4.

Мысрамэликъ не сталъ Давида держать,
 И къ дядѣ назадъ вернулся Давидъ,
 Изъ желѣза Ованъ сапоги заказалъ,
 Изъ желѣза Ованъ посошокъ припасъ,
 И сталъ Давидъ съ той поры пастухомъ.

Изъ желѣза Давидъ надѣлъ сапоги,
 Изъ желѣза Давидъ захватилъ посошокъ,
 И въ поле Давидъ ягнать погналъ.
 Оставилъ Давидъ среди поля ягнать,
 Сколько было волковъ, зайчатъ и лисиць,
 И всякихъ звѣрей,
 Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
 Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
 Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ,
 Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдутъ.
 Давидъ положилъ на камень лицо,
 На землѣ сырой среди поля уснулъ.

На зарѣ Ованъ самъ къ нему пошелъ.
 Видить: много тотъ по горамъ гулялъ:
 Износился его изъ желѣза сапогъ,
 Изломалась его изъ желѣза клюка,
 Говорить:—Давидъ, какъ твои дѣла?—
 Тотъ въ отвѣтъ: «Любо мнѣ стадо черныхъ ягнать,
 Но не любо мнѣ стадо сѣрыхъ ягнать,
 Было трудно ихъ въ лѣсахъ собирать.»
 Ованъ говоритъ:—Ты сѣрыхъ оставь,
 Они—прокляты,
 Тѣхъ, что сами пойдутъ, ты гони домой!—

Сталъ на день еще Давидъ пастухомъ.
 По горамъ опять погналъ ягнать.

Сколько тигровъ нашлось, медвѣдей и львовъ,
 Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
 Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
 Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ,
 Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдуть.

Давидъ на-земь легъ, до утра проспалъ,
 На зарѣ сошлись горожане всѣ,
 Говорять:—Слушай насъ, Дзеновъ-Ованъ!
 Этотъ мальчикъ твой весь нашъ градъ разбилъ,
 Боимся мы его волковъ,
 И зайцевъ тѣхъ, и медвѣдей.—
 Ованъ говоритъ: «Коль боитесь вы,
 Пойду, приведу Давида домой.»
 Пошелъ, привелъ, Давида домой,
 Отъ хлѣба ключи, отъ ѣды ключи
 Давиду отдалъ и ему сказалъ:
 — Коль гости придуть, ты хлѣба имъ дашь,
 А хлѣбъ какъ съѣдятъ, до воротъ проведешь.—

5.

Такъ мѣсяцъ прошелъ, и другой прошелъ...
 Ована тогда жена, Саріэ,
 Ибо мальчикъ Давидъ красивымъ былъ,
 Заглядыся на него, ему говоритъ:
 — Ты долженъ ко мнѣ въ опочивальню прійти.—
 Но ей въ отвѣтъ Давидъ говоритъ:
 «Вѣдь ты—моя мать, а я тебѣ—сынъ.»

Саріэ говоритъ:— Пойду голову мыть,
 А Давидъ пускай на меня воду льетъ—
 Какъ тѣло мое увидитъ Давидъ,
 Такъ въ сердце его и грѣхъ войдетъ.—
 И Давида зовстъ, пусть онъ воду льетъ.
 Но глаза свои Давидъ прикрылъ,
 Чтобы наготы не видать, грѣха не принять,
 Такъ, глаза закрывъ, онъ и воду лилъ.

Какъ помылась тогда Ована жена,
 Повернулась она, увидала она,
 Что плотно закрыль Давидъ глаза;
 Зарыдала она, стала волосы рвать,
 Все лицо свое разбила въ кровь,
 Домой пошла и съѣла тамъ,
 Пока ея мужъ не пришелъ домой.

Ованъ говорить:—Что съ тобой, жена?—
 Та ему въ отвѣтъ: «Какъ иначе быть?
 То-то вѣрила я, ты сына далъ,
 И не знала я, ты мнѣ мужа далъ.»
 Ованъ говорить: — Эй, смотри, жена!
 Быть не можетъ такъ, говоришь ты ложь.—
 Жена въ отвѣтъ: «Говорю я не ложь.
 Давидъ на меня самъ руку занесъ,
 Но я тогда ему не далась.»
 — Коли такъ, къ вечеру я прилажу дверь.—
 Ованъ, къ вечеру, приладилъ дверь,
 Пришелъ Давидъ, увидалъ, говорить:
 «Могъ бы, дядя, я ударить ногой,
 И дверь и ты самъ провалились бы вдругъ,
 Но какъ же мнѣ быть, не ты виновать,
 Но злая жена обманула тебя.»

6.

Сдѣлалъ Давидъ себѣ стрѣлы и лукъ,
 На охоту пошелъ за городъ въ поля,
 То ли каждый день охотится онъ
 Убиваетъ онъ перепеловъ, воробьевъ,
 Къ старухѣ одной подъ вечеръ идетъ,
 Той, что милой была его отца.
 Старуха та ему говорить:
 — А зачѣмъ ты, Давидъ, по моей гречѣ ходилъ!
 По гречѣ ходилъ, мою гречу помялъ.—
 Давидъ говорить: «А какъ же мнѣ быть?»
 Старуха тогда Давиду въ отвѣтъ:

— Вѣдь былъ твой отецъ могучимъ царемъ,
И много имѣлъ скота и добра.
А какъ померъ отецъ, и по сей самый годъ
Мысрамэлику Ованъ податей не платилъ.
Мысрамэликъ теперь за ними пошлетъ,
И заплатитъ Ованъ подать за семь лѣтъ.—

Уснулъ Давидъ и спалъ до зари;
На разсвѣтѣ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,
На гречу пошелъ, перепелку убилъ.
Мысрамэлика жъ посоль, именемъ Козбадинъ,
Пришелъ, отворилъ ворота казны,
И казну считалъ, унести хотѣлъ.
Старуха пошла, увидала посла
И что въ гречѣ Давидъ перепелку убилъ,
Говоритъ:—Давидъ, чтобъ тебѣ да пропасть!
Только есть у меня, что греча моя,
Хлѣба куска ты лишаешь меня.
Если ты удалецъ, такъ поди, посмотри,
Мысрамэлика посоль, именемъ Козбадинъ,
Тамъ отца твоего уносить казну.
Давидъ ей въ отвѣтъ: «А гдѣ онъ, покажи.»

Старуха тогда Давида повела,
Вернулась сама, а Давидъ увидалъ,
Что посоль Козбадинъ считаетъ казну.
Какъ завидѣлъ Давидъ,—
Кровью взоръ налился,
Разсердился, сказалъ:
«Ты встань, Козбадинъ, а я буду считать!»
Не всталъ Козбадинъ.
Занесъ руку Давидъ, его за руку взялъ,
Да какъ бросить его до самыхъ дверей.
А самъ присѣлъ, и мѣру—вверхъ дномъ,
Палкой дно высадилъ,
Золото высыпалъ,
Не оставилъ ни денежки,
Пустую мѣру повернулъ, сказалъ: «Это—разъ!»
Козбадинъ говорить:
—Ованъ, отгони мальчишку прочь,

Надо платить, такъ плати подать за семь лѣтъ,
 Коли нѣтъ, такъ пойду Мысрамэлику скажу,
 Онъ придетъ, и Сасунъ разгромить, разобьетъ,
 За Мысыромъ другой онъ построить градъ.—
 Разсердился Давидъ, онъ на ноги всталъ,
 Козбадина въ лобъ онъ мѣрою—хлопъ
 И губы прочь отрѣзаль ему
 И зубы въ лобъ ему вбилъ да сказалъ:
 «Къ Мысрамэлику ступай, ему дай отвѣтъ,
 Пусть, что хочеть онъ, то теперь и творить.»

7.

Поднялся Козбадинъ, къ Мысрамэлику пошелъ.
 Женщины глядятъ: Козбадинъ идетъ,
 Словно ротъ онъ открылъ, хохочеть точь-въ-точь.
 Говорятъ: «Вотъ забралъ подать за семь лѣтъ.»
 Козбадинъ какъ пришелъ, близко къ нимъ подошелъ,
 Увидали онѣ: у него губъ-то нѣтъ,
 И зубы его ему вбиты въ лобъ.
 Тутъ онѣ говорятъ:
 «Ты отколь, Козбадинъ, вперевалку бредешь?»
 Козбадинъ имъ въ отвѣтъ:
 Что вамъ знать, я отколь въ перевалку бреду,
 Отъ Сасунской страны наводненію быть.—
 Къ Мысрамэлику потомъ пошелъ и сказалъ:
 «Не даетъ намъ Давидъ, подать за семь лѣтъ,
 О тебѣ говорить: пусть, что хочеть, творить.»

Мысрамэликъ послалъ бирючей ходить,
 Войска собрать, повсюду кричать:
 «Мнѣ должно собрать полторы тысячи
 Новорожденныхъ дѣтей,
 Мнѣ должно собрать полторы тысячи,
 Безусыхъ юнцовъ,
 Мнѣ должно собрать полторы тысячи
 Темнобородыхъ мужей,
 Мнѣ должно собрать полторы тысячи
 Бѣлобородыхъ мужей.»

Сказаль, собралъ, въ одно мѣсто всѣхъ свель,
 Войско повелъ въ городъ Сасунъ,
 Палатки свои среди поля разбилъ,
 И къ Овану своихъ гонцовъ послалъ.

Говорить: — Ованъ!

Коли подать платить, по чести плати,
 Не заплатишь, пойду, разгромлю Сасунъ,
 Подъ Мысырой другой построю я градъ.—

Говорить Ованъ: «Не хотимъ воевать,
 Кто готовъ воевать, такъ только Давидъ,
 Потерпи, погоди, мы спросимъ его.»

Давидъ говоритъ: «Казны отца не отдамъ,
 Мысрамэликъ пускай, что хочеть, творить.»

Давиду Ованъ тогда говоритъ:

— Коли такъ, Давидъ, въ эту ночь они
 Придутъ, нападутъ, разгромятъ нашъ градъ.—

Давидъ въ отвѣтъ:

«Всѣ идите домой, ложитесь спать,

А я на зарѣ пойду воевать.»

8.

Разгнѣвился Давидъ,

Всю ночь не спалъ,

На разсвѣтѣ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,

Какъ собрался пойти, старуха ему:

— Давидъ, ты куда?— А Давидъ въ отвѣтъ:

«Съ Мысрамэликомъ я воевать иду!»

— Что же есть у тебя? только стрѣлы и лукъ?

Съ Мысрамэликомъ ли такъ хочешь ты воевать?—

«Да вѣдь нѣтъ у меня ни коня, ни меча.»

Старуха въ отвѣтъ:—Да побьетъ тебя Грохъ!¹

Достоинъ ли ты отца своего!

У отца твоего былъ конь Джалали,

Молнія—мечъ,

¹ Грохъ—буквально: писецъ, вѣроятно, имя языческаго бога (можетъ быть, тождественно съ именемъ Тира).

Головной уборъ,
 Золотой кафтанъ,
 Поясъ аль,
 Божья Матерь была Марутская съ нимъ,
 Патараза¹ крестъ въ десницѣ его».—
 Говорить Давидъ: «Гдѣ, старуха, все?»
 — Пропади твой домъ, отнялъ дядя все!
 Не отдасть добромъ онъ твоихъ вещей,
 Ты поди, схвати дядю за-воротъ—
 На своемъ настой, силой все возьми!—

Къ Овану тогда Давидъ пошелъ,
 Руки поднялъ, дядю за-воротъ взялъ,
 Такъ что ноги того отъ земли взнеслись,
 «Отъ тебя,—говоритъ,—дядя, требую:
 Божью Матерь верни мнѣ Марутскую,
 Патараза крестъ, что въ десной былъ отца,
 Коня Джалали,
 И мечъ-молнію,
 Головной уборъ,
 Золотой кафтанъ,
 Алый поясъ мой!
 Не отдашь добромъ, возьму силою!»

Тутъ Ованъ въ отвѣтъ:—Пропади, Давидъ!
 Не твои то слова—подучили тебя.
 Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
 Я не видѣлъ нигдѣ коня Джалали,
 Мысрамэлика страшась, его въ стойлѣ держалъ;
 Мысрамэлика страшась, я задѣлалъ дверь,
 Черезъ ердикъ² ему мы кормъ даемъ.
 Если силенъ ты, если властенъ ты,
 Такъ поди: предъ тобой—дверь раскроется.—

Пошелъ Давидъ, ударилъ ногой,
 Ударилъ ногой, и распалась стѣна.
 Хотѣлъ потрепать коня по бедру,

¹ Маруть—гора; Патаразъ,—вѣроятно, имя языческаго бсга.

² Ердикъ—верхнее окно (на плоской крышѣ).

Но, Давида конь не признавъ, взметнулъ,
По стѣнѣ лягнулъ, та обрушилась.
Зарыдалъ Давидъ, зарычалъ, говоритъ:
— Ахъ, что дѣлать мнѣ, чей ты, конь Джалали!
Думалъ я, ты меня на войнѣ спасешь.—
Повелѣлъ Господь, конь въ отвѣтъ сказалъ:
«Коли такъ, Давидъ, послужу я тебѣ.
Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
Твой дядя Ованъ ходилъ за мной,
Содержалъ меня какъ будто въ тюрьмѣ,
Ты жъ скребницей меня хорошенько почишь.»
Потрепалъ Давидъ коня по бедру,
Былъ кругомъ отъ куръ по локоть пометъ,
Но вывелъ коня подъ солнце Давидъ,
Поскакалъ и сталъ у воротъ дворца.
Вышелъ дядя Ованъ, все, что должно, принесъ:
Головной уборъ,
Золотой кафтанъ,
Поясъ аль
И мечъ-молнію.
Говорить:—Давидъ, Патараза крестъ
Въ сундукѣ лежить.
Къ сундуку пойди,
На колѣни стань,
Богу помолись.
Коль, подобно отцу, праведенъ ты,
На десницу твою самъ придетъ, возблестѣвъ,
Патараза крестъ.—

И Давидъ пошелъ, на колѣни сталъ,
На колѣни сталъ, зарыдалъ, завылъ...
Повелѣлъ Господь: Патараза крестъ
Полетѣлъ и самъ на десной осѣлъ.

9.

Сѣлъ Давидъ тогда на коня Джалали,
И надѣлъ отцовъ головной уборъ,
И надѣлъ отцовъ золотой кафтанъ,

Повязаль себѣ и мечь-молнію,
 Окрутилъ вокругъ также поясъ-аль.
 Спину сорокъ разъ поясъ тотъ обвилъ,
 По землѣ стучаль тотъ мечь-молнія,
 На глаза сползаль головной уборъ
 (Ваты сорокъ пудъ подложить пришлось,
 Чтобы тотъ уборъ на себя надѣтъ!)

Поскакаль Давидъ, за оградой сталь,
 Сталь да слушаетъ,
 Что ему въ тотъ часъ дядя вымолвить.

Говорить Ованъ:

— Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Коня Джалали!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Головной уборъ!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Золотой кафтанъ!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Тотъ нашъ поясъ-аль!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Нашъ мечь-молнію!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Патараза крестъ!

Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
 Того нашего, того мальчика.—

Говорить Давидъ:

«Исполать тебѣ, что меня помянулъ.

Кабы ты меня помянуть забылъ,

Раньше битеы я тебя бы убилъ!»

Такъ сказалъ, поскакаль, въ поле выѣхаль.
 Повелѣлъ Господь, сказалъ конь Джалали:
 — Ты скачи, Давидъ, гдѣ молочный ключъ.
 Тамъ, гдѣ стану я, ты съ меня слѣзай.—
 Поскакаль и сталь, гдѣ молочный ключъ,
 Но Давидъ забылъ и съ коня не слѣзъ,
 Лишь подумаль Давидъ, что конь усталъ,
 Въ бокъ ударилъ его и сломилъ ребро.
 Разсердился конь, и проржалъ—сказаль:

— Могъ бы, къ солнцу взнесясь, я тебя спалить,
 Какъ ты скоро забылъ мои слова!
 Но во имя отца я тебя пощажу,
 Ты скачи, Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ,
 Ты ударь мечомъ о желѣзный столбъ,
 Коли срубишь столбъ, мы вернемся назадъ.—

Тогда съ коня слѣзаетъ Давидъ,
 Молочнымъ ключомъ его бокъ цѣлить,
 Самъ напился воды и хлѣба поѣлъ,
 Надъ молочнымъ ключомъ уснулъ, захрапѣлъ.
 Только часъ проспалъ,—удивился, какъ всталъ:
 Такъ-то онъ пополнилъ,
 Такъ-то онъ растолстѣлъ,
 Столько силы вошло, столько мочи въ него,
 Что и выше онъ сталъ, чѣмъ былъ до того.
 Тогда взялъ Давидъ головной уборъ,
 Ваты сорокъ пудъ на землю швырнулъ,
 Шапка и тогда до бровей не дошла;
 Молнію-мечъ, что стучалъ по землѣ,
 Надѣлъ, не дошелъ онъ ему до колѣнъ;
 Поясъ-аль, что его сорокъ разъ обвивалъ,
 Надѣлъ, только разъ онъ спину обвилъ.

Поскакалъ Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ;
 Ударилъ мечомъ о желѣзный столбъ,
 Разрубился столбъ отъ удара меча.
 Въѣхалъ Давидъ на вершину горы,
 Посмотрѣлъ кругомъ, что-то видно вокругъ.
 Сколько есть въ небесахъ лучистыхъ звѣздъ,
 Мысрамэликъ въ поляхъ наставилъ шатровъ,
 Увидаль Давидъ, испугался, сказалъ:
 — Славенъ будь, Господь, милосердь Богъ,
 Да будетъ воля Твоя,
 Только какъ же мнѣ быть?
 Если бъ ватой они всѣ сдѣлались вдругъ,
 А я сталъ бы огнемъ, не пожечъ мнѣ ихъ всѣхъ.
 Если бъ агнцами всѣ они сдѣлались вдругъ,
 А я волкомъ бы сталъ, не пожрать мнѣ ихъ всѣхъ.—

Джалали говорить: «Ты не бойся, Давидъ!
 Сколько скосишь мечомъ, я скошу хвостомъ,
 Что скосить мечу, я копытомъ скошу.
 Лишь на мнѣ усиди и не дайся въ обманъ».
 Говорить Давидъ:—Только какъ же мнѣ быть?
 Тайкомъ подползать,—скажутъ, вышелъ какъ тать,
 Итти прямо къ врагамъ, испугаюсь я самъ.—

Такъ подумалъ Давидъ, потомъ такъ кричить:
 — Въ шатрѣ кто спитъ, да проснется тотъ,
 Проснулся кто, да скорѣй встаетъ,
 Поднялся кто, да броню беретъ,
 Броню кто надѣлъ, да несетъ сѣдло,
 Осѣдлалъ кто коня, да садится въ сѣдло,
 И, чуръ, не кричать, что пришелъ я, какъ тать!—

Такъ сказалъ, поскакалъ, полетѣлъ на войска,
 Два-раза проскакалъ и впередъ и назадъ,
 Словно крови потокъ поднялся и потекъ,
 Сколькихъ мечъ порубилъ, сколькихъ конь потопталъ.

Былъ въ томъ войскѣ мудрецъ, сѣдой старикъ,
 Предъ Давидомъ онъ сталъ, Давиду сказалъ:
 «Ты зачѣмъ, Давидъ, убиваешь людей?
 У всѣхъ-то у нихъ вѣдь матери есть,
 Сюда Мысрамэликъ насъ силой привелъ,
 Коли ты удалецъ, поди, съ нимъ повоюй.»
 Говорить Давидъ:—Гдѣ его шатеръ?—
 Старикъ говорить: «Вонъ зеленый шатеръ.»

10.

Предъ зеленымъ шатромъ Давидъ сталъ, сказалъ:
 — Мысрамэликъ, выходи, драться иди.
 Коль безсмертенъ ты, тебѣ смерть я принесъ,
 Коль безъ Гроха ты, тебѣ Гроха принесъ.—
 Мать Давида тогда ему говорить:
 «Мысрамэликъ въ постели спитъ,
 Семь день ему спать, только три проспалъ.»

Давидъ говоритъ:—Что за дѣло мнѣ!
Разбудите его, ему драться пора.—

Тутъ огонь несутъ, большой вертель жгутъ,
Да имъ по нсгамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ, закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говоритъ: «Вставай!
Вѣдь то не блоха, предъ тобою—я.»
Мысрамэликъ не всталъ и опять уснулъ.
Тутъ огонь несутъ, плуга лемехъ жгутъ,
Да имъ по нсгамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говоритъ: «Вставай!
Нынче со мной долженъ драться ты.»

Мысрамэликъ тутъ всталъ, Давида узналъ,
На него дохнулъ, думалъ тотъ полетить,
Но Давидъ на конѣ остался стоять.
Мысрамэликъ тогда Давиду сказалъ:
— Приходи, Давидъ, поѣдимъ съ тобой,
Поболтаемъ вдвоемъ, а тамъ драться начнемъ.—
Дался тогда Давидъ въ обманъ,
Съ коня онъ слѣзъ, а конь убѣжалъ,
Разсердясь, ускакалъ на вершину горы.
Мысрамэликъ межъ тѣмъ велѣлъ яму изрыть,—
Глубиной она была въ сорокъ мечей,
Прикрыта она была сѣткой поверхъ,
А на сѣтку ту постлали ковры.
Давида тогда посадили туда,
Онъ въ яму упалъ, Мысрамэликъ же сказалъ:
— Такъ вотъ какъ, Давидъ, ты подрался со мной,
Оставайся тамъ, пока кости сгніють.—

11.

Дэеновъ-Ованъ видѣлъ ночью сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,

Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
 Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
 —Поднимайся, жена! Я видѣлъ сонъ,
 Мысыра звѣзда ясна была,
 Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
 Погибъ нашъ Давидъ!—
 Жена говорить: «Пропади твой домъ!
 Самъ ты спишь, а во снѣ все видишь другихъ.»
 Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
 Мысыра звѣзда ясна была,
 Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ.
 Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
 —Поднимайся, жена, я видѣлъ сонъ:
 Мысыра звѣзда ясна была,
 Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ,
 Погибъ нашъ Давидъ!—
 Жена говорить: «Пропади твой домъ,
 Чего ты не спишь и мнѣ спать не даешь.»
 Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
 Мысыра звѣзда ясна была
 И Сасуна звѣзду поглотили совсѣмъ.
 Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
 — Поднимайся, жена, Давидъ убить!—
 Жена говорить: «Охъ, чего ты не спишь,
 Видно, млѣешь во снѣ съ красоткой какой!»
 Разсердился Ованъ, пхнулъ жену ногой,
 Жена поднялась и свѣтъ зажгла.
 Ованъ говорить:—Подай мечъ и щить!—
 Жена подала, и Ованъ ихъ надѣлъ,
 Самъ пошелъ отворилъ въ конюшню дверь,
 Ударилъ въ бедро коня Бѣлаго
 (Прикоснулся конь животомъ до земли),
 Говорить:—Бѣлый конь, какъ поскачешь ты,
 Скоро ль ты довезешь меня, гдѣ Давидъ?—
 Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя до зари.»
 Говорить Ованъ:—Поганымъ будь кормъ,
 Какимъ досель я тебя кормилъ.—
 Ударилъ въ бедро коня Рыжаго
 (Прикоснулся конь животомъ до земли),
 Говорить:—Рыжій конь, какъ поскачешь ты,

Скоро ль доведешь меня, гдѣ Давидъ?—
 Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя въ одинъ часъ.»
 Говорить Ованъ:—Поганымъ будь кормъ,
 Какимъ досель я тебя кормилъ.—
 Ударилъ въ бедро Вороного коня,
 Не коснулся конь животомъ до земли.
 Облобызаль Ованъ Вороного коня,
 Говорить:—Вороной, какъ поскачешь ты,
 Скоро ль ты доведешь меня, гдѣ Давидъ?—
 Конь въ отвѣтъ: «Ухватись за меня посильнѣй.
 Только станешь ногой ты въ стремя одно,
 А другую внесешь, чтобъ въ другое попастьъ,
 Донесу я тебя туда, гдѣ Давидъ.»

Сѣлъ Дзеновъ-Ованъ на Вороного коня,
 Только сталь ногой на стремя одно,
 А другую занесъ, чтобъ въ другую попастьъ,—
 А ужъ конь Вороной полетѣлъ, какъ огонь,
 Домчался и сталь на вершинѣ горы.
 Лишь конь Джалали его увидаль,
 Громко заржалъ, къ нему подскакаль.
 Испугался Ованъ, про себя сказалъ:
 «Если конь убѣжалъ, такъ Давидъ убить.»
 И Дзеновъ-Ованъ тогда закричалъ,
 По горамъ и доламъ его крикъ прозвучаль:
 — Эй, гдѣ ты, Давидъ! помяни теперь
 Ты Марутскую Богородицу,
 Патараза крестъ, что въ десной твоей!—
 Давидъ услыхаль тотъ Огана крикъ,
 Давидъ разслыхаль и сказалъ тогда:
 «Ты Марутская Богородица,
 Патараза крестъ, что въ десной моей!»
 Такъ онъ разъ сказалъ, тѣломъ всѣмъ трякнулъ.
 Повелѣлъ Господь и распалась цѣпь,
 И изъ ямы Давидъ тогда выскочилъ.
 Мысрамэликъ къ нему подойти не посмѣлъ,
 Ованъ же позвалъ:—Пооди сюда, Давидъ!—
 Давидъ на тотъ зовъ къ Овану пришелъ,
 Ему Ованъ коня подвель,
 Сѣлъ Давидъ и сказалъ:

«Отправляйся теперь ты, дядя, домой,
Съ Мысрамэликомъ я пойду воевать.»

12.

Къ Мысрамэлику Давидъ прискакаль, сказалъ:
— Мысрамэликъ, меня ты тогда обмануль,
А что же теперь станешь дѣлать ты?—
Мысрамэликъ сказалъ: «Ну, иди, садись.»
Но Давидъ говорить:—Нѣтъ, намъ драться пора.—
Мысрамэликъ ему: «Чуръ мой первый чередъ.»

Пошелъ Давидъ, на площади сталъ.
Мысрамэликъ махнуль, пустиль булавой
Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
И солнечный ликъ застлала пыль.
Мысрамэликъ сказалъ:
«Быль прахомъ Давидъ, сталъ прахомъ Давидъ.»
Но Давидъ въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
Ты ступай опять булавой метать.—
Мысрамэликъ махнуль, пустиль булавой,
Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
И солнечный дымъ застлала пыль.
Мысрамэликъ сказалъ:
«Быль прахомъ Давидъ, сталъ прахомъ Давидъ.»
Но Давидъ въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
Ты ступай опять булавой метать.—
Мысрамэликъ въ третей пустиль булавой
Какъ осѣла пыль, Давидъ говорить:
— Все еще я тутъ, но чередъ ужъ мой.—

Мысрамэликъ сказалъ: «Давидъ, подожди.
Вырыть яму хочу въ сорокъ версть глубиной,
Въ эту яму хочу опустить на дно,
Сорокъ я навалю жернововъ на дно,
Сорокъ я наложу шкуръ воловъ на себя.»
Давидъ говорить:—Что же, рой, накрывай,
Какъ любо тебѣ, такъ ты поступай.—

13.

Мысрамэликъ сидитъ въ той ямѣ на днѣ,
 Сорокъ онъ навалилъ жернововъ на себя,
 Сорокъ онъ наложилъ шкуръ воловъ на себя.
 Разбѣжался Давидъ ударить хотѣлъ.
 Мать Давида пришла, ему говоритъ:
 — Развѣ грудью тебя не кормила я?
 Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.»
 Согласился Давидъ и уважилъ мать.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой.
 Мысрамэлика сестра пришла, говоритъ:
 — Не носила ль я тебя на спинѣ?
 Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
 Согласился Давидъ и уважилъ ее,
 Только разъ одинъ остался ему.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой,
 Давида сестра пришла, говоритъ:
 — Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
 Но Давидъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ чередъ ужъ мой!»

Божье имя тогда Давидъ помянулъ,
 Марутскую онъ Божью мать помянулъ,
 Патараза крестъ на десной своей,
 Ударилъ лишь разъ Давидъ булавой.
 Повелѣлъ Господь: какъ ударилъ Давидъ,
 Онъ сорокъ пробилъ тогда жернововъ,
 Онъ сорокъ пробилъ воловьихъ шкуръ
 И поль-головы Мысрамэлику снесъ.

Мысрамэликъ сказалъ:—Еще я тутъ.—
 Но Давидъ въ отвѣтъ: «Ты всѣмъ тѣломъ тряхни.»
 Мысрамэликъ тогда всѣмъ тѣломъ тряхнулъ,
 На двѣ части онъ развалился весь:
 Половина—тамъ, половина—здѣсь.
 Прекратилась такъ Мысрамэлика жизнь.

ПОЭЗІЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ
И ПѢСНИ АШУГОВЪ.

ИЗЪ ШАРАҚАНА.

ДРЕВНѢЙШІЕ ГИМНЫ V—VII в.

1. «Море жизни всегда обуревает меня...» (Приписывается св. Месропу-Маштоцу, V в.)
2. «Рано утромъ предстану передъ Тобой...» (Тоже.)
3. «Преображеніемъ Твоимъ на горѣ...» (Приписывается Іоанну I Мандакуни, V в.)
4. Изъ канона спутницамъ св. Рипсимэ.
(Приписывается католикошу Комитасу, VII в.)
Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

Море жизни всегда обуреваетъ меня.
Воздвигаетъ Врагъ валы на меня.
Добрый Кормчій, Ты—оборони меня!

2.

Рано утромъ предстану передъ Тобой,
Царь мой и Богъ мой!
Рано утромъ преклѣнишь къ мольбѣ моей слухъ,
Царь мой и Богъ мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и Богъ мой!

3.

Преображеньемъ Твоимъ на горѣ
Ты божественную силу явилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Лучъ славы Твоей ты явилъ,
Возсіялъ и всю твердь освѣтилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Ужаснулись ученики Твои
Явленіе чудесное зря,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Но, возставъ отъ тяжелаго сна,
Къ Твоей славы прилѣпились сильнѣй,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

4.

ИЗЪ КАНОНА СВ. ДѢВАМЪ, СПУТНИЦАМЪ СВ. РИПСИМЭ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Наполнили землю голоса съ небесъ,
Ибо вы предъ Христомъ—пролигой аромать;
Какъ жертву на алтарь вы себя принесли
Безпогочныя агницы, посвященныя Творцу.

Красотой блистающей царь ослѣплень,
Ею всѣ язычники изумлены;
Но, при эрѣлищѣ дивной благодатной красы,
Святыя силы ликують съ людьми.

Жива, какъ въ началѣ, сила Творца,
Укращается вновь благодатный Эдемъ,
Ибо древо жизни, что взростало въ Раю,
Свой плодъ принесло—блаженную Рипсимэ.

ГРИГОРІЙ НАРЕКСКІЙ.

Х В.

1. Алмазная роза.
2. Пѣснь на Воскресеніе Христова.
Перевель *Валерій Брюсовъ*.

АЛМАЗНАЯ РОЗА.

Алмазную розу одѣль
 Алый свѣтъ покрываломъ благимъ,
 А надъ тѣмъ покрываломъ благимъ
 Жемчугомъ нунуфаръ просіяль.

Въ огромномъ просторѣ морскомъ
 Отразилось сверканье цвѣтка,
 И зардѣлся сверканьемъ цвѣтка
 На вѣткѣ пылающій плодъ.

Сочный шафрановый плодъ
 Густая скрывала листва,
 Создателя арфа,—листва,—
 Тобой пѣтаго, дивный Давидъ!

Въ роѣ торжественномъ розъ
 Зазвучала стоцвѣтность цвѣтовъ;
 Молодыхъ тонкоствоныхъ деревъ
 Заалѣли побѣги вокругъ.

Кипарисы, красуясь, кадятъ
 Надъ чашами розъ и лилей;
 И въ долину чаши лилей
 Подъ солнцемъ всходящемъ горять.

На алмазную лилію съ горъ
 Сладкій подуль вѣтерокъ;
 Съ полночной горы вѣтерокъ
 Лилею росой окропиль.

Росой и красой жемчуговъ
 Покрылась лилея въ долу;
 Цвѣты оросились въ долу
 Росой съ золотыхъ облаковъ.

И звѣзды пошли въ небесахъ,
 Огнями луну окруживъ,
 И алмазный крестъ водрузивъ
 Надъ кругомъ своимъ въ небесахъ.

2.

ПѢСНЬ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ ХРИСТОВО.

Телѣга идетъ съ Масиса-горы.¹
 На телѣгѣ той—высока скамья,
 А на той скамѣ—золотой престоль,
 А на томъ столѣ—пурпурова ткань,
 А на томъ тканѣ—сидитъ царскій сынъ,
 А по праву съ нимъ—шестикрылые,
 А по лѣву съ нимъ—многоокіе,
 А предъ самымъ нимъ—отроки-краса,
 А въ объятяхъ ихъ—то Господень крестъ,
 А въ рукахъ у нихъ—лира да псалтырь,
 Воспѣвають тѣ, славословятъ тѣ:

Слава всемогущему Христову Воскресенію!

Телѣгу ведутъ съ Масиса-горы,
 Ведутъ да ведутъ, устанавливають,
 Вотъ телѣга стоитъ и не движется,
 Колесо-то ея не вертится.

Проса шесть сноповъ, да сто клевера,
 Да фіалокъ снопъ наваливають,
 Что по праву-то отъ Масиса горы,
 Наваливають, устанавливають.

¹ Масисъ—Араратъ.

А телѣга стоить и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

У телѣги той нити шелковы,
Сребрянà шлея, золотò ярмо,
А постромки виты жемчугомъ.
Но телѣга стоить и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Впряжены волы черные да бѣлые,
Воле въ яблокахъ, быстроногіе,
И рога-то ихъ крестовидные,
Такъ и шерсть у нихъ—безъ конца жемчугъ.
Вотъ телѣга стоить и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Возчикъ у нея ловокъ и великъ:
Станъ—что ивы стволь, широки плеча,
Перву пару онъ вотъ понукиваетъ,
На вторую онъ вотъ покрикиваетъ,
И телѣга тутъ съ мѣста сдвинулась,
Съ мѣста сдвинулась, покати́лася.

Покати́лася вся телѣга тутъ
Что по праву-то отъ Масись-горы,
Покати́лася, заскрипѣла ось,
И, поскрипывая, въ Ерусалимъ въѣхала,
И Сіона Новаго воспѣли сыны
Пѣсню хвалебную:

Слава всемогущему Христову Воскресенію.

НЕРСЕСЪ БЛАГОДАТНЫЙ.

ХИ В.

1. На распятіе Господне. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
2. На Великій Пятокъ. I. Перевель *С. Шервинскій.*
3. То же. II. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
4. Всѣмъ усопшимъ. Перевель *онъ же.*
5. При восходѣ солнца. Перевель *онъ же.*
6. На взятіе Эдессы. Отрывки. Перевель *онъ же.*

1.

НА РАСПЯТІЕ ГОСПОДНЕ.

Тотъ жаждалъ на крестѣ, какъ человѣкъ простой,
Кто создалъ Океанъ, наполненный водой.

Самаритянку Тотъ «дай Мнѣ испить» просиль,
Кто всю вселенную безсмертьемъ напоиль.

И сотникъ римскихъ войскъ, желчь съ уксусомъ смѣшавъ,
Черезъ губку напоиль Царя небесныхъ славъ.

Днемъ солнце было мглой затѣмъ облечено,
Что Слово вѣчное землей оскорблено.

И громкимъ голосомъ Господь съ креста къ Отцу
«Или! Или!» воззвалъ и предалъ духъ Творцу.

Завѣта ветхаго порвался завѣсъ—въ мигъ,
Когда въ мученіяхъ Даятель Жизни никъ.

Земля потрясена была до глубины;
Разсѣлись камни скаль, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался Адъ,
Тьму душъ окованныхъ онъ выпустилъ назадъ:

Отъ гласа мощнаго Того, Кѣмъ жизнь дана,
Была свобода имъ въ тотъ часъ возвращена.

Сеѣ Жизнедатель нашъ, когда во Адъ сошелъ,
Онъ свѣтъ затеплилъ тѣмъ, кого въ тюрьмѣ обрѣлъ.

На небо верхнее изъ бездны ихъ вознесъ
И съ безтѣлесными—ихъ водворилъ Христось;

Ихъ свѣту причастилъ въ чертогъ безъ грѣха,
Во царствѣ свадебномъ святого Жениха,—

Тамъ, церкви-матери гдѣ первенцы царятъ
И Авраамовыхъ наслѣдниковъ гдѣ градъ,

Гдѣ праведныхъ ряды предъ Господомъ Отцомъ
Ликують безъ конца о Женихѣ святомъ.

Съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, въ вѣкъ вѣковъ, псаломъ
Распятому за насъ мы Слову воспоемъ.

2.

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Когда властительно Отцу съ креста—Онъ предалъ духъ,
Къ предѣламъ низшимъ Онъ сошелъ,—гдѣ жизнь и смерть въ
борьбѣ,

Лишь услыхалъ Властитель Зла—почуялъ страхъ и дрожь.
Лишь услыхали Смерть и Адъ,—и трепеть ихъ объялъ.

Могучимъ свѣтомъ пригрозивъ—крестомъ—кромѣшной тмѣ,
Межъ плѣнныхъ сталъ искать Иисусъ заполоненныхъ слугъ.

Но знакъ сошествія Христа во адъ узналъ Адамъ,
Недвижный, пораженъ стыдомъ, въ безмолвіи стоялъ

Онъ, страха полнъ, но видитъ длань, пронзенную гвоздемъ,
«О, не страшись», речетъ Христось, съ собой зоветъ: «Пойдемъ!»

Признай ты кровь гвоздиныхъ ранъ, пріятыхъ за тебя,
Признай чело, что злой земли шипомъ изъязвлено!

Рукою грѣшникъ трость возносилъ надъ головой моею,
Рукою далъ шекъ ударъ и плюнулъ на лицо;

Съ оцетомъ вмѣстѣ на копѣ мнѣ дали въ пищу желчь,
Смывающую желчь грѣха, свершеннаго въ Раю.

Такъ по дорогѣ смерти Я—подвигся за тобой
Ты къ воскресенью днесъ иди—за мною въ путь живой!»

3.

НА НОЧЬ ВЕЛИКАГО ПЯТКА.

По всей землѣ превратилъ Онъ солнечный свѣтъ во тьму,
Онъ въ полдень оный покровъ возложилъ на свою наготу.
Въ полдень умеръ Адамъ, во грѣхѣ, и свѣтъ померкъ,
Въ девятомъ часу возсіялъ, когда Христось попралъ смерть.
У креста Богоматерь, скорбя, росу проливала слезъ,
Внимая о жадѣ словамъ, что Сынъ Ея принесь.
Дали оцетъ Тому, волей чьей—рѣки въ Эдемѣ текли,
Кто въ пустынѣ народъ напоилъ сладчайшей водой изъ скаль.
Въ третьемъ часу обольстилъ Еву праматерь—Змѣй,
Въ шестомъ часу согрѣшилъ Адамъ, внимая ей.
И въ третьемъ часу Господь висѣлъ, ко кресту пригвождень,
Когда жъ Рай покидалъ Адамъ, туда былъ разбойникъ ввезеть.

4.

ВСЪМЪ УСОПШИМЪ.

Когда архангелъ возгремитъ трубсй
И воззоветъ на Страшный Судъ всю плоть,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Когда съ Востока, славой золотой,
Твой ликъ блеснетъ, чтобъ сумракъ побороть,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Ты книгу Тайнъ развернешь предъ Собой,
 И задрожить отъ ужаса вся плоть.
 Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
 Усопшихъ со святыми упокой.

5.

ПРИ ВСХОДѢ СОЛНЦА.

Свѣтъ, Свѣта Творецъ, первый Свѣтъ, чей дворецъ—неприступ-
 нѣйшій Свѣтъ!
 Небесный Отецъ! Кто хвалимъ сонмомъ духовъ, созданныхъ
 отъ Свѣта!
 Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, исшедшій отъ Свѣта, Богъ Сынъ, Кто Одинъ—рождение
 Отца,
 Солнце Правды, чье имя, до солнцъ, сонмы духовъ гимномъ
 хвалили,
 Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, идущій отъ Свѣта, Богъ Духъ, Кто въ слухъ черезъ про-
 роковъ гласилъ,
 Благовѣстникъ, хвалятъ Кого, съ сонмомъ духовъ, отроки
 Церкви,
 Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, Кому и названія нѣтъ, одинъ, троиченъ, не раздѣлимъ,
 Святая Троица, хвалимъ Кого, съ сонмомъ духовъ, мы, гласы
 земные,
 Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

ЭЛЕГИЯ НА ВЗЯТИЕ ЭДЕССЫ.

ОТРЫВКИ.

I.

1. Нерсесь оставилъ пѣсно слезъ,
 Арменіи католикось,
 Гдѣ вещи сами говорятъ,
 Размѣрно на Гомеровъ ладъ,
 Придавъ стихамъ печальный складъ,
 Объ томъ, какъ палъ Эдессы градъ.
 То было писано въ пятьсотъ
 И девяносто третій годъ,
 Въ день двадцать третій, въ декабрѣ,
 10. Въ субботу, въ часъ третій по зарѣ.¹

II.

593. Тогда пошли грозой войны
 Агари на меня сыны.
 Сначала зло умерщвлены
 Ряды дѣтей моей страны,
 И грады вслѣдъ истреблены,
 Какъ рядъ зубцовъ одной стѣны,
 Разрушены и сожжены,
 600. Въ развалины обращены.

¹ Т.-е. въ 1144 г. въ субботу 23 декабря, въ 9 час. утра. Нѣкоторыя подробности о взятіи Эдессы см. въ «Примѣчаніяхъ».

- Но это все не въ годъ одинъ,
 А въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ войны.
 Я пала съ прежней вышины,
 И были силы сломлены.
 Злодѣями со стороны
 Владѣнья были плѣнены;
 Мнѣ всѣ мученья безъ вины,
 Всѣ бѣды были суждены;
 Хоть были дни мои больны,
 610. Лекарства не были даны...
 Пришла я къ краю крутизны,
 Гдѣ двери въ адъ растворены.

III.

- Тиранъ, судьбы свидѣтель злой,
 Драконъ сей, сходный со змѣей,
 Поползъ, изгибистой дугой,
 Свирѣпый, ядомъ облитой,
 Чтобы въ пятау меня стрѣлой
 Сразить, таимой за спиной.
 Онъ, подъ личиной тишины,
 620. Скрываль коварство за душой,
 Какъ волкъ, живущій подъ горой
 И въ степь бѣгущій предо мной.
 Но имя ты его усвой:
 Занки,—всѣхъ гнусностей герой.
 Напалъ неожиданной онъ порой,
 Нарочно выбравъ день глухой,
 Когда узналъ онъ стороной,
 Что не было бойцовъ со мной:
 Со всѣхъ концовъ, какъ пеленой,
 630. Вмигъ окружилъ меня густой
 Мохерь-арабскою ордой.²

¹ Намекъ на французское владычество въ Эдессѣ, длившееся 46 лѣтъ.

² Въ подлинникѣ: арабовъ-мохрананъ; послѣднее слово есть искаженіе арабскаго maghrebi (собственно родомъ изъ Марокко, вообще африканскій); у Матвея Эдесскаго этому соответствуетъ слово—мохерь, для означенія египтянъ (мамелюковъ).

- Не счесть, кто въ стаѣ былъ людской:
 Елимцы, Кетцы,¹ чередой,
 Безсчетны, какъ песокъ морской!
 Со сворой псовъ стоять стѣной,
 Ни выйти, ни пройти домой!
 Что часъ, то начинаютъ бой,
 Меня терзаютъ день деньской;
 Что день, стремится новый строй;
640. У всѣхъ—оружье подъ рукой,
 На шуйцѣ—шить, копье—въ десной,
 Кольчуга, шлемъ надъ головой,
 И дротики и лукъ тугой,—
 Летять и стрѣль пускаютъ рой!
 Они, поставивъ рядъ махинъ,
 Метали дождь камней, пращей,
 Крушившихъ, бившихъ все съ собой,
 Что созерцала я съ тоской.
 Но, сколь ни длили приступъ свой,
650. Мы все же дали имъ отбой.

Замыслилъ тутъ иной разбой—
 Нашъ врагъ, на хитрости лихой.
 Какъ кротъ, прорылъ онъ подъ землей
 Подъ наши башни ходъ прямой,
 И утвердилъ тамъ, скрытый мглой,
 Подпоры, ровно подъ стѣной,
 Чтобъ взрывъ насъ поразилъ бѣдой,
 Что для невѣрныхъ—не впервой!²

IV.

- Потомъ, представъ передъ толпой,
 660. Онъ крикнулъ, съ гордой похвальбой:
 «Народъ! Не спорь съ своей судьбой!

¹ Элимцы и Кетцы (потомки Kheth, хананеяне)—вообще мусульмане.

² Рѣчь идетъ, конечно, не о взрывѣ, съ помощью пороха, еще не изобрѣтеннаго въ XII столѣтіи, но о поджогѣ черезъ мину,—способъ, примѣненіемъ котораго славились въ ту эпоху инженеры изъ Алеппо.

- Чтобъ сѣни минутъ гробовой,
 Ты самъ ворота мнѣ открой,
 Тогда я сжалюсь надъ тобой!»
 Но вызовъ услыхавъ такой,
 Герои, храбрецы,—гурьбой
 Сошлись, толкуя межъ собой,
 Давая клятвы съ прямою:
 Не отступать передъ борьбой,
 670. Стоять упорно подъ грозой,
 Отвергнувъ договоръ худой,—
 Не растворять стѣны градской;
 Вѣдь лучше сгнбнуть всей семьей
 И быть прославлену молвой,
 Чѣмъ клятвѣ измѣнить честной
 И жизнь купить такой цѣной:
 Такъ Манкавеевъ кругъ былой
 678. Сражался и Варданъ святой!
 . . . . .
776. Такъ одному твердилъ другой,
 Подобно кабанамъ весной,
 Точащимъ зубы, въ иглѣ лѣсной;
 Такъ сына звалъ отецъ родной,
 780. А сынъ готовилъ мечъ стальной.
 Призывъ на битву, словно вой,
 Гудѣлъ въ домахъ, надъ мостовой.
 Вождемъ—забыть санъ боевой,
 И—рядомъ съ нимъ бѣднякъ простой:
 Всѣ стали равны предъ бѣдой,
 Всѣ мыслью спаяны одной.
 Священники, епископы
 Примкнули всѣ къ присягѣ той:
 790. Рѣшили твердой стать стопой,
 Непоколебимой бороздой,
 И смерть презрѣть, что лишь покой
 Даруетъ жизни остальной.
 Гласяъ другъ другу: «Смѣло стой!
 Дрожать намъ—лишь предъ Сатаной,
 Любить Того, Кто вѣковой
 Вѣнокъ возносить надъ душой!

Братъ! Мужество свое удвой,
И Богъ заплатитъ лучшей мздой!»

- Другъ друга такъ они съ мольбой
800. Поддерживали вперевой.
«Гляди: по тверди голубой,
Къ намъ помощь мчитъ подъ звѣздой!»
Шептали, сей крѣпясь мечтой.
Потомъ, за каждую тропой
Слѣдя, и днемъ и въ тѣмѣ ночной,
Все ждали помощи земной,
Но не было имъ—никакой!
Никто не двинулъ и рукой
Изъ христіанъ страны иной,
810. Земля осталась къ намъ глухой:
Кто чтили крестъ—не шли войной!¹
. . . . .

V.

823. Былъ истощенъ запасъ съѣстной;
Подвозъ отрѣзанъ—за чертой;
Мы голодъ лютый и слѣпой
Со всякой вѣдали нуждой.
И нынѣ рвется голосъ мой,
И сердце сдавлено тугой,
И грудь вздымается волной.
830. И мысль томится слѣпотой,
Чуть вспомню день тотъ роковой,
Съ его зловѣщею зарей,
Когда не вспыхнулъ свѣтъ дневной,
Но было все покрыто тьмой.

¹ Раймондъ Антиохійскій, по своей враждѣ къ Жосселину, не оказалъ поддержки Эдессѣ. Въ Иерусалимѣ, Мелисенда, правившая въ малолѣтство своего сына, Бодуэна III, отдала приказъ о посылкѣ вспомогательнаго отряда къ Эдессѣ; но разстояніе между двумя городами было слишкомъ велико, и помощь не могла поспѣть во-время.

- Содомскій факель огневой
 Взлетѣлъ до неба полосой;
 Не дождь изъ тучи грозовой
 Упалъ, но—каменный прибой.
 И нашей крѣпости устой
840. Распался, словно пень гнилой,
 Отъ самой кручи основной,
 Открылся входъ—ордѣ чужой.
 Но взводъ остался удалой,
 На шагъ не отступивъ ногой,
 Другъ друга убѣждали всѣ:
 Быть твердыми передъ враждой,
 Держаться дружеской четой,
 И надъ разрушенной плитой,
 Бороться съ силою двойной,
860. Презрѣвъ врага клинокъ кривой!
 . . . . .

VI.

890. Ихъ вождь, вмѣстилище грѣховъ,
 Воззвалъ къ своимъ, дикъ и суровъ:
 Обрекъ мечу и грабежу
 И плѣну всѣхъ моихъ сыновъ.
 Арабы, послѣ этихъ словъ,
900. И всякихъ варвары родовъ,
 Подобно сворѣ дикихъ псовъ,
 Накинулись со всѣхъ концовъ,
 Составя цѣпи изъ рядовъ,
 Одни во слѣдъ другимъ на зовъ,
 Подъ трубъ и барабановъ ревъ,
 Подобный грому съ облаковъ.
 Дрожалъ просторъ отъ голосовъ,
 Все потрясавшихъ до основъ,
 Сердца сжимались у трусовъ,
910. Росла отвага храбрецовъ:
 Тотъ былъ на смерть летѣть готовъ,
 Тотъ въ страхъ умереть готовъ.
 Но было мало удалцовъ,

Чтобъ защищать валы и ровъ.
 Они устали отъ трудовъ,
 Безсонныхъ, тягостныхъ часовъ,
 Прошедшихъ предъ лицомъ враговъ,
 За мѣсяцъ роковыхъ бсевъ.
 И вотъ какой-то изъ угловъ
 Предсталъ невѣрнымъ безъ бойцовъ.

VII.

921. И врагъ, вскарабкавшись, проникъ
 Внутрь башни, близъ домовъ жилыхъ.
 Толпа, узрѣвъ въ стѣнахъ своихъ
 Враговъ (хоть мало было ихъ),
 Подъема безнадежный крикъ,
 Бѣжить вдоль улицъ городскихъ...
 Что видѣли въ вѣкахъ иныхъ
 Прискорбнѣй зрѣлицъ такихъ?
 Орда невѣрныхъ, дикихъ, злыхъ,
930. Свирѣпствуетъ межъ толпъ людскихъ;
 Ударами мечей стальныхъ
 Всѣхъ рубить,—старыхъ, молодыхъ.
 Бойцы отъ валовъ земляныхъ
 Бѣгутъ въ смятеньи напрямикъ
 Къ раззалпнамъ воротъ былыхъ.
 Но стая тѣхъ звѣрей лѣсныхъ
 Пронзаетъ ихъ клинками вмигъ:
 Овецъ такъ волки луговыхъ
940. Преслѣдуютъ въ поляхъ нагихъ,
 Изъ множества лова любыхъ,
 Топя ихъ въ токахъ кровяныхъ.
 Смерть грудей не коснулась чьихъ?
 Губили и дѣтей грудныхъ,
 И старцевъ, хилыхъ и больныхъ.
 Что имъ ребенка нѣжный ликъ?
 Что имъ священникъ-духовникъ?
 Что даже патріархъ-старикъ?
 Все гибло отъ враговъ лихихъ;
950. Кровь капала съ волосъ сѣдыхъ;

Служители церквей родныхъ,
Что кровь лишь въ таинствахъ святыхъ
Знавали,—кровью жилъ своихъ
Святили кровь людей простыхъ.
Тиранъ, неукротимъ и дикъ,
Убійства радости постигъ:
Такъ левъ, въ лѣсахъ, пускаетъ рыкъ
Иль въ трупъ медвѣдь вонзаетъ клыкъ.
Межъ тѣхъ событій гробовыхъ,

960. Для коихъ нѣтъ и словъ земныхъ.

Какъ выразить поэта стихъ

962. Весь ужасъ бѣдствій роковыхъ?

Ф Р И К Ъ.

XIII—XIV В.

1. Жалобы. (Отрывокъ).
2. Колесо Судьбы.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ЖАЛОБЫ.

Ты, Боже—мудръ и справедливъ,
 Ты—благъ и долготерпѣливъ.
 Тебѣ я жалобы несу:
 О, выслушай Ты мой призывъ!

Чудны дѣянiя Творца,
 Все дивно, странно безъ конца,
 И передъ тѣмъ, что Ты творишь,
 Дивится мудрость мудреца.

Въ Раю единый былъ Адамъ,
 И съ нимъ одна лишь Ева тамъ,—
 Одинъ глаголь, пока они
 Къ запретнымъ не пришли плодамъ.

И мы, въ сознаньи слѣпоты,
 Стоимъ предъ тѣмъ, что создалъ Ты:
 Предъ сей безсчетностью племень,
 Возникшихъ отъ одной четы!

И каждый созданный народъ
 Съ особымъ языкомъ живетъ:
 Тотъ—армянинъ, а тотъ—грузинъ,
 Тотъ—турокъ, и сиріецъ—тотъ.

Тотъ—жидъ, иль иначе—еврей,
 Тотъ—агарянинъ, сынъ степей,
 Другой—аланъ, что Солнце чтить,
 А тотъ абазъ, поклонникъ змѣй.

Тоть—курдь, его въ Халдеѣ край,
А тотъ—монголь, чей домъ—Китай,
Изъ Тогормы татаринъ—тоть,
Тоть—самаркандецъ, джагатай.

Тоть—франкъ, изнѣженный болтунъ,
Тоть—венетіецъ, сынъ лагунъ,
Тоть—римлянинъ, а зтоть—грекъ,
А третій—русскій или гуннъ.

Испанецъ—тоть, изъ дальнихъ мѣсть,
Тоть—далматіецъ, чей Триестъ.
Но христіанъ всѣхъ единить
Крещеніе и Божій Крестъ.

Въ насъ вѣры пламень не потухъ:
Всѣ исповѣдуемъ мы вслухъ:
Блаженна, Богоматерь, Ты,
Отець, Богъ-Сынъ и Святой Духъ!

Но мы невѣрнымъ преданы,
Что мучать насъ огнемъ войны,
И, храмы Божіе круша,
Возносятъ знаменье Луны.

Врагъ нашихъ женщинъ продаетъ,
О, сколько между насъ—сиротъ,
О, сколько крови пролито,
И сколько каждый день невзгодъ!

Доколѣ будемъ мы страдать?
Доколѣ въ рабствѣ изнывать?
И Ты, о Боже, терпишь все,
Гдѣ жъ пресвятая благодать!

И Ты за насъ не мстишь, Творецъ!
Ты бѣдамъ не кладешь конецъ!
Ты знаешь, что изъ плоти мы,
А не статуи безъ сердець!

Увы! мы—не тростникъ рѣчной,
 Но гибнемъ въ печи огневой:
 Ты насъ покинулъ на кострѣ,
 Какъ траву или кустъ сухой!

За что Ты въ гнѣвѣ на армянъ,
 Какъ, въ нѣдрахъ аравійскихъ странъ,
 Ты нѣкогда евреевъ гналъ?
 Инемогаемъ мы отъ ранъ!

Коль мы негодны ни къ чему,
 Отъ свѣта отошли во тьму,
 И Твой мы заслужили гнѣвъ,
 Не внемля гласу Твоему,—

Пусть истребить насъ безъ слѣда
 Единый приговоръ Суда,
 Коль воля такова Твоя,
 О Боже, праведный всегда!

2.

КОЛЕСО СУДЬБЫ.

Гей, ты, Судьба! Намъ измѣнивъ, ты насъ свергаешь съ высоты;
 Ты останавливаешь вмигъ коловращенье суеты.
 Отъ вѣка зыблущійся міръ на склонѣ скользкомъ держишь ты,
 Подставивъ мѣру зла, твердишь: «сыпь всё заботы и мечты!»

Ахъ, Колесо! Злодѣя ты лелѣешь въ домѣ золотомъ,
 А честный долженъ подбирать объѣдки за чужимъ столомъ.
 Ты въ рыцари выводилъ тѣхъ, кому бѣ сидѣть въ хлѣву свиномъ.
 Безъ заступа ты роешь ровъ и рушишь праведника домъ.

Скажи: «ты—не права, Судьба!» и смѣхъ услышишь безъ конца.
 За что ученыхъ гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
 Изъ нихъ ты дѣлаешь вельможъ, ихъ ты доводишь до вѣнца,
 И шлешь по горамъ и полямъ бродить за хлѣбомъ мудреца.

Теперь еще труднѣ намъ, когда Татаринъ сѣлъ на тронъ,
 Всѣхъ обдѣлилъ онъ и воровъ поставилъ господами онъ.
 Но ты ни съ кѣмъ вѣдь не родня: вновь повернется ось времени,
 Ударишь ты, и нѣтъ царя, исчезнетъ онъ, какъ утромъ сонъ.

Какъ вѣрить, Колесо, тебѣ, вѣдь ты не любишь никого!
 Нѣтъ правды у тебя, нѣтъ клятвъ, нѣтъ совѣсти, нѣтъ ничего!
 Сегодня возведешь на тронъ, а завтра сокрушишь его,
 Повергнешь въ пеплъ и въ прахъ, лишишь—честей, короны и
 всего.

Лишь, изъ-подлобія взглянувъ, Судьба хребетъ свой повернетъ,
 Что тутъ бумага, что перо иль даже всадниковъ сто сотъ!
 Всѣ терпятъ: отъ пинковъ Судьбы и царь спины не сбережетъ.
 Не сдержишь стрѣлами тебя и полетишь на дно съ высотъ!

Судья неправедный! зачѣмъ ты правый презираешь судъ?
 Ты съ правымъ во враждѣ всегда, а твой любимецъ—воръ иль
 плутъ.

Ошибки чаще ты творишь, Судьба, чѣмъ на землѣ весь людъ,
 Ты землю, море, небо, все—заворажаешь въ пять минутъ.

Невѣжда предъ тобой великъ, а мудрый головой поникъ,
 И, что кругомъ ты не права, какой не вымолвить языкъ!
 Но, слышу, мнѣ Судьба въ отвѣтъ: «Не лай, какъ песъ, пустой
 старикъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ я—Судьба, никто еще не лгалъ, какъ зтотъ
 Фрикъ!

Моя судьба, меня ты бьешь, ты—мой неправедный судья,
 Но вспомни, что отъ Бога все, и власть Его, а не моя!»
 Судьба еще: «Величить Богъ, какъ бѣдняка, такъ и царя,
 Хоть я—Судьба, но вотъ тебѣ дать ничего не въ правѣ я!

Богъ повелить, ты будешь царь, я посажу тебя въ чертогъ,
 Богъ не велить, и будешь ты скитаться нищимъ вдоль дорогъ.»
 — Судьба, я замолкаю: все—прекрасно, что дозволилъ Богъ,
 Но, нашимъ по грѣхамъ, порой—Армянскій къ намъ Создатель
 строгъ.

ЮАННЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ.

(Ованнесъ Плузъ).

XIII—XIV В.

1. Гномическія размышленія. I—IV.
Перевель *Валерій Брюсовъ*.

I.

Нашъ міръ подобенъ колесу: то вверхъ, то внизъ влечетъ судьба;
Верхъ падаетъ, и вновь ему взнестись настанетъ череда.
Такъ плотникъ мастерить равно и колыбели и гроба:
Приходитъ сей, уходитъ тотъ, а онъ работаетъ всегда.

II.

Языкъ для рѣчи служить намъ: рѣчь праведныхъ—что злата
звонъ:
Богъ людямъ далъ одинъ языкъ, языкъ у змія—раздвоенъ.
И, у кого два языка, одинъ—колючъ, другой—червленъ,
Становится сродни змѣѣ и всѣми ненавидимъ онъ.

III.

Подобенъ морю міръ: сухимъ—остаться, переплывъ, нельзя.
Какъ выплылъ мой челнокъ въ просторъ, того и не замѣтилъ я.
Вотъ я почти у береговъ, но страшно мнѣ подводныхъ скалъ,
Чтобъ вдребезги мою ладью одинъ ударъ не разломалъ.
Но Господу я помолюсь, да вѣтръ попутный Онъ пошлетъ,
Освѣтитъ мглу и углый челнъ въ благую гавань приведетъ.

IV.

Я, всѣ грѣхи свои собравъ, оплакалъ зло прошедшихъ лѣтъ.
Шель къ небу караванъ, и я, сложивъ грѣхи, пошелъ вослѣдъ.
Но ангелъ мой, представъ, сказалъ: «Куда идешь ты, дай отвѣтъ!
Въ Раю для тѣхъ, кто предстаетъ—съ подобнымъ грузомъ, мѣста
нѣтъ!»

V.

Такъ говорили мнѣ цари и каждый такъ мудрецъ твердить:
«До самой смерти чловѣкъ съ алчбой глаза на все стремить,
И, лишь когда во гробъ онъ и прахомъ взоръ его покрыть,
Раскаявшись, онъ говорить: Довольно этого! я—сытъ!»

КОНСТАНТИНЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ

XIII—XIV В.

1. В е с н а. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ВЕСНА.

Веселье вокруг насъ и веселье вдали,
Намъ вѣтры веселую пѣснь принесли,
Великая благодать Господня,—внемли!—
Сегодня нисходитъ съ небесъ до земли.

Лежала земля и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темнымъ вертепомъ тюрмы,
Но снова вернулась весна на холмы,
И всѣхъ насъ выводитъ на волю изъ тьмы!
Вновь солнце на небѣ увидѣли мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождаетъ всѣ вещи, одну за другой,
Ихъ кормить и поить, питаетъ собой...
Вотъ вновь она блещетъ своей красотой.

Дохнулъ вѣтеркомъ запѣвающимъ Югъ,
Изъ міра исчезли всѣ горести вдругъ,
Нѣтъ мѣста, гдѣ могъ бы гнѣздиться недугъ,
И все переполнено счастьемъ вокругъ.

Тихонько гремя надъ землей свысока,
Подъ сводомъ лазурнымъ плывутъ облака:
И падаетъ вдругъ водяная рѣка,
Луга затопивъ, широка, глубока.

Міръ весело праздновать свадьбу готовъ:
 Веселье во всемъ для плодовыхъ деревь,
 Цвѣтами всѣхъ красокъ и разныхъ родовъ
 Раскрашены дали полей и луговъ.

На морѣ влюбленномъ—опѣненный валь,
 И гадъ, между волнъ, веселясь, заплясалъ;
 Ключи, зазвенѣвъ, побѣжали изъ скаль,
 И быстрый потокъ по камнямъ засверкаль.

А рѣки, сбѣгая съ возвышенныхъ горъ,
 Гудятъ, какъ могучій, торжественный хоръ:
 Прорѣзавъ долины цвѣтущей коверъ,
 Стремятся въ морской, имъ любезный, просторъ.

Спускаются телки и козы къ ручьямъ,
 Играютъ и скачутъ по свѣжимъ цвѣтамъ;
 И звѣри, что крылись зимой по лѣсамъ,
 Сбѣгаются, рады свободнымъ полямъ.

Слетаются птицы, поютъ надъ гнѣздомъ:
 Вотъ ласточка нѣжно щебечетъ псаломъ,
 Вотъ—луга пѣвецъ, улетѣвшій тайкомъ,
 Привѣтствуетъ день въ далекѣ голубомъ.

Звѣрямъ и скотамъ такъ пріятно играть,
 И множиться въ мірѣ и міръ наполнять;
 Сзываетъ птенцовъ легкокрылая мать,
 Ихъ учить на крыльяхъ некрѣпкихъ летать.

И также цвѣты образуютъ гряды,
 Въ большихъ цвѣтникахъ и въ плодовомъ саду;
 Другіе вошли покачаться въ пруду,
 И обликъ ихъ блѣдный похожъ на звѣзду.

Но вотъ, наконецъ, прилетѣлъ соловей,
 Чтобъ пѣть возрожденіе въ пѣснѣ своей;
 Онъ строитъ шатеръ изъ зеленыхъ вѣтвей,
 Чтобъ алая роза зажглась поскорѣй!

АРАКЕЛЪ БАГЕШСКІЙ.

XIV—XV В.

1. Пѣсня о Розѣ и Соловьѣ.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

ПѢСНЯ О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Пѣснь изумительную вы услышите сейчасъ,
И тѣлу и душѣ она готовить радость въ насъ.
Я буду славить Соловья, чей такъ пріятель гласъ,
И Розу, чей цвѣтной уборъ такъ сладостень для глазъ.

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю; ты—храмъ Любви и Красоты!
Должна въ тебя сойти любовь святая съ высоты;
Твоей любовью расцвѣтутъ по всей землѣ цвѣты.»

Такъ молвить Роза Соловью: «О, дивный соловей!
Какъ счастлива, въ душѣ моей, я отъ твоихъ рѣчей;
Но ты летаешь высоко, я—вѣчно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь съ любовію твсей.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Внемли, что я пою:
Чтобъ сердце поняло твое, до дна, любовь мою,
Я, красоту твою цѣня, съ небесъ росу пролью,
Съ моей любовью ты сольешь тогда любовь свою.»

Такъ молвить Роза Соловью и это говорить:
«Боюсь, что молнія съ небесъ ко мнѣ съ росой слетить,
Что яркость лепестковъ моихъ то пламя опалить,
И станетъ на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Внемли моимъ словамъ,
И неисчерпный ключъ любви тогда тебѣ я дамъ,
Чтобъ чистымъ и зеленымъ быть всегда твоимъ листамъ,
И токъ поящихъ водъ пошлю всѣмъ на землѣ цвѣтамъ.»

Такъ молвить Роза Соловью, ея отвѣтъ таковъ:
«Меня не разувѣрилъ смыслъ твоихъ отважныхъ словъ;
Боюсь, что ключъ твой потечетъ водой безъ береговъ,
Что онъ зальетъ и унесетъ красу моихъ листовъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Хочу я тучей стать,
Отъ солнечныхъ лучей тебя я буду защищать,
И съ нѣжностью въ палящій день навѣсомъ отънять,
И сладостной своей росой, въ часы зари, питать.»

Такъ молвить Роза Соловью, и это говорить:
«Мнѣ страшно, я боюсь, что громъ изъ тучи загремить,
Что лепестки мои, гремя, всѣхъ красокъ онъ лишитъ,
И станеть на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Я солнцемъ стать могу,
Свой заревой, свой нѣжный свѣтъ я для тебя зажгу,
Я красокъ тысячу твоихъ любовно сберегу,
И честью всѣхъ другихъ цвѣтовъ ты станешь на лугу.»

Такъ молвить Роза Соловью: «Такъ хрупокъ мой нарядъ!
Разсвѣтные часы меня пугаютъ и палятъ;
Боюсь я солнечныхъ лучей: они меня пронзятъ,
И упадутъ всѣ лепестки на лугъ, за рядомъ рядъ.»

Такъ молвить Розѣ Соловей, и такъ поетъ пѣвецъ:
«Достойна ты! ты всѣмъ цвѣтамъ—прекраснѣйшей вѣнецъ;
Что я любовью опьяненъ признаюсь, наконецъ!
Тебя зеленой навсегда да сохранить Творецъ!»

Такъ молвить Роза Соловью, въ отвѣтъ на пѣснь пѣвца:
«Твой нѣженъ голосъ, веселишь ты всѣхъ людей сердца,
И пѣснь на тысячу ладовъ ты строишь безъ конца,
Ты—честь и ты—краса всѣхъ птицъ, по милости Творца!»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Ты всѣхъ лѣкарство золь,
Кто боленъ, исцѣленье тотъ въ любви къ тебѣ обрѣлъ,
Кто страждетъ, и еще къ тебѣ за благомъ не пришелъ,
Томимъ раскаянемъ, что онъ спасеня не нашель.»

Такъ молвить Роза Соловью: «О, дивный Соловей!
Откуда пѣснь твоя, что всѣхъ пѣвучей и сильнѣй?
Я въ умиленьи отъ твоихъ властительныхъ рѣчей.
Навѣрно, равнаго тебѣ нѣтъ во вселенной всей.»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Есть Царь, что надо мной.
Даруетъ всѣмъ цвѣтамъ дары онъ щедрою рукой.
И если жаждешь ты узрѣть Его передъ собой,
Прославлена въ вѣка вѣковъ ты будешь всей землей!»

Такъ молвить Роза Соловью: «Я завистью полна!
Служить Ему—тебѣ судьба безцѣнная дана!
Да, если осыпалъ тебя Онъ милостью сполна,
Понятно мнѣ, я почему томилась здѣсь одна!»

Такъ молвить Розѣ Соловей, и вотъ его отвѣтъ:
«Когда всѣмъ сердцемъ примешь ты мой радостный обѣтъ,
Тебя, и тѣломъ и душой, прославить цѣлый свѣтъ,
И, какъ рабы, всѣ будутъ чтить твой непорочный цвѣтъ.»

Такъ молвить Роза Соловью: «Спѣши—мнѣ все открыть!
Я еся желаніемъ горю—твои слова испить!
Что есть на сердцѣ, ничего—не долженъ ты таить,
Когда любовію меня ты хочешь покорить!»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Несу благую вѣсть:
Рабою быть Царя—твоя достойнѣйшая честь!
Начнуть тебя превозносить всѣ птицы, сколько есть,
И пѣсень про тебя спою—я столько, что не счесть!»

Такъ молвить Роза Соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному Царю
Но предъ величіемъ Его я радостью горю.
Чѣмъ я плѣню его и что Ему я подарю?»

Такъ молвить Розѣ Соловей: «Тебѣ я бодрость дамъ.
Узнай, что снизойти къ тебѣ сей Царь желаетъ самъ.
Ты, въ радости безмѣрной, вѣрь—божественнымъ мечтамъ,
Затѣмъ, что будешь ты Его—нерукотворный храмъ!»

.....
Тоть Соловей, краса всѣхъ птицъ,—архангелъ Гавріиль,
И Богоматерь—Роза та, святѣе всѣхъ святыхъ,
И Царь тотъ—Иисусъ Христось, Владыка вышнихъ силъ.
Въ безсмертной Розѣ воплотясь, Онъ къ людямъ нисходилъ.

Все это, полнъ земныхъ грѣховъ, писалъ я, Аракель,
Такъ Соловья и Розу я, какъ только могъ, воспѣлъ;
А Гавріила въ Соловьѣ изобразить хотѣлъ,
Марію—въ Розѣ, и Христа—въ Царѣ, какъ я умѣлъ.

И всѣхъ молю я нынѣ, кто—мои стихи прочтеть,
И всѣхъ, кто на веселый ладъ иль нѣжный ихъ споеть,
Да Богу имя онъ мое въ молитвѣ назоветъ,
И за молитву ту Господь къ нему да низойдетъ.

МЪРТИЧЪ НАГАШЪ.

XIV—XV В.

1. Суета міра. Перевель *Валерій Брюсовъ*.

СУЕТА МИРА

О братья, въ мірѣ всѣ дѣла—сонъ и обманъ!
Гдѣ господа, князья, цари,—султанъ и ханъ?
Строй крѣпость, городъ, иль дворецъ, иль бранный станъ:
Все жъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Разумень будь, Нагашъ, презри грѣховъ дурманъ,
Не вѣрь, что сбережешь добро: оно—туманъ,
Стрѣлами полный, смерть для всѣхъ—несетъ колчанъ,
Всѣмъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Мірѣ—вѣроломѣнь, онъ добра—намъ не сулитъ,
Веселье длится день, потомъ—вновь скорбь и стыдъ.
Не вѣрь же міру, онъ всегда—обманъ таитъ,
Онъ обѣщаетъ, но даетъ—лишь желчь обидъ.

Тѣхъ, обѣщая имъ покой,—всю жизнь томить;
Тѣхъ, обѣщая богатство имъ,—нуждой язвить,
И счастье предлагаетъ всѣмъ,—ахъ, лишь на видъ!
Уводитъ въ море насъ, гдѣ безднѣ—злой зѣвъ раскрытъ.

Проходятъ дни: вдругъ Смертный день—наводитъ страхъ,
И свѣта солнца ты лишень,—несчастень, нагъ.
Ахъ, отроки! вашъ будетъ ликъ—истлѣвшій прахъ,
Пройдете вы, какъ лѣтній сонъ—въ ночныхъ мечтахъ.

Знай, рабъ! Что и твоя любовь—лишь тѣнь во дняхъ,
Не возлюбляй же ты мірскихъ,—минутныхъ благъ.
Не собирай земныхъ богатствъ,—съ огнемъ въ очахъ:
Одѣтъ и сытъ? Доволенъ будь!—иное—прахъ!

Трудись и доброе твори,—бѣднякъ Нагашъ!
Свои завѣты чи: другимъ—примѣръ ты дашъ!
Потокъ грѣха тебя, пловца,—унесъ, куда жъ?
И, благъ ища, сталь—не добра, но зла ты—стражъ!

ОВАННЕСЪ ТЫЛҚУРАНСКІЙ.

XV—XVI В.

1. Пѣсня любви.

2. Къ смерти. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Въ сіяніи сидѣла ты
 Подобной солнцу красоты;
 Похожа на прекрасный садъ,
 Гдѣ розъ и лилій аромать
 Цвѣты лучистые струять.

Твой взоръ—какъ гладь морскихъ валовъ,
 А брови—сумракъ облаковъ;
 Межъ тонкихъ губъ ряды зубовъ
 Блестятъ, какъ нити жемчуговъ.

Монахи, встрѣтившись съ тобой,
 О книгъ позабывъ святой,
 Дрожать всѣмъ тѣломъ въ лѣтній зной,
 Зима жъ имъ кажется весной.

Съ тобой вступить могу ль я въ споръ?
 Любовью твердь ты плавяшь горъ,
 Ты крѣпостей крушишь затворъ,
 Ты скалы мчишь въ морской просторъ.

Безумецъ бѣдный, Ованнесь!
 Ты пѣлъ златой ковчегъ чудесь,¹
 Чтобъ, по суду благихъ небесь,
 Червь тѣло грызъ, а душу—бѣсь!

¹ Златой ковчегъ—традиціонное условное выраженіе, символизирующее женскую грудь.

2.

КЪ СМЕРТИ.

Лишь о тебѣ помыслию, Смерть, въ душѣ тоска.
Всего ты горче, предъ тобой—желчь не горька!
Ты горче горькаго! лишь ты—къ себѣ близка!
Пусть горче Адъ: въ него влечеть—твоя рука!

Ты мстишь Адамовымъ сынамъ, ведешь ихъ въ Адъ;
Ты—наказанье за грѣхи, за райскій садъ.
Давида съ Моисеемъ ты берешь подъ рядъ;
Взять Авраамъ, и Исаакъ подъ землю взять;
Тобой низвергнуть Константинъ и Тиридать.
Тебя и тысячи враговъ не устрашать.

Шесть панцрей надѣнь, ихъ всѣ—твоей дротъ пробѣть:
Въ тюрьму всѣхъ бросишь и скалой завалишь входъ.
Ты—тотъ орелъ безмѣриокрыль, чей мощень летъ,
И волочить концами крыль онъ весь народъ.
Блаженъ, кого въ добрѣ найдетъ его чередъ,
Но схваченныхъ во злѣ—въ огонь твой взмахъ метнетъ!

О, Тылкуранскій Ованнесъ! ты учишь всѣхъ,
И семь десятковъ лѣтъ ты самъ ласкаешь грѣхъ!

О ВАННЕСЪ.

XV—XVI В.

1. Пѣсня любви. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

Землей, что топчетъ удалецъ, клянусь: во мнѣ душа—одна!
Меня сожгла ты! наконецъ, пей кровь мою, взамѣнь вина!

Съ моей главы на сердце вдругъ упали клубы черныхъ тучъ.
Желчь разлилась, туманъ вокругъ, а слезъ потокъ—крававъ
и жгучъ.

Мы ѣли за однимъ столомъ, изъ кубка пили одного,
Садились вмѣстѣ, шли вдвоемъ, ахъ! что осталось отъ того!

Свои слова и свой обѣтъ ты помнишь? имъ свидѣтель—Богъ!
Теперь межъ нами связи нѣтъ, все зложелатель превозмогъ.

За зло пусть Богъ заплатитъ зломъ, чтобъ врагъ могъ зло
свое испить.

И добрымъ пусть воздастъ добромъ чтсбъ вновь вдвоемъ съ
тобой намъ быть.

Да мнѣ укажетъ Богъ пути! Деревья зацвѣтутъ въ лѣсахъ,
И древу сердца вновь цвѣсти, и вновь пернатымъ пѣть въ вѣтвяхъ!

Безумный Ованессъ! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой духъ крѣпи: она придетъ—вновь цѣловать!

ГРИГОРІЙ АХТАМАРСКІЙ.

XVI В.

1. Пѣснь объ одномъ епископѣ.
2. Пѣсня.
3. Пѣснь о Розѣ и Соловьѣ.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

ПѢСНЬ
ОБЪ ОДНОМЪ ЕПИСКОПѢ.

Лишь утромъ розы заблестятъ,
Влетаетъ соловей въ мой садъ,
И розу воспѣвать онъ радъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ,

Опустошилъ я горный скать,
Камнями защитилъ свой садъ,
Собралъ колючки для ограда.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Устроилъ я въ саду каскадъ,
Росу небесъ онъ брызжетъ въ садъ;
Льетъ не вода,—фонтанъ усладъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ моемъ саду цвѣтеть гранать,
Лозь виноградныхъ полонъ садъ,
Льнетъ къ зрѣющимъ плодамъ мой взглядъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

И бѣлыхъ розъ и алыхъ рядъ
Расцвѣлъ, украсивъ горный садъ;
Хочу впивать ихъ ароматъ...
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ точилѣ мнется виноградъ,
Виномъ меня утѣшить садъ,

Хочу я пить въ тиши прохладѣ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Сорву я десять розъ подь рядъ:
Онѣ вино твое, мой садъ,
Пусть ароматомъ напоютъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Увы! въ цвѣты вселился ядъ,
Не дышитъ розами мой садъ,
Распались камни колоннадъ...
Да! мнѣ пора покинуть садъ.

Не внемлетъ роза соловью,
Я больше сладко не пою,
Кто душу отозвалъ мою?
Ахъ, бѣдный рабъ, оплачь свой садъ!

2.

ПѢСНЯ.

Весна пришла! весна пришла! сады—въ убранствѣ розъ.
И горлинка и соловей поютъ, поютъ до слезъ,
Горя любовію къ цвѣтку, что краше всѣхъ возросъ,
Чей въ зелени румяный ликъ влечетъ безсчастность грезъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, солнце! о, луна! звѣзда, встающая съ зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослѣпительный алмазь! о, жемчугъ дорогой!
Пурпуровый цвѣтокъ въ саду! фіалка въ мглѣ лѣсной!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—свѣтлый вязъ! лилея ты, чей стебель благоуханъ!
 На пыльной, людной площади зеленый ты фонтанъ!
 Что градъ Китай! что весь Китай! что славный Хорассанъ!
 Они—ничто передъ тобой, и я любовью пьянъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Духъ бальзамическій струять персты, бѣлѣй, чѣмъ снѣгъ.
 Ты—сладкій сахаръ! ты—миндаль! ты—ладана ковчегъ!
 Ты—свѣжій, сладостный цвѣтникъ! садъ, полный вешнихъ нѣгъ!
 Ты—красный яблोकъ, а къ нему зеленый льнетъ побѣгъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—багрянѣющей топазъ! сверкающей рубинъ!
 Ты—безпорочный изумрудъ! цвѣтной аквамаринъ!
 Ты—перлъ, обточенный волной на днѣ морскихъ глубинъ,
 Отважнымъ добытый пловцомъ изъ сумрачныхъ пучинъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—нунуфаръ! ты—базиликъ, цвѣтущей долгій срокъ!
 Ты—мирта! нѣжный бальзаминъ! ты—лиліи цвѣтокъ!
 Ты—гамаспуръ, въ садахъ весны пустившей свой ростокъ!
 Ты—лавръ, изъ коего плетутъ въ земномъ раю вѣнокъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
 Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—дерево, гдѣ безъ плодовъ зеленой вѣтки нѣтъ!
 Ты—пальма въ почкахъ безъ конца, ты—пальмы первоцвѣтъ!
 Ты—лѣсъ, что острымъ запахомъ цвѣтовъ и травъ согрѣтъ!
 Ты—роза и фіалка—ты, надъ моремъ алый свѣтъ!

Я опьянень! я опьянень! любовью опьянень!
 Я опьянень! я опьянень! при солнцѣ взять въ полонь!
 Я опьянень! я опьянень! всѣ дни мои—что сонь!

Ты—изъ миндальныхъ деревьевъ роскошный, пышный садъ!
 Ты—запахъ амбры! мускусь—ты! ты—дивный ароматъ!
 Ты—апельсиновыхъ цвѣтовъ душистѣе стократъ!
 Ты—кипарисъ и ты—платанъ! ты—кедръ, шатерь усладъ!

Я опьянень! я опьянень! любовью опьянень!
 Я опьянень! я опьянень! при солнцѣ взять въ полонь!
 Я опьянень! я опьянень! всѣ дни мои—что сонь!

О, гамаспуръ ты, что, цвѣтя, не вянешь никогда!
 О, элексиръ! ты, что цѣлишь всѣ скорби безъ слѣда!
 Прекрасная! будь, какъ миндаль, зеленой навсегда,
 Чтобъ видѣли красу твою мы долгіе года!

Я опьянень! я опьянень! любовью опьянень!
 Я опьянень! я опьянень! при солнцѣ взять въ полонь!
 Я опьянень! я опьянень! всѣ дни мои—что сонь!

Да лѣются милости Творца вокругъ тебя дождемъ!
 Да сбываетъ Онъ тебя всегда святымъ Крестомъ!
 Да направляетъ Онъ тебя вездѣ прямымъ путемъ!
 Да будешь ты охранена отъ всякихъ золь Отцомъ!

Я опьянень! я опьянень! любовью опьянень!
 Я опьянень! я опьянень! при солнцѣ взять въ полонь!
 Я опьянень! я опьянень! всѣ дни мои—что сонь!

О, чудный образъ! ты вѣвѣкъ—прекрасна и чиста!
 Какъ ангелы, сіянемъ ты небеснымъ облита!

Твой ротъ—божественный алтарь и ѳиміамъ—уста,
А зубы—нити жемчуговъ, и вся ты—Красота!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! и дни мои—что сонъ!

3.

ПѢСНЬ
О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Когда исчезла Роза, въ садъ явился Соловей,
Узрѣвъ ея шатеръ пустынь, затосковалъ по ней,
Всѣхъ спрашивалъ, не находя возлюбленной своей,
Въ ночи взывалъ, за часомъ часъ плачевнѣй и грустнѣй.

«О садъ, съ тобой я говорю! Дай мнѣ, о садъ, отвѣтъ!
Ты Розы не берегъ моей, любимой Розы нѣтъ,
Главы, царицы всѣхъ цвѣтовъ, увы, пропалъ и слѣдъ,
Чей былъ безсмертенъ ароматъ, чей былъ прекрасенъ цвѣтъ!

Такъ рухнетъ пусть твоя стѣна и распадешься ты;
Засохнуть пусть твоихъ деревъ и вѣтки и листы,
Пусть топчетъ всякая нога просторы пустоты,
Исчезнуть злаки, и трава, и корни, и кусты.

Обильноводный, не теки, я говорю ручью.
Страхните, дерева, листву зеленую свою!
Я, безъ смущенья, говорю, отчетливо пою;
Достойнѣйшую унесли любимицу мою.

Ахъ, Розу унесли мою, и нынѣ я унылъ,
Отняли свѣтъ очей моихъ, и мракъ меня стѣснилъ,
Я плачу и при свѣтѣ дня и при лучахъ свѣтилъ,
Моей привычкой стала грусть, въ душѣ нѣтъ прежнихъ силъ.

То надо мною учинилъ Садовникъ, можетъ быть:
Онъ Розу отъ меня унесъ, чтобъ боль мнѣ причинить.

Ее мнѣ больше не видать! рабу, мнѣ какъ же быть?
На грусть веселый свой напѣвъ я долженъ измѣнить.

Боюсь, быть можетъ, вѣтеръ всталъ, суровый, страшный, злой,
И листья Розы оттого увяли подъ грозой.
Иль дуновеніемъ ее палящій солнца зной
Обжегъ и Розу омертвилъ съ непрочной красотой.

Иль, мнѣ завидуя, цвѣты свершили это все,
Похитивъ, тайно унесли все счастье мое.
Иль сильный градъ на Розу палъ, изъ тучъ, какъ лезвіе,
Сразивъ жестоко, отъ куста отрѣзалъ онъ ее.»

Одно въ отвѣтъ цвѣты гласятъ на много голосовъ:
«Гдѣ Роза спрятана, объ томъ—нѣтъ вѣсти у цвѣтовъ.
Утѣха мы тебѣ, пѣвецъ—на тысячу ладовъ,
И каждый все тебѣ изъ насъ пересказать готовъ.»

Соловей пошелъ къ птицамъ и спросилъ у нихъ о Розѣ.

На крыльяхъ въ воздухъ Соловей взлетѣлъ на этотъ разъ,
Подумалъ: «Разспрошу у птицъ я обо всемъ сейчасъ,
Что знаютъ, пусть объ томъ скорѣй мнѣ сообщать разскажъ,
А то, какъ море, хлынетъ токъ слезъ у меня изъ глазъ.»

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, къ вамъ вопросъ.
Изъ саду Розу унесли, чистѣйшую изъ розъ!
Не знаете ль, куда ушла, иль кто ее унесъ!
Вы, можетъ, видѣли ее, иль вѣсть вамъ кто принесъ.»

А тѣ въ отвѣтъ: «Создатель Богъ то вѣдаетъ лишь самъ,
Лишь Онъ одинъ читаетъ все, что скрыто по сердцамъ.
Иди, лети, ищи ее ты по другимъ мѣстамъ,
Но Розы не видали мы, Господь свидѣтель намъ.»

И огорчился Соловей, сказалъ: «Куда пойду!
Вѣдь до разсвѣта я всю ночь терзаюсь, какъ въ бреду.
Мнѣ страшно, что безъ Розы вдругъ я смерть свою найду,
Тоскуя, съ Розой разлучень, въ могилу я сойду.»

Хотя бѣ, безъ Розы, дали мнѣ весь міровой просторъ,
 Все будетъ жалкимъ для меня, презрѣнный, лишній вздоръ!
 Пусть пѣснопѣвцы мнѣ поютъ и съ музыкою хоръ,
 Мнѣ будетъ сладкій ихъ напѣвъ—какъ тягостный укоръ.

Куда же унесли тебя иль скрыли гдѣ тебя?
 Твою высокую любовь какъ позабуду я?
 Страдаетъ сердце у меня, какъ и душа моя,
 И увядаютъ всѣ цвѣты сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя—какъ-будто сны одни,
 И самый солнца свѣтъ, какъ мракъ, мнѣ кажется въ тѣни.
 Въ мученіяхъ и въ горести провелъ я эти дни,
 И жизни той, что прожилъ я, въ счетъ не войдутъ они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
 Не обо мнѣ ли издавна сказаль пророкъ слова:
 Не хуже ль я, чѣмъ пеликанъ, въ странѣ, гдѣ жизнь мертва,
 И на развалинахъ не я ль усѣлся, какъ сова!»

Пошелъ Садовникъ, говорилъ съ Соловьемъ и сказаль.

Пришелъ Садовникъ и его утѣшилъ средь заботъ,
 Сказаль: «Не плачь, о Соловей, вѣдь Роза вновь придетъ.
 Смотри,—фіалка ужъ пришла, предтеча Розы—вотъ,
 Я съ доброй вѣстью прихожу, несу поклонъ впередъ.»

И Соловей благодариль и былъ безмѣрно радъ:
 «Дай Богъ, чтобъ ты блаженно жилъ и дней безсчетныхъ рядъ,
 Пускай твои цвѣты цвѣтутъ, распустится твой садъ,
 Пусть обновятся въ немъ фонтанъ и камни изъ оградъ!

Всѣ вѣточки и всѣ ростки пусть зеленѣютъ въ немъ,
 Росой покроются съ небесъ, заблещутъ какъ огнемъ,
 Размѣрно зыблются пускай подъ нѣжнымъ вѣтеркомъ,
 На радость людямъ ароматъ пусть разливаютьъ днемъ!»

Затѣмъ Соловей написалъ письмо къ Розѣ. И Роза созвала цвѣты, и отдала читать передъ всѣми. Оно имѣло такой видъ:

Взявъ, Розы по двору снесли посланье отъ пѣвца,
Тамъ Розу-астру передъ ней избрали, какъ чтеца.
Вставъ на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла отъ Соловья письмо всѣмъ громко до конца.

«Душой любимая! тебѣ я низкій шлю поклонъ!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этимъ я смущень.
На Господа надѣюсь я, Кто всѣмъ обогащень,
Что безпорочной и живой тебя содѣялъ Онъ.

Простерши руки, цѣлый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтобъ длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты—всѣмъ земнымъ цвѣтамъ глава, они—твои рабы,
Надъ ними всѣми ты царишь и правишь безъ борьбы.

По цвѣту несравненна ты, и запахъ твой—хорошь,
Ты ярче солнечныхъ лучей сіянье утромъ льешь.
Когда увижу я тебя, какъ будетъ часъ пригожь:
Вѣдь по природѣ ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнѣйшій пишу поклонъ тебѣ издалека.
Прошу тебя: вернись ко мнѣ и пожалѣй слегка.
Коль хочешь вѣдать, какъ живетъ покорный твой слуга,
Знай: у него и толкъ, и умъ,—все отняла тоска.

Покой и миръ утратилъ я, гнѣзда не создавалъ;
Ни капли силъ нѣтъ у меня, всю кровь я потерялъ;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсѣмъ пропалъ,
До утра въ бдѣньи нахожусь, всѣ ночи я не спалъ.

Тоскуя, надрываюсь я: наступить ли весна!
Въ печали, въ думахъ по тебѣ душа изнурена.
Морозная, суровая—зима проведена;
Все горе по тебѣ, всю скорбь извѣдалъ я сполна.

Съ упрекомъ говорили мнѣ: «Зачѣмъ страдать, любя!
Ты—рабъ! Царица всѣхъ цвѣтовъ полюбитъ ли тебя!»

Выслушала Роза письмо Соловья и возвратила ему письмо.

И отвѣчала Роза такъ, когда закончилъ чтець:
«Отправлю множество цвѣтовъ къ нему я, наконецъ,
Да скрасятъ горы, и поля, и за дворцомъ дворець,
Чтобъ съ радостью среди цвѣтовъ могъ обитать пѣвецъ.

Мнѣ ѣхать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождетъ и Соловей немногихъ дней чреду.
Что высока его любовь, не подлежить суду.
Ему скажите, чтобъ меня онъ искалъ въ саду.»

Пшли и отнесли то письмо Соловью. И онъ открылъ уста съ радостью и сказалъ.

Услышавъ это, Соловей, сталъ очень ликовать,
Сказалъ: «Благую нынче вѣсть мнѣ довелось узнать:
Прелестнѣйшая Роза—въ садъ вернется къ намъ опять.
Съ единой Розой твари всѣ возможно ли равнять!»

Поднялось солнце въ небеса и до Овна дошло.
Вдругъ туча на-небѣ росой взгремѣла тяжело,
И тысячъ тысяча цвѣтовъ внезапно возрасло,
Но Розы, хотъ искалъ пѣвецъ, тамъ не было на зло.

Зеленой Розы листь потомъ онъ запримѣтилъ вдругъ.
Она была еще свѣтлѣй и ярче всѣхъ подругъ,—
За завѣсой, на тронъ возсѣвъ, обзорѣвала лугъ,
И били, какъ рабы, челомъ ей всѣ цвѣты вокругъ.

«О Боже! молвилъ Соловей, Тебя благодарю!
Всѣ славятъ Господа уста, и я хвалой горю.
Всѣ славословье вознесемъ Небесному Царю!
Я Розу межъ кустовъ узрѣлъ въ счастливую зарю.»

— Опомнись, Ахтамарецъ, ты! въ стихахъ не суесловь!
Припомни, что колючій шипъ—здѣсь, на землѣ, любовь:
На слезы обречеть и скорбь, согрѣвъ недолго кровь.
Что проку въ радости, когда—потомъ рыдать намъ вновь!

НААПЕТЪ КУЧАКЪ.

XVI B.

1. Пѣсни любви и гномы. I—XVI.
Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. Пѣсни любви. I—VII. Перевель *Федоръ Сологубъ*.
3. Гномы. I—II. Перевель *С. Шервинскій*.
4. Крункъ. (Пѣсня хариба.) Перевель *Валерій Брюсовъ*.

I.

ПѢСНИ ЛЮБВИ И ГНОМЫ.

I.

— На кровлѣ ты легла уснуть, твоя созвѣздыамъ свѣтитъ
грудь,
Позволь же мнѣ къ тебѣ прильнуть, иль укажи домой мнѣ путь!
— Тебѣ нельзя со мной уснуть, нельзя и дома отдохнуть,
Но такъ дрожи и жди, пока—захочетъ утра свѣтъ блеснуть!

II.

Ты въ мѣрѣ—перстень золотой, а я—алмазь на немъ;
Ты—зелень, нѣжащая прудъ, а я—росинка днемъ;
Ты—яблочко, что берегутъ, я—листь въ вѣнцѣ твоемъ;
И я, когда тебя сорвутъ, иссохну подъ лучемъ.

III.

Въ ту долгу ночь лишь разъ, лишь два я прялку повернуть
могла,
Мнѣ вспомнился желанный яръ,¹ я встала, пряжу убрала,
И, сладкимъ ковшъ наливъ виномъ, я къ двери яра подошла:
«Желанный яръ! Открой мнѣ дверь! Стою въ снѣгу, дай мнѣ
тепла!»

¹ Яръ—милый, милая, вселюбленный, вселюбленная (см. выше).

IV.

Скажи, мой милый мѣсяцъ, мнѣ: куда ты ночью правишь
 путь?
 Сквозь окна много милыхъ дѣвъ ты видишь, легшихъ отдох-
 нуть;
 Онѣ полураздѣты всѣ: твой лучъ имъ падаетъ на грудь,
 И заставляетъ, страженъ, онъ звѣзды въ свѣтѣ потонуть!

V.

Чуть соловей примчался въ садъ, онъ возлѣ розы сѣсть былъ
 радъ,
 Свой добрый ротъ раскрылъ и пѣлъ, до утра, розѣ пѣснь усладъ.
 Та притворялась, будто спить, но вдругъ, струя свой ароматъ,
 Разорвала зеленый плащъ,—и алымъ сталъ ея нарядъ!

VI.

Какъ я люблю твой милый ликъ: ему луна поетъ съ высотъ!
 Твоихъ я жажду нѣжныхъ устъ: предъ ними горекъ дикій медъ!
 Твои глаза, въ дугѣ бровей, бездонны, какъ пучина водъ!
 И чаша съ розовой водой—твой алый, твой прекрасный ротъ!

VII.

Твоихъ груди шамамы¹ я—вкушу ль, царица межъ ца-
 риць?
 Ахъ! море—грудь твоя: она—смирятъ пламя огневиць.
 И я желалъ бы стать чиркомъ, въ волнахъ купаться съ роємъ
 птицъ,
 А отдыхать на берегу, въ тѣни твоихъ густыхъ рѣсниць.

¹ Ш а м а м ѣ—родъ дыни, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

XIII.

Идя близъ церкви, видѣлъ я, у гроба, рядъ зажженныхъ свѣчъ:
 То юношу во гробъ любовь заставила до срока лечь.
 Шептали свѣчи, воскъ струя, и грустную я слышалъ рѣчь:
 «Онъ отъ любви страдалъ, а *намъ*—должно то пламя сердце
 сжечь!»

XIV.

Когда умру я отъ любви, срѣжь косу, волосы сними,
 Какъ факель въ руку ихъ возьми, меня ищи не межъ людьми,
 Придя къ могилѣ, все пойми, плиту слезами окайми,
 И, мнѣ шепча: «любовь прими!» холодный камень обойми!

XV.

Мнѣ быть бы ласточкой-птенцомъ: и днемъ вошелъ бы я въ
 твой домъ,
 Я бъ на балконѣ, подъ окномъ, устроился съ своимъ гнѣздомъ,
 Во мглѣ, когда все полно сномъ, къ тебѣ бъ я приникалъ
 крыломъ,
 А, съ первымъ утреннимъ лучемъ, вновь быть бы скрытъ въ
 гнѣздѣ своемъ.
 Мнѣ бъ быть шелковымъ кушакомъ и обнимать твой поясъ
 днемъ,
 Иль быть гранатовымъ виномъ и днемъ быть въ кувшинѣ твоемъ,
 Ко мнѣ бъ ты приникала ртомъ, а я бъ лобзаль его огнемъ!
 Иль золотымъ воротникомъ мнѣ бъ облекать тебя тайкомъ!

XVI.

Душа души моей прошла, одѣта празднично, во храмъ.
 И я пошелъ навстрѣчу ей: «Богъ будетъ глухъ къ твоимъ моль-
 бамъ,
 Когда меня отвергнешь ты! Я жъ для тебя пойду во храмъ,
 Молиться буду и просить, чтобъ разъ припасть къ твоимъ гру-
 дямъ!»

Онѣ—что гимны небесамъ! сосцы ихъ—чистый ѳиміамъ!
 Чтобъ только разъ обняться намъ, въ монахи поступлю я самъ,
 Всю жизнь свою отдамъ псалмамъ, чтобъ разъ припасть къ
 твоимъ грудямъ.

2.

ПѢСНИ ЛЮБВИ.

I.

По тебѣ, мой другъ, тоскую, да и какъ не тосковать!
 Кто тебя ко мнѣ проводить, душу спросить—радъ отдать.
 Много муки, много горя мнѣ пришлось испытать.
 Что мнѣ въ долгой жизни, если безъ тебя мнѣ вѣковать!

II.

Пожалѣй меня, голубка,—вѣрный рабъ твой одинокъ.
 Горькимъ плачемъ изойду ль? неужель таковъ мой рокъ?
 У тебя въ саду есть розы: мнѣ, рабу, пришли вѣнокъ,—
 Поцѣлюю и надѣну, чтобъ слезъ прервался токъ.

III.

Какъ красиво расцвѣтали всѣ кусты въ бахчѣ моей!
 Но цвѣты похитилъ кто-то, льются слезы изъ очей.
 Я мечусь, какъ перепелка, потерявшая дѣтей.
 Съѣть свою скорѣй раскинь, чтобъ запутался я въ ней.

IV.

Сердце здѣсь предъ жаркимъ сердцемъ, какъ осенній листъ,
 дрожить.
 Слезы льются, словно щеки мнѣ весенній дождь кропить.
 Только нѣжность бѣлой груди исцѣленье мнѣ сулить!
 Съ грудью грудь сомкнемъ,—но кто, кто, скажи, къ тебѣ спѣ-
 шить?

V.

Ты сказала: я—твоя! Неужели это—ложь?
 Ты закаялась любить! Иль иного ты найдешь?
 Мнѣ такое будетъ горе, что къ иному ты прильнешь,
 И къ слѣдамъ моихъ лобзаній ты уста его прижмешь!

VI.

—Высоко ты ходишь,—милой передай привѣтъ, луна!—
 —«Передамъ привѣтъ я милой, но не знаю, гдѣ она.
 — Видишь дерево въ саду, гдѣ высокая стѣна?
 Пьеть изъ чаши голубой тамъ подъ деревомъ она,
 И армянской рѣчью славить сладость ласки и вина.

VII.

Спорять съ моремъ подъ Месрой эти очи глубиной,
 Эти кудри разметались вѣтромъ зыблемой волной.
 Возросла ты, точно ива, ты, какъ яблокъ наливной.
 Ты напоишь ароматомъ бѣлой розы мѣрь земной.

3.

ГНОМЫ.

I.

Однажды по улицѣ шелъ я домой.
 Вдругъ черепъ, смотрю, на дорогѣ лежить.
 Ударилъ ногой я по кости пустой,
 Вдругъ черепъ въ лицо мнѣ улыбку кривить,
 И кость отвѣчаетъ такія слова:
 «Эй, слушай, что дѣлаешь ты, удалецъ?
 Вчера лишь я былъ, какъ твоя голова,
 А нынче настигъ меня горькій конецъ!»

II.

О, сколько мнѣ разъ повторять:
 Коль ухо имѣешь, внимай!
 Но крѣпость—да будетъ твой ротъ!
 Языкъ свой въ тюрьму запирай.

4.

КРУНКЪ. ¹

Крункъ! куда летишь? Крикъ твой—словъ сильнѣй!
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?
 Стой! домчишься вмигъ до семьи своей.
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Свой покинулъ садъ я въ родной странѣ,
 Чуть вздохну, душа—вся горитъ въ огнѣ.
 Крункъ! постой! твой крикъ—нѣжить сердце мнѣ.
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучать,
 Крикъ твой слаще, чѣмъ—въ скалахъ водопадъ.
 Твой въ Алеппо путь? иль летишь въ Багдадъ?
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Сердце звало насъ,—собрались, ушли,
 Въ лживомъ мѣрѣ мы братьевъ не нашли,
 И тоскуемъ здѣсь, отъ друзей вдали...
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Медленна годовъ въ мѣрѣ череда.
 Да услышитъ Богъ, растворитъ врата!
 Жизнь хариба—грусть, взоръ—въ слезахъ всегда.
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Боже! пожалѣй, кто живетъ изгнанъ!
 Грудь хариба ²—скорбь, сердце—полно ранъ,
 Хлѣбъ, что ѣсть онъ—желчь, ключъ, что пьетъ,—погань...
 Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Праздниковъ мнѣ нѣтъ, будни—день за днемъ!
 Вертеломъ пронзенъ, я сожженъ огнемъ.

¹ Крункъ—журавль.

² Харибъ—живущій на чужбинѣ.

Но не пламя жжетъ: память о быломъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Отъ Богдада путь до границъ далекъ!
Вотъ, возьми письмо, я даю въ залогъ,—
Вѣрности твоей будь порукой Богъ:
Ты снеси, доставь милымъ мой залогъ.

Я пишу въ письмѣ, что мой свѣтъ погасъ,
Что ни въ ночь ни днемъ не открытъ мнѣ глазъ,
Что я здѣсь томлюсь, милые, по васъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Осень настаеть... Что же! поспѣшай!
Стаю ты собралъ межъ безсчетныхъ стай;
Не отвѣтивъ, ты улетѣлъ въ нашъ край...
Крункъ! изъ этихъ мѣстъ скройся, улетай!

ІЕРЕМІЯ КЕМУРДЖІАНЪ.

XVII В.

1. Пѣсня любви. Перевель *Валерій Брюсовъ*.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Богъ солнце создалъ, и оно,—покорное судьбѣ,—
Твоимъ готово быть рабомъ, во всемъ служить тебѣ.

Напоминаетъ лунный серпъ твою ночную бровь,
А полная луна твой станъ напоминаетъ вновь.

Рубинъ, алмазь, перль, изумрудъ,—все блекнетъ въ бѣгѣ дней,
Свѣтлѣй и драгоцѣннѣй ты, чѣмъ бранный блескъ камней.

Нардъ, мускусъ, мирра, ѳиміамъ,—все лишь недолго льститъ,
Но день и ночь твой аромат плѣняетъ и цѣлитъ.

Сосна, самшитъ, ель, кипарисъ—цари земныхъ лѣсовъ,¹
Но твой волноподобный станъ стройнѣе всѣхъ стволовъ.

Въ зеленыхъ листьяхъ, розы жгутъ пурпуровымъ огнемъ,
Но вянуть краски розъ, а ты—прекраснѣй день за днемъ!

Блистаютъ лиліи, росой склоняемыя ницъ,
Но что онѣ, чуть поведешь ты стрѣлами рѣсницъ!

Чаруетъ море всѣхъ, когда прибрежный вѣтеръ тихъ,
Но что оно, едва взгляну я въ море глазъ твоихъ!

Что соловей, что попугай, что фениксъ, горлинка, павлинь!
Твоихъ ногтей иль щекъ затмить ихъ лепестокъ одинъ!

¹ Самшитъ—кавказская пальма.

Что солнце и луна, когда, отъ счастья заалѣвъ,
Смѣешься иль поешь, ко мнѣ ты на колѣни сѣвъ!

Когда, лицо клоня, сама моихъ ты ищешь рукъ,—
Тебя обнявъ, восторгъ въ груди, я—тотъ, кто ожилъ вдругъ!

НАГАШЪ ІОНАТАНЪ.

XVII—XVIII В.

1—3. Пѣсни любви. Перевель *Валерій Брюссъ.*

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Зажегся нынче новый свѣтъ,
 Отъ милой слышала я, привѣтъ,
 Расцвѣлъ въ душѣ весенній цвѣтъ,—
 Въдъ я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Когда любовь такъ разлилась,
 Какъ жить, отъ милаго таясь?
 Тебѣ внемлю я, веселясь,
 Въдъ я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ! о мой султанъ!

Когда въ мой домъ вошла ты вдругъ,
 Твоихъ рѣчей вкусилъ я звукъ,
 И выпало перо изъ рукъ.
 Въдъ я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Не лги мнѣ, золото надѣвъ!
 Твоихъ молодыхъ грудей, созрѣвъ,
 Малы, шамамы, ¹ какъ у дѣвъ.
 Въдъ я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Откроемъ дверцу, вступимъ въ садъ...
 Рукой сжать грудь твою я радъ,
 Бери цвѣтокъ, а я—гранать.
 Въдъ я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Здѣсь на коврѣ, средь луговинъ,
 Разставимъ мы кувшины винъ...

¹ Шамамы—родъ дыни (см. выше).

Цѣлуй, и да цвѣтеть твой сынъ!
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Играй и мнѣ цвѣты бросай,
Съ груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Тобою мнѣ цвѣточекъ данъ,
Вина ты выпила, я—пьянъ,
Сожженъ любовью Ionатанъ,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

2.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Я нарядною тебя видѣлъ на зарѣ,
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!
Вся ты въ золотѣ была, въ перлахъ, въ янтарѣ,
Ты мнѣ разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Лобъ твой бѣлъ, твое лицо—розы лепестокъ,
Лѣвой ручкой протяни, подари цвѣтокъ,
Сахаръ я тебѣ припасъ и медовый сокъ.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Зеркала—твои глаза, золото—мечи,
Сумракъ шелковыхъ рѣсницъ—стрѣлы и лучи,
Горнъ—душа моя, огни страсти—горячи.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Полумѣсяцъ—бровь твоя, косы—черный макъ,
Отъ любви я не рыдать не могу никакъ,
Да погибнетъ, пропадетъ нашъ разлучникъ—врагъ!
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сладкозвучный твой языкъ—соловей ночной,
Гіацинтъ въ рукѣ твоей и вино въ другой!

Съ родинкой твое лицо—роза подь росой.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сядемъ здѣсь подь деревцомъ, будемъ рвать миндаль.
Груди у тебя—шамамъ, не вкусить ихъ жаль.
На тебя гляжу, душа—улетаетъ въ даль.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Кипарисъ—твой станъ, въ кудряхъ золото при днѣ,
Дай на стройный станъ упасть золотой волнѣ,
Долго ль осужденъ Нагашъ изнывать въ огнѣ?
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

3.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Ты мнѣ сказала: «Настала весна.
— Милая, сжался!—
Въ часъ, когда розу освѣтитъ луна,
Выйду я въ садъ, грудь открывъ и одна.»
— Милая сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струять ароматъ.

Розу тебѣ съ письмецомъ я пошлю,
— Милая, сжался!—
Въ немъ расскажу, какъ тебя я люблю.
Выйди съ мазой и съ аракомъ, молю!¹
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струять ароматъ.

Ликъ твой прекраснѣй, чѣмъ тысяча розъ,
— Милая, сжался!—
Ликъ твой прекрасенъ въ уборѣ волосъ.

¹ А р а к ъ—восточная водка; м а з а—закуски (оливки, сыръ, кусочки омара на хлѣбѣ, муль и т. под.).

Вѣтеръ весны благовонья принесь,
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющей садъ!
Розы струять ароматъ.

Ликъ твой прекраснѣй, чѣмъ розы весной,
— Милая, сжался!—
Какъ соловей я пою подъ луной:
Милая, сжался хоть разъ надо мной,
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющей садъ!
Розы струять ароматъ!

Въ косы вплети украшенія розъ,
— Милая, сжался!—
Выйди исполнить желанія грезъ,
Вылѣчить муки, что я перенесъ!
— Милая, сжался!—
Вечеромъ выйди въ сіяющей садъ!
Розы струять ароматъ.

СТЕПАННОСЪ.

XVII—B.

1. Пѣсня любви. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Нѣжная! милая! злая! скажи,
Черныя очи, ярь! ¹ черныя очи!
Что, хоть бы разъ, не придешь ты ко мнѣ
Въ сумракѣ ночи, ярь! въ сумракѣ ночи!

Много тоски я и слезъ перенесъ,
Полонъ любви, ярь! полонъ любви!
Лобъ у тебя бѣлоснѣженъ, дугой
Черныя брови, ярь! черныя брови!

Взоры твои—словно море! а я—
Кормщикъ несчастный, ярь! кормщикъ несчастный!
Вотъ я въ тревогѣ путей не найду
Къ пристани ясной, ярь! къ пристани ясной!

Ночью и днемъ утомленныхъ очей
Я не смыкаю, ярь! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, какъ твой рабъ,
Я умоляю, ярь! я умоляю!

Всѣ гворятъ ты—цѣлитель души...
Вылѣчи раны, ярь! вылѣчи раны!
Больше не въ силахъ я этотъ сносить
Пламень багряный, ярь! пламень багряный!

Ночью и днемъ, отъ любви, все—къ тебѣ,
Въ горести слезъ я, ярь! въ горести слезъ я!

Я р ²—милая, возлюбленная (см. выше).

Злая, подумай: не камень же я!
Что перенесъ я, ярь! что перенесъ я!

Сна не найти мнѣ, напрасно хочу
Сномъ позабыться, ярь! сномъ позабыться!
Плача, брожу и назадъ прихожу—
Снова томиться, ярь! снова томиться!

Ночью и днемъ отъ тоски по тебѣ
Горько вздыхаю, ярь! горько вздыхаю.
Имя твое порываюсь назвать,—
И замолкаю, ярь! я замолкаю!

Болѣе скрытно я жить не могу,
Произнесу я, ярь! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, ярь! гибну, тоскуя!

Ахъ, Степаннось! думалъ ты, что уменъ,—
Все же другимъ занялся ты, какъ видно!
Бога оставилъ и дѣвой плѣнень...
Будеть на Страшномъ Судѣ тебѣ стыдно!

САЯТЪ-НОВА.

1719—1795 г.

1. «Я въ жизни вздоха не издамъ.»
2. «Я—на чужбинѣ соловей.»
3. «Нынче милую мою видѣль я въ саду...»
4. «Меня и милую мою година та жь родила...»
5. «Чужбина—мука соловья.»
6. «Ахъ, почему мой влажень глазъ.»
7. «Откуда ты? (я—соловью).»
8. «Твоихъ грудей гранать—что мечъ.»
9. «Твой силенъ умъ...»
10. «Угодливо, народный рабъ, служить ступай!»
11. «Ты, безумное, сердце, мнѣ внемли.»
12. «К а м а н ч а.»

Перевель *Валерій Брюсовъ*.

Я въ жизни вздоха не издамъ, доколѣ джанъ¹ ты для меня!
 Наполненный живой водой золотой пинджанъ² ты для меня!
 Я сяду, ты мнѣ бросишь тѣнь, въ пустынь—стань ты для меня!
 Узнавъ мой грѣхъ, меня убей: султанъ и ханъ ты для меня!

Ты вся—чинарный кипарисъ; твое лицо—пранги-атласъ;³
 Языкъ твой—сахаръ, медь—уста, а зубы—жемчугъ и алмазь;
 Твой взоръ,—эмалевый сосудъ, гдѣ жемчугъ, изумрудъ, топазь.
 Ты—бриллиантъ! безцѣнный лалль индійскихъ странъ ты для
 меня!

Какъ мнѣ печаль перенести? или сердце стало какъ утесъ?
 Ахъ! я разсудокъ потерялъ! въ кровь обратились токи слезъ!
 Ты—новый садъ, и еъ томъ саду, за тыномъ изъ роскошныхъ
 розъ,

Позволь мнѣ надъ тобой порхать: краса полянъ ты для меня!

Любовью опьяненъ, не сплю, но сердце спить, тобой полно:
 Всѣмъ міромъ пусть пресыщенъ міръ, но алчеть лишь тебя
 оно!

Съ чѣмъ, милая, сравню тебя?—Все, все исчерпано давно.
 Конь-Рашъ⁴ изъ огненныхъ зыбей, степная лань ты для меня!

¹ Джанъ—слово, означающее и душу и тѣло, вообще ичѣто самое дорогое, милое, любимое.

² Пинджанъ—особый сосудъ, фіаль.

³ Пранги атласъ,—фряжскій, заморскій атласъ.

⁴ Конь Рашъ—конь Рустема изъ персидской эпохи.

Поговори со мной хоть мигъ, будь—милая Саятъ-Новы!
 Ты блескомъ озаряешь міръ, ты солнцу—щитъ средь синевы!
 Ты—лилія долинь и ты—цвѣтокъ багряный среди травы:
 Гвоздика, роза, сусамбарь,¹ и майоранъ ты для меня!

2.

Я—на чужбинѣ соловей, а клѣтка золотая—ты!
 Пройдешь, какъ по ковру царей,² лицо мнѣ попирая, ты!
 Твои ланиты—розъ алѣй, какъ образъ дивный рая—ты!
 Какъ шаха, я тебя молю; молчишь, не отвѣчая, ты.

О, милая! вошла ты въ садъ и взорами цвѣты палишь:
 Твои глаза огонь струять, ты силой красоты палишь,
 А я своимъ мученьямъ радъ: сгораю я, а ты палишь...
 Никто такъ стройно не ступаль, какъ ходишь, всѣхъ сжигая, ты!

Причти меня къ своимъ рабамъ! что я твой рабъ, не скрою я!
 Поставь меня къ своимъ вратамъ: страдать въ темницѣ стою я!
 Я живъ иль мертвъ, не знаю самъ, но боленъ лишь тсбюю я!
 Какъ море, какъ Аразъ,³ мечусь: причина,—доргая, ты!

Ты, съ пятнышкомъ⁴ лица, мила; кто видѣлъ, тотъ плѣнень тобой.
 Хотя ты мной пренебрегла, но судъ произнеснъ тобой.
 Ты отвернулась, отошла, не выслушанъ мой стонъ тобой,
 Хотя жизнь можешь даровать, какъ царь повелѣвая, ты.

Саятъ-Нова сказалъ въ слезахъ: «Я слезъ не лью, пока могу,
 Но буду выносить я страхъ и скорбь свою, пока могу.
 Хочу быть славнымъ на пирахъ, тебя пою, пока могу...
 Когда бъ со иней, сазъ⁵ золотой, вошла на пиръ, сверкая, ты!

¹ Сусамбарь—пахучая трава.

² Коверъ Царей, «пiандазъ»,—драгоценная матерія, которую разстилають подъ ноги почетнымъ гостямъ.

³ Аразъ—Араксъ, рѣка.

⁴ Пятнышко на лицѣ—считалось признакомъ красоты; объ немъ упоминается во многихъ армянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

⁵ Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

3.

Нынче милую мою видѣль я въ саду;
 Слѣдъ подковки золотой освятиль гряду;
 Словно розу соловей я воспѣль звѣзду,
 Взоръ затмился мой слезой, разумъ былъ въ бреду.
 Ахъ, пусть врагъ мой попадетъ, какъ и я въ бѣду!

Яръ¹ моя! твой нѣжный видъ душу тайно жжетъ,
 Образъ твой—шербеть любви, губы—сладкій медъ,
 Словомъ, взглядомъ многихъ ты мучишь въ свой чередъ.
 Что жъ, убей, но не скажи, что и я—не тотъ!
 Пусть умру, ввѣряю жизнь—твоему суду.

Пряди косъ твоихъ весь годъ туго сплетены,
 Медъ въ устахъ, могли бъ имъ быть груди смочены,
 Расцвѣтаетъ алый ротъ между розъ весны...
 Но садовника² глаза влагою полны:
 Посмотри, какъ соловей, я пою и жду.

Ты прекраснѣе стократъ, чѣмъ и твой портретъ;
 Если въ комнату войдешь, тьмы безъ лампы нѣтъ:
 Какъ виномъ мускатнымъ домъ, духъ тобой согрѣтъ;
 И въ садахъ передъ тобой блекнетъ каждый цвѣтъ:
 Вѣтеръ льнетъ къ тебѣ, вокругъ воздухъ какъ въ меду!

Знай: другой не воспую, ты доколь жива!
 Выслушай, матахъ³ тебѣ: искренни слова!
 Хлѣбъ и соль не забывай, волю Божества!
 Отъ любви къ тебѣ—въ тюрьмѣ я, Саять-Нова!
 Я теряю разумъ, я—вовсе пропаду!

4.

Меня и милую мою година та жъ родила, знай
 И потому я вздохъ таю, а въ сердцѣ кровь застыла, знай,

¹ Яръ—милая (см. выше).

² Садовникъ—т. е. влюбленный, возлюбленный; традиционное уподобленіе.

³ Матахъ тебѣ—привѣтъ; собственно: я готовъ принести себя въ жертву тебѣ.

Я днем и ночью слезы лью, а въ грезахъ много пыла, знай,
Мой влажень глазъ, языкъ сожжень, уста любовь спалила, знай!

Ахъ, сердце замерло въ груди, утомлено борьбой оно
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма передъ мыслью впереди, лишь пѣніе—со мной оно,
Но мнѣ надежды въ жизни нѣтъ, близка моя могила, знай.

Сожжень, изранень, я брожу, пріюта нѣтъ родного мнѣ,
Я острыхъ словъ не нахожу, но для чего и слово мнѣ!
Тысячекратно я тужу: дано такъ много злого мнѣ,
И мысль и память какъ въ цѣпяхъ, меня пучина скрыла, знай.

Но сердца траурень нарядъ, и кровь изъ глазъ струится вновь.
Какъ тучи на морѣ лежать, такъ жаждетъ грудь упиться вновь.
Лѣчить я рану сердца радъ, но можно ль исцѣлиться вновь?
Такъ истекаю кровью я, ахъ! я отвергнуть милой, знай!

Кто видитъ, говорить сейчасъ: «Ты гибнешь, ахъ! Саять-Нова!
Тебя встрѣчать ли намъ не разъ, кровь на очахъ, Саять-Нова!
Иль лучшей дѣвы, лучшихъ глазъ нѣтъ на пирахъ, Саять-Нова!»
Вся жизнь прошла какъ сонъ, плодовъ лоза не подарила,—знай!

5.

Чужбина—мука соловья: годъ—сада онъ родного ждеть!
Чтобъ подала рука твоя вина мнѣ, сердце снова ждеть!
Съ другими—ты, и мучусь—я: такъ рабъ царя земного ждеть!
Созрѣлъ грудей твоихъ шамамъ,¹ — сосуда золотого ждеть!

Слова безсильны предъ тобой! какъ алый ликъ твой описать?
Какъ бровь изобразить сурьмой? и золота тутъ мало взять!
И только стань прекрасный твой овалу плечъ твоихъ подъ стать!
А золото твоихъ волосъ давно луча дневного ждеть!

¹ Шамамъ—родъ дыни, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

Ты съ дѣтства слышишь голосъ хвалъ: но славить красоту я радъ.
Ковчегъ ¹ — твоихъ грудей овалъ, чтобъ ставить амбру и
мускатъ.

Не можеть, кто тебя естрѣчалъ, представить лучшей мигъ усладъ!
Рука—самшитъ, ² а пальцы—вскъ: хрустальныхъ спиць онъ
снова ждетъ.

Нѣтъ, я не полюблю другой! сдается: ты мнѣ суждена!
Лишь я недѣлю не съ тобой, какъ рвется каманчи струна!
Самъ царь иль врачъ-Лохманъ ³ со мной, а мнѣ поется: «гдѣ она?»
Имъ раны не понять моей: она клинка стального ждетъ!

Красавица! въ тоскѣ души, одинъ брожу, сожжешь тобой!
Красавица! о не спѣши! дай погляжу, плѣненъ тобой!
Красавица! мѣръ чей, рѣши: сужу, что отнять онъ—тобой!
Доколѣ живъ Саять-Нова, тебѣ ль пѣвца иного ждать!

6.

Ахъ, почему мой влаженъ глазъ и кровь на сердцѣ? жжетъ она!
Болѣзнъ—любовь и этотъ разъ, лѣкарство въ свой чередъ,—она!
Я слегъ, но взоръ мой каждый часъ опять къ себѣ влечеть—она!
Мнѣ надо умереть, ко мнѣ, ахъ! лишь тогда придеть она!

Весна настала и манять зазеленѣвшіе края;
Фиалковыя горы въ садъ давно послали соловья.
Но пѣсни ночью не звучать. Чинара, это мечь твоя?
Пусть ищетъ роза соловья: его, ахъ! не найдетъ она!

Макъ, ярко красный, далъ совѣтъ: «Скиталець-соловей влюбленъ,
И, вѣрно, вспомнить про букетъ, что базиликой оплетенъ,
Но ты солги, что розы нѣтъ, и что цвѣтокъ былъ унесенъ!»
Вотъ—изгородь, ахъ, соловей! твой бѣдный трупъ несеть она.

Сладки, сладки—твои слова! языкъ твой сахаръ и набать, ⁴
И твой шербетъ, гласить молва, хорошъ, какъ спѣлый виноградъ.

¹ Ковчегъ—также обычное уподобленіе женской груди (см. выше).

² Самшитъ—родъ сосны, обычное сравненіе для рукъ и стана.

³ Царь—грузинскій царь Герекль II; Лохманъ—придворный врачъ.

⁴ Набать—кристаллы теплаго сахара, лакомство.

Семь дней твердила я, ты жъ, рѣзва, семь платьевъ мѣрила подъ
рядъ,
Бязь и кумачъ, но гдѣ же ткань, что всѣхъ достойнѣй?—ждеть
она!

Языкъ ашуга—соловей: онъ славить, не клянеть сплеча!
Предъ шахомъ онъ поетъ смѣлѣй, и для него нѣтъ палача,
Нѣтъ правилъ, судей и царей, онъ самъ спасаетъ всѣхъ, звуча,
Лишь ты, Саять-Нова,—въ бѣдѣ, пришла, не отойдетъ она!

7,

КЪ СОЛОВЬЮ.

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я—милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, пѣснь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебѣ—цвѣтокъ, мнѣ—милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Въ душѣ моей—тоска по ней,
Какъ острый шипъ въ груди твоей.
Цвѣтокъ иль яръ? что сладостнѣй?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Какъ кипарисъ, одинъ стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я—милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Пѣвецъ! мила мнѣ пѣснь твоя!
Пылаемъ мы, и ты и я...
Саять сказалъ: «О, милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью»;

8.

Твоихъ грудей гранать—что мечь!
 Самшить твоихъ безцѣненъ плечь!
 Хочу у двери милой—лечь!
 Тамъ прахъ цѣлую и пою.

О, твоего атласа звукъ!
 Дай мнѣ испить изъ чаши рукъ,
 Молю цѣленья въ смѣнѣ мукъ,
 Люблю, ревную и пою!

Я не садовникъ въ эту ночь,
 Какъ тайну сада превозмочь?
 Я—соловей, гдѣ роза? «Прочь!»
 Шипу скажу я и пою.

Ты—пѣсня! И слова звучать!
 Ты—гимнь! И я молиться радъ!
 Саять-Новы ты—свѣтлый садъ!
 Вотъ я тоскую и пою.

9.

Твой силенъ умъ: такимъ рождень,—себя глупцу равнять зачѣмъ?
 Меня за свой вчерашній сонъ презрительно считать зачѣмъ?
 Я издавна горю, сожжешь! опять меня сжигать зачѣмъ?
 Устала ты, повѣрю я, меня же обвинять зачѣмъ?

Привѣтъ! вѣдь ты сильна, какъ тотъ Ростомъ,¹ сынъ Зала!—
 дочь царя!²

Старинный твой прославленъ родъ, красы зеркало, дочь царя!
 Коль грѣшенъ я, пусть мечъ не ждетъ меня нимало, дочь царя!
 Но Господа побойся ты: напрасно враждовать зачѣмъ?

Кто раненъ, позоветъ врача: не повредить, поможетъ онъ;
 Раба ругаютъ сгоряча, судиться все жъ не можетъ онъ.

¹ Ростомъ, сынъ Зала,—Рустемъ, герой персидскаго эпоса.

² Дочь царя—рѣчь идетъ о грузинской царевнѣ.

Кто сердцемъ свѣтель, какъ свѣча, молву людей стложитъ онъ.
Я Богомъ истиннымъ клянусь: меня нещадно гнать зачѣмъ?

Не всѣмъ мой ключъ гремучій пить: особый вкусъ ручьевъ моихъ!
Не всѣмъ мои писанья чтить: особый смыслъ у словъ моихъ!
Не вѣрь: меня легко свалить! гранитна твердь основъ моихъ!
Такъ наводнениемъ безъ конца ихъ тщетно подрывать зачѣмъ?

Бьетъ вѣтръ морской, песокъ гоня: песка не меньше будетъ
все жь!

Живу ль, не станеть ли меня, толпу напѣвъ разбудить все жь!
Уйду, но въ мѣрѣ съ того дня и волосъ на убудеть все жь!
Въ Габашъ, къ арабамъ, къ индамъ прахъ Саять-Новы сослать
зачѣмъ?

10.

Угодливо, народный рабъ! служить ступай, Саять-Нова!
Стяжать отличіе царя не всякъ мечтай, Саять-Нова!
И пусть подносятъ желчь тебѣ, ты сахаръ дай, Саять-Нова!
Но отъ камней все стекло берегай, Саять-Нова!

Тупицу въ школу помѣсти,—отъ розгъ не поумнѣетъ онъ,
Покуда изъ него злой духъ покорно не отвѣетъ вонъ;
Кто черенъ, будетъ вѣкъ такимъ, отъ мыла не бѣлѣетъ онъ;
Безродный въ знать не лѣзь, кривуль не выпрямляй, Саять-Нова!

Когда бъ ты звѣзды сосчиталъ и зналъ число очей ночныхъ,
Погубить злое дѣло—все: чти житія людей святыхъ!
Слова Спасителя—жемчугъ, прекраснѣе лилей лѣсныхъ,
И свиньямъ лалль и жемчуга ты не бросай Саять-Нова!

Тамъ—радость свадьбы, таиъ—печаль, тамъ—пиръ и пѣснс-
пѣнье—тамъ,
Тамъ—двое любящихъ въ саду, въ церквахъ богослуженье—тамъ;
Коль волю духа ты творишь, не можетъ быть и тлѣнья—тамъ:
Водой шумящей унесенъ, не унывай, Саять-Нова!

11.

Ты, безумное сердце! мнѣ внемли:
Скромность возлюби, совѣсть возлюби.
Мірѣ на что тебѣ? Бога возлюби,
Душу вслюби, дѣву возлюби!

Божій гласъ внемли и твори добро,
Въ житіяхъ святыхъ слово—серебро:
Святыхъ цѣлей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетуть!
Знай, что хлѣбъ и соль люди чести чтуть,
Но не будь смѣшнымъ: возлюби свой трудъ,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Тамъ, гдѣ господинъ, будь не гордъ, но тихъ;
Скромнымъ будь всегда у господъ своихъ;
Но у всѣхъ—душа: возлюби чужихъ,
Бѣдныхъ возлюби, гостя возлюби.

Такъ, Саять-Нова, мудрость жить велить.
Что намъ эта жизнь? Страшный судъ грозитъ!
Душу берегай: возлюби и скить,
Келью возлюби, камни возлюби!

12.

КАМАНЧА. ¹

Изъ всѣхъ людьми хваленыхъ лиръ полнѣй звучишь ты, каманча!
Кто низокъ, не иди на пирь: предъ нимъ молчишь ты, каманча!

¹ Каманчá (или кяманча) музыкальный инструментъ, аккомпанирующій на которомъ поютъ ашуги. Отдѣльныя части каманчи носятъ названія: «ушка», «голова», «чрево», «жельза» (строфа 2-я); инструментъ—струнный и играютъ на немъ *смычкомъ*, на которомъ натянуты *конскіе волосы* (строфа 3-я). Передъ началомъ игры ашугу подавали *чай и кофе* (строфа 4-я). При состязаніи пѣвцовъ побѣжденный отдавалъ обыкновенно свою каманчу побѣдителю (стихъ 4-й строфы 1-й). *Крылатый конь* (строфа 3-я)—отголосокъ мѣта о Пегасѣ.

Но къ высшему стремись: весь міръ, всѣхъ покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: миѣ—принадлежишь ты, каманча!

Ушко—серебряное будь, сверкай на *головъ*—алмазь;
Рука—слоновой кости будь, на *чревь*—перламутръ, что глазъ;
Струна—изъ злата свита будь, рѣзбой плѣняй, *жельзо*, насъ;
Ты—бриллиантъ и лалль! И судъ—всѣхъ посрамишь ты, каманча;

Смычокъ быть долженъ золочень, чтобъ пышно онъ блисталь
звеня;

Пѣвучій *волосъ*—быть сплетенъ изъ космъ крылатаго коня.

Тѣмъ, какъ бальзамъ, даришь ты сонъ, тѣхъ ты бодришь всю
ночь, до дня:

Ты—золотой сосудъ съ виномъ, и всѣхъ пьянишь ты, каманча.

Въ ашугѣ двѣ души съ тобой: ему и чай и кофе есть;

Когда онъ утомленъ игрой, на полкѣ ты находишь честь,

Когда жъ поётъ,—вновь пирь горой, ты—празднествъ и гуляній
вѣсть!

Собравъ красавиць вкругъ себя, ихъ всѣхъ манишь ты, каманча!

Ты всѣмъ даешь веселый видъ, съ тобой опять здоровъ больной;

Чуть сладкій зовъ твой зазвучитъ, блаженъ, кто говорить съ тобой.

Проси, да скажутъ: «Богъ продлить—дни насъ плѣнявшаго
игрой!»

Доколѣ живъ Саять-Нова, что не узришь ты, каманча!

ЛУНКІАНОСЪ.

XVIII--XIX В.

1. Видѣніе.
2. Гимнъ Богоматери.
Перевель *В. Спасскій*.

1.

ВИДѢНІЕ.

Рай разверсѣ. Видѣлъ, восхищенный, я
Садъ, что полнъ благоухающихъ цвѣтовъ:
Пѣли ангелы о благѣ бытія,
Арфѣ десятиструнныхъ былъ немолченъ зовъ.

Зеленѣлъ деревьевъ безконечный рядъ,
Вѣтви заплетались въ сладостную сѣть,
Висли финики, гранаты, виноградъ,
Было сладостно на тѣ плоды смотрѣть.

И царица вышла, въ славѣ, какъ въ огнѣ,
На челѣ съ вѣнкомъ, гдѣ лалль, алмазь, жемчугъ;
Праведниковъ сонмъ приблизился ко мнѣ,
Несказанныя слова шепча мнѣ въ слухъ.

И любви словами былъ я опьяненъ,
Страсть какъ никогда позналъ Лункіанось,
Ибо онъ сбрѣлъ, святыми окруженъ,
Ту Возлюбленную, ту Царицу грезъ!

2.

ГИМНЪ БОГОМАТЕРИ.

Отрывокъ.

Для всѣхъ страдающихъ, для скорбныхъ всѣхъ сердець
Есть чаша сладости, о Богоматерь—Ты!
Ты—человѣчества торжественный вѣнецъ,
И слава всей земли, о Богоматерь,—Ты!

Ты—жизни вѣрнѣй мость, ты—смуть святой покой,
Престоль премудрости и роза чистоты;
Ты кротость нѣжная, что льется въ міръ людской,
И искупленіе, о Богоматерь,—Ты!

О, милосердая, Ты—упованье намъ,
Звѣзда разсвѣтная надъ чернью темноты!
Подобно солнечнымъ слѣпительнымъ лучамъ,
Сіяешь высоко, о Богоматерь—Ты!

Тобою озаренъ сей міръ, гдѣ мраченъ грѣхъ.
Путь для блуждающихъ и свѣтъ для слѣпоты,
Въ смиреніи, добра и благодна для всѣхъ,
Примѣръ прекраснаго, о Богоматерь,—Ты!

.....

Поеть Лункіанось: Яви Свой обликъ мнѣ,
Я уготоваль духъ къ видѣнью Красоты!
О, свѣтлый, чистый ключъ! для сердца, что въ огнѣ,
Противоядіе, о Богоматерь,—Ты!

ДЖИВАНИ.

1845—1911 г.

1. «Какъ дни зимы...»

2. Въ эту ночь.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

Какъ дни зимы, дни неудачъ недолго тутъ: придуть-уйдутъ.
Всему есть свой конецъ, не плачь!—Что бѣгъ минутъ: придуть-
уйдутъ.

Тоска потерь пусть мучить насъ, но вѣрь, что бѣды лишь на часъ:
Какъ сонмъ гостей, за рядомъ рядъ, они спуютъ: придуть-уйдутъ.

Обманъ, гоненіе, борьба и притѣсненіе племень,
Какъ караваны, что подъ звонъ въ степи идутъ: придуть-уйдутъ.
Мірѣ—садъ, и люди въ немъ цвѣты! но много въ немъ увидишь ты
Фіалокъ, бальзаминовъ, розъ, что день цвѣтутъ: придуть-уйдутъ.

Итакъ, ты, сильный, не гордись! итакъ, ты, слабый, не грусти!
Событія должны итти, творя свой судъ,—придуть-уйдутъ!
Смотри: для солнца страха нѣтъ скрыть въ тучахъ свой палящій
свѣтъ,
И тучи на востокъ спѣша, плывутъ, бѣгутъ: придуть-уйдутъ.

Земля ласкаетъ, словно мать, ученаго, добра, нѣжна;
Но дикихъ бродятъ племена, они живутъ: придуть-уйдутъ...
Весь міръ: гостиница Дживанъ! а люди—зыбкій караванъ!
И все идетъ своей чредой: любовь и трудъ,—придуть-уйдутъ!

2.

ВЪ ЭТУ НОЧЬ.

Виночерпица! дай мнѣ вина въ эту ночь,
Я томлюсь и душа такъ мрачна въ эту ночь.
Чѣмъ-нибудь пусть замлѣетъ она въ эту ночь,
Чтобъ не даромъ страдать мнѣ безъ сна въ эту ночь!

Сдѣлай милость, красавица, здѣсь отдыхай!
О, хвалимая, боли моей сострадай!
Что въ сѣдыхъ погребяхъ, то вино мнѣ подай,
На огонь мой лей воду до дна въ эту ночь!

Дай мнѣ, милая, руку: тобой—я плѣнень;
Мы въ одно соединимъ нѣжный звукъ двухъ именъ;
Вѣдь ты видишь: ко мнѣ не придетъ уже сонъ.
Выйдемъ въ садъ, даль—чиста, даль—ясна, въ эту ночь.

Сколько разъ, милый другъ, я дѣлилъ твою боль.
Покориться тебѣ, быть рабомъ мнѣ позволь.
Любишь, нѣтъ ли, скажи! ахъ, солгать—хорошо ль?
Доскажи до конца, все сполна—въ эту ночь.

Ахъ, внемли! въ эту ночь можешь ты мнѣ помочь!
Постарайся смущенье свое превозмочь:
Если намъ другъ для друга цвѣсти,—цѣпи прочь!
Будетъ данная клятва прочна—въ эту ночь.

НОВАЯ ПОЭЗИЯ.

I. Поэзія русскихъ армянъ.

РАФАЭЛЪ ПАТҚАНЬЯНЪ.

1830—1892 г.

1. «И теперь намъ молчать...» (Изъ поэмы «Смерть храбраго Вардана Мамиконьяна.) Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. Слезы Аракса. Перевель *Ю. Веселовскій*.
3. Жаворонокъ. Перевела *Е. Сырейщикова*.
4. «Покинь свой садъ...» Перевель *С. Шервинскій*.
5. Не думайте, что славой обольщень...» Перевель *онъ же*.
6. Художникъ. Перевель *Валерій Брюсовъ*.
7. Передъ изображеніемъ Богоматери. Перевель *Эллисъ*.
8. «Ученый, книгу брось...» Перевель *В. Бакулинъ*.
9. «Ребенка святой колыбелью клянусь...» Перевель *Валерій Брюсовъ*.
10. Великій человекъ. Перевель *онъ же*.

ИЗЪ ПОЭМЫ
«СМЕРТЬ ХРАБРАГО ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА».¹

И теперь намъ молчать, о друзья, и теперь,
Когда врагъ насъ терзаетъ, какъ яростный звѣрь,
Прямо въ грудь направляетъ свой мечъ роковой,
Не смущаясь рыданьемъ и скорбной мольбой?
О, братья-армяне! пора отвѣчать:

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
Захватилъ ухищреньемъ нашъ отчій очагъ,
Имя Гайка низвергъ, что блистало въ быломъ,
И, великій въ вѣкахъ, обезчестилъ Торгомъ?²
Лишилъ языка, отнялъ скипетръ и рать?

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
Отнялъ мечъ-оборону, унизивъ нашъ стягъ,
У работниковъ плугъ вырвалъ дерзко изъ рукъ,
Передѣлалъ на цѣпи тотъ мечъ и тотъ плугъ?
О, горе! въ плѣну мы должны изнывать!

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
Поднимая оружье, какъ гибельный знакъ,

¹ Варданъ Мамиконьянъ — армянскій національный герой, погибшій въ битвѣ съ персами на Аварайрскомъ полѣ (451 г. по Р. Х.).

² Гайкъ и Торгомъ — мифическіе прародители армянъ (см. Примѣчанія, гдѣ объясненія и другихъ строфъ этого стихотворенія).

Нась таить заставляеть рыданья невзгодъ,
 То, что душу гнететь, намъ сказать не даеть?
 Чтобъ плакать, гдѣ свой намъ Евфратъ отыскать?

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
 Совершая съ надменностью каждый свой шагъ,
 Голось правды въ душѣ у себя заглушивъ,
 Гонить насъ изъ страны, отъ родныхъ нашихъ нибъ?
 Скитальцамъ, намъ некуда, братья, бѣжать!

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
 Равнодушно взирая на толпы бродягъ,
 Нагло руку простеръ и, преступно глумясь,
 Оборвалъ между братьевъ послѣднюю связь?
 Такъ близко погибель армянъ! Что начать?

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
 Нась лишаетъ послѣднихъ, божественныхъ благъ?
 Нашу церковь гнететь, чтобъ сломить насъ вѣрнѣй,
 Волка въ шкурѣ овечьей поставивъ надъ ней?
 Нѣтъ храмовъ, гдѣ бъ намъ принимать благодать!

И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать? Что же скажетъ весь свѣтъ,
 Если камни и скалы застонуть въ отвѣтъ?
 Скажутъ всѣ, что армяне достойны судьбы,
 Что они по заслугамъ въ плѣну и рабы!
 Умѣли отцы край родной защищать!

Доколѣ жъ молчать?

Пусть молчитъ тотъ, кто нѣмъ, чей недвижимъ языкъ,
 Или тотъ, кто въ яриѣ, видѣтъ сладость привыкъ!
 Но, въ комъ сердце мужчинъ, кому честь дорога,
 Пусть безстрашно идетъ противъ злого врага!
 Кто славой сумѣлъ свою смерть увѣнчать,

Тотъ вправѣ молчать!

2.

СЛЕЗЫ АРАКСА.

По берегамъ твоимъ заснувшимъ
Брожу, Араксъ, въ тоскѣ моей.
Я уношусь къ вѣкамъ минувшимъ,
Взываю къ тѣнямъ славныхъ дней!..

Но волны бурныя несутся,
Не внемля, пѣнясь и шумя;
О берегъ съ плачемъ горькимъ бьются
И мчатся въ дальніе края...

Повѣдай мнѣ, Араксъ могучій,
По комъ рыдаешь ты порой?
Зачѣмъ сбѣять тоскою жгучей
Ты даже чуднсю весной?

И слезы горькія струятся,
Изъ гордыхъ падаютъ очей,
И волны къ морю вдаль стремятся
Отъ грустной редины исей?..

О, не муди же въ гнѣвѣ воды!
Забудь волненье и печаль!
О, вспомни вносъ былые годы!..
Зачѣмъ спѣшишь ты къ морю вдаль?..

Пусть снова розы украшаютъ
Сады прибрежные твои,
А ночью пѣсней оглашаютъ
Заснувшій берегъ соловьи!

Пусть ивы свѣжестью отрадной,
Сгибаясь, дышатъ у воды—
И въ жаркій день въ струѣ прохладной
Купаютъ нѣжные листы.

Пускай пастухъ съ свирѣлью бродить
По берегамъ твоимъ порой,
И стадо мирное приходитъ
Къ тебѣ въ жару на водопой!..

Араксъ запѣнилъ гнѣвно воды
И влагу бурей всколыхалъ,—
И въ шумѣ дикомъ непогоды
Я голосъ грозный услыхалъ:

«Зачѣмъ съ желаньемъ безразсуднымъ
Пришелъ, безумецъ, ты ко мнѣ,—
Тревожить вновь видѣньемъ чуднымъ
Меня въ тяжеломъ полуснѣ?»

Въ тоскѣ по мужѣ, въ тяжкомъ горѣ,
Ужель вдову, средь грустныхъ слезъ.
Ты встрѣтишь въ праздничномъ уборѣ,
Какъ въ годы счастья, годы грезъ?

И мнѣ,—зачѣмъ мнѣ украшаться?
Красою чей мнѣ тѣшить взглядъ?
Мои сыны въ плѣну томятся,
Мои враги вездѣ царятъ!..

А были дни, въ краю свободномъ
Я въ чудномъ блескѣ протекалъ,
И къ морю вдаль въ просторѣ водномъ
Спокойно шель за валомъ валъ.

Въ тѣ дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утромъ раннимъ отражался
Въ нихъ отблескъ пламенной зари.

Но что же сталося съ древней славой
Моихъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ или замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?..

Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моей
И влагой нѣжно онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей...

Но влаги вѣчной и священной
 Достойны ль мертвыя поля,
 Гдѣ турокъ властвуетъ презрѣнный,
 И стонетъ древняя земля?

Мои сыны,—ихъ нѣтъ со мною!
 Но сколько ихъ въ странѣ чужой,
 Въ борьбѣ съ гнетущею нуждою,
 Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный свой!

Моихъ сыновъ враги изгнали,
 Отчизну душитъ низкій плѣнь,
 И въ древній край они прислали
 Толпы невѣрныхъ мнѣ взаимъ!

Для нихъ ли пышными цвѣтами
 Теперь украшу берегъ свой,
 И мнѣ ль предъ дикими очами
 Блестать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
 Пока для нихъ отчизны нѣтъ,
 Я буду скорби предаваться,—
 И святъ да будетъ мой обѣтъ!»

И, бѣлой пѣной одѣваясь,
 Въ ней скрыль Аракъ свою печаль,—
 И, точно змѣйка извиваясь,
 Понесъ онъ волны къ морю вдаль.

3.

ЖАВОРОНОКЪ.

— Жаворонокъ, въ небо—ты зачѣмъ летишь,
 Пѣсней серебристой въ облакахъ звенишь?

Отчего не хочешь пѣть среди цвѣтовъ,
 Тамъ, гдѣ ты выводилъ маленькихъ птенцовъ?—

— «Ахъ, есть много, много горя у меня!
Другъ меня покинуть, жизнь свою кляня;

Земледѣлецъ мирный этимъ другомъ былъ:
Страхъ передъ врагами миръ его смутилъ.

Сталь нашъ край родимый пусть и молчаливъ,
И растетъ репейникъ вдоль армянскихъ нивъ.

На землѣ отнынѣ нѣтъ покоя мнѣ,
Оттого стремлюсь я—къ ясной вышинѣ.

Цѣлый день и вечеръ въ небесахъ я вьюсь,
Цѣлый день я пѣсней Господу молюсь,

Чтобъ благой десницей насъ Онъ защитилъ,
Чтобъ армянскій пахарь снова мирно жилъ,

Чтобъ свѣтило счастье намъ въ родномъ краю:
Вотъ о чемъ подъ небомъ грустно я пою.»

4.

Покинь свой садъ, приди, мой соловей,
На очи сына пѣсней сонъ навѣй.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Псаломщикомъ не хочетъ сынъ мой стать.

Приди, куликъ, съ болотъ и съ луговинъ
Качать дитя, заснуть мой долженъ сынъ...
Но плачетъ онъ... Не надо прилетать:
Не хочетъ сынъ мой послушникомъ стать.

Ты, перепелъ, птенцовъ покинь въ степи
И крикомъ сладкимъ сына усыпи.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Не хочетъ сынъ мой плакальщикомъ стать.

Воровка, сребролюбца, сюда
 Лети, сорока,—сынъ уснетъ тогда.
 Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
 Торговцемъ не захочетъ сынъ мой стать.

Ты, соколь, съ храбрымъ сердцемъ, ты одинъ
 Приди. Твоей захочетъ пѣсни сынъ...
 Лишь прилетѣлъ—и сынъ мой замолчалъ,
 Подъ звуки бранныхъ пѣсенъ задремалъ.

5.

Не думайте, что славой сболъщенъ,
 Въ странѣ армянъ я пѣснь псю, какъ стонъ.
 Нѣтъ, гордою душой я не искалъ
 Толпы рукоплесканій и похвалъ.

Когда тоской звучитъ моя струна,—
 Арменіи душа потрясена,
 И каплетъ кровь у честныхъ изъ сердець,
 И глазъ сомкнуть не можетъ удалецъ.

Зачѣмъ псю?—Какъ знать? Скажите мнѣ,
 Зачѣмъ алѣетъ роза по веснѣ,
 И въ зелени, у ногъ родимыхъ горъ
 Звучитъ ручья журчащій разговоръ.

Зачѣмъ зефиръ, порхая по листьямъ,
 Какъ будто свей привѣтъ лепечетъ намъ,
 И почему подъ зеленью вѣтвей
 Безропотенъ поющій солдвей?..

6.

ХУДОЖНИКЪ.

Взоръ вперивъ, безъ словъ, съ тайной на челѣ,
 Юноша, куда мыслью ты влекомъ?
 Кисти предъ тсбой, краски на столѣ...
 Что же ты стоишь, молча, предъ холстомъ?

Обрати глаза, оглянись вокругъ:
 Вѣдь смѣется чернь надъ трудомъ твоимъ!
 Милый! разгони сладостный недугъ,
 Отоисти хоть разъ, пробудившись, имъ!

Но прощаешь ты все въ душѣ своей
 Ропотоиъ мірскимъ духъ твой не смущень.
 Вдругъ въ глазахъ твоихъ вспыхнулъ блескъ огней,
 Сердце быстро бьетъ, весь ты опьяненъ.

Кисти ты схватилъ, въ краску обмакнулъ,
 Къ жизни пробудилъ кистью полотно:
 Въ таинствахъ небесъ думой потонулъ,—
 Тайное другимъ—знать тебѣ дано.

Ненависть, любовь, гнѣвъ и блескъ ума,
 Ты, взмахнувъ рукой, полотну даешь;
 Все, предъ чѣмъ и рѣчь мудреца нѣма,
 Красками безъ словъ ты возсоздаешь.

Изумленъ народъ, прибѣжалъ, стоитъ,
 На твою мечту глядя черезъ порогъ,
 Преклоняясь ницъ, оиміамъ кадитъ,
 Голосомъ однимъ вопить: «Вотъ—нашъ Богъ!»

Ахъ, за подвигъ свой ты не жди награды:
 Нѣсколько монетъ бросятъ предъ тобой,
 Въ свой убогій домъ ты пойдешь назадъ...
 Но картинъ быть въ рамѣ дорогой!

7.

ПЕРЕДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ БОГОМАТЕРИ.

Отчего пречистый ликъ Маріи,
 Съ тихимъ взоромъ, полнымъ горькихъ слезъ,
 Устремленъ на небеса родныя?
 Отчего въ немъ просьба и вопросъ?

Ты—безгрѣшна. Почему жь тревога?
И, скрестивши руки, почему
Ты молитвы, вздохи, Матерь Бога,
Возсылаешь къ Сыну Твоему

«Надъ землей, надъ засухой гнетущей
Снизойди, небесная роса,
Убери кору листьвей цвѣтущей,»—
Очи Дѣвы молятъ небеса...

О, когда безгрѣшный не молился бѣ,
Да простить злодѣя-брата Богъ,—
Сводь небесъ надъ нами помутился бѣ,
И потрясь бы землю тяжкій вздохъ!..

Если бѣ онъ, мучителей прощая,
Не забылъ безумную вражду,—
Кто бы спасъ насъ, небо возвращая?
Всѣ бы меду себѣ нашли въ аду!..

Сирыхъ мать, и вдовыхъ утѣшенье!
Воздыхая, скорби слезы лей!
Эти слезы—мира избавленье:
Пусть онѣ струятся, какъ ручей.

8.

Ученый, книгу брось: не часъ—читать!
Ты, селянинъ, оставь быковъ и плугъ!
Отецъ, не время мертвыхъ погребать!—
Мать-Айастанъ—въ тоскѣ родильныхъ мукъ.

Въ тоскѣ родинъ армянская страна.
То новое, что ждемъ мы вѣкъ шестой,
Теперь она намъ подарить должна:
Свободу свѣтлую земли родной.

Забудемъ счеты наши, наконецъ,
Отбросимъ личныхъ выгодъ жалкій прахъ,
Слѣпя страсти вырвемъ изъ сердець,
И вырвемъ изъ сердець—нашъ рабій страхъ!

Мы—дѣти Гайка, ¹ племя христіанъ:
Того довольно! Различать должно ль
Католиковъ, армянъ-грегоріанъ
И лютеранъ! Армянство—нашъ пароль!

Мать-Айастанъ—теперь въ тоскѣ родинъ.
Ея намъ должно муки облегчить:
Когда жъ придетъ на свѣтъ прекрасный сынъ,
Его—врагамъ дадимъ ли задушить?

Все—въ даръ ему, чего бь онъ не спросилъ!
Богатый—деньги, дѣвы—жениховъ,
Герои—храбрость, юный—крѣпость силъ,
Эчмиадзинъ—всѣ громы кондаковъ!²

Богъ сжалился надъ нами этотъ разъ,
И матери разверзъ онъ ложесна.
Когда мы—люди, ждетъ спасенье насъ.
Нѣтъ?—сгибнешъ ты, родимая страна!

9.

Ребенка святой колыбелью клянусь,
И свѣтлой святыней отцовскаго гроба!
Крещеньемъ въ священной купели клянусь,
Родимой, мнѣ жизнь подарившей, утробой!

Свидѣтелемъ будь мнѣ гора Арарать,
Что встала въ вѣкахъ пьедесталомъ ковчега,
И ты, о Аракса живой водопадъ,
Что мать-Айастанъ орошаешь съ разбѣга!

И вы, о строители царства армянъ,
Храните свидѣтельство клятвы безгрѣшной:
Саакъ, и Мэропъ, и Хэвондъ, и Вартанъ,
Ашотъ милосердный, Гагикъ неугѣшный!³

¹ Гайкъ—миѳологическій родоначальникъ армянъ. Айастанъ (Гайастанъ) Армения (см. выше).

² Кондаки—указы католикова всѣхъ армянъ, имѣющаго пребываніе въ Эчмиадзинскомъ монастырѣ.

³ С в в. Саакъ, Мэропъ и др.—высоко-чтимые дѣятели армянской исторіи (подробности—см. въ Примѣчаніяхъ).

Все отдашь тебѣ я, народъ мой родной:
Жизнь, радость, богатство,—во имя обѣта!
И только любовь остается со мной...
Но, если такъ надо, возьмите и это!

10.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Ступай, мой сынокъ, и весь міръ сбейди,
И, признанъ великимъ, назадъ приходи.

Отправился сынъ, много поту пролилъ,
И деньги большія, богатство скопилъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалъбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты большое богатство снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

И снова пошелъ онъ—къ земнымъ мудрецамъ,
Ученымъ и геніемъ сдѣлался самъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалъбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую мудрость снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Пошелъ въ монастырь онъ, укрылся въ лѣса,
Вериги надѣлъ и творилъ чудеса.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалъбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую святость снискалъ,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Онъ сталъ полководцемъ, былъ ловокъ и смѣль,
И много земель покорить онъ сумѣль.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалъбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую славу снискаль,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Пошелъ онъ въ страну, гдѣ гнѣдился драконъ;
Дракона убилъ исполинскаго онъ.
Вернулся къ отцу, говорить съ похвалъбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую доблесть снискаль,
Но все же великимъ донинѣ не сталъ.

Онъ вспомнилъ тогда, что въ плѣну его братъ,
Что братскую руку оковы тягчать.
И вновь онъ на подвигъ тяжелый пошелъ
И, выручивъ, брата свободнымъ привелъ.
Вдругъ,—горы, и доли, и море кругомъ,
И люди, всѣ люди, вскричали объ немъ:

— Себя позабывъ, ты о братѣ взыскаль!
Великимъ, великимъ отнынѣ ты сталъ!

ГЕОРГЪ ДОДОХЪЯНЪ.

1837—1890 Г.

1. Ц и ц е р н а к ъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ЦИЦЕРНАКЪ.¹

Цицернакъ, цицернакъ,
 Гость пернатыхъ ватагъ,
 Ты куда же летишь,
 За зигзагомъ зигзагъ?

Черезъ поля, чрезъ оврагъ
 Мчись въ родной Аштаракъ,
 И подъ кровлей родной
 Свей гнѣздо, цицернакъ!

Тамъ, далеко, съ тоской,
 Мой отецъ, весь съдой,
 Сына милаго ждетъ
 Съ каждой новой зарей.

Мой привѣтъ въ этотъ домъ
 Передай передъ сномъ,
 И скажи: «Ахъ, старикъ!
 Плачь о сынѣ свсемъ!»

Разскажи, сколько бѣдъ
 Я терплю много лѣтъ;
 Что всѣ дни я—въ слезахъ.
 Что полъ-жизни ужъ нѣтъ.

Для меня небосклонъ
 Отъ зари затемненъ,

¹ Цицернакъ—ласточка. Аштаракъ—мѣстечко въ Эриван-
 ской губ., гдѣ родился авторъ.

На глаза мои въ ночь
Не спускается сонъ.

Ахъ, безъ пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я—красивый цвѣтокъ
Безъ родимой земли.

Улетай, цицернакъ!
За зигзагомъ зигзагъ,
Мчись, къ армянской землѣ,
Въ мой родной Аштаракъ!

СМБАТЪ ШАХЪ-АЗИЗЪ.

1840—1907 г.

1. Сонъ. Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. «Кругомъ—весна...» Перевель *В. Ходасевичъ*.
3. Сонетъ. Перевель *онъ же*.
4. Аштаракъ. Перевель *Ю. Веселовскій*.
5. Изъ пьэмы Скорбь Леона. Перевель *онъ же*.

1.

СОНЪ.

Я услышалъ нѣжный голось,
Къ старой матери склонень,
Сердце съ радостью боролось...
Горе! это былъ лишь сонъ.

Тамъ журчалъ ручей струистый,
Жемчугами опѣненъ,
Какъ хрусталь прозрачно чистый...
Горе, это былъ лишь сонъ!

Грустной пѣснею волнуемъ,
Былъ я дѣтству возвращень...
Мать приникла поцѣлуемъ.
Горе! это былъ лишь сонъ.

Мать отерла мнѣ въ печали
Взоръ мой,—былъ онъ затѣненъ.
Ахъ, но слезы все бѣжали:
Почему то былъ лишь сонъ?

2.

Кругомъ—весна. Бреду. Навстрѣчу мнѣ
Зеленые холмы уходятъ въ даль,—
И въ тихомъ, сладкомъ, безтревожномъ снѣ
Смиряется на днѣ души печаль.

Деревьевъ рядъ чуть слышно шелеститъ
 Зелеными кудрями. Ручеекъ
 Бѣжитъ проворно. Милый сердцу видъ!
 Тамъ роза раскрываетъ лепестокъ,

Алѣетъ роза, огненной зари
 Божественная дочь... Ея скромнѣй—
 Кого люблю,—но нѣтъ, не говори,
 Что дѣвы прелесть меркнетъ передъ ней.

3.

СОНЕТЪ.

Какъ жаль, дитя, что Ева, а не ты
 Предстала міру въ день, когда Творецъ
 Предначерталъ прообразъ красоты,
 Своихъ созданій женственный вѣнецъ.

Ты на землѣ явилась бы въ тотъ день,
 Какъ неземной влюбленности обѣтъ.
 Ты вся—лазурь. Что Ева?—Облакъ, тѣнь...
 Средь смертныхъ дѣвъ тебѣ подобной нѣтъ.

Черна, какъ смоль, волна твоихъ кудрей,
 Твой тонкій станъ ихъ прядями обвить;
 Волшебный взоръ сіяющихъ очей

То нѣжно мнѣ любовью заблеститъ,
 То, помрачась, грозовыхъ тучъ темнѣй,
 Струить огонь и сердце пепелить.

4.

АШТАРАКЪ.

Листвой деревьевъ осѣненъ
 Мой Аштаракъ родной...
 Тамъ воздухъ чистъ, и небосклонъ
 Сіяетъ голубой...

Кругомъ поля, какъ изумрудъ,
 Душистые цвѣты...
 И травы пышныя растутъ
 Тамъ рѣдкой красоты.

Село родимое лежитъ
 Надъ быстрою рѣкой.
 Форель рѣзвится и шалить
 Въ волнахъ ея порой...

Разлить волшебный аромать
 Въ привѣтливыхъ садахъ,
 И воды ласково журчатъ,
 Что вдаль несетъ Касахъ.

Но мракъ невѣжества гнететь
 Тамъ робкіе умы,
 И задыхается народъ
 Подъ игомъ вѣчной тьмы!

Грущу я часто въ тишинѣ,
 Красу твою любя...
 О Аштаракъ! подобно мнѣ
 Любилъ ли кто тебя?..

Когда весь міръ въ объятяхъ сна,—
 Какъ прежде, я томлюсь...
 Въ полночный часъ душа грустна,—
 Я за тебя молюсь.

5.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СКОРЕБЪ ЛЕОНА».

Вотъ, съ улыбкой безпечной, веселой толпой
 Предъ Леономъ проходятъ армянки...
 Точно жалкая тѣнь передъ ихъ красотой
 Блѣдный обликъ и взоръ сѣверянки!..

Пышны кудрей ихъ волны, и ростъ ихъ красивъ;
Всѣ дивятся ихъ чудному взгляду...
Не скрывай же, о юноша, страстный порывъ,
Дай вѣнокъ имъ лавровый въ награду!

Черныхъ, нѣжныхъ очей ихъ плѣнителенъ взглядъ,—
Въ нихъ то ночь, то заря вдругъ заблещетъ...
Какъ цвѣтушія розы, ихъ щеки горятъ,
И пылаетъ лицо, и трепещетъ...

Гдѣ поэтъ, чтобъ въ чарующей пѣснѣ своей
Ихъ на лирѣ воспѣлъ вдохновенной?..
Гдѣ та кисть, чтобъ могла чудный взоръ ихъ очей
Возсоздать въ красотѣ несравненной?..

О, Эллада, счастливый, сіяющій край!
Ты—страна красоты и блаженства!
Здѣсь ты нѣжнаго сердца отраду познай
И горячей любви совершенство!

О, Италия! Въ грезахъ къ тебѣ мы летимъ,
Ты—поэтовъ мечта золотая...
Но достался вѣнецъ твой лавровый другимъ,—
Скромнымъ дѣвамъ Кавказскаго края!..

Но любовь не всегда торжествуетъ въ груди,—
Сердце жаждетъ, забывъ увлеченье,
Въ юныхъ дѣвахъ народности проблескъ найти,—
И его безуспѣшно стремленье!..

Всюду чуждый языкъ, всюду чуждая рѣчь...
О, армянки! Презрѣвъ все родное,
Вы рѣшились роднымъ языкомъ пренебречь
И принять воспитанье чужое!..

Иль слаба и бѣдна рѣчь армянской земли,
Чтобъ излить вамъ мечтанья и муки?
Нѣтъ, и въ ней есть слова увлеченья, любви,
Есть отрадныя, нѣжные звуки!

Пышно вы расцвѣли... Но въ армянскій народъ
 Не вдохнете вы счастья и жизни!
 Въ жены русской, татаринъ, грузинъ васъ возьметъ,
 И забудете вы объ отчизнѣ!

Суетливо, безцвѣтно пройдутъ ваши дни...
 Нѣтъ вамъ счастья и нѣтъ утѣшенья!
 Слыша горькій укоръ вашей прежней земли,
 Вы свое проклянете рожденье!

И прійдутъ къ вамъ пѣвцы безпріютные въ дсмь...
 Они скажутъ вамъ: «О, помогите!
 Мать-Арменія страждетъ въ несчастьѣ своемъ»...
 «Васъ не знаемъ!» отвѣтъ вы дадите.

Ни горячія слезы молящихъ людей,
 Ни страны беззащитной терзанья
 Не зажгутъ въ вашемъ сердцѣ къ отчизнѣ своей
 И къ народу—огонь состраданья!..

Но умѣли армянки отчизну любить
 Въ старину беззавѣтной любовью
 И, безстрашно борясь, ея раны омыть
 Непорочною, чистою кровью.

Съ сладкозвучнымъ бамбирномъ, на битву съ врагомъ
 Шли отважно армянскія дѣвы.
 Изъ груди молодой, осѣненной крестомъ,
 Полились боевые напѣвы...¹

Когда персъ горделивый армянской странѣ
 Сталь готовить позоръ, разрушенье,
 Съ крикомъ «гибель врагамъ» понесли на конѣ
 Благодонныя дѣвы въ сраженье!

¹ По свидѣтельству историка Елисея (Егнеше), армянскія женщины, во время борьбы съ персами, въ V в., участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ и выказали много доблести. Б а м б и р н ъ—народный музыкальный инструментъ.

Позабывъ о дѣвическихъ нѣжныхъ мечтахъ
И надежду на бракъ отвергая,
Лишь къ народу, къ странѣ сохранили въ сердцахъ
Онѣ пламя любви, умирая!

И остались въ тѣ дни въ заустѣнѣхъ, въ пыли
Ложа юныхъ супруговъ; ожиданье
Не сбылось; ихъ мужа—не вернулись они;
Грозный врагъ ихъ обрекъ на страданье!

Наступила весна... Пышно роза цвѣла...
Вновь безопасно толпа веселилась...
Въ юныхъ вдовахъ тоска умереть не могла,
И любовь неизмѣнно таилась.

Проходили года... Съ безутѣшной душой
Горевали онѣ объ отчизнѣ,—
И заснули навѣкъ, не разставшись съ тоской
До заката страдальческой жизни.

На поляхъ Аварайра ихъ кости легли...¹
Вскорѣ люди, придя, увидали:
Надъ могилой ихъ лиліи пышно цвѣли,
И фіалки на ней расцвѣтали...

Пусть вѣнчаютъ ихъ лавры за подвигъ святой!
Пусть, отдавшись мечтамъ вдохновеннымъ,
Ихъ почтять патріотъ благодарной слезой!..
Вѣчный миръ ихъ останкамъ священнымъ!..

¹ Битва при Азарайрѣ—та, въ которой палъ національный армянскій герой Варданъ Мамиконьянъ со всей своей ратью (см. выше, стр. 271).

ГАЗАРОСЪ АГАЯНЪ.

1840—1912 Г.

Прялка. Перевелъ *Валерій Брюссель*.

ПРЯЛКА.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждѣ не мало впереди!

Масло я влила въ ушки,
Прикрѣпила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая тянись:
Веретена оплтай!

Тиграникъ мой къ пастуху
Ходить въ поле босикомъ,
Габріэль продалъ чуху,
Плачетъ ночью, плачетъ днемъ. ¹

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждѣ не мало впереди!

Ни мѣшка нѣтъ, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;

¹ Тиграникъ и Габріэль—имена (сына и мужа героини романа, изъ котораго взята пѣсня). Чуха—верхняя одежда.

Не бывало прежде дня,
Чтобы такъ нищали мы!

Ахъ, невѣстой я ткала
И паласы¹ и ковры;
Замужъ вышла,—продала
Даже войлокъ съ той поры!

Красный день мой почернѣлъ,
Тотъ пришелъ, кто въ долгъ давалъ:
Съ чернымъ сердцемъ, что хотѣлъ,
Все унесъ, все отобралъ.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждъ не мало впереди!

¹ Паласы—родъ ковра.

ІОАННЕСЪ ІОАННИСІАНЪ.

1864 Г.

1. Рожденіе Ваагна. Перевель Вячеславъ Ивановъ.
2. «Умолкли навсегда...» Перевель К. Д. Бальмонтъ.
3. Новая весна. Перевель Ю. Верховскій.
4. Зерно. Перевела Е. Сырейщикова.
5. «Аразъ течеть, волной бія...» Перевель В. Шершеневичъ.
6. «Снѣгъ засыпаль всѣ пути...» Перевель А. Глоба.
7. «Будь молчаливо, сердце!..» Перевель Ю. Верховскій.
8. «Дѣва-роза, подсайди...» Перевель Вячеславъ Ивановъ.
9. «Онъ лежалъ на холодной постели...» Перевель К. Липскеровъ.
10. Сонетъ. Перевель В. Спасскій.
11. «Все впередъ, все навѣрхъ!» Перевель Валерій Брюсовъ.
12. Легенда о царѣ Арташесѣ. Перевель онъ же.

РОЖДЕНИЕ ВААГНА.¹

Мучились мукой родинъ
 Нѣдра небесъ и земли,
 Лона пурпурныхъ глубинъ,
 Красный тростникъ на мели.

Зыблется заросль курящихся жерлъ;
 Пламя змѣится изъ тоненькихъ горлъ;
 Змѣйки склубились—и вспыхнулъ тростникъ;
 Море зардѣлось пурпурнымъ пожаромъ:
 Въ жаркомъ вѣнцѣ, въ велелѣпнн яромъ
 Юный Ваагнь изъ пучины возникъ!

Огнь—волоса;

Солнца—глаза;

Ликъ опушенъ пламенѣющимъ пухомъ;
 Дышать уста огневѣющимъ духомъ.

Бурнаго моря пурпурный приборъ
 Ходить, и хлещеть, и берегъ разить.
 Юноша рѣветъ надъ нимъ огневой,
 Огненной пасти разверстой грозить.
 Вѣтры, не дуйте! Родился Ваагнь!
 Волнь не бичуйте!.. И взвился Ваагнь.
 Конь подъ Ваагномъ—крылатый огонь!
 Гривой взмахнулъ—и въ поднебесьѣ конь!

¹ Ваагнь—божество армянской мнѳологн (см. Примѣчанн къ этому стихотв.) А й а с т а н ъ—Арменн.

Солнце, кто мчится, слѣпительный, ввысь?
 Ликъ покрываломъ прикрой, и затмись!
 Ты ль предъ Ваагномъ склониться не радъ,
 Сынъ исполиновъ, сѣдой Арарать?
 Звону пучины, небесъ и земли,
 Чаша страданій, край отчій, внемли,
 Многодраконный, родной Айастанъ:
 Солнцемъ спасенья ты днесь осіань!

2.

Умолкли навсегда время былыхъ народы,
 Родились новые народы въ смѣну имъ;
 И съ пальмой нѣжною зиждательной свободы
 Склснилось счастье къ народамъ молодымъ.

И слава прадѣдовъ, забрезживши звѣздой,
 Роняетъ имъ свой лучъ и свѣтомъ гонить зло;
 И добытый трудомъ, печалью и борьбою,
 Вѣнскъ безсмертія вѣнчаетъ ихъ чело.

Лишь только ты одна, Арменія родная,
 Лежишь, какъ трупъ живой; миѣ горестно взглянуть:
 Въ цѣляхъ тоскуешь ты, прекрасный ликъ склоняя,
 Разметана твоя истерзанная грудь.

Изъ-подъ твоихъ руинъ не глядеть вѣтвью новой
 Зеленой миртъ любви,—спасенія символъ;
 Возложенъ на тебя тоски вѣнецъ терновый,
 Вѣнецъ нѣмыхъ скорбей и вѣковѣчныхъ золь!

Но нѣтъ, ты не умрешь! Я вѣрю въ обновленье;
 Оно должно прійти,—оно къ тебѣ придетъ!
 Во мракѣ вѣковомъ горитъ звѣзда спасенья!
 Проснися, близокъ часъ, о родина—онъ ждетъ!

Все то, что нѣкогда въ душѣ твоей боролось,
 Пусть вспыхнетъ вновь! Воспрянь во прахѣ и пыли!
 Хоть полумертвая, услышь, подай свой голосъ,—
 Твои сыны придуть со всѣхъ концовъ земли!..

3.

НОВАЯ ВЕСНА.

Ожидать тебя—кому же?
Ты зачѣмъ идешь, весна?
Воспѣвать тебя—кому же?
Тщетно ты идешь, весна!

Въ долахъ кровь стоитъ, какъ море,
Мракъ клубится на просторѣ:
Этотъ годъ принеси намъ горе,
Ты куда идешь, весна?

Соловью запѣть, залиться—
Для кого? кому любиться?
Чье же сердце будетъ биться?
Тщетно ты идешь, весна!

Нѣтъ соловкѣ розы милой;
Вотъ цвѣтникъ—пустой, унылый;
Кто—безъ горести постылой?
Ты куда идешь, весна!

Птиць твоихъ не сыщеть стая
Гнѣздъ родныхъ, не узнавая
Изувѣченнаго края,
Тщетно ты идешь, весна!

У пѣвца уста закрыты;
Каманча и сазъ¹—забыты;
Сердце жжетъ недугъ насытый,—
Ты куда идешь весна?

Ожидать тебя—кому же?
Тщетно ты идешь, весна!
Воспѣвать тебя—кому же?
Ты куда идешь, весна!

¹ Каманча и сазъ—музыкальные инструменты.

4.

ЗЕРНО.

Свѣтаеть. На пашню пора поспѣшить,
 Взрывать сошникомъ грудь покорныхъ полей.
 Зерно, я землѣ дамъ тебя сохранить
 До жаркаго лѣта, до солнечныхъ дней.

Съ тобой свое горе я сѣю, зерно!
 Но Богъ повелить, и ты встанешь опять:
 Умереть подъ землей только горе одно,
 А ты возвратишься меня утѣшать.

Предъ Матерью Бога съ молитвой склонясь,
 Поставлю свѣчу, воскурю еиміамъ.
 Чтобъ туча надъ нивой дождемъ пролилась,
 Чтобъ милость Пречистой свѣтила хлѣбамъ.

Но если въ грѣхахъ я погрязъ безъ конца
 И милости нѣтъ мнѣ,—я въ море тогда
 Весь потъ обрашу трудового лица,
 Чтобъ жажды не знало зерно никогда!

Зерно, прорасти, зеленѣй, а потомъ
 Покрой наши нивы волной золотой.
 Тогда лишь въ ласкательномъ шумѣ твсемъ
 Узнаеть усталое сердце—покой!

5.

АРАЗЪ.¹

Аразъ течеть, волной бѣя,
 Волнсь въ утесъ крутой бѣя.
 Гдѣ схороню свою тоску,
 О землю головой бѣя?

¹ А р а з ъ—рѣка (народное названіе Аракса).

Аразъ, твой валъ встаетъ сильнѣй!
 Ты не видалъ ли яръ моей?
 Мнѣ не достичь завѣтныхъ грезъ,
 Такъ уголи тоску по ней!

Густѣютъ тучи надъ горой,
 Одинъ грущу о дорогой,
 И сожжена душа моя:
 Что ждетъ ее,—молю,—открой!

Пишу письмо въ безсонный часъ
 И слезы лью рѣкой изъ глазъ:
 Заря еще не тронетъ волнь,
 Къ тебѣ снесу печаль, Аразъ!

На камень лучъ дневной упалъ,
 Такъ въ сердце пламень злой упалъ;
 Изъ черныхъ глазъ, съ бровей дугой
 Мнѣ въ душу страхъ нѣмой упалъ.

Аразъ течетъ, волной бія,
 Волной въ утесъ крутой бія.
 Гдѣ схороню свою тоску,
 О землю головой бія?

6.

Снѣгъ засыпалъ всѣ пути—
 Ни проѣхать, ни пройти.
 Ахъ, раскройся Алагязъ,¹
 Къ моей милой пропусти.

Путь мой тяжекъ, каменистъ.
 Сердце сохнетъ, словно листь.
 Я безъ милой—на землѣ
 Чужестранецъ, день мой мглистъ.

¹ Алагязъ—гора, расположенная противъ Арарата.

Видѣлъ милую: безъ сна
Горько плакала одна.
Дай дорогу, Алагязъ,—
Не идетъ ли тамъ она?

Что за птица тамъ, на пнѣ?..
Сердце точить кровь, въ огнѣ.
Черезъ горы бѣ полетѣлъ
Къ милой, если бѣ крылья мнѣ.

7.

Будь молчаливо, сердце! Тутъ
Намъ состраданья не найти:
Валы такихъ какъ мы несуть,—
Чтобъ тотчасъ дальше унести.

И щепкой легкой по рѣкѣ
Несемся мы впередъ, впередъ.
Нѣтъ исцѣленія тоскѣ,
Никто на стоны не придетъ.

Будь молчаливо, сердце! Пусть,
Несчастьемъ вѣрные вдводемъ,
Мы наше горе, нашу грусть
До гроба въ тайнѣ донесемъ.

8.

Дѣва - роза, подойди
И плечомъ не поводи!
Свѣтлорусая рѣзвунья,
Хохотунья, подойди!

Ты, играя межъ кустовъ,
Набирая пукъ цвѣтовъ,

Сорвала съ цвѣтами сердце,
Запылавшее въ груди.

Синій взоръ, дугою бровь!
Унесла мою любовь:
Соловьемъ я сталъ надъ розой...
Дѣва-роза, подойди!

9.

Онъ лежалъ на холодной постели
И вздыхалъ и внималъ онъ, какъ звонко
Буря выла и вихри шумѣли
И стонали стenanьемъ ребенка.

Мракъ чернѣлъ въ одинокомъ оконцѣ...
Онъ, прстертъ на холодной постели,
Воздыхалъ о пылающемъ солнцѣ,
И стналъ онъ, и вихри шумѣли.

10.

НАДЪ РУЧЬЕМЪ.

Сонетъ.

На берегу журчащаго ручья,
Весеннимъ днемъ, въ разлумы я сидѣлъ,
И, съ изумленьемъ, скорбно, я глядѣлъ,
Какъ быстро мчится мутная струя.

Букетъ въ рукѣ своей я растрепалъ,
Бросая въ воду за цвѣткомъ цвѣтокъ,
И мутныхъ водъ опѣненный потокъ
Ихъ, безвозвратно, дальше-дальше мчалъ.

Глядя на воду, я шептала безъ словъ:
«Вы дни мои влечете: Жизнь и ты,
Какъ мутный ручеекъ влечетъ цвѣты!

Вдали исчезнуть, какъ букетъ цвѣтовъ,
Рой свѣтлыхъ грезъ, лелѣянныхъ въ тиши,
И степью станеть прежній рай души!»

11.

Все впередъ, все навверхъ! безконеченъ мой путь,
Истомились руки, о гдѣ же конецъ?
Гдѣ удасться колѣнамъ моимъ отдохнуть?
Все впередъ, все навверхъ, непреклонный боецъ!

Пусть твердѣютъ уступы нахмуренныхъ горъ,
Пусть грозный предвѣщаютъ стремнины—конецъ,
Есть дыханье въ груди, и ногамъ есть упоръ,
Все впередъ, все навверхъ, неустанный боецъ.

Пусть далеко вершина, свѣтла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьямъ конецъ,
Завтра будетъ навѣрно побѣда взята.
Все впередъ, все навверхъ, вдохновенный боецъ!

12.

ЦАРЬ АРТАВАЗДЪ.

ЛЕГЕНДА.¹

Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!
Бей молотомъ: звеня да крѣпнуть цѣпей!
Врага ненавистнаго звеня цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

¹ Легенда говоритъ, что царь Артаваздъ, въ оковахъ, заключенъ въ пропасти Арарата; вѣрные псы грызутъ цѣпи царя, но разъ въ году, въ страстную пятницу, кузнецы ударяютъ молотами, и оковы вновь крѣпнуть; выйдетъ же на волю плѣнный царь лишь въ послѣдній день міра, чтобы внести гибель и разрушеніе. См. примѣчанія

Угрюмыя тучи пришли, собрались;
 Съдого Масиса¹ чело облекли.
 И буря реветъ, словно звѣри сошлись,
 Съиститъ, стонетъ, буйствуетъ вѣтеръ вдали.

Бей молотомъ! ну! Дикій ревъ повторя,
 Ужасные вопли изъ бездны звучать:
 И молнія блещетъ со взоровъ царя,
 И искры отъ гнѣва высоко летять!

Онъ, мстительный, хочетъ вернуться опять,
 Чтобъ ядъ смертоносный страданій своихъ
 По лону земли безъ конца разливать,—
 Но крѣпко онъ стиснуть въ цѣляхъ роковыхъ.

Пусть вѣрные псы тѣ оковы грызутъ,
 Грызутъ безпрестанно оковы царя,—
 Страданья твои, Артаваздъ, не пройдутъ,
 Послѣдняя въ мѣрѣ—далеко заря!

Твоей обезсиленной злобы порывъ
 Подъ молотомъ нашимъ опять упадетъ!
 Мы вѣримъ: нашъ край еще будетъ счастливъ,
 И грѣшный народъ еще благо найдетъ!

Но, если будемъ подсны камнямъ,
 Разслышать не сможемъ призывовъ души,—
 Спасенья купель не откроется намъ:
 Нашъ молотъ тогда, Артаваздъ, сокруши!

Когда перестанемъ мы молотомъ бить,—
 Вы, псы, разгрызите желѣзо оковъ:
 Пора наступила—царя отпустить,
 Онъ ринется въ мѣръ, и жестокъ и суровъ...

Но, нѣтъ! не пришла роковая пора!
 Намъ съ новаго неба затеплился свѣтъ!

¹ Масисъ—Араарать.

То—радуги, въ семь переливовъ, игра:
Свободной и свѣтлой судьбины завѣтъ!

Бей молотомъ, бей неустанно, кузнецъ!
Бей молотомъ, звеня да крѣпнуть цѣпей!
Царя ненавистнаго тяжесть цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

АЛЕКСАНДРЪ ЦАТУРИАНЪ.

1865 Г.

1. «Не я псю...» Перевель *Л. Уманецъ.*
2. Ручей. Перевель *К. Бальмонтъ.*
3. Пѣсня. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
4. «Мрачна, темна душа моя...» Перевель *Ив. Бунинъ.*
5. Пѣсня странника. Перевель *Ю. Балтрушайтисъ.*
6. Пѣсня о разсвѣтѣ. Перевель *онъ же.*
7. «Помню я...» Перевель *Ю. Верховскій.*
8. «Мой милый сынъ, ты слезъ не лей...» Перевель *Н. Ашукинъ.*
9. «Ребенка видѣлъ я...» Перевель *Л. Уманецъ.*
10. Рыбакъ. Перевель *Валерій Брюсовъ.*

1.

Не я пою... Въ печальныхъ пѣснопѣньяхъ
Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
Тоскуеть предъ людьми и о своихъ мученьяхъ,
О ранахъ сердца онъ рассказываетъ имъ.

Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки
Мой братъ тоскующій, измученный поеть;
Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки,—
То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!

Не я пою... Въ стихахъ—печаль и горе міра;
Скорбятъ невинныя, святыя жертвы зла...
Приносятъ жалобы страдальческая лира...
Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла.

2.

РУЧЕЙ.

Что ты плачешь, прозрачный, журчащій ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,—
Скоро вспыхнетъ весна, запсешь ты звончѣй
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы!

И, свободный отъ тяжкихъ, холодныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,—
И на твой жизнерадостный, сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
 Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
 И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
 На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
 И безслѣдно растаютъ оковы зимы...
 Что жъ ты плачешь, скорбящій, звенящій ручей?
 Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?..

3.

ПѢСНЯ.

Желанный май, зеленый май!
 Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
 Ты кровь и плачъ принеси въ нашъ край,
 И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Я пѣль, живой тоской объять,
 Тебѣ хвалу, за днями день,
 Когда твой сладкій аромать
 Будиль въ горахъ и долахъ лѣнь.

Настрой въ лиру, пѣль бодрѣй,
 Когда свѣтлѣли дали грезь,
 Я пѣль, какъ въ рощахъ соловей,
 Когда нашъ край былъ полонъ розь.

Но что теперь спюютъ мечты,
 Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
 Шипами стали всѣ мечты,
 И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Дома у насъ—руины, прахъ,
 Померкли радостные дни,
 Надежды обратились въ страхъ,
 И горе—въ океанъ, взгляни!

Братъ-армянинъ! Подъ мракомъ тучъ
Не вижу твоего лица,
Твой долгій плачь—уныль и жгучь,
И все же мукамъ нѣтъ конца.

Желанный май, зеленый май,
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Ты скорбь и кровь принеси въ нашъ край,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

4.

Мрачна, темна душа моя!..
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ.

О, непредѣльной зыби даль!
Ты тоже мечешься бушуя,
Тебѣ сродни моя печаль,
Ты ропчешь, какъ и я, тоскуя.

Внемли же мнѣ, поплачь со мной
И отзовись на голосъ друга!
Быть можетъ, сблизившись душой,
Мы позабудемъ боль недуга.

Иль пусть, какъ сестры навсегда
Печали наши и томленья
Въ волнахъ исчезнуть безъ слѣда,
И тамъ найдутъ покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ!..

5.

ПѢСНЯ СТРАННИКА.

Чужое небо, свѣтъ чужой,
 Вашъ свѣтъ надъ сирюю главою,
 Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
 Какъ ночь глухая для меня.

Весь—жажда, я гляжу на васъ
 Въ слезахъ, и скованъ каждый часъ
 Мой сирый часъ, въ пустынь дней,
 Тоской по родинѣ моей.

Я всѣмъ пожертвовать готовъ
 За ту лазурь, тотъ Божій кровъ,
 Гдѣ съ малолѣтства въ тишинѣ
 Свѣтило ярко солнце мнѣ.

Въ безопасности страны родной,
 Гдѣ тѣнь отрадна, сладокъ зной,
 Гдѣ даромъ началъ я свой вѣкъ
 И росъ и цвѣлъ какъ человѣкъ.

И какъ забыть мнѣ въ смѣнѣ лѣтъ
 Родныхъ долинъ волшебный свѣтъ?
 Дающій жизнь просторъ земли?
 Журчанье водъ, вблизи, вдали?

Какъ мнѣ забыть сверканье горъ,
 Весь вешній благостный просторъ,
 Гдѣ я порхалъ средь божьихъ нивъ,
 Какъ мотылекъ, весь міръ забывъ?

Гдѣ слышала и, любя всегда,
 Рѣчь братьевъ, плѣнниковъ труда,
 Ихъ плачь, ихъ смѣхъ, и юныхъ дѣвъ
 Живой, хоть жалобный напѣвъ?

Чужое небо, свѣтъ чужой,
 Вашъ блескъ надъ сирюю главою
 Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
 Какъ сумракъ ночи для меня.

6.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Нѣтъ, струнь моей души, малютка, не тревожь—
Звонь сладостныхъ молитвъ умолкъ въ ихъ строфъ;
Въ годину бѣдствій—въ сердцѣ только дрожь
И сѣтуеть душа, какъ море грозное.

Родная жизнь, какъ стебель камыша,
Колеблется во мглѣ надеждъ неясныхъ
И смотреть въ даль, усталостью дыша,
Какъ странница въ пустынѣ горь безгласныхъ...

Когда же мы придемъ сквозь боль вѣковъ
Къ той пристани безбольной всѣхъ алканій,
Гдѣ намъ сверкнетъ, раскинувъ синій кровъ,
Просторъ небесъ, ликующей безъ грани?..

Нашъ путь—во мглѣ, безиѣрень древній гнеть,
Поить сердца и думы лишь ненастье...
И ветхою часовой въ мирѣ ждетъ
Родная жизнь молитвы тихой счастья...

Нѣтъ, струнь моей души, малютка, не тревожь—
Пѣвучихъ словъ любви ты жаждешь тщетно!
Въ ночь рабскихъ пытокъ, вся тоска и дрожь
Въ моей душѣ—одинъ напѣвъ разсвѣтный...

7.

Помню я скромный домишко родной,
Въ дальнемъ кварталѣ, въ проулкѣ глухомъ,
Гдѣ, словно въ ласковой люлькѣ весной
Быль я согрѣтъ материнскимъ крыломъ.

Тамъ былъ я пестуномъ нѣжнымъ хранимъ—
Деревомъ тутовымъ милымъ моимъ.

Вѣтви раскинувъ надъ ветхой избой,
Било по кровлѣ оно подъ грозой.

Тамъ у пылавшаго жарко огня
Мать сбнимала, ласкала меня:
Стлала—видѣніемъ свѣтлымъ въ лучахъ—
Розы любви на сыновьихъ устахъ.

Скорби моей о тебѣ не забыть—
Домикъ отчемъ, убогомъ моимъ,
Гдѣ могъ я жизнь прожурчать—не прожить—
Горнымъ, серебрянымъ, свѣтлымъ ручьемъ.

8.

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою...

Пусть наша пѣснь—напѣвъ святой
Волнуетъ вѣчно грудь твою,
Ты сонныхъ глазокъ не закрой,
Внимай и слушай—пѣснь пою.

Ты слышишь—всюду по дворамъ
Бряцанье, лязгъ и плачь и стонъ:
То—наша кровь струится тамъ,
Ей каждый камень напоень.

И слиты въ грозную волну,
Полки рабочихъ тамъ идутъ,
Труда и золота войну,
Неустрашимые, вѣдутъ.

Владыка-злато тамъ, съ лицомъ
Суровымъ, какъ у палача,
На хлѣбъ, отравленный трудомъ,
Заноситъ тяжкій взмахъ меча.

Тамъ наши дѣти, тамъ—отцы
Иной и новой жизни ждуть
И, какъ герои и бойцы,
Смерть обнимають и поють.

И пѣснь та грозная гремитъ
Въ рядахъ сплотившихся бойцовъ,
Какъ наводненіе съ горъ бѣжить,
Какъ въ тучахъ голоса громовъ.

Тамъ и надежда наша, онъ—
Нашъ яркій лучъ надъ очагомъ—
И твой отецъ, душой смущенъ,
Въ груди съ отравой и огнемъ...

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою.

9.

Ребенка видѣлъ я, какъ съ радостной улыбкой
Онъ къ розѣ подбѣжалъ,
Но укололся онъ шипомъ на вѣткѣ гибкой
И горько зарыдалъ.

Такъ я, красавица, въ порывѣ страсти нѣжной
Любви твоей искалъ,
Но встрѣченъ былъ тобой съ холодностью небрежной
И горько зарыдалъ...

10.

РЫБАКЪ.

— «Что ты спѣшишь къ волнѣ ревучей,
Рыбакъ! гдѣ у тебя глаза?»

Смотри: чернѣя, всходятъ тучи
На голубья небеса.

Чу! громъ вдали грохочеть строго,
Весь кругозоръ—сурово дикъ.
Смотри: и море понемногу
Наморщило свой ясный ликъ!

— «Эхъ, баринъ! Не велико горе!
Вѣдь берегъ—колыбель моя.
Все дѣтство я провелъ на морѣ,
Дарами моря вскормленъ я.

Пусть много сердце повстрѣчало
На морѣ бурь, какъ въ жизни бѣдъ:
Меня волна, какъ мать, качала,
И въ морѣ новаго мнѣ нѣтъ.

Отецъ былъ у меня,—въ пучинѣ
Погибъ, въ глухую ночь пропаль:
Всѣ братья спятъ подъ зыбью синей,
Друзей пожралъ сердитый валъ.

Жизнь хороша. Но, съ Рокомъ споря,
Зачѣмъ отъ смерти убѣгать?
Намъ хлѣбъ даютъ просторы моря,
И въ морѣ будетъ сладко спать!»

Сказаль, и смѣло весла двинулъ,
Направиль, съ громкой пѣсней, челнъ,
И малой точкой въ даляхъ сгнулъ,
Рубя громады черныхъ волнъ.

ОВАННЭСЪ ТУМАНЬЯНЪ

1869 г.

1. П е р е в а л ь. Перевель Вячеславъ Ивановъ.
2. П а х а р ь. Перевель онъ же.
3. «Съ горныхъ высей стремится ручей...» Перевель К. Бальмонтъ.
4. А р м я н с к о е г о р е. Перевель Валерій Брюсовъ.
5. Э к с п р о м п т ь. Перевель онъ же,
6. Л а м п а д а П р о с в ѣ т и т е л я. Перевель онъ же.
7. Г о л у б и н ы й с к и т ь. Перевель Вячеславъ Ивановъ.
8. С е р д ц е д ѣ в ы. Перевель онъ же.
9. А н у ш ь. (Лирическая поэма въ шести пѣсняхъ съ Прологомъ и Эпилогомъ.) Перевель онъ же.
10. К а п л я м е д а. Сказка. Перевель В. Ходасевичъ.

1.

ПЕРЕВАЛЪ.

Съ младенчества тропою вверхъ прямой
Я неуклонно
Иду на лоно
Святынь,—хоть ихъ не знаетъ разумъ мой.

Съ младенчества обрывистой тропой
По кручѣ горной
Иду, упорный,—
И вотъ, нашель на высотахъ покой.

Покинулъ я внизу, въ глубокой мглѣ,
Почеть, богатство,
Зависть, злорадство—
Все, что гнететь свободный духъ къ землѣ.

И вижу я (прозрачна даль въ горахъ)
Съ моей вершины,—
На днѣ долины
Какъ просто все, и пусто! Душный прахъ!

Легка сума; въ пути я не усталъ.
Пѣсней и смѣхомъ
Играю съ эхомъ—
И весело схожу за переваль.

2.

ПАХАРЬ.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волы!
 Дотянемъ понемногу
 Къ полудню вонъ до той скалы,—
 Господь намъ будь въ подмогу!

Дай силы, Боже, ихъ плечамъ!..
 Свернемъ-ка глыбу, ну же!
 Хлестни ихъ, мальчикъ!.. Чернымъ днямъ
 Конца нѣтъ. Жить все туже.

Не выйти изъ долговъ по-гробъ:
 Сосѣдъ пошелъ судиться;
 Задаромъ пѣлъ молебень попъ,—
 Проклясть теперь грозитъся.

Да недоимки не малы;
 Намедни тожь раскладку
 Затѣяли... Ну, ну, волы!
 Дерите землю-матку!..

Долги плати, семью корми,
 Повинность справь... А хата
 (Эй, парень!)—голыми дѣтьми
 Да голодомъ богата.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волы!
 Дотянемъ понемногу
 Къ полудню вонъ до той скалы,—
 Господь намъ будь въ подмогу!

3.

Съ горныхъ высей стремится ручей;
 Ниспадая, о камни онъ бьется,
 И журчить, и ворчить, и смѣется,
 И звенить подъ сіянемъ лучей.

Сочетанію радостныхъ звуковъ
 Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
 Такъ старикъ еле внятно поетъ,
 Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

Но безмолствуетъ вѣчный утесъ;
 Наклонившись громадой угрюмой,
 Онъ охваченъ загадочной думой,
 Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

4.

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ.

Армянское горе—безбрежное море,
 Пучина огромная водъ;
 На этомъ огромномъ и черномъ просторѣ
 Душа моя скорбно плыветъ.

Встаетъ на дыбы иногда разъяренно
 И ищетъ, гдѣ брегъ голубой:
 Спускается въ глубь, иногда утомленно
 Въ бездонный глубокой покой.

Но дна не достигнетъ она въ этомъ морѣ,
 И берега вовѣкъ не найдетъ.
 Въ армянскихъ страданьяхъ—на черномъ просторѣ
 Душа моя скорбью живетъ.

5.

ЭКСПРОМПТЪ

ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКАГО.

Возставъ, въ океанѣ, неистовость водъ
 Тяжелыми всплесками бьетъ до высотъ,
 Подъ яростный ревъ строить призраки горъ,
 И буря—безбрежный, безгранный просторъ

Одѣваетъ, какъ въ дымъ,
 Дуновеньемъ своимъ.

«Ни съ мѣста!» воскликнулъ,—палитра въ рукахъ,—
 Старикъ чародѣй,—и взмутившійся прахъ
 Покорень, слышавши генія зовъ,
 И, въ бурю, безмолвно громады валовъ
     Вотъ стоять, какъ во снѣ,
 На его полотнѣ.

6.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ.¹

Лампада въ полночь, межъ свѣтилъ,
 Виситъ блистая, въ небесахъ,
 Что Просвѣтитель утвердилъ
 Въ армянскихъ темныхъ небесахъ.

Хоть безъ веревки взнесена
 Надъ Арагацомъ высоко,
 Съ престола вышняго она
 Миръ озаряетъ далеко.

И теплится столѣтій рядъ,
 Неугасима въ смѣнѣ дней:
 Святого слезы въ ней горять,—
 Благоухающей елей.

Рукъ людей не достигнуть
 До той безсмѣтной высоты,
 Ее и вѣтру не задуть,
 Бродягѣ—вихрю темноты.

Когда нашъ дивный край лежитъ
 Подъ чернымъ мракомъ безъ конца,

¹ Легенда рассказываетъ, что на высотѣ горы Арагаца (Алагяза) горитъ таинственная лампада, возженная Григоріемъ, просвѣтителемъ армянъ. Свѣтъ этой лампады зримъ только для чистыхъ сердецъ.

Когда унылый страхъ томить
Людскія слабыя сердца;

Тоть, кто невинень, въ комъ любовь,
Кто твердой вѣрой осіянь,
Кто бодро ждетъ, что вспыхнетъ вновь
День лучезарный для армянъ,

Взглянувъ на небо, видитъ тотъ,
Что вѣчный свѣточъ тамъ повисъ,
Какъ око Господа,—съ высотъ
Глядящее на землю внизъ!

ГОЛУБИНЫЙ СКИТЬ.¹

Ленкъ-Тимуръ пришель—изувѣръ, палачъ;
 Съ нимъ—огонь и мечъ, съ нимъ—туга и плачь;
 Не узломъ сдавилъ насъ удавъ-драконъ,—
 Наше племя врагъ полонилъ въ полонъ.
 На прибрежьѣ, гдѣ дышитъ мглой Сэванъ,
 У озерныхъ струй онъ разбилъ свой станъ—
 Тамъ, гдѣ, къ Богу силъ воскреслась душой,
 Сторожить нашъ край монастырь святой.

Въ тѣ поры въ скиту—опекунъ армянъ—
 Преподобный жилъ схимонахъ Ованъ,
 День и ночь молясь за родной народъ,
 За крещеный людъ, за невѣрный родъ.
 Какъ прозналъ Ованъ изъ затворныхъ стѣнъ
 Злыхъ Татаръ набѣгъ, христіанскій плѣнъ,
 Осерчалъ зѣло, затужилъ вельми,
 Что владѣеть такъ Сатана людьми.
 Не скончалъ молитвъ сѣдовласый мнихъ,
 Хватъ за жезлъ—и вонъ изъ воротъ святыхъ.
 Бормоча, идетъ, куда путь ведетъ,
 Въ забытій—на гладь бирюзовыхъ водъ:
 Заплескалъ Сэванъ, но сѣдой росой
 Доплеснуть не смѣлъ до ступни босой.

Какъ увидѣлъ то басурианскій князь,
 Хилымъ быліемъ задрожалъ, склонясь,

¹ Поэтъ обработалъ народную легенду, относящуюся къ нашествію Тамерлана (Ленкъ-Тимуръ). Сэванъ—озеро.

Завопилъ, завылъ съ высоты крутой:
 «Не гнѣбись, вернись, человекъ святой!
 Съ миромъ въ домъ вернись!» Такъ взмолился ханъ;
 Повернулъ стопы въ монастырь Ованъ.
 Чуть на брегъ сухой оперся жезломъ,
 Бьетъ угоднику супостатъ челомъ:
 «Ты бери съ меня, что велишь, старикъ:
 Золоту казну, аль на власть ярлыкъ!»
 — «Не купить меня ярлыкомъ, казной:
 Отпусти, отдай мнѣ народъ родной!
 Пусть, куда хотять, безъ помѣхъ идутъ,
 Пѣсню вольную житія поютъ!
 Аль въ поднебесьи ужъ простора нѣтъ
 Птицамъ Божиимъ? Али тѣсенъ свѣтъ?»
 Лиходѣй въ отвѣтъ: «Столько душъ отдамъ,
 Сколько душъ войдетъ въ монастырскій храмъ.
 Ну, ступай, старикъ, да не помни зла!»
 И велѣлъ тотчасъ съ одного крыла
 Заходить толпѣ полоненной въ скитъ:
 Столькимъ вольнымъ быть, сколькихъ храмъ вмѣститъ.

Стража грозная отъ заставъ ушла;
 Потянулся людъ, что рѣка текла,
 За святымъ вослѣдъ чрезъ одно крыло:
 За сто тысячъ ихъ въ малый скитъ вошло,—
 Не наполнился и одинъ притворъ.
 Удивляется басурманскій воръ
 Диву дивному, сторожамъ кричить,
 Новыхъ плѣнниковъ отпускать велить.
 Тучей людъ валить, въ церковь вваливается,—
 За тму темъ число переваливается:
 Все не полонъ скитъ, все гостей зоветъ;
 А людской потокъ плыветъ, да плыветъ.
 Ужъ и въ третій разъ Ленкъ-Тимуръ кричить,
 Остальной полонъ распускать велить.
 Идутъ задніе, и—за рядомъ рядъ—
 Всѣ прошли во храмъ. Одичалый взглядъ
 Водитъ лютый врагъ до окружныхъ горъ:
 Плѣнныхъ нѣтъ, какъ нѣтъ. И все пусть соборъ.
 Ужаснулся ханъ: «Это явь иль бредъ?»

Обыскать весь скить! Разыскать ихъ слѣды!»
Входятъ бирючи во святой притонъ:
Тамъ Ованъ одинъ; на колѣняхъ онъ,—
Очи ввысь впериль,—словно въ землю вросъ;
Борода влажна отъ обильныхъ слезъ.

Сколько въ малый скить ни вошло армянъ,
Обернулъ ихъ всѣхъ въ голубей Ованъ,—
Умолилъ на то благодать съ небесъ,—
И въ родимый долъ, и въ родимый лѣсъ
Выпускалъ онъ птицъ на живой просторъ:
Всѣ въ пріютъ ушли неприступныхъ горъ.
Упорхнули всѣ,—и сполохъ утихъ,
И стоитъ, одинъ, на молитвѣ мнихъ.

СЕРДЦЕ ДѢВЫ.

Нѣкогда въ царствѣ восточномъ цаѣла
Юная дѣва, рѣзва, весела,
Краше всѣхъ сверстницъ-красою лица,
Радость и гордость вельможи-отца.
Только, зная, сердцу не писанъ законъ:
Въ дочь властелина безродный влюбленъ;
Дѣва любовью отвѣтной горить;
«Онъ—мой избранникъ»,—отцу говорить,—
    «Онъ, не другой—
    Суженый мой.»

Крикнулъ вельможа: «Тому не бывать!
Легче мнѣ въ землю тебя закопать!
Нишаго зятемъ назвать не хочу;
Въ крѣпкую башню тебя заточу.»
Камень, скала онъ... Что страсти скала?
Юношѣ дѣва тѣмъ болѣ мила.
Нѣжностью пылкой невѣста горить;
«Онъ—мой желанный»,—отцу говорить,—
    «Онъ, не другой—
    Суженый мой.»

Деспотъ угрюмѣй, чѣмъ хмурая ночь;
Въ тѣсную башню сажаетъ онъ дочь:
«Съ милымъ въ разлукѣ, вдали отъ людей,
Блажь съ нея схлынетъ. Остынетъ онъ къ ней»...
Нѣтъ для любви ни стѣнъ, ни замка;
Лишь распаляетъ желанье тоска.

Страстию дѣва въ затворѣ горить;
 «Онъ—мой любовникъ»,—отцу говорить,—
     «Онъ, не другой—
     Суженый мой.»

Духъ самовластный осѣтила тьма;
 Сводитъ гордыня владыку съ ума:
 Башню, гдѣ кладъ свой ревниво берегъ,
 Мстящей рукою безумецъ поджегъ...
 Чтò для любви, что жарче тюрьма?
 Ярымъ пожаромъ пылаетъ сама!
 Узница въ душной темницѣ горить,
 Клятвы обѣта, сгорая, творить:
     «Онъ, не другой—
     Суженый мой!...»

Грозная башня сгорѣла до-тла;
 Въ пепель истлѣла, что прежде цвѣла.
 Только—о, чуда безвѣстнаго даръ!—
 Сердца живого не тронулъ пожаръ...
 Стелется горькій съ пожарища дымъ;
 Юноша плачетъ надъ пепломъ сѣдымъ.
 Плакаль онъ долго; застыла печаль;
 Въ путь поманила далекая даль...
     Бродить онъ, сирь;
     Пусть ему мѣрь.

Нѣжная тайна! Подъ хладной золой
 Что содрогнется,—не сердце ль,—порой?
 Жаркое сердце въ огнѣ спасено;
 Только подъ пепломъ сокрыто оно.
 Сердца живого изъ дремлющихъ силъ,—
 Словно изъ корня, что ключъ оросилъ
 Слезъ изобильныхъ,—въ таинственный срокъ
 Выросъ прекрасный и легкій цвѣтокъ:
     Огненный макъ;
     Глубь его—иракъ.

По чужедальнымъ блуждаетъ краемъ
 Юноша, цѣли не вѣдая самъ,

Вкругъ озираясь,—любимая гдѣ?
 Милой не видитъ нигдѣ, и нигдѣ!
 Въ грезахъ о нѣжной склоняетъ главу;
 Но безнадежность одна наяву.
 Вѣрной любви и смерть не конецъ;
 Чувства не гаситъ небесный вѣнецъ.
     Въ оный предѣлъ
     Вздохъ долетѣлъ...

Стонъ долетѣлъ къ ней, и тронулъ ее:
 Тѣнь покидаетъ жилище свое,
 Къ милому сходить, тоскуя, во снѣ,
 Благоуханной подобна веснѣ.
 Молвить: «Внемли, мой печальникъ, завѣтъ!
 Вырость надъ пепломъ моимъ алоцвѣтъ.
 Дѣвы сожженной онъ сердце таитъ,
 Жизнью моею тебя упоитъ.
     Въ сокѣ огня
     Выпей меня!

«Нѣги медвяной, разымчивыхъ чаръ
 Хмель чудотворный, цѣлительный даръ
 Выжми и выпей пчелой изъ цвѣтка:
 Черная душу покинетъ тоска.
 Такъ ты спасешься, избудешь печаль.
 Смоетъ земное волшебная даль;
 Не увядаютъ ея красоты;
 Миръ и блаженство извѣдаешь ты—
     Въ тонкой дали
     Лучшей земли!..»

Нѣжная тайна, ты сердцу мила!
 Стала скитальца душа весела.
 Сокомъ завѣтнымъ навѣкъ опьяненъ,
 Воленъ, безпеченъ и мужественъ онъ.
 Въ смѣнѣ всенедневной воскреснетъ тоска,—
 Радость за нею, какъ рай, глубока.
 Препрежее бремя его не долить,
 Препрежее пламя его не палить.—
     Въ тонкой дали
     Лучшей земли.

АНУШЪ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПСЭМА.

Прологъ.

Сидя на лучахъ луны,
 Пэри легкія, какъ сны,
 Рѣютъ въ облакъ весны.

Нѣгъ вѣтерка послушный,
 Надъ горой ихъ рой воздушный
 Вьется сонмомъ горныхъ душъ.
 Плачь творить слетѣлись пэри
 О любви, о потерѣ
 Усладительной Анушъ: ¹

«Изъ семи ключей въ бадьи
 Зачерпала ты струи.

«Отъ семи цвѣтныхъ кустовъ
 Набирала ты цвѣтовъ.

«Надъ цвѣтами, надъ водой
 Чаровала подъ звѣздой:

— *Въ воду, лучикъ, заронись!*
Сердцу, счастье, улыбнись!—

«Горе, горе! Въ краткій срокъ
 Вешній твой увялъ цвѣтокъ.

¹ А н у ш ъ буквально,—милая, сладостная, douce.

«Гдѣ лазурь твоихъ очей?
Чарованіе лучей?»

«Плачьте, сонмы горныхъ душъ,
Надъ любовникомъ Анушъ!..»

Цвѣты, рассыпаны пестро
По склону горъ, вздыхали,
Въ живое вотканы сребро...
«Намъ жаль Анушъ! Намъ жаль Сарб!»
Шепча, благоухали.
Пылали томно ихъ сердца;
Мерцали лепестки вѣнца
Росинками печали...

Сонмъ воздушный легкихъ душъ,
До зари творили пѣри
О любви, о потерѣ
Усладительной Анушъ
Плачь подлунный, плачь пѣвучій;
Но, лишь солнца брызнулъ лучъ,
Скрылись—въ дымный горный ключъ,
Что съ уступа бьетъ, гремучій,
Низвергаясь на уступъ,—
Въ темнолистный старый дубъ,—
Подъ увѣй цвѣточныхъ купъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зоветь безсонная тоска
На староселье земляка.
Лечу мечтой ширококрылой
Въ предѣль, очамъ и сердцу милый,
Гдѣ ждуть меня мои домой,
Когда близъ очага зимой
Дружнѣй тѣснится сходъ вечерній
И мысль вникаетъ суевѣрнѣй

Въ родную былъ,—какъ на Лори
Живали встарь богатыри.

Лори! Обсталь твои долины
Горъ баснословный хороводъ:
Чредою буйственной высотъ
Окаменѣли исполины.
Похитивъ Арагаза дочь,
Полонъ отпраздновали дѣвы —
Дѣвъ-Аль, Дѣвъ-Бѣтъ, другіе Дѣвы—
И въ брачную застыли ночь.

II.

Привѣтъ вамъ, старые знакомцы,
Лѣса, крутыхъ стремнинъ питомцы!
Вамъ, пастбища!.. О, счастье дней
Былыхъ! О, сонмъ былыхъ тѣней!
Исчезли вы, какъ вѣсенъ нѣга,
Рядившая въ роскошный цвѣтъ
Сухія пажити! Васъ нѣтъ,
Какъ ризы прошлогодней снѣга!..
Видѣнья первыхъ лѣтъ, зову,
Скиталець, васъ душою сирой:
Живите вы, коль я живу,
Коль оживить васъ властенъ лирой!
Приснись, бывшее, наяву!
Дыши, красуйся, въ плоть одѣто!
Стань осязательнымъ! Поэта
Мольбамъ откликнись!.. Я зову!

III.

Изъ мшистыхъ сводчатыхъ громадъ
И густолиственныхъ прохлада
Волшебно воскресаетъ эхо
Звонкоголосое игры
И переливчатого смѣха
Моей младенческой поры...
Яйла мнѣ снится,—гуль становій,—

Дымокъ надъ шалашомъ... Встаетъ
 Предъ солнцемъ облако съ низовій...
 Въ росѣ луга... Пастухъ поетъ:

IV.

— «Дѣвушка, прячься въ шатеръ кочевой:
 Выйдешь,—увиди,—и самъ я не свой!
 Сталь я ашугомъ,¹— утратилъ покой.
 Пѣть мнѣ отрада:
 Въ ущельяхъ брожу;
 Овчаго стада
 Не сторожу.

«Сердце мнѣ взорсмъ—аманъ²—ты зажгла;
 Рѣзвыя ноги косою оплела.
 Сердце не стерпить: задремлетъ яйла,³—
 Выхвачу силой
 Добычу—и въ глушь
 Горную съ милой
 Скроюсь Анушь.

«Ежели честью отецъ твой и мать
 Не согласятся тебя мнѣ отдать,—
 Кровь я пролью!.. Заодно пропадать
 Мнѣ изъ-за черныхъ,
 Что море, очей,—
 Дугъ непокорныхъ—
 Гордыхъ бровей!..»

V.

Саро надъ пастбищемъ поетъ,—
 Анушь не усидѣтъ въ палаткѣ.
 — «Мать, слышишь? Кто-то насъ зоветъ»...

¹ Ашугъ—пѣвецъ.

² Аманъ—заклинательное и клятвенное восклицаніе (междометіе).

³ Яйла—горныя пастбища.

— «Оставь, Анушь, свои повадки!
 Шататься дѣвкѣ за шатромъ,
 По сторонамъ глазѣтъ не гоже.
 Пройдетъ—оборони насъ, Боже!—
 Молва худая: стыдъ, соромъ!..»
 — «Глянь, матушка,—по косогору
 Какой зазеленѣлъ щавель!
 Пойти бѣ, нарвать пучокъ... Да въ пору
 И джань-гюлюмъ ¹ бы пѣть...»—Тебѣ ль,
 Анушь, вести себя, какъ дѣти?
 Вѣдь ты невѣста на примѣтъ,
 А ищешь съ молодцами встрѣчь!
 Должна ты честь свою беречь...»
 — «Охъ, тяжко! Сердце то встомится,
 Какъ будто подошла бѣда,
 То вдругъ замечется, какъ птица,—
 Такъ и летѣло бѣ,—а куда?..
 Скажи, родная,—что со мною?
 Напасть? Предчувствіе ль кручинъ?..
 Возьму-ка на плечо кувшинъ:
 Подруги сходятъ за водою.»

VI.

Дѣвы съ пѣснею въ долины
 Сходятъ къ звонкому ключу,
 На плечѣ несутъ кувшины,
 Бьютъ другъ-дружку по плечу.

Пѣсня.

Ключъ изъ облака струится
 Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
 Добрый молодець крушится,
 Плачетъ, сидя на горѣ.

¹ Весеннія пѣсни, приуроченныя къ кануну Вознесенія.

Льетесь вы, живыя воды,
 Съ горъ ли, съ неба ль самого
 Въ степь, въ раздолія свободы:
 Напоили ль вы его?

Охладили ль, окропили ль
 Грудь палимую ему?
 Жаръ безсонный усыпили ль?
 Понавѣяли ль дрему?

Ярь,¹ измаянъ жаждой жадной,
 Брегомъ шумныхъ водъ ходилъ;
 Мукъ любви струей прохладной
 Огневыхъ не остудилъ. -

Ключъ изъ облака струится
 Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
 Добрый молодець крушится,
 Плачетъ, сидя на горѣ.

VII.

Туманъ клубится по долинамъ.
 Страхъ въ сердце матери съдой
 Закрался, будто предъ бѣдой:
 Не часъ прошелъ, какъ дочь съ кувшинсмъ
 Сошла въ ущелье за водой.
 Густѣеть сумракъ, ночь находить,
 Окуталь горы дымъ глухой;
 И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродить,
 И бродить человѣкъ лихой.

Взошедъ на крайнюю скалу
 И руку приложивъ къ челу,
 Она оглядываетъ иглу.
 И внизъ кричитъ: «Анушь! Не гоже

¹ Ярь—«влюбленный» и «возлюбленный». Любимая дѣвушка—также ярь. (см. выше, въ народной поэзіи).

Теперь гулять! Домой пора!
 Какого ищешь ты добра
 Въ горахъ, безстыдница?... Что, Боже,
 Съ ней стало?..» Хлопаетъ рукой
 Мать по колѣнямъ. «Приключится
 Гляди, напасть!.. Ахъ, озорница!..»
 А мгла плыветъ, плыветъ рѣкой.
 Густѣетъ сумракъ, ночь находить,
 Окуталь горы дымъ глухой;
 И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродить,
 И бродить человѣкъ лихой...

VIII.

— «Пусти! Зовуть меня...»—«Молю,
 Анушь, помедли!»—«Ты погубишь
 Анушь! Узнаетъ мать... Не любишь
 Ты такъ меня, какъ я люблю!
 Давно тебѣ Анушь постыла...
 Я плачу, мучусь я тайкомъ,—
 Ты распѣваешь соловьемъ.
 Съ которыхъ поръ я тутъ застыла!
 Все жду, гляжу, покуда свѣтъ
 Не потускнѣлъ,—тебя все нѣтъ!..»

«Сказываютъ: ива
 Дѣвушкой была;
 Долго, терпѣливо
 Милаго ждала.
 Не приходитъ милый.—
 Ивою унылой
 Въ бережскъ вросла.
 Вся дрожить пугливо,
 Сиротливо ива;
 Листъ плакучій клонить,
 Счастіе хоронить.
 Зеленью омытой
 Съ тихой рѣчкой ива
 Шепчется стыдливо
 О любви забытой...»

— «Неблагодарная, ко мнѣ ль
 Твои укору?
 Встрѣчая пѣснею зарю,
 Съ кѣмъ рѣчь веду я?»

«Когда въ ночи моя свирѣль
 Разбудить горы,
 Кому я цвѣтъ мечты дарю?
 Кого зову я?»

«Въ разлукѣ томной ты—мой хмель!
 Твои мнѣ взоры
 Горятъ! Я сердцемъ говорю
 Съ твоимъ, тоскуя...»

Умолкнулъ юноша-пастухъ,
 Упалъ, сраженный, поблѣднѣлый,
 На перси дѣвы онѣмѣлой,
 И на груди ея потухъ...

IX.

Взываетъ мать. Дѣвичій голосъ—
 «Иду, иду!»—изъ мглы звенить...
 Анушъ!.. Спадаетъ дико волосъ
 На томный жаръ твоихъ ланить!
 Съ пустымъ кувшиномъ, платъ наплечный
 Забывъ у влаги быстротечной,
 Дрожа, какъ лань въ сѣтяхъ ловца,
 Вернулась ты отъ студнца!..
 — «Я, глупая, перепугалась!
 Чужіе тамъ. Въ ознобъ и жаръ
 Всю кинуло меня. Купалась,
 Знать, по рѣкѣ толпа татаръ...»
 Ворчунья-мать, коря пугливость,
 И мѣшкотность, и нерадивость
 Шальной Анушъ, съ туманныхъ кручь
 Сама спускается на ключъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

День Вознесенья! Праздникъ Мая!
 Цвѣтеть земли живой коверъ.
 Побѣги свѣжихъ розъ ломаю,
 Толпой, на главы ближнихъ горъ
 Спѣшите, юныя армянки,
 Дней вешнихъ славить благодать,
 Играть веселыя веснянки,
 О долъ дѣвичей гадать.

— «Амбарцумъ, ¹ яйла!
 Въ черныя горы
 Весна привела
 Дѣвичьи хоры.

«Амбарцумъ, яйла!
 Черныя горы
 Въ пестрые уборы
 Весна убрала.

«Амбарцумъ, яйла!
 Кому я мила?
 Солнышко ярче,
 Любится жарче,—
 Пастухъ молодой,
 Ты ль суженый мой?»

«Амбарцумъ, яйла!
 Въ цвѣтахъ крутояры!
 Весна привела
 Тайныя чары:
 Этой—свадьба, той—кручина,
 Разлюбилъ зазнобу яръ»...

¹ Припѣвъ весеннихъ «вознесенскихъ» пѣсней.

Такъ дѣвъ каждой разный даръ
Сулить загадочно судьбина.

II.

Вновь жребій надъ главою вращаетъ,
Свѣжа, какъ роза, «Мать цвѣтовъ»;
И Джанъ-гюлюмъ звенить, и зовъ
Гора отъывомъ возвращаетъ.
Вѣщунья-дѣва возвѣщаетъ:

— «Яръ тебя любить,
Красавица горь;
Яра погубить
Выстрѣлъ въ упоръ».

Анушь затрепетала. Дѣвы
Смутились: «Ложь! Не вѣрь, сестра!
Гаданье—праздная игра.
Пой съ нами рѣзвые припѣвы!
Разсѣмь облакъ черныхъ думъ!
Дружнѣй подхватимъ Джанъ-гюлюмъ!..»—

Анушь въ раздумьи: «Неужели
Я проклята отъ колыбели,—
Когда пришелъ въ нашъ домъ дервишъ,
Спѣлъ пѣсню и просилъ бакшишъ,
А мать ему: «Ребенокъ плачетъ,—
Не до тебя! Вонъ со двора!»—

А онъ: «Такъ пусть всю жизнь проплачетъ!»
И такъ ушель...»—«Не вѣрь, сестра,
Ты предвѣщанію пустому.
Мы загадаемъ по-иному:

«Дѣвушка-счастливица!
Не затмитъ слеза
Твои ланьи, горные,
Черные глаза!

«Дѣвушка весеннихъ чаръ,
Цвѣсть тебѣ весной!
Какъ гора, красавецъ-яръ—
За твоей спиной.

«Амбарцуимъ, яйла!
Въ цвѣтахъ крутояры!
Сладкія чары
Весна привела!
Яйла, джанъ, ¹—яйла!»

Пѣснь третья.

I.

Въ селенѣ, зимнею порой,
Играли свадьбу. Пирь горой,
Шумъ, плясь... Пришли съ яйлы высокой
Въ доль пастухи... Но молкнеть смѣхъ:
Тѣснясь, для лучшей изъ потѣхъ
На плоской кровлѣ кругъ широкой
Расчистили. Зоветъ зурна.
Сплотились—на стѣну стѣна;
Сильнѣйшихъ въ станѣ выкликають.
Тѣ упираются; впередъ
Свои своихъ борцовъ толкають:
«Сходись, ребята! Чья возьметъ?..»

И съ лѣнью выступилъ притворной—
Саро; Моси стоитъ предъ нимъ,
Братъ милой, парню побратимъ.
А тамъ, за тканію узорной,
Сердца ревнивыхъ дѣвъ стучать.
Мужчины: «не робѣй!»—кричать...
Полы за поясъ подсучили,
Вразъ о земь хлопнули рукой
И другъ на друга наскочили
Два храбрыхъ съ рѣзвостью лихой.

¹ Джанъ—эпитетъ, выражающій ласку; собственно значить: «душа».

Но повелось въ горахъ издавна,
И сынъ то слышалъ отъ отца,—
Что удалцу свалить безславно
Въ игрѣ предъ міромъ удалца.

И силачи-единоборцы,
Сплетясь, какъ опытные горцы,
То вмѣстѣ наземь припадутъ,
То вмѣстѣ на ноги встаютъ,—
Знать, впрямь равны другъ другу силой.
Напрасны крики: «Понатужь,
Товарищъ, плечи! Аль не дюжь?..»
Но вдругъ Анушъ, невесты милой,
Какъ изваяніе застылой,
Сарѣ потухшій встрѣтилъ взоръ
И въ немъ прочелъ печаль, укорь...
Захолонуло грудь; туманомъ
Въ его глазахъ затмился свѣтъ;
Забылъ онъ дѣдовскій завѣтъ!
И предъ ревущимъ дико станомъ,
Накрывъ соперника врасплохъ
(Не вѣрилъ тотъ въ лихой подвохъ,
Боролся нехотя, небодро),
Онъ снизу обхватилъ подъ бедра
Моси, и съ ногъ его свалилъ,
И грудь колѣномъ придавилъ.

Толпа и плещеть, и ликуеть,
Его удачу торжествуетъ,
Ведеть съ почетомъ къ жениху,
Сажаютъ рядомъ на тахту.
Межъ тѣмъ, за тканію узорной,
Взоръ дѣвичій, какъ стражъ дозорный,
Горящій, любопытный взоръ
Побѣду судить и позоръ.

II.

Анушъ! Анушъ! Твой братъ старшой
Встаетъ съ растерзанной душой,

Кричить: «Пусть вновь борьба зачнется!»
 Иль—солнцем дней своихъ клянется
 Отмстить укравшему хитро
 Побѣду подлюю Саро...
 Его слова, въ весельи дикомъ,
 Толпа встрѣчаетъ бранью, гикомъ:
 «Что въ драку лѣзешь? Цѣль ли лобъ?»
 Вѣдь покатился ты, какъ снопъ!
 Не вдосталь, знать, бока намяты?
 Страхнемъ-ка пыль съ него, ребята!»

III.

Изъ дома свадебнаго онъ,
 Боль затаивъ обиды кровной,
 Выходитъ поступью неровной,
 Презрѣнъемъ общимъ угнетенъ.
 — «Навѣкъ, Моси, ты опозоренъ.
 Не зналъ ты равнаго въ борьбѣ,
 И не бываль отъ пыли черенъ
 Кафтанъ нарядный на тебѣ.
 А нынче ты горою рухнулъ
 И тяжко подъ колѣномъ ухнулъ,
 Когда тебя противникъ смялъ,—
 И кто тебя не осмѣялъ?
 Какимъ ты жалкимъ, пристыженнымъ
 Предстанешь дѣвушкамъ и женамъ!
 Что ждешь тебя... Изъ двухъ одно:
 Лечь въ гробъ—иль взять веретено».

IV.

— «Помилуй, сжался, милый братъ!
 Его любви не жажду болѣ...
 Въ ножны смертельный спрячь булатъ!
 Дрожу я, какъ былинка въ полѣ...
 Въ слезахъ, въ отчаяннѣ, безъ силъ,

У ногъ Моси Анушь лежала;
Ей свѣтлымъ лезвіемъ кинжала
Моси неистовый грозилъ.
— «Клянись не знать его объятій!
Главою братнею моею
Клянись! Иль межъ твоихъ грудей
Утонетъ ножъ до рукояти!»
— «Я прахъ у ногъ твоихъ, Моси!
Съ рабыни клятвы не проси;
Я обѣщала,—такъ и помни,
Любить Саро не суждено мнѣ,
Намъ въ жизни разныя стези».
— «Ты лжешь, и разлюбить не можешь.
Въ ночи мы слышали не разъ,
Какъ рѣчью сонной ты тревожишь
Или рыданьемъ тихій часъ:
Саро зовешь ты въ нѣгѣ томной,
Саро—лепечешь въ грезѣ дрѣмной...»
— «О, не спѣши меня убить!
Слѣды твои въ пыли цѣлую!
По немъ я больше не тоскую,
Я не хочу его любить,
Во снѣ о немъ шептать забуду,
Тебѣ сестрою вѣрной буду...»

V.

Такъ повершилась свадьба сварой.
Давно ль два славныхъ удалца
Братались? Ненавистью ярой
Пылаютъ нынѣ ихъ сердца.
Доколь въ землѣ не похороненъ
Моси (онъ духомъ непреклоненъ),
Не быть сестрѣ его родной
Борца коварнаго женой.

Быть может, въ эту ночь, въ бессонныхъ
 Терзаньяхъ, мыслить онъ: «Добро,
 Невѣста пылкая Саро!
 Я изъ груди окровавленной
 Твой пламень вырву наконецъ!..»
 Быть может, въ эту ночь овецъ
 Сосѣдъ сосѣдскихъ рѣжетъ, грабитъ:
 Какое мщенье гнѣвъ ослабитъ
 Ожесточеннаго врага?..
 Лишь звуки на селѣ притихнуть,
 Быть может, вдругъ до неба вспыхнуть
 Того ли, этого ль стога?

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Встануть лѣниво, какъ верблюды
 Отъ водопоя, облака;
 Ползутъ на каменные груди,
 На Чатындагъ-горы бока.
 Изъ-за зубчатаго отрога
 По злату утреннихъ небесъ
 Пробился лучъ... Въ селѣ тревога.
 Ружье держа на перевѣсь,
 Бѣгутъ мужчины,—будто въ лѣсъ
 Участники звѣриной ловли;
 А жены ринулись на кровли.

II.

Пришелъ старикъ, парнямъ кивнулъ
 И пальцемъ указалъ въ долину;
 Изъ трубки разъ-другой пыхнулъ
 И рѣчь повель: «Наполовину
 Ужъ ночь прошла,—все не засну:
 Ворочаюсь, кряхчу, кляню
 Лихую старость. Вдругъ овчарка
 Моя взбѣсилась. Кличу: «гей!..»

Молчать. «Ну», думаю, ей-ей,
 Дождались на селѣ подарка.
 Собака кинулась. А тьма—
 Ни зги не разберешь. «Эхма!»
 Сказалъ себѣ: «подмокъ твой порохъ!
 Уснешь, бывало, въ тотъ же часъ,
 Что скотъ,—а слышишь каждый шорохъ»...
 То, бишь,—и не сомкнулъ я глазъ,
 Какъ изъ села мелькнули двое,
 Какъ тѣнь,—въ ущеліе ночное,—
 Овчарки мимо... Вотъ мой сказъ»...

Вотъ отчего село въ тревогѣ!
 Анушъ хватились: дѣвы нѣтъ!..
 Находятъ вскорѣ, близъ дороги
 Внизу,—двоихъ недавній слѣдъ.

III.

Луна смѣнилася. Ватага
 Всѣ, до послѣдняго оврага,
 Обрыскала трущобы горъ:
 Исчезъ съ добычей дѣвій воръ.
 Ни съ чѣмъ идутъ ловцы къ поселку,
 Нагорье обыскавъ окрестъ,
 И хвалятъ вора втихомолку:
 Гораздъ онъ умыкать невѣсть.
 Одинъ, повиненъ клятвѣ мести,
 Выслѣживать остался дичь
 Моси, дабы чету настичь
 И зарубить двоихъ на мѣстѣ.

XX.

— «Раскинъ-ка, Вардишахъ, ячмень,
 Да погадай, что новый день
 Сулить... Мои ослѣпни очи:
 Мнѣ сонъ привелъ скиталецъ ночи,

Недобрый гость,—и не добро
 Пророчить онъ!.. Доля вижу тѣсный,
 И будто темень сводъ небесный;
 Тамъ овцы бѣднаго Саро
 Стоять—и воплемъ не овечьимъ,
 А будто гласомъ человѣчьимъ
 Поютъ... Ну, кинь же горсть зерна,—
 Будь сынъ тебѣ во утѣшенъе!
 Къ чему сей сонъ? Судьба темна.
 Отверзи дверь намъ разумѣнья,
 Творецъ! Мы—прахъ у ногъ Твоихъ...
 Еще тотъ звукъ въ ушахъ моихъ:
 Пѣснь человѣчья безсловесныхъ
 Овецъ въ тюрьмѣ изъ скаль отвѣсныхъ...
 И будто овцы голосають,
 А мать Саро, развивши платъ,
 Предъ ними пляшетъ... Стадо плачетъ,
 А та кружить... Что сонъ мой значить?»
 — «Къ бѣдѣ, знать, сонъ твой, Манишакъ!
 Глянь,—и ячмень-то выпалъ какъ!
 Онъ черную чертитъ дорогу.
 На ней—Саро... Молися Богу,
 Да обратитъ Онъ зло въ добро.
 Храни, Господь, и мать Саро!»

V.

Ловець прилежный позади,
 Рокъ неизбежный впереди;
 Другъ—ворогъ; мѣръ—застѣнокъ темный...
 Въ горахъ, какъ загнанный олень,
 Скрывается Саро бездомный.
 Доля стынетъ, понависла тѣнь,
 Послѣдній лучъ хребты румянить:
 Онъ съ горя баяти ¹ затынетъ
 И такъ хоронитъ скорбный день:

¹ Баяти—плачевная пѣснь.

— «Гей, вы, крутыя горы!
Крикъ мой: кручина, горе!
Любо ль вамъ, сестры-горы,
Вторить за мною: горе?..
Горе!—въ ночномъ просторѣ
Ваши твердятъ затворы...
Вмѣстѣ горюемъ, горы!

«Съ вами, бѣглець усталый,
Перекликаюсь, скалы!
Гробы глубинъ раскройте,
Странника упокойте!
Путь мой залегъ въ чашобѣ:
Спать бы мнѣ въ глыбномъ гробѣ!

«Спать?.. А любовь услышитъ
Вѣсть, что Саро не дышитъ,—
Какъ улегчить ей муку?
Сны мои кто нарушить?
Слезы ей кто осушить?
Что возмѣститъ разлуку?..»

Пѣснь пятая.

I.

Рыдаеть, бросаясь наземь ницъ,
Анушь, покрытая позоромъ.
Взираеть жалостливымъ взоромъ
Сходь женъ сосѣдскихъ и дѣвицъ
На плѣнницу, храня молчанье.
Моси—Богъ миловаль!—въ скитаньѣ.
Но пѣной бѣшеной плюеть
На дочь отецъ и дочь клянеть:

— «Прочь съ глазъ моихъ! Вонъ! Сгинь, срамница,
 Измѣнница! Будь проклята
 Твоя вѣнчальная фата!
 Покройся чернымъ, какъ вдовица.
 Или, наложница врага,
 Въ глубь, въ землю черную, всѣмъ станомъ
 Врости! Ушла къ врагу обманомъ,
 Такъ жизнь тебѣ не дорога»...
 Сосѣди добрые подходятъ,
 Отца отъ дочери отводятъ.
 Смятенемъ, старый, привлеченъ,
 Стоитъ священникъ за порогомъ
 И голось возвышаетъ онъ:
 — «Уйдите всѣ! Идите съ Богомъ!
 Анушь останется одна,—
 Всю правду скажетъ мнѣ она...
 Скажи, Анушь: ушла ты, чаю,
 По вольной волѣ, по любви?
 Да? Такъ Господь благослови
 Вашъ бракъ! Я милыхъ повѣнчаю...»

Шумъ издалече. Вопли. Клики.
 — «Убиль?—Моси?—Кого?—Гдѣ, гдѣ?—
 Воды скорѣй... Творецъ великій.
 Анушь, Анушь!..—Бѣда къ бѣдѣ!»

II.

Не туча рухнувшимъ потопомъ
 Грузъ ливней шумныхъ пролила:
 То юность ринулась всѣмъ скопомъ
 На понизовья изъ села.
 Летятъ стремглавъ, какъ вихрь крылатый,
 И видять: свой ужасный зѣвъ
 Доль крови скалить, доль проклятый,
 Гдѣ, въ тѣснотѣ разсвирѣпѣвъ,
 Бѣснуется Дѣбѣтъ косматый.

Межъ тѣмъ степенный сельскій людь,
 Столпясь на выступѣ отвѣсномъ,
 Стоитъ въ смущенїи безсловесномъ:
 Всѣ внизъ глядятъ и молча ждуть.
 А въ глубинѣ Дѣбѣтъ¹ грохочеть,
 Какъ громъ глухой, и рока судъ—
 Итогъ безстрастный смертныхъ смуть—
 Злораднымъ хохотомъ пророчить.

III.

Шатаясь, съ искаженнымъ ликомъ,—
 Тѣнь прежняго Моси,—предсталь
 Убийца. Взоръ его блуждалъ,
 И ужась тлѣлъ во взорѣ дикомъ.
 Не замѣчалъ онъ никого,
 Добрель до крова своего,
 Ружье повѣсилъ на стропило,
 Какъ мертвую змѣю. Не смѣлъ
 Никто дохнуть; народъ нѣмѣлъ.
 Вдругъ изъ долины возопила
 Мать пастуха. «Харай!»²—зоветь,
 И волосы сѣдые рветъ.

IV.

Ее сельчанки провожаютъ
 Подъ оный роковой уступъ,
 И воплемъ воздухъ раздражаютъ,
 И чернымъ хоромъ окружаютъ
 Еще не охладѣлый трупъ.
 Межъ тѣмъ, какъ юноши въ печальномъ
 Безмолвїи на камняхъ сидятъ,
 Онѣ съ обрядомъ поминальнымъ
 Достойный горца плачь творятъ.
 Поютъ: почто не излюбила

¹ Дѣбѣтъ—рѣка.² Крикъ зовущихъ на помощь.

Анушь другого жениха,
 Почто любимаго сгубила;
 Какъ стаду быть безъ пастуха;
 Какъ на яйлѣ и какъ на ловлѣ
 Заклекчуть юные орлы:
 «Гдѣ сверстникъ нашъ?»—какъ псы на кровлѣ
 Завоютъ, прибѣжавъ съ яйлы;
 Какъ мать Саро осиротѣеть:
 Ей не видать веселья горь;
 Въ одеждѣ черной одряхлѣеть,
 Блюдя домашній свой затворъ...

И каждое изъ причитаній
 Ей, бѣдной, надрываетъ грудь.
 Мать, не буди воспоминаній!
 Былое счастье забудь!
 «Почто, мой сынъ, не пріотворишь
 На мигъ отяжелѣлыхъ вѣждъ?
 Мой недругъ, воръ моихъ надеждъ,
 Почто со мной о гробѣ споришь?..»
 Но мертвый глазъ не размыкалъ;
 Въ устахъ увянувшихъ сверкалъ
 Зубовъ бѣлѣющей оскаль.
 Вотще—рыданья, въ грудь биенья,
 Проклятыя, жалобы, моленья...

Стемнѣло. Женскій вой слабѣлъ.
 И пѣснь, и пени замолчали.
 Одинъ Дзѣбѣтъ свои печали
 Безъ устали въ ущельѣ пѣлъ,
 И громче плачь изъ безднѣ гремѣлъ.

V.

Безъ отпѣванья, у рѣки
 Зарыли тѣло кунаки,
 Тайкомъ слезу надъ нимъ пролили.
 Кадила горныхъ луговинь—
 Полянъ, лилея, чобрь и тминь—
 Молебный ладанъ всскурили.

А «Со святыми упокой»
 Не клиромъ стройнымъ было спѣто,
 Но голосистою рѣкой,
 Раскатнымъ рокотомъ Дѣбта.
 Подъ громозвучный шаракань,¹
 Рыдающей стихійной силой,
 Друзья насыпали курганъ
 Надъ безымянною могилой,
 Гдѣ спитъ бѣглянки пылкой другъ,
 Сынъ вольныхъ горъ, пастухъ, ашугъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

Вернулись птицы. Въ небѣ нѣга.
 Одѣла зелень холмъ и доль.
 Анушь цвѣты рѣчного берега
 Сбираетъ, бормоча, въ подоль—
 И плачь перемежаетъ смѣхомъ.
 Поетъ,—ей горы вторять эхомъ...

— «Что, какъ потерянная, бродишь
 Въ лугахъ, красотка, день денской!
 Кого ты ищешь, не находишь?
 По комъ ты слезы льешь рѣкой?
 Коль ищешь, дѣва, майской розы,—
 Не за горами праздникъ розъ.
 Коль мертвому даришь ты слезы,
 Не расточай напрасныхъ слезъ!
 Землею взять женихъ любезный,—
 Его тебѣ не воскресить.
 Къ чему кручиной бесполезной
 Огонь младыхъ очей гасить?
 Водъ родниковыхъ даръ обильный
 Пролей на холмъ его могильный
 Съ молитвой чистой и умильной

¹ Шаракань — церковное пѣнопѣніе (см. Вступительный очеркъ).

И, принеся святую дань,
 Душою бодрою воспрянь.
 Покорствуй общему уставу:
 По долгу жизни и по праву,
 Или, живи, супругой стань...»

—«Спасибо, братъ, идущій мимо!
 Да править Богъ твои стопы
 И да завидишь ликъ любимой
 У цѣли странничьей тропы!
 Дѣли, дѣли съ подругой нѣжной
 Услады жизни безмятежной!
 Мнѣ даль Всевышній—слезы лить;
 Мнѣ жажды слезъ не утолить...»

II.

И бродить вновь, поеть и плачеть...
 Безсвязны пѣсни: ничего
 Не изъясняетъ и не значить,
 Окромъ горя самого,
 Ихъ темный складъ, ихъ бредъ унылый.
 Все ропщеть: гдѣ жъ онъ, гдѣ же милый?
 Какъ вдругъ свѣтъ Божій опустѣлъ,
 И глухи стали пѣсни, рѣчи,
 И горный лугъ осиротѣлъ?
 Какъ вдругъ ушелъ онъ—такъ далече?..

— «Куда ты скрылся,—
 И слѣдъ простыль?
 Мой день затмился,
 Мнѣ свѣтъ постыль...
 Всѣ я выплакала очи.
 Ты дождись-ка темной ночи,—
 И за дѣло!
 За переваль
 Стада пригналъ,—
 Бѣги же смѣло!..

«На пригоркѣ, на зеленсмѣ,
Кто подъ буркой, кто уснулъ?
Руку кто движеньемъ соннымъ
Изъ-подъ бурки протянулъ?

Ахъ, да это—мой желанный.
Видно, вешній лугъ, въ дыму
Пелены благоуханной,
На него навель дрему...

«Вставай, сонливецъ!
Не ранній часъ!
Съ утра, лѣнливецъ,
Ты стадъ не пасъ.
До полудня спишь, спокоенъ:
Скотъ не загнанъ, скотъ не доенъ...
Ужъ стемнѣло...
За твой возвратъ
Отдамъ стократъ
На муки тѣло!..

«Чу, не бубны ль въ бурѣ плачуть?
Не зурна ли верещить?..
Брачный поѣздъ! Гости скачуть.
Кони пляшуть. Снѣгъ валить.

«Чуръ, разсыпся,—свято мѣсто!—
Навожденье!.. Ха-ха-ха!
Вотъ такъ свадьба!.. Гдѣ жъ невѣста?—
И не видно жениха!..

«Несуть... Пустите!
За нимъ иду!..
Вотъ тутъ кладите,
Въ моему саду!
Расплету надъ мертвымъ косы!
Вы тешите, гроботесы,
Гробъ просторный,—
Одинъ двоимъ!
Спать сладко съ нимъ
Въ могилѣ черной!..

«Лгутъ мнѣ люди, милый, милый!—
 Будто взоръ твой помутнѣлъ,
 Въ пятнахъ крови ликъ застылый
 Исказился, почернѣлъ?»

«Ты все тотъ же, смугль и строень,
 Что съ собой невѣсть несь,
 Юный пастырь, свѣжъ и зноень,
 Запахъ луга, влагу рось!..»

«Куда жъ ты сгинуль?—
 Какъ, лиходѣй,
 Меня покинулъ
 Съ тоской моей?
 Слезы день и ночь точу я,
 Дольше плакать не хочу я,—
 Отплачу я!
 Вернись, молю,—
 Иль отомщу я...
 Терплю, терплю—
 Иль прогнѣвлюсь,
 И не прощу я...
 И, какъ люблю,
 Такъ разлюблю;
 И, какъ томлюсь,
 Такъ истомлю—
 Безъ поцѣлуя!..»

III.

Тамъ, гдѣ мутный валь Дѣбата,
 Роясь, воетъ подъ скалой,
 Есть могила, ихомъ одѣта;
 Спать въ ней горець удалой.
 Какъ потерянная, бродить
 У могилы той жена;
 Долгій день въ слезахъ проводить,
 Ночь унылую безъ сна.

Но ни жалобамъ, ни зовамъ
 Изъ глубинъ отвѣта нѣтъ;
 Изъ тѣснинъ звучить отвѣтъ
 Утѣшеніемъ суровымъ...
 «Не поддамся я оковамъ,
 Вырвусь вонъ, на вольный свѣтъ!»
 Узникъ яростный, Дѣбэтъ,
 Ей гласить немолчнымъ ревомъ:

«Ты довѣрься мнѣ, Анушъ!
 Я обѣта не нарушу:
 Уведу твою я душу
 Въ тихій рай безплотныхъ душъ,—
 Въ рай, гдѣ милый твой, Анушъ!..»

— «Анушъ, Анушъ!»—склоняся съ обрыва,
 Взываетъ мать: «домой пора!..»
 Доль нѣмъ. Безмолвствуетъ гора...
 Одинъ Дѣбэтъ, безъ перерыва,
 Длится вѣчный вой: «Вушъ, вушъ!..¹ Увы...»—
 Ведымая пѣнныя главы...

Эпилогъ.

Въ ночь Вознесенья есть мгновенье
 Неизреченной тишины:
 Безмолвно дальнее творенье,
 Врата небесъ отворены,
 И дышитъ благостью Господней
 Вселенная до преисподней.

Душъ разлученныя четы,
 Любившія безъ утоленья,
 Въ тотъ мигъ блаженной полноты,
 Покинувъ звѣздныя селенья,
 Цѣлуютъ, духа духъ, въ уста,—
 И замыкаются Врата.

¹ Вушъ, вушъ—«горе, горе!».

ОДНА КАПЛЯ МЕДА.

СКАЗКА.

Одинъ купецъ въ селѣ своемъ
 Торговлю всякимъ вель добромъ.
 Однажды изъ сосѣднихъ сель
 Къ нему съ собакою пришелъ
 Пастухъ, саженный молодець.
 «Здорово», говорить, «купецъ!
 Есть медь—продай,
 А нѣтъ—прощай.»
 «Есть, есть, голубчикъ пастушокъ!
 Горшокъ съ тобой? Давай горшокъ!
 Медь—вотъ онъ: что укажешь самъ,
 Отвѣшу мигомъ и продамъ.»

Все по-хорошему идетъ,
 За словомъ слово—тотъ же медь.
 Отвѣшенъ медь—но какъ алмазь
 На землю капля пролилась.
 Жзз...: муха. Сладкій чуя медь,
 Жужжить, звенить и къ каплѣ лнеть.
 Хозяйскій котъ, бочкомъ, бочкомъ,
 За мухой крадется. Потомъ
 Въ одинъ прыжокъ
 На муху—скокъ!

И въ тотъ же мигъ пастушій песь
 Ощерился, наморщилъ носъ,
     Рванулся, взвыль
     Что было силь,
     Кота подмялъ,
     За горло взялъ,
     Сдавилъ, куснулъ—
 И отшвырнулъ.

«Загрызъ! Загрызъ! Ахъ, котикъ мой!
 Ахъ, чтобъ тѣ слохнуть, песь чумной!»
 Разгнѣвался купецъ—и вотъ,
 Чѣмъ попада, собаку бьетъ.
 Визжитъ собака—и рядкомъ
 Съ несчастнымъ падаетъ котомъ.

«Пропаль мой левъ, пропаль, конецъ!
 Кормилецъ, другъ мой!.. Ну, купецъ,
 Мерзавецъ, воръ, такой-сякой!..
 Да провались домишко твоей!..
 Ты смѣлъ собаку бить мою—
 Отвѣдай же, какъ самъ я бью!»
 Взревѣлъ пастухъ нашъ, надъ купцомъ
 Дубину тяжкую съ кремнемъ
 Занесъ—и въ мигъ хозяинъ злой
 Упалъ съ пробитой головой.

— Убили!.. Кто тамъ?.. Караулъ!..
 По всѣмъ кварталамъ шумъ и гулъ,
 Народъ стекается, кричить:
 — На помощь! Караулъ! Убить!

Съ нагорныхъ улицъ, изъ низовъ,
 Съ дороги, съ пастбищъ, отъ станковъ,
     Крича, кляня,
     Вопя, стеля,
     Отецъ и мать,
     Сестра и зять,
     Жена и братъ,
     И кумъ, и сеать,

И всё дядя,
 И всё друзья,
 И съ тещей тесть,
 И какъ еще ихъ тамъ—Богъ вѣсть—
 Бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ
 И чѣмъ попало бьютъ и бьютъ:
 «Ахъ, окаянный! Ахъ, пострѣль!
 Да какъ ты могъ? Да какъ ты смѣлъ?
 Да съ чѣмъ ты шелъ: товаръ купить,
 Иль даромъ душу загубить?»

И рядомъ съ псомъ своимъ въ углу
 Пастухъ простерся на полу.
 «Ну, постояли за купца.
 Бери, кто хочетъ, мертвеца!»
 И вскорѣ въ ближнее село
 Извѣстье скорбное пришло.
 — Эй, кто тамъ есть?
 Возможно ль снести?
 Вѣдь это нашъ пастухъ убить!..

Порсй шалунъ разворошить
 Гнѣздо осиное и прочь
 Уйдеть. Не то же ли точь въ точь
 Надѣлала и муха та?
 Смятенье, шумъ и суета...
 Что подвернулось второпяхъ,
 Хватають. Кто съ ружьемъ въ рукахъ,
 Кто съ вилами, а кто съ ножомъ,
 Съ лопатой, съ палкой, съ топоромъ,
 Кто съ заступомъ, кто вертель взялъ,
 Тотъ шапку въ спѣшкѣ потерялъ,
 Тотъ вскинулъ на-лошадь сѣдло—
 И всё на вражее село.

«Что за безсовѣстный народъ!
 Ни страхъ, ни стыдъ ихъ не беретъ.
 Къ нимъ за товаромъ забредешь—
 Накинутся — и въ спину ножъ.
 Тѣфу, пропасть! Провалиться бѣ вамъ,

Убійцамъ лютымъ, дикарямъ!
 Пойдемъ, побьемъ,
 Сожжемъ, сотремъ!
 Эй, ну-ка, не плошай, впередъ!»

И вышелъ на народъ народъ.
 И каждый билъ, и билъ, и билъ,
 Рубилъ, и рѣзалъ, и громилъ,
 И всякъ чѣмъ больше порубилъ,
 Тѣмъ больше въ ярость приходилъ.
 Сосѣда билъ сосѣдъ,
 Сосѣда жегъ сосѣдъ,
 И кто гдѣ жилъ—
 Простылъ и слѣдъ.

Но вотъ бѣда: межъ этихъ сель
 Рубежъ, дѣлившій земли, шель,
 И подать каждое село
 Владыкѣ своему несло.
 Заслышавши про тотъ разбой,
 Немедля царь страны одной
 Указъ громовый издаеть:

«Да знаетъ вѣрный нашъ народъ,
 Отчизны общей каждый сынъ,
 Рабочій, воинъ, дворянинъ,
 И нашъ Совѣтъ,
 И цѣлый свѣтъ,
 Что дерзкій, вѣроломный врагъ,
 Забывши честь и Божій страхъ,
 Насъ подлой лестью усыпилъ,
 Въ цвѣтушій нашъ предѣлъ вступилъ—
 И гражданъ мирную семью
 Предалъ желѣзу и огню.
 Кровь жертвъ изъ бѣднаго села
 Къ стопамъ престола притекла,
 И сколь ни горько это намъ—
 Мы отдали приказъ войскамъ
 Въ предѣлы вражіе вступить
 И за невинныхъ отомстить.

А чтобы дерзких побороть,
Намъ въ помощь—пушки и Господь».

Но царь враждебный въ свой чередъ
Войскамъ такой приказъ даетъ:
«Предъ Господомъ и всей землей
Мы возвѣщаемъ: хитрый, злой
Сосѣдъ попралъ небесъ законъ
И между братскихъ двухъ племенъ
Посѣялъ злобу и раздоръ.
Онъ дружбы древній договоръ
Нарушилъ первый. Нынѣ, вставъ
За нашу честь, за добрый нравъ,
За кровь погубленныхъ людей,
За вольность родины своей,
Мы, властью намъ присущихъ правъ,
На помощь Господа призвавъ,
Подъемлемъ мечъ побѣдный свой
И гнѣвъ—надъ вражеской главой.»

И злая началась война.
Въ огнѣ пылаетъ вся страна,
Шумъ, грохотъ, кровь, и крикъ, и стонъ,
И плачь, и скорбь со всѣхъ сторонъ.
И въ дуновеніи вѣтровъ
Струится запахъ мертвецовъ.

И такъ идетъ
За годомъ годъ:
Станки молчатъ,
Посѣвъ не сжать,
Все ширится войны костеръ,
За голодомъ приходитъ моръ.
Людей нещадно косить онъ,
И вотъ весь край опустошенъ.
И въ ужасѣ среди могилъ
Живой живого спросилъ:
— Съ чего жъ, откуда жъ и когда
Такая грянула бѣда?

АВЕТИКЪ ИСААКІАНЪ

1875 Г.

1. Моей матери. I—II, Перевель *А. Блокъ.*
- 2-13. Пѣсни. Перевель *онъ же.*
14. Съ посохомъ въ рукѣ...» Перевель *Вячеславъ Ивановъ.*
15. «Гиацинту ли нагорій...» Перевель *онъ же.*
16. «Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ...» Перевель *онъ же.*
17. Моей матери. Перевель *онъ же.*
18. «Нѣтъ тебя, душа отчизна, краше...» Перевель *онъ же.*
- 19-21. Три стихотворенія. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
22. «Моя душа...» Перевель *Ив. Бунинъ.*
23. «Черныя, мрачныя тучи...» Перевель *Л. Зилсъ.*
24. Абуль-Ала-Маари. Касить въ 7 сурахъ съ Вступленіемъ. Перевель *Валерій Брюсовъ..*

1.

МОЕЙ МАТЕРИ.

I.

Отъ родимой страны удалился
Я, изгнанникъ, безъ крова и сна,
Съ милой матерью я разлучился,
Бѣдный странникъ, лишился я сна.

Съ горь вы, пестрыя птицы, летите,
Не пришлось ли вамъ мать повстрѣчать?
Вѣтерки, вы съ морей шелестите,
Не послала ль привѣта мнѣ мать?

Вѣтерки пролетѣли безшумно,
Птицы мимо промчались на югъ.
Мимо сердца съ тоскою безумной—
Улетѣли безшумно на югъ.

По лицу, да по ласковой рѣчи
Стосковался я, мать моя, джань,¹
Быль бы сномъ я—далече, далече
Полетѣлъ бы къ тебѣ, моя джань.

Ночью душу твою цѣловаль бы,
Обнималь бы, какъ сонный туманъ,
Къ сердцу въ жгучей тоскѣ припадалъ бы,
И смѣялся и плакалъ бы, джань!

II.

Мнѣ грезится: вечеръ миренъ и тихъ,
Надъ домомъ стелется тонкій дымъ,

¹ Д ж а н ь—ласкательное названіе (см. стр. 344 и др.).

Чуть зыблются вѣтви родимыхъ ивъ.
Сверчокъ трещить въ щели, невидимъ.

У огня сидить моя старая мать,
Тихонько съ ребенкомъ моимъ грустить.
Сладко-сладко спокойно дремлетъ дитя,
И мать моя молча молитву творить.

«Пусть прежде всѣхъ поможетъ Господь
Всѣмъ дальнимъ странникамъ, всѣмъ больнымъ,
Пусть послѣ всѣхъ поможетъ Господь
Тебѣ, мой бѣдный изгнанникъ, мой сынъ.»

Надъ мирнымъ домомъ струится дымъ,
Мать надъ сыномъ молитву творить,
Сверчокъ трещить въ щели, невидимъ,
Родимая ива едва шелестить.

ПѢСНИ.

2.

Аль-златъ нарядъ—мой дѣтка радъ.
Индійскій лаль въ ручонкѣ сжалъ,
Люль-люль, даръ-даръ, дитя краса,
Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,
Бровь—полумѣсяцъ, спи, даръ-даръ,
Глазокъ—звѣзда, Господень даръ.

День настаеть, овца идетъ,
Дитя все спить и не встаеть.
Вставай, капризначай, кричи,
Гопь-гопь, на соску, на, соси,
Топь-топь, тихонечко ходи.
Нѣтъ, сладкій сонъ тревожить жаль,
Щека, какъ сахаръ, какъ миндаль.¹

¹ Люль—люль, даръ—даръ, да—да и другія восклицанія въ пѣснѣ—чисто звукоподражательныя, подобно нашему «бай—бай» и опредѣленнаго значенія не имѣютъ.

Джанъ Божья Мать, молю тебя,
Отъ злого взора, наговора,
Храни, храни мое дитя...

3.

Быль бы на Аразъ¹ у меня баштанъ,
Посадилъ бы иву, розы я, да макъ,
Подъ тѣнистой ивой сплелъ бы я шалашъ,
Въ шалашѣ бы вѣчно пламенѣль очагъ!

Чтобъ сидѣла рядомъ милая Шушанъ,²
Чтобы намъ другъ друга у огня ласкать!
Кабы на Аразъ завести баштанъ,
Для Шушикъ лилейной отдыха не знать!

4.

Быстролетный и черный орель
Съ неба палъ, мою грудь расклевалъ,
Сердце клювомъ схватилъ и возвелъ
На вершины торжественныхъ скалъ.

Взмыль сурово надъ кручами горъ,
Бросилъ сердце въ лазоревый блескъ,
И вокругъ меня слышенъ съ тѣхъ поръ
Орлихъ крыль несмолкаемый плескъ.

5.

Во долинь въ долинь Сално³ боевой,
Раненъ въ грудь, умираеть гайдукъ.
Рана—розы раскрытой цвѣтокъ огневой,
Стводъ ружья выпадаетъ изъ рукъ.

¹ Аразъ—Араксъ, рѣка, (см. выше). Баштанъ—садъ.

² Шушанъ, Шушинъ—женское имя Сусаниа.

³ Сално—горная мѣстность въ турецкой арменіи.

Запѣваетъ кузнечикъ въ кровавыхъ поляхъ,
И, въ объятяхъ предсмертнаго сна,
Видитъ павшей гайдука, видитъ въ сонныхъ мечтахъ,
Что свободна родная страна...

Снится нива—колосья надъ вѣтромъ звенять,
Снится—звякая, блещеть коса,
Мирно дѣвушки сѣно гребуть—и звучать,
Все о немъ ихъ звенять голоса...

Надъ долиной Сално туча хмуро встаетъ,
И слезами увлажился доль.
И сраженному черныя очи клюютъ
Опустившійся въ поле орель...

6.

Подъ Алмазнымъ вѣнцомъ
Среди звѣздъ—Алагязъ,
Выше горъ, выше тучъ
Онъ на тронѣ сидитъ, развалясь.

Я помчусь за алмазнымъ вѣнцомъ
На крылахъ райской птицы Синамъ,
Къ тѣмъ звѣздамъ обращусь я лицомъ,
Сердце снамъ и видѣнья предамъ.

Въ сердцѣ—рай, тамъ поютъ соловьи,
Куши розъ, о любви плачетъ сазъ...
О, Заро! насъ объятъя мои
На алмазный умчатъ Алагязъ!¹

7.

Ужъ солнце за вершиной горъ,
И даль луговъ мутна.

¹ А л а г я з ъ — гора (см. выше). С и н а м ъ — фантастическая птица.

Умолкъ уснувшій птицй хоръ,
А я—не знаю сна.

Сквозь крышу мѣсяцъ заглянуль,
Вѣсы приподнялись,
Прохладный вѣтеръ потянуль
Къ звѣздамъ въ ночную высь.

О, нѣжный вѣтеръ, звѣздный свѣтъ,
Гдѣ ярь мой въ эту ночь? ¹
О, звѣзды, васъ прекраснѣй нѣтъ,
Гдѣ бродитъ ярь всю ночь?

Разсвѣтъ насталь и въ дверь вошель,
Туманъ, и дождь идетъ.
Аль-конь пришель, одинъ пришель,
Ахъ, ярь домой нейдетъ!

8.

Караванъ мой бренчитъ и плетется
Средь чужихъ и безлюдныхъ песковъ.
Погоди, караванъ! мнѣ сдается,
Что изъ родины слышу я зовъ...

Нѣтъ, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцемъ выжжена дикая степь.
Далеко моя родина нынѣ,
И въ объятяхъ чужихъ—моя джань.

Поцѣлуямъ и ласкамъ не вѣрю,
Слезъ она не запомнитъ моихъ.
Кто зоветъ? Караванъ, шевелися—
Нѣтъ въ подлунной обѣтовъ святыхъ!

Уводи, караванъ, за собою,
Въ не родную, безлюдную мглу.

¹ Ярь—милий (см. выше, народная поэзія и др.).

Гдѣ устану—склоняюсь главою
На шипы, на утесы, на скалу...

9.

Издалека въ тиши ночной
До сердца пѣснь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мнѣ душу облекла?

Въ печальной пѣсни—аромать
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, братъ,
Услышь безвѣстный, ты!

10.

Я увидѣлъ во снѣ: колыхаясь, вѣясь,
Проходилъ караванъ, сладко пѣли звонки.
По уступамъ горы, громоздятся и змѣясь,
Проползаль караванъ, сладко пѣли звонки.

Посреди каравана—безцѣнная джанъ,
Радость блещетъ въ очахъ, подвѣчный нарядъ...
Я—за нею, палимый тоской... Караванъ
Раздавилъ мое сердце, повергъ меня въ прахъ.

И, съ раздавленнымъ сердцемъ, въ дорожной пыли,
Я лежалъ одинокій, отчаянья полнъ...
Караванъ уходилъ, и въ далекой дали
Уходящіе сладостно пѣли звонки.

11.

Да, я знаю всегда—есть чужая страна,
Есть душа въ той далекой странѣ,
И грустна, и какъ я одинока она,
И сгораетъ, и рвется ко мнѣ.

Даже кажется мнѣ, что къ далекой рукѣ
 Я прильнуль поцѣлуемъ святымъ,
 Что рукой провожу въ неисходной тоскѣ
 По ея волосамъ золотымъ...

12.

Видитъ лань—въ водѣ
 Отраженъ олень.
 Рыщетъ лань вездѣ,
 Ищетъ, гдѣ олень.

Лани зовъ сквозь сонъ
 Услыхаль олень.
 Рыщетъ, ищетъ онъ,
 Ищетъ ночь и день.

13.

Словно молніи лучъ, словно громъ изъ тучъ,
 Омраченъ душой, я на бой пошелъ.
 Словно стая тучъ надъ зубцами кручъ,
 Милый другъ сестра, братъ твой въ бой пошелъ.

А утихнеть бой—не ищи меня
 Въ удалой толпѣ боевыхъ друзей,
 Ты ищи, сестра, воронѣ коня,
 Онъ копытомъ бьетъ въ тишинѣ полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
 На хмѣльномъ пиру, средь товарищей.
 Взвоетъ горный вѣтръ, кинетъ горсть песка
 Въ твоего дружка на пожарницѣ.

И чужая мать, неродная мать
 Будетъ слезы лить надъ могилою,
 Не моя сестра—горевать, рыдать,
 Разсыпать цвѣты надъ могилою...

14.

СЪ ПОСОХОМЪ ВЪ РУКЪ...

Съ посохомъ въ рукѣ дрожащей, удрученъ, согбенъ, уныль,
 Послѣ долгихъ лѣтъ, скиталець, я завидѣлъ милый доль.
 Перешель семь горъ высокихъ, семь морей я переплыль,
 Все утратилъ, нищій странникъ, но до родины добрель.

Подходя къ селеню, съ сердцемъ переполненнымъ тоской,
 За околицею, въ полѣ, друга дѣтства повстрѣчалъ.
 «Старина»,—вскричалъ,—«Богъ помочь. Узнаешь, кто я такой?
 Измѣнился?» Мой товарищъ поглядѣлъ и промолчалъ.

Мѣрю улицу клюкою. Вотъ и милой частоколъ,
 И сама, съ душистой розой, показала у крыльца.
 «Здравствуй»,—молвилъ я,—«сестрица! Богъ намъ свидѣтся
 привель».

Отвернулась, отмахнулась отъ бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тынь,
 И старуху—мать.—«Хозяйка, гостю на ночь дай пріютъ!»
 Содрогнулась и всплеснула мать руками:—«Какъ ты тутъ?»—
 И ко мнѣ въ слезахъ прильнула:—«Сынъ мой милый. Бѣдный
 сынъ!»

15.

ГІАЦИНТУ ЛИ НАГОРІЙ...

Гіацинту ли нагорій,
 Соловью ль, пѣвцу садовъ,
 Вѣтру ль мнѣ повѣдать горе,
 Тѣни ль бѣглыхъ облаковъ?

Бѣлый свѣтъ подобень гробу,—
 Словно въ землю я зарыть.
 Увели мою зазнобу!
 Плачу, плачу я навзрыдь.

Безъ нея мнѣ нѣтъ веселья:
 Душу взявъ мою,—ушла
 И, забывчивыя, зелья
 Мнѣ отъ ранъ не припасла...

Гиацинту ли нагорій,
 Соловью ль, пѣвцу садовъ,
 Вѣтру ль выплакать мнѣ горе,
 Стаѣ ль бѣлыхъ облаковъ?

16.

ЗВѢРОЛОВЪ, ОЛЕНЬИМЪ СЛѢДОМЪ...

—«Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ
 Рыщешь ты весь долгій день.
 Дикій логъ тебѣ ль не вѣдомъ,
 Гдѣ таится мой олень?»

—«Солнце, сынъ мой, злой кручиной
 Въ горы загнанъ, одичаль.
 Цвѣтъ мой, макъ мой надъ стремниной
 Гдѣ цвѣтеть,—не примѣчалъ?»

—«Брачный платъ зелено-алый
 Повязаль твой сынъ, сестра.
 Мнетъ во снѣ женихъ усталый
 Нѣгу пестраго ковра.»

—«Кто жъ она,—скажи, родимый,
 Коль прослышалъ ты молву,—
 Чью на грудь мой сынъ любимый
 Клонить буйную главу?»

—«Видѣлъ я: склонясь лежалъ онъ
 На скалу, твой удалецъ.
 Не жену къ себѣ прижалъ онъ:
 Онъ зажалъ въ груди свинецъ.»

17.

МОЕЙ МАТЕРИ.

—Межъ цвѣтовъ не макъ алѣеть,—
Спитъ онъ въ каменномъ гробу.
Вѣтерочекъ тихо вѣеть,
Развиваетъ прядь на лбу».

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную клянущу:
Какъ съ родимую простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакъ кричить,
Мимовѣйный вѣтръ молчить:
Краемъ крылъ души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бѣ отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бѣ ее подслушалъ!

Какъ покроетъ доли тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнулъ бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
Ей привидѣлся бѣ ребенкомъ!

18.

НѢТЬ ТЕБЯ, ДУША ОТЧИЗНА, КРАШЕ...

Нѣть тебя, душа-отчизна, краше!
 Въ небѣ горы тають. Розу клонить
 Вѣтерокъ. Озеръ синѣютъ чаши...
 А народъ въ потопахъ крови тонеть!

Отдалъ бы тебѣ, моя отчизна,
 Душу я: души единой мало.
 Тысячу бѣ, съ одною, отдалъ жизнью:
 Дать другія сердце бѣ тосковало!

Я любви твоей сынамъ родимымъ
 Жертвою бы сталъ тысячекратной!..
 Дай же,—если быть пѣвцу щадимымъ,—
 Пѣсню величать тебя пріятной,—

Сѣять кровью политая нива,
 Жаворонкомъ съ неба вѣсть восхода:
 Зеленѣеть огненное диво,
 Солице новыхъ дней встаетъ—свобода!

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

19.

Сорванную розу вѣткѣ не вернуть,
 Мигомъ иновавшимъ снова не вздохнуть.

Что пережила ты—все во снѣ, въ туманѣ,
 И любовь и горе—тѣнь воспоминаній.

Сохраняй же чистымъ сердце, доброй будь,
 Чтобъ на память жизни не осѣла муть,

Не спѣши... Смерть глянетъ поздно или рано...
 Все пройдетъ безслѣдно: сны и мгла тумана!

20.

Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
Изогнуты, какъ мечъ у палача.
Все въ мѣрѣ—призракъ, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Ихъ алое вино,—
Я съ радостью приму ударъ меча:
Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
Изогнуты, какъ мечъ у палача.

21.

Безвѣстна, безымянна, позабыта
Могила есть въ безжизненной степи.
— Чей пепель тлѣетъ подъ плитой разбитой,
Кто, плача, здѣсь молился: «мирно спи!»

Нѣмой стопой столѣтїя проходятъ;
Вновь жаворонка пѣснь безпечна днемъ,
Вновь вѣтеръ волны травяныя водить...
— Кѣмъ былъ любимъ онъ? кто мечталъ объ немъ?

22.

МОЯ ДУША...

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомленъ.
Моей душой, безгрѣшной, непорочной,
Владѣетъ дивный и великій сонъ.

Лазурнокрылый ангель въ небѣ рѣетъ,
На землю дѣва сходить, и она
Дыханьемъ звѣздъ, лобзаньемъ неба свѣтетъ
Съ моей души ночныя чары сна.

И день, и ночь ея прихода жду я,—
 Вотъ-вотъ она покинетъ небосклонъ,
 Разсѣтъ ночь души—и, торжествуя,
 Я воспую мой дивный, вѣщій сонъ!

23.

ЧЕРНЫЯ, МРАЧНЫЯ ТУЧИ...

Черныя, мрачныя тучи сошлись у тебя на челѣ,
 Ты запахнулся въ туманъ, Алагязъ.
 Въ сердцѣ моемъ—солнце потухло во мглѣ,
 Сердце въ туманѣ мое, Алагязъ.¹

Къ пестрымъ уступамъ твоимъ я подходилъ, я искалъ:
 Не было розъ безъ шиповъ и на нихъ.
 Ахъ, мои розы, старикъ, рано завяли у скалъ,
 Горе, шиповъ не исчислить моихъ.

Эй, вы, красивыя птицы Манташа, поэты вершинъ!
 Если бы горе мое суждено было вамъ,
 Эти блестящія шелкомъ и пестрыя перышки спинъ
 Стали бъ чернѣе, чѣмъ тьма по почамъ.

Эй, вы, нѣжные вѣтры Манташа! Вы—сказки листковъ!
 Если бы долею вы помѣнялись со мной,
 Въ чашечкахъ вашихъ сладкс-медвяныхъ цвѣтковъ
 Брызнулъ бы ядъ, сжегъ бы яростный зной.

Крылья разбились, мнѣ ихъ опять не взметнуть.
 Здѣсь я, упалъ я въ объятія твои, Алагязъ.
 Дай мнѣ сердцемъ, старикъ, къ великому сердцу прильнуть
 И плакать, рыдать... Ой, кровью рыдать, Алагязъ!

¹ Алагязъ и Манташь—горы.

АБУЛЬ АЛА МААРИ.

КАСИТЬ ВЪ 7 СУРАХЪ. ¹

Вступленіе.

Абуль Ала Маари,
 Поэтъ знаменитый Багдада,
 Прѣжилъ три-раза десять лѣтъ въ великолѣпномъ градѣ калифовъ,
 Прѣжилъ въ усладахъ и въ славѣ;
 У вельможъ и богатыхъ садился за столъ,
 Съ учеными и съ мудрецами вступалъ въ разговоръ,
 Друзей любилъ и извѣдалъ,
 Въ земляхъ разныхъ народовъ бывалъ, смотря, наблюдалъ и
 людей и законы,—
 И его проникательный духъ постигъ чловѣка, постигъ и глубоко
 возненавидѣлъ.
 И, такъ какъ онъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей,
 Нищимъ онъ роздалъ богатство,
 Собралъ караванъ изъ верблюдовъ; взялъ нѣсколько старыхъ
 испытанныхъ слугъ,
 Взялъ припасы въ дорогу, и, ночью, когда,
 Подъ сладострастные шелесты пальмъ, въ сонъ погрузился
 Багдадъ, на берегахъ, кипарисами убранныхъ, Тигра,
 Тайно изъ города вышелъ.

¹ Болѣе подробныя объясненія къ этой поэмѣ см. въ Примѣчаніяхъ.

Сура I.

И караванъ Абуль Алы, какъ ручей, что, журча, бѣжитъ средь
 песковъ,
 Въ дремотной ночи неспѣшно шагаль, со звяканьемъ нѣжнымъ
 большихъ бубенцовъ.
 Размѣреннымъ шагомъ путь совершалъ ночной караванъ, вѣясь
 какъ змѣя,
 И звонъ сладкозвучный лился, затоплялъ погруженныя въ сонъ
 нѣмая поля.
 Облелѣянный нѣгой, въ дремотѣ Багдадъ былъ истомой
 сбѣять райски-пламенныхъ грезъ,
 Въ гелистанахъ газели пѣлъ соловей: пѣсни сладкія страсти
 пѣлъ сладко до слезъ.
 Водомеры смѣялись, роняя вокругъ адамантовый смѣхъ, ясный
 смѣхъ безъ конца;
 Благовонныхъ лобзаній лился еиміамъ отъ кристалльныхъ кіос-
 ковъ въ преддверьяхъ дворца.
 Ароматомъ гвоздики рассказывалъ вѣтръ сказки древнихъ вре-
 менъ, сказки Шехерезадъ;
 Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ снѣ, у старой дороги
 качались въ рядъ.
 И караванъ, вѣясь какъ змѣя, назадъ не глядѣлъ, звенѣлъ дальше
 во мглу,
 Неизвѣданный путь неисчетностью чаръ манилъ и ласкалъ
 Абуль Алу.
 И другой караванъ—бриліантовыхъ звѣздъ свой путь совершалъ
 по небеснымъ путямъ,
 И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ въ непре-
 дѣльныхъ просторахъ и тамъ
 Былъ полонъ весь міръ, очарованъ во снѣ безпредѣльнымъ на-
 пѣвомъ, перезвономъ съ небесъ,
 И, душой ненасытной, Абуль Маари неумолчнымъ внималъ
 перезвонамъ съ небесъ.
 — «Иди, все иди, ты мой караванъ! шагай все впередъ, остановокъ
 намъ нѣтъ!»
 Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
 великій поэтъ.

«Въ пустыню веди, къ безлюднымъ краямъ, свободнымъ, святымъ,
 въ изумрудную даль,
 Къ солнцу стремись, торопись! будетъ мнѣ—въ сердцѣ солнца
 спалить свое сердце не жаль!
 Вамъ прости не скажу я, могила отца, материнская люлька подъ
 кровлей родной,
 Съ былымъ мое сердце въ ссорѣ навѣкъ: съ тобой, отчій домъ!
 память дѣтства съ тобой!

«Когда-то любилъ я сердечно друзей, и далекихъ и близкихъ, не
 всѣхъ ли людей,
 Но стала любовь ядовитой змѣей и огненной мучить отравой
 своей!
 Я все ненавижу, что прежде любилъ, что въ душахъ людскихъ
 мой взоръ подсмотрѣлъ:
 Тысячу золь я въ людяхъ сбрѣлъ,—отеатныхъ и черныхъ, по-
 зорныхъ дѣлъ!
 Но тысячу первымъ гнушаюсь я зломъ,—лицемѣриемъ гнуснымъ,
 что хуже всѣхъ золь,
 Я бѣгу отъ него, ибо красить оно человѣческой ликъ въ святой
 ореоль.
 Языкъ человѣка! души его адъ въ покровъ убираешь ты, въ сотню
 прикрасъ,
 Въ лазурный наметъ, въ поцѣлуй, въ аромать,—но правдивое
 слово сказалъ ли хоть разъ?
 Языкъ человѣка! Отравленный дротъ! Медь струя, ты мнѣ сердце
 пробилъ, какъ стрѣла.
 Въ сердцѣ умерло небо любви и надеждъ, и, какъ солнце заходить,
 въ немъ вѣра зашла.

«Въ пустыню иди, ты, мой караванъ! въ безлюдный, и въ дикій,
 и въ знойный край!
 Подъ грозной стѣной мѣдно-рыжихъ скалъ тамъ слѣлай приваль,
 межъ звѣрей отдыхай!
 Гдѣ гнѣзда ехиднъ, разсбью свой шатерь! разобью свой шатерь,
 гдѣ спить скорпіонъ!
 Вдали отъ людей будетъ въ тысячу разъ безопаснѣй, покойнѣй,
 прекраснѣй мой сонъ!
 Безопаснѣй, чѣмъ въ дни, когда я преклонялъ главу утомленно
 другу на грудь,

Ахъ, другу на грудь, подъ которой всегда разверстая бездна го-
това сглотнуть.

Доколѣ Синяя съдую главу суровсе солнце будетъ палить,
И желтыя груди въ пустынѣ нагой, какъ волны морей, волно-
ваться и бить, —

Я не захочу увидѣть людей, друзей былыхъ и кровныхъ родныхъ,
Я не захочу услышать сбъ нихъ, сбъ ихъ дѣлахъ, ничтожныхъ
и злыхъ!»

Въ послѣдній разъ Абуль Маари, обратясь, на Багдадъ уснувшій
взглянулъ,

Свой морщинистый лобъ съ отвращеньемъ отвелъ и къ шеѣ вер-
блюда любовно прильнулъ.

Со сладостной лаской поэтъ цѣловалъ горячимъ лобзаньемъ
верблюда въ глаза,

И одна за другой, палящей росой, по рѣсницамъ поэта стекала
слеза.

Со звяканьемъ нѣжнымъ, качаясь въ пескахъ, спокойно, раз-
мѣрно шагаль караванъ,

По пустынѣ впередъ совершалъ свой походъ къ голубымъ бере-
гамъ неизвѣданныхъ странъ.

С у р а II.

И тотъ караванъ, вѣясь какъ змѣя, межъ пальмъ горделивыхъ
свой путь совершалъ,

И песокъ поднималъ, песка караванъ, и вѣтеръ игривый ту пыль
развѣвалъ.

— «Впередъ, караванъ! что кинули мы, чтобъ глядѣть,
сожалѣя, на жизнь прошлыхъ лѣтъ?»

Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
великій поэтъ.

«Что за нами осталось, о мой караванъ! чтобъ вернуться назадъ,
въ отчизну свою?»

Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родныхъ и
семью?

Покинули мы людей и народъ? законъ, справедливость,
отчизну, права?

Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!

«Ахъ! женщина что? кровожадный паукъ, коварный и лживый,
тщеславье безъ дна,
Что любить лишь хлѣбъ твой! и, ядъ въ пощѣлуй вливая, другому
она продана!

На ветхой ладѣ лучше въ море плыви, чѣмъ женщинѣ, клятвѣ
преступной, повѣрь:

Устами ея Иблись ¹ говорить! о блудница, въ красивомъ обличіи
звѣрь!

О лиліи чистой, лучистой звѣздѣ ты мечталъ, ты желалъ спать
подъ свѣтлымъ крыломъ,

Ждалъ, что будетъ она бальзамомъ для ранъ, надъ страдающей
жизнью сіяющимъ сномъ,—

Ты грезилъ о пѣснѣ, какъ пѣснь родника, что влечетъ и песеть
въ голубыхъ берегахъ,

Жаждалъ сладостныхъ слезъ на небесной груди, безсмертной
росы на прелестныхъ очахъ!

Но жаждущимъ душамъ женщинѣ любовь только горечь сулить,
какъ морская вода.

Въ сладострастномъ томленіи ты тѣло лобзалъ, не насыщенъ
и съ новымъ желаньемъ всегда!

«О, безстыдное тѣло женщинѣ! змѣя! преступленья и зла сата-
нинскій сосудъ!

Упоенія горьки, палящія плоть, и на солнце души они тучу
несутъ!

Ненавижу любовь, этотъ буйный прибой сбжигающихъ больно,
палящихъ пучинъ,

Этотъ сладостный ядъ, опьяняются чѣмъ и жалостный рабъ и
царь-властелинъ!

Ненавижу любовь, что жестока какъ смерть, что рождаетъ пс-
всюду зло безъ узды,

Неисчерплемый ключъ, что струитъ на весь міръ постыдную тину
вмѣсто воды!

«Ненавижу я женщинѣ, лобзанія ихъ, гнушаюсь коварствъ
оскверняющихъ нѣгъ,

Отъ порочнаго ложа ласки бѣгу и родильницы одръ проклиная
навѣкъ!

¹ Иблись — злой духъ.

«Вась, жестокіе роды и боли, клянуп! порождаете вы стаю хищ-
ныхъ виперъ,
Что, клубяся, шипять и другъ друга язвятъ, чадной страстью
сквернятъ звѣзды выпреннихъ сферъ!
Тотъ безчестень, себя превратилъ кто въ отца, изъ блаженнаго
сна вызвалъ новый ростокъ,
Въ жизни сей стебелекъ на страданья обрекъ, и надъ нимъ бытія
Геену зажегъ!

«Согрѣшилъ мой отецъ въ быломъ предо мной, но я ни предъ кѣмъ
грѣха не свершилъ!»

Напишите такъ на могилѣ моей, если мнѣ суждено вѣдать радость
могиль.

«Доколѣ вокругъ изумрудныхъ бреговъ Геджаса ¹ гремитъ при-
боя ударъ,—

Желать я не буду женской любви, искать я не стану обманчивыхъ
чаръ.

Скорѣй возжелаю терновникъ ласкать, его кустъ цѣловать, что
дикъ и колючъ,

Скорѣй на скалу главу положу, ланитой прильну на камень-
горючъ!»

И караванъ, стозвучно звеня, свой путь продолжалъ, вѣясь какъ
змѣя,

Спокойно и стройно къ пустынь нагсой онъ шель все впередъ въ
золотыя поля.

Казалось, рыдали въ ночи бубенцы, и звонкія слезы по каплѣ
лились,

Какъ-будто рыдали съ томъ, что въ быломъ любили Маари и
твердили: «вернись»!

Свирѣли зефиrowъ пѣли во мглѣ, такъ сладко, нѣжнѣй, чѣмъ
напѣвы шарги, ²

Про раны любви, про тоскливую скорбь, про тихіе сны и мечтанья
тоски.

Были сумрачны думы Абуль Алы, и грусть его сновъ—безъ
конца, безъ границъ,

¹ Г е д ж а с ъ.—сѣв.-зап. берега Аравіи.

² Ш а р г а музыкальный инструментъ.

Какъ путь, что угрюмо тянулся средь мглы, вился межъ
 песковъ—безъ конца, безъ границъ.
 Въ душѣ тосковаль Абуль Маари, безнадежной тоской было
 сердце полно,
 Къ созвѣзіямъ нѣжнымъ онъ взоръ устремляль, съ безбрежнымъ
 путемъ сливаясь въ одно,
 Но назадъ не глядѣль на пройденный путь, и душа не горѣла
 забытымъ былымъ,
 Отвѣчать не хотѣль на привѣты другихъ, и привѣтовъ не слалъ
 караванамъ другимъ.

Сура III.

И караванъ Абуль Алы, какъ ручей, что журчитъ посреди ти-
 шины,
 Спокойно и стройно шель все впередъ при сладостномъ свѣтѣ
 смиренной луны.
 И луна, словно грудь юной дѣвы—изъ тѣхъ, что мечтають въ
 Дженнатъ,¹ прозрачна, свѣтла,
 То стыдливо скрывалась во мглу облаковъ, то зыбко и нѣжно
 по небу плыла.
 Въ благовонную дрему укрылись цвѣты, изъ алмазовъ надѣвъ
 несравненный уборъ,
 Птицы, съ крыльями радугъ, ласкались, дрожа, доносился ихъ
 щебетъ, какъ радостный хоръ.
 Ароматомъ гвоздики нашептываль вѣтръ сказки древнихъ вре-
 менъ, сказки Шехерезадъ;
 Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ снѣ, у старой дороги кача-
 лись въ рядъ.
 Сказкамъ вѣтра внимая, Абуль Маари самъ съ собой говорилъ,
 знаменитый поэтъ:
 — «Вся вселенная—сказка, полная чаръ, гдѣ нѣтъ конца и
 начала гдѣ—нѣтъ.
 Кто же сплелъ эту сказку, роскошный рассказъ, сплелъ съ ней
 вмѣстѣ созвѣздья, безсчетность чудесъ?»

¹ Д ж е н н а т ь—рай.

Говорить безпрестанно съ такимъ волшебствомъ на безсчетность
ладовъ, говорить, но исчезъ?
Возникають народы, уходятъ во мглу, но никто разгадать смысла
сказки не могъ.
Лишь поэты порой, что-то въ ней угадавъ, безсмертный напѣвъ
оставляютъ въ залогъ.

«Начала ея не слышалъ никто, не услышитъ никто ея конца,
Но вѣками живеть каждый жизненный звукъ, безъ начала жи-
ветъ, живеть безъ конца.
Для каждаго, кто приходитъ въ сей мѣръ, прекрасная сказка
также нова,
Начинается съ жизнью, до смерти звучить, пока живъ человѣкъ,
эта сказка жива.
Вселенная—сказка, жизнь—нѣкій сонъ, народы—прохожій, въ
пути караванъ,
Идущій впередъ, съ пламенѣющимъ сномъ, къ недвижнымъ моги-
ламъ невѣдомыхъ странъ.
Слѣпцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля той сказкѣ
святой,
Вырываютъ съ борьбой другъ у друга куски, другъ друга тол-
каютъ къ могилѣ съ борьбой.

«Мы создали сами законовъ ярмо; паукъ намъ разставилъ губя-
щую сѣть;
Волшебную сказку мы сами мертвимъ, и снамъ не даемъ ихъ
огнемъ пламенѣть.
Злосчастные люди! все будетъ—лишь прахъ: ваши злыя сердца
и дѣла вашихъ рукъ.
Безучастное время сотретъ всѣ слѣды кровавой расправы, и
славы, и мукъ!
И вѣтеръ безпечный будетъ свистѣть надъ плитами вашихъ
забытыхъ гробовъ,
Ибо вы не сумѣли упиться вполне этой сказкой волшебной,
цѣлебностью сновъ!»

Межъ тѣмъ караванъ бриліантовыхъ звѣздъ свой путь совер-
шалъ по небеснымъ путямъ,
И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ неумолчно
въ просторахъ и тамъ.

Быль полонъ весь міръ, очарованъ во снѣ непредѣльнымъ на-
пѣвомъ, перезвономъ съ высотъ,
И душой ненасытной Абуль Маари неумолчнымъ внималъ пере-
звонамъ съ высотъ.

—«Иди, караванъ мой! сплетая свой звонъ со звономъ небеснымъ,
нетлѣннымъ,—иди!
Въ материнское лоно природы веди, развѣй мои стоны, назадъ не
гляди!
Въ тотъ свѣтло-одеждный, невѣдомый край, къ одинокой, дале-
кой, безвѣстной странѣ,
Гдѣ есть мой оазъ, гдѣ грезъ моихъ ключъ звенить, освѣжая,
въ святой тишинѣ!
Молчаливое небо! со мной говори языкомъ твоихъ звѣздъ и меня
утѣшай!
То сердце мое, что міръ уязвилъ, что ужалили братья, въ тиши
обласкай!
Свободенъ мой духъ! надъ собой не терплю—я ни силы, ни
власти, все—воля моя:
Нѣтъ для меня ни блага ни зла, ни суда ни закона, я самъ—свой
судья!
Надъ моей головою быть не должно ни защиты, ни крова отъ
вѣчной Судьбы;
Пусть внѣ жизни моей—какъ въ темницѣ темно, пусть тамъ,
гдѣ не я, цари и рабы!
Быть хочу внѣ предѣловъ, не вѣдать владыкъ, долга не знать,
забыть Божество:
Быть свободной безмѣрно, безгранно, во всемъ,—душа моя
жаждетъ лишь одного!»

Караванъ все впередъ совершалъ свой походъ, и сияли надъ
нимъ,—такъ смѣется дитя,—
Очи вѣчно-свободныхъ, сверкающихъ звѣздъ, въ тверди синей
надъ тихой пустыней блестя.
Росою волшебной въ дремотной ночи весь искрился путь въ
бирюзовой дали;
Въ бирюзовую даль, въ безмятежную даль верблюды, качаясь,
размѣренно шли.

Сура IV.

Какъ гигантская птица, черная ночь широко простерла крылья
свои;

Огромныя крылья нависли, покрывъ караванъ, всю пустыню,
оазы, ручьи...

И, отъ дали до дали, сумраки тучь разостлали по небу, чернѣя,
кайму;

Луна и созвѣзды утратили свѣтъ, и казалось, что тьма окутала
тьму.

Налетали сурово вѣтры, стена, словно кони, сорвавшись съ
узды иль съ цѣпей;

Въ ураганѣ кружились, крутились въ борьбѣ облака и песокъ
сожженныхъ степей.

Смертоносную дрожь вызывали, свистя, и на сто голосовъ завыва-
вали вокругъ,

Словно звѣри на волѣ, отъ боли рыча, изъ желѣзныхъ затворовъ
ринулись вдругъ.

Вились по ущельямъ, съ весельемъ вопя, листья пальмъ по
оазамъ крутили, шурша

И скорбный псаломъ запѣвали потомъ, словно чья-то въ пустынѣ
рыдала душа.

— «Иди, караванъ мой! стойко иди! противъ вѣтра впередъ!
остановокъ намъ нѣтъ!

Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абуль Маари,
великій поэтъ.

«Войте, лютые вѣтры! ревите кругомъ! обвѣвайте, вы, вихри,
главу мою!

Вотъ, робости чуждъ, съ непокрытымъ челомъ, я, буйные вѣтры,
предъ вами стою.

Нѣтъ, я не вернусь назадъ въ города, гдѣ ликуеть, бушуетъ
мутная страсть,

Не вернусь никогда я въ тѣ города, гдѣ людская царить крово-
жадная власть.

Нѣтъ, я не вернусь, бездомный, домой! я самъ погасилъ свой
отчій очагъ.

Горе тому, кто живетъ въ дому, кто не смѣетъ, какъ песь, отойти
ни на шагъ!

«Налетите, о вѣтры, на отчій мой домъ! расшатайте устои, разрушите въ немъ все!

Развѣйте по свѣту безбрежному пыль! дорога безъ края—мое жилье!

Уединенье—отчизна моя! отчій кровь мнѣ теперь—въ звѣздахъ небеса!

И караванъ—теперь мнѣ семья! и мой покой—пустынь голоса!
О, чудесный мой путь, неизвѣстный всегда, вѣчно полная жизни, отчизна моя!

Уводи меня въ даль! сердце, полное слезъ, уводи въ тѣ края, гдѣ одинъ буду я!

И, куда бѣ ни привелъ, и оттуда спѣши: на пути остановка—новая боль!

Добрый путь, уводи, дай исчезнуть, пропасть, дай скрыться отъ всѣхъ, затеряться позволь!

«Что осталось за нами, о мой караванъ, чтобъ вернуться назадъ, въ край близкихъ моихъ?»

Покинули мы друзей и жену? богатство и славу: семью и родныхъ?

Людей и народъ покинули мы? законъ, справедливость, стичизну, права?

Иди все впередъ! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!

Что слава? Сегодня возносятъ тебя, именуя, ликуя, къ послѣдней чертѣ,

А завтра съ презрѣньемъ камнями бьютъ, и топчутъ, повергнувъ въ своей слѣпотѣ.

Что честь? или что уваженье людей? чтутъ золото только, изъ страха насъ чтутъ,

Но чуть поскользнешься,—сталь честень другой, надъ тобой же свершаютъ безжалостный судъ.

И что же богатство? Имъ каждый глупецъ покупаетъ и власть, и талантъ, и любовь.

Богатство—то трупы убитыхъ людей, и слезы сиротъ, и пролитая кровь.

Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле брани и злобы, гдѣ править толпа,

Гдѣ тиранъ беспощадный во славу свою въ пирамиду слагаетъ жертвъ черепа!

«Ненавижу отчизну! она богачамъ тучнымъ пастбищемъ служить
 для всякихъ потребъ,
 А пахарь безправый кровавой земли голый камень грызеть,
 взирая на хлѣбъ!
 Ненавижу я черны! раболѣпна, тупа, она повторяетъ любой
 глупый толкъ,
 Но, духа гонитель, насилья упоръ, она, власть почуявъ, свирѣпа,
 какъ волкъ!
 И общество что? только лагерь враговъ, гдѣ всѣ неизмѣнно въ
 презрѣнномъ плѣну.
 Оно не выноситъ паренья души, стремленья свободной мечты
 въ вышину.
 Общество—обручъ, сжимающій духъ! ужасающій бичъ, свистя-
 щій подъ смѣхъ,
 Ножницы жизни, что рѣжутъ людей, чтобы равными сдѣлать,
 похожими всѣхъ.
 Ахъ! что и законы? самими людьми въ руки сильныхъ дается
 отточенный мечъ,
 Чтобы сильныхъ хранить, чтобы слабыхъ губить, чтобы головы
 бѣднымъ безжалостно сѣчь.

«Я ненавижу, во гнѣвѣ святомъ, людскіе законы, права и суды.
 Гдѣ властенъ законъ, тамъ бѣднякъ угнетенъ: гдѣ не дремлютъ
 суды, тамъ свобода вражды.
 Путь невѣдомый мой! безслѣдно укрой меня вдалькѣ отъ крова-
 выхъ правъ!
 Пусть лучше меня растерзаетъ тигръ, чѣмъ въ силу закона буду
 я правъ.
 Меня уведи, о мой караванъ! ехиднамъ довѣрь, подъ пескомъ
 схорони!
 Шагъ въ пустыню направъ, отъ закона избавь! да въ великой
 свободѣ пройдутъ мои дни!»

А въ ярости буйной огнистымъ мечемъ руки молній рубили по
 мглистости тучъ,
 Дробились въ упоръ о выступы горъ, и громъ грохоталъ, непо-
 корно-могучъ.
 Вѣтры вопили, въ оазахъ вдали, кипарисы и пальмы шумѣли,
 треща,
 И караванъ, подъ звонъ бубенцовъ, безудержно, быстро бѣжалъ
 трепеша,

Бѣжалъ онъ, летѣлъ онъ, подъ звонъ-перезвонъ, песчанымъ
 плащемъ покрывая свой путь,
 Какъ будто гонимый незримой рукой, отъ грозной погони спѣша
 ускользнуть.

Сура V.

Благоухали въ полдневномъ жару нарцисъ и заторъ, дыша, всѣ
 въ цвѣту,
 И караванъ, затерянъ въ пыли, подвигался впередъ, утомленъ
 и въ поту.

— «Иди, караванъ мой! сквозь бурю и зной, въ пустыню войди,
 остановокъ намъ нѣтъ!»

Такъ, въ гнѣвѣ, съ тоской, говорилъ самъ съ собой Абуль Маари,
 великій поэтъ.

«Пусть встрѣтитъ меня обжигающій вѣтръ, слѣдъ въ горячихъ
 пескахъ пусть сотретъ онъ навѣкъ,
 Чтобъ меня человѣкъ не нашель никогда, чтобъ рядомъ со мной
 не дышалъ человѣкъ.

Отъ людей я въ пустынѣ буду спасенъ, такъ кого же еще мнѣ
 бояться теперь?

Съ громкимъ рыканьемъ въ пескахъ на меня пусть нападаетъ
 яростный звѣрь!

Уже вижу я львовъ рыжешерстыхъ вдали, что глядятъ на меня,
 тая свой порывъ,

И вѣтеръ свѣваетъ тысячу искръ на желтый песокъ съ ихъ жел-
 тѣющихъ гривъ.

«О, придите, зываю, я не бѣгу! придите пожрать уязвленную
 грудь!

Я назадъ въ города не вернусь никогда, въ людское жилье не
 войду отдохнуть.

Быть должно съ людьми на стражѣ всѣ дни, съ оружемъ въ ру-
 кахъ озираться вокругъ,

Чтобъ тебя не обидѣлъ, не растерзалъ, накинувшись вдругъ,
 и недругъ и другъ.

Что люди? Подъ маской—дьявольскій ликъ! у аждага коготь
 и жало найдешь,

Копыто и клыкъ: ихъ лживый языкъ всегда ядовитъ и колетъ,
какъ ножъ.

Что люди? Имъ любви крохи твои! вызираетъ ихъ взглядъ, гдѣ
отъ денегъ ключи.

Готовы отречься, готовы предать, что стая лисицъ, палачи,
палачи!

Всѣ низкопоклонны, продажны всѣ, малодушны и льстивы во дни
нищеты;

Всѣ немилосерды, мстительны всѣ, во дни богатства, кичливы,
пусты.

Обозрѣвши пески, если счесть всѣ шаги, что мой караванъ по
дорогѣ прошелъ,

Несчастность шаговъ не сравнится съ числомъ въ единыя сутки
свершаемыхъ золь.

И вотъ говорю я: услыште меня, ты, Сѣверъ и Западъ, ты Югъ
и Востокъ!

Чьи враждебные вѣтры внемлютъ теперь правдивымъ словамъ,
что путникъ изрекъ!

Услыште! развѣйте жгучую рѣчь, пусть отъ моря до моря
узнаетъ весь свѣтъ,

Что хуже, постыднѣй, чѣмъ челоуѣкъ, что жесточе его—созданія
нѣтъ.

Люблю я шакала и съ жаломъ змѣю, и лишь къ челоуѣку во мнѣ
нѣтъ любви.

Кто столь же нещадно мучилъ меня? чьи алчныя руки столь же
въ крови?

Доколь надъ пустыней въ синей выси огневѣтъ созвѣздій за
взглядами взглядъ,

Доколь, воздымаясь, волны песка подъ вѣтромъ шумятъ и какъ
змѣи шипятъ,—

Я не захочу челоуѣка узрѣть, не вернусь къ прежней жизни
въ отчизнѣ, какъ въ плѣнѣ,

Пусть вихрь огневой встаетъ предо мной, пусть мнѣ угрожаютъ
зубы гиень!

«Бѣги, караванъ мой! отъ шумныхъ пировъ, безумныхъ разврат-
ныхъ безстыдныхъ всегда,

Отъ гнусныхъ базаровъ торговли и лжи, отъ мерзостныхъ ско-
пищъ безъ капли стыда!

Отъ женщинъ бѣги, и бѣги отъ любви, отъ дружбы и мести бѣги
цѣлый день,
Мнѣ ненавистно все, что съ людьми, мнѣ ненавистна людѣй даже
тѣнь.
Иди, караванъ мой, иди, попирай копытами—землю, права и
законъ
И пылью пути своего покрывай, какъ добро, такъ и зло,—бѣги
дальше подъ звонъ!»

Выпрямивъ выи крутыя свои, верблюды бѣжали, какъ вѣтеръ
легки,
Бѣжали подъ звонъ, и по ихъ слѣдамъ, какъ другой караванъ
клубились пески.
Бѣжали подъ звонъ, по сожженнымъ степямъ, въ даль невѣдо-
мыхъ странъ, къ золотистой дали,
Оазы, деревни, деревья, поля исчезали за ними въ песчаной
пыли.
Словно испуганъ, Абуль Маари бѣжалъ неустанно все къ новымъ
мѣстамъ,
Какъ будто бы люди, женщина, долгъ гнались безпрестанно
за нимъ по пятамъ.
Подъ звонъ-перезвонъ, проходилъ караванъ безвозвратно, не
глядя, чрезъ множество странъ,
Мимо сумрачныхъ башенъ большихъ городовъ, гдѣ наживой
и страстью людѣ алчущей пьянь;
Мимо скорбныхъ строеній глухихъ деревень, столѣтья объятыхъ
довольствомъ тупымъ;
Бѣжалъ неустанно къ пустынѣ нагой, съ постоянной тоской,
по степямъ золотымъ.

Караванъ все бѣжалъ, и ночи и дни, свой путь совершалъ, вѣясь
какъ змѣя,
И въ душѣ размышлялъ Абуль Маари, нахмутивъ чело и гнѣвъ
затая.
Онъ плакалъ безъ слезъ, и въ сердце впиалась нѣмая тоска, безъ
конца, безъ границъ,
А путь его росъ, дорога вилась по равнинамъ песка, безъ конца,
безъ границъ.
Не хотѣлъ онъ взглянуть на пройденный путь, и прошлаго было
не жалко ему,

Безъ отвѣта привѣты другихъ оставлялъ и привѣтствій не слалъ
по пути никому.

С у р а VI.

И караванъ Абуль Алы, вратъ пустыни достигнувъ, сталъ,
утомлень.

Аравійской великой пустыни предѣлъ предъ нимъ простирался,
солнцемъ сожженъ.

Берега кругозора надъ далью песковъ загорались, одинъ за дру-
гимъ, въ свой чередъ;

Черно-бархатный плащъ поднимала мгла; въ фосфорическомъ
блескѣ дрожалъ небосводъ.

И близъ каравана Абуль Ала, одинокій, спокойный, задумчи-
вый—сѣлъ,

Главу преклонивъ на златистый утесъ, онъ пристально въ даль
голубую смотрѣлъ.

— «Какъ свободенъ, свободенъ безбрежно я! Ужель берега
пустыни сполна

Вмѣстятъ, заключать свободу мою, обнимуть свободу безъ
граней, безъ дна?

Не достигнетъ рука человѣка меня, не подсмотреть никто моихъ
пламенныхъ грезъ.

О свобода! ты—свѣтлый, святой аромать роскошныхъ, въ раю
расцвѣтающихъ розъ!

Вѣнкомъ этихъ розъ меня увѣнчай, свой факель зажги въ потем-
кахъ души!

Ты, свобода,—безсмертный, святой Аль-Коранъ соловьевъ, что
въ раю распѣваютъ въ тиши!

Царица пустыня! ты—миръ золотой одиночества! здравствуй,
святое жилье!

«Благословенъ непорочный край, гдѣ люди людей не торзали
еще!

Протянись, разстели мятлжныхъ пескъ въ безбрежномъ море во всѣ
концы,

Покрой всѣхъ людей, упокой горста, селенья сады, лачуги,
дворцы!

Съ драконами бурь, пусть вольность твоя повсюду отнынѣ надъ
мірсмъ царить,

И, пронзая лазурь, пусть солнце, горя, свободу пустыни вездѣ
золотить!

Еолшебствомъ неисчетнымъ, чарующимъ сномъ, все пылая
огнемъ, воздвигаетъ чертогъ

Надъ вселенною Солнце, раскинувъ власы: встало Солнце,
всталъ Шемсъ,¹ кто сильнѣе, чѣмъ Богъ!

И пышное солнце встало, горя, надъ великой пустыней, какъ
шаръ, заалѣвъ,

Засверкали, зажглись золотые пески, какъ возставшій гигантъ,
титанической левъ.

-- «Саламъ тебѣ, Солнце! шюкръ безъ конца!² материнское лоно,
безсмертная мать,

Только ты есть добро, милосердо лишь ты, лишь тебѣ вся любовь!
святъ, святъ, святъ! благодать!

Ты безсмертнымъ восторгомъ наполнило грудь Зороастра-
пророка когда-то давно!

Завязь, полная жажды, здѣсь сердце мое: пурпурѣвое влей
въ мое сердце вино!

Ты—нетлѣнная чаша вселенной, въ тебѣ—золотыхъ опьяненій
и радостей хмель,

Ты—бездонная чаша негаснущихъ чаръ, ты — безсмертныхъ и
чистыхъ восторговъ купель!

«Опьяняй же меня! опьяняй же меня! неисчерпнымъ виномъ
опьяняй меня!

Чтобъ забыть навсегда скорбь, и зло, и людей, и ночи обманъ,
и насиліе дня!

Ты сзываешь весь міръ на немолкнушій пиръ, ты—вселенной
добро, и сумракъ—твой врагъ!

Необорный противникъ, сражаешь ты мглу! ты сильнѣе, чѣмъ
Богъ! ты—праведный стягъ!

Опьяняй же меня блаженствомъ твоимъ, твоей свѣтлостью
вѣчной меня опьяняй!

¹ Шемсъ—имя божества.

² Саламъ, шюкръ—привѣты.

Все, что ранить въ быломъ, да канеть навѣкъ въ благовоный,
бессонный, бездонный твой рай!

«Только ты есть добро, милосердо лишь ты, ты—бессмертная мать,
благодать, святъ, святъ, святъ!

Поправшее смерть, ты—матерь весны, ты выше чудесъ, ты
прекрасно стократно!

Тебя я люблю! тебя я люблю! жги, язви, опалай—меня средь
пустынь,

Палящей любовью меня обласкай и золото космъ мнѣ на-душу
кинь!

Мнѣ уста окровавь, на нихъ, наложивъ какъ палящій пожаръ,
золотой поцѣлуй!

Мнѣ объятья раскрой, чтобъ съ блаженной тоской я кинулся
въ бурю пламенныхъ струй!»

«Эй, верблюды, пора! поднимайтесь!» вскричалъ, обратясь къ
каравану Абуль Маари,

«Отъ копытъ отряхните проклятую пыль прежнихъ, рабскихъ
дорогъ, въ свѣтъ новой зари!

И, въ послѣдній разъ, внимлите словамъ: Я васъ ненавижу,
люди земли,

Вашихъ вѣръ не хочу, гнушаюсь я всѣмъ, и зломъ и добромъ,
всѣмъ, что вы обрѣли!

Лишь цѣпи куеть, создаетъ человѣкъ, лишь тюрьмы рабамъ,
каждый день, каждый часъ.

Я васъ ненавижу навѣкъ, навѣкъ! о, въ послѣдній разъ ненавижу
я васъ!

Пусть оглохнетъ мой слухъ, чтобъ его не смущалъ ненавистный
шумъ, человѣческой шумъ,

Пусть ослѣпнетъ мой взоръ, чтобъ вовѣкъ не желалъ оглянуться
назадъ, на людской самумъ!

Впередъ, караванъ мой! вѣками лети! вѣками мчись къ солнцу,
взвивайся, какъ пухъ,

Чтобъ въ свѣтлыхъ огняхъ, въ пьяныхъ лучахъ, осолнчился я,
обезсмертилъ свой духъ!

О, Солнце-Родитель! пурпурнымъ плащемъ мнѣ плечи покрой
въ моей новой судьбѣ,

Чтобъ я, побѣдитель, лазурнымъ путемъ, стремился мечтой все
къ Тебѣ, все къ Тебѣ!»

Сура VII.

И, златистые челны,—верблюдовъ ряды,—прорѣзавши волны
огнистыхъ песковъ,
Помчались, качаясь, взрывая слѣды, въ златистую даль, подъ
звонъ бубенцовъ.
Никакіе самумы палящимъ крыломъ не догнали бы ихъ межъ
песчаныхъ долинъ,
И ихъ не догналъ бы звенящимъ копьемъ, на быстромъ конѣ
летя, бедуинъ.
И пальмы оазовъ какъ пери свѣтлы, лобзанья дарили Абуль
Маари,
И пламенной сказкой, привѣтомъ любви, услаждали его, отъ
зари до зари.

Но онъ не внималъ нѣжнымъ шелестамъ ихъ, привѣтамъ любви,
что шептала зря,
Онъ къ Солнцу, онъ къ Солнцу упорно летѣлъ, самъ солнцу
подобенъ, какъ солнце горя.
За нимъ разстилалась пустыня одна, залитая свѣтомъ, лишь
свѣтомъ однимъ,
А знойное Солнце, въ сапфирѣ волосъ, пронизанныхъ свѣтомъ,
горѣло надъ нимъ.

Недоуздокъ на волѣ, мчался верблюдъ, безшумно, безумно,
рьяно впередъ,
Въ желто-пламенномъ полѣ, не вѣдая путь, безраздумно, без-
думно и пьяно впередъ.
Подъ пылающимъ сонмомъ небесныхъ лучей надъ верблюдами
словно горѣли вѣнцы,
Немолкнушимъ звономъ вольнѣй, веселѣй, свободнѣй звенѣли
вездѣ бубенцы.
И, пурпурнымъ плащемъ одѣтъ, Маари, летѣлъ, погруженъ
въ божественный сонъ,
Лазурнымъ путемъ, отъ зари до зари, все къ Солнцу, все къ
Солнцу летѣлъ, опьяненъ.

ДЭРЭНИКЪ ДЭМИРЧИАНЪ.

1873 Г.

1. Осень. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.
2. Отрывки изъ поэмы. Перевелъ *онъ же*.

1.

ОСЕНЬ.

Осень въ лѣсу—роковую, печальную,
Тихую пѣсню поеть, погребальную,
Грусть нагоняя на сердце надгробную,
Тихую, грустную,
Пѣсню печальную,
Стону подобную,
Долгую, грустную,
Пѣсню прощальную,
Пѣсню незлобную.
Смерти предвѣстіемъ душу страдальную,
Душу смущая, къ борьбѣ неспособную.

2.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ

ЛЭНКЪ-ТИМУРЪ.

1.

Насталь жестокий, черный годъ: зима—безснѣжна и тепла;
Весна—потоплена въ дождяхъ; дни лѣтніе—сухая мгла.
Какъ-будто кровью полный глазъ, стояло солнце въ облакахъ,
Вѣщая кровь, смотрѣло внизъ, и взглядомъ наводило страхъ.
Изъ тучъ, какъ высохшихъ грудей, струилась ржавчина и ядъ,
Посѣвъ не приносилъ плодовъ, дышалъ эловоніемъ распадъ,
И мертвецы изъ мглы могилъ, вставали, жалобно стеля:
Шель черный годъ, жестокий годъ, гладь, мечъ, всемірная рѣзня.

II.

Рѣзня, рѣзня, вездѣ, вездѣ, безуміе, убійства, страхъ!
 Рѣзня повсюду,—въ городахъ, по деревнямъ, въ монастыряхъ!
 Рѣзня нещадная вездѣ! кто живъ, кляни свой первый вздохъ,
 Кто видитъ,—лучше бы ослѣпъ, кто слышитъ—лучше бы оглохъ!
 Ослѣпнемъ всѣ, и ослѣпимъ мы солнце, этотъ глазъ дневной,
 И сверху донизу весь міръ задернемъ черной пеленой.
 Ударьте, вѣтры, безъ препонъ, безудержно трясите твердь,
 Разверзни чрево, хаосъ! Пусть грядетъ Послѣдній День и Смерть!
 Что за чудовищный народъ, суроволикъ, великоглавъ?
 Не въ трубы ль Страшнаго Суда трубятъ архангелы, оставъ?

III.

Сурунь, сурунь!¹—то броней звонъ,
 Гора гремитъ и вторитъ доль,
 Сурунь, сурунь! бѣгите прочь,
 Гора гремитъ и вторитъ доль.

Бѣда, бѣда роднымъ горамъ,
 Бѣда, бѣда роднымъ полямъ,
 Бѣда князьямъ и пастухамъ,
 Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ...

Бѣги, дитя! бѣги, старикъ!
 Бѣги, богачъ! бѣги, мужикъ!
 Въ пещерахъ, дѣвы, скройте ликъ!
 Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ.

Грозитъ мечемъ, грозитъ огнемъ,
 Наполнилъ страхомъ высь и доль,
 Сурунь—сурунь! бѣгите прочь,
 Гора гремитъ и вторитъ доль.

¹ Сурунь—возгласъ древнихъ монголовъ при нападеніи. Лэнкъ-Тимуръ—Тамерланъ (см. выше, стр. 328).

ШУШАНИКЪ КЪРГИНЬЯНЪ.

1875 Г.

1. П а н и х и д а. Перевель *В. Спасскій*.

ПАНИХИДА.

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорокъ
Въ безпредѣльной степи, молчаливъ, одинокъ,
Безмятежно стоитъ.

Кто-то спитъ подъ землей, и разбитую грудь
Вихри огненныхъ думъ не способны взметнуть:
Безпробудно онъ спитъ!

Онъ прильнулъ головой къ мать-родимой землѣ,
Но рыданій земныхъ онъ не слышитъ во мглѣ,
Онъ уснулъ, онъ забылъ.

Какъ лампы горятъ сонмы звѣздъ въ вышинѣ,
Өиміамы струять волны травъ въ тишинѣ,—
Милліоны кадилъ.

Надъ могилой шумитъ вѣтеръ съ тихой тоской:
Какъ напѣвъ гробовой, говорить: «упокой!»
Полонъ сумрачныхъ грезъ.

Ни креста, ни плиты... Въ свой торжественный часъ,
Онъ свой крестъ роковой, ради всѣхъ, ради насъ,
На Голгоѳу понесъ!

ВАНЪ ТЭРІАНЪ.

1885 Г.

1. «Скользвящей стопой...» Перевель *Валерій Брюсовъ.*
2. «Опять спустилась ночь...» Перевель *онъ же.*
3. Газелла. Перевель *онъ же.*
4. Въ весеннемъ городѣ. Перевель *онъ же.*
5. Изъ «Наирскихъ пѣсенъ». Перевель *Θ. Сологубъ.*
6. Наирянка. Перевель *К. Бальмонтъ.*
7. «Ужель позъ послѣдній я?» Перевель *Валерій Брюсовъ.*
8. «Какъ не любить тебя...» Перевель *онъ же.*
9. «Я помню, осень подошла.» Перевела *Е. Выставкина.*
10. «Если нѣтъ любви...» Перевель *В. Бакулинъ.*

1.

Скользющей стопой, словно нѣжнымъ крыломъ шелестя тем-
 ноты,
 Прошла чья-то тѣнь, облелѣвъ во мглѣ травъ бѣлѣющей цвѣтъ;
 Вечерней порой,—легковѣющей взд хъ, что ласкаетъ кусты,—
 Видѣнье прошло, женскій призракъ мелькнулъ, бѣлымъ фле-
 ромъ одѣтъ.

Въ пустынный просторъ безконечныхъ полей прошептала она,—
 Не слово ль любви прошептала она задремавшимъ полямъ?
 Остался въ цвѣтахъ этотъ шопоть навѣкъ, словно отзвуки сна,
 И шопоть лоя, этотъ шопоть святой, я склоняюсь къ цвѣтамъ!

2.

Опять спустилась ночь, опять! и снова
 Ты—одинока, ты—обнажена,
 Во власти ты смущенія больного,
 И страхомъ, страхомъ снова ты полна!

Какъ листъ, встрѣчая вѣтеръ предосенней,
 Трепещешь ты, какъ стебель камыша,
 Ты предъ собой сама безъ силъ, безъ охраненій,
 Ты предъ собой сама,—моя душа!

3.

ГАЗЕЛЛА.

Дни пришли и ушли эти дни, для меня ничего не осталось.
Дуги радугъ, огни да огни, для меня ничего не осталось.

Какъ весеннихъ цвѣтовъ лепестки и какъ чаши пылающихъ розъ
Вѣтеръ все разметаль, о взгляни! для меня ничего не осталось!

И меня, кто любилъ, но кому я не отдалъ, не отдалъ души,
Всѣ исчезли, исчезли въ тѣни, для меня ничего не осталось.

И кого я любилъ, ахъ! любилъ—болью сердца, безумьемъ моимъ,
Опьянясь, отошли и они, для меня ничего не осталось!

И зима надъ моей головой, холодна, глубока и нѣма.
Ключъ изсякъ, не звени! не звени! ничего, ничего не осталось.

4.

ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ГОРОДѢ.

На улицѣ—шумъ и топотъ шаговъ,
На блѣдности лицъ играетъ улыбка;
Въ пыли золотой—громады домовъ,
И къ небу деревья тянутся зыбко.

Еще не просохъ весенній бульваръ,
Но дѣти кричать въ аллеяхъ такъ рады;
Теперь всѣ слова—исполнены чаръ,
Какъ стрѣлы теперь—случайные взгляды.

Все стало роднымъ: плита мостовой,
И старая пѣснь, что слышалъ украдкой;
Свобода въ душѣ, безгнѣвный покой,
И самое горе сдѣлалось сладко.

Все мило теперь,—и дѣвушекъ взоръ,
Подобныхъ цвѣтамъ, и необычайный

Разряженныхъ дамъ богатый уборъ:
Все полно сегодня сладостной тайной.

Сердца-мертвецы, какъ въ полѣ цвѣты,
Въ пыли золотой теперь оживаютъ;
Волненіемъ сладкимъ хмѣлень и ты,
Заботы былыя—таютъ и таютъ...

О! благо вамъ, пѣснь, мечта и любовь!
Привѣтъ тебѣ, жизнь, безгранность стремленья!
Привѣтъ тебѣ, ночь страданія вновь!
И муки и смерть, вамъ благословенье!

5.

ИЗЪ «НАИРСКИХЪ ПѢСЕНЪ». ¹

Ты не горда, страна моя.
Ты съ мудростью печаль сплетаешь.
Завѣты древніе тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И развѣ не за скорбь твою
Тебѣ любовь моя и радость?
Какъ ты, и я покорно пью
И горечь всю твою, и сладость.

Люблю не славу свѣтлыхъ дней,
Не наши древнія сказанья,
Люблю я миръ души твоей
И пѣсень тихія рыданья;

Люблю я бѣдный твой нарядъ,
Тоской молитвенною боленъ,
Огни неяркіе изъ хатъ
И звоны съ грустныхъ колоколенъ.

¹ Н а и р и—одна изъ областей древнѣйшей Арменіи.

6.

НАИРЯНКА.

Мнѣ Наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальныхъ глазъ былъ прямъ и огнень вѣрный взоръ,
И чистъ былъ пламень, какъ заря изъ ночи данная,
Горѣлъ и жилъ открытый обликъ дѣвы горъ.

И тамъ, гдѣ сѣверно и сумрачно отъ холода,
Наирскій день блеснулъ въ душѣ, какъ Солнце, аль,
И въ сердцѣ роза, сердце огненно и молодо,
Оно горить и мнѣ велить, чтобъ не молчалъ.

Не пѣть нельзя мнѣ непорочную и чистую,
Огонь поеть, огонь краса, я весь въ огнѣ,
Такъ солнце тучу разрѣзаетъ дымно-мглистую,
Наирскій край, высокій край, весь виденъ мнѣ.

7.

Ужель поэтъ послѣдній я,
Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мірѣ?
Сонъ или смерть—та скорбь твоя,
О, свѣтлая страна, Наири?

Во мглѣ, бездомный, я поникъ,
Томясь мечтой объ осіянной,
И лишь твой царственный языкъ
Звучить молитвой неустанной.

Звучить, и свѣтель и глубокъ,
Жжетъ и наноситъ сердцу раны.
Что ярче: розы ли цвѣтокъ,
Иль кровь изъ сердца, токъ багряный?

И стонеть, въ страхѣ, мысль моя:
«О, возсіяй, мечта, Наири!

Ужель поэтъ послѣдній я,
Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мірѣ?»

8.

Какъ не любить тебя, родная, бѣдная?
Въ скорби покорной страна опаленная,
Снова мечамъ остроблещущимъ преданная,
Ты—Богородица, семь разъ пронзенная!

Словно урокъ выполняя заученный,
Жертва безвольная, все отдавала ты.
Ты не была ль непорочно мученицей,
Въ крестномъ страданіи, кровію залита.

Душу, горящую пламенемъ, дарственно
Ты, безъ вины, отдала за вселенную;
Ты, величавая, скромная, царственная,
Смерть принимала и муку безсмѣнную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
Ревность прими, какъ dospѣхъ, богатырскую,
Смѣло затепли, во мракѣ таящуюся,
Огне-крещеную, душу наирскую!

9.

Я помню осень подошла
Подъ золотымъ своимъ плащомъ.
Пылалъ закатъ скупымъ огнемъ,
И ближній холмъ одѣла мгла.

Мое село межъ голыхъ горъ,
Рѣка въ туманной пеленѣ,
Колокола, какъ въ полуснѣ,
Звенять, поблекъ полей уборъ.

Изъ нашей хаты вышла мать,
Ей теплыхъ хочется лучей,
Со мной присѣла у дверей
И тихо, долго будетъ ждать.

Простой и трогательный видъ,
Она кротка и такъ стара....
Въ закатномъ пламени гора.
Печально колоколь звенить.

10.

Если нѣтъ любви,—(о, другъ, внимли!)
Въ этомъ мѣрѣ зломъ,—страдать зачѣмъ!
Къ лону темному—припавъ земли,
Словно камень, я—пребуду нѣмъ.

Пусть, холодная,—смѣется твердь,
Пусть предается мѣрѣ—своей судьбѣ,
Если смысла нѣтъ,—въ тебѣ, о смерти!
Если некому—внимать молебъ!

АРТАШЕСЪ
ТЕРЪ-МАРТИРОСЪЯНЪ.

1. «Словно звѣздѣ...» Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. «Я теперъ ничего не прошу...» Перевель *В. Спасскій*.

1.

СЛОВНО ЗВѢЗДЫ...

Словно звѣзды, въ безвѣстность ушедшія,
Дни мои—безъ конца, безъ начала,
Словно письма, тебя не нашедшія,
Словно взгляды, что ты не встрѣчала....

Чѣмъ безумная скорбь растрavляется?
Свищетъ вѣтеръ надъ отмелью спящей;
Болью жалости мысль воспаляется,
Видя бѣдный тростникъ, весь дрожащій.

Шелестъ робкихъ колосевъ несвязанныхъ,
Грусть сноповъ позабытыхъ, покорныхъ,
И дрожаніе словъ недосказанныхъ,
Робкихъ словъ,—въ безвѣстностяхъ черныхъ!

2.

Я теперь ничего не прошу у тебя,
Я не буду тобой недоволенъ теперь;
Не клянупу, и не славлю, безмолвно любя,
И не буду тобой недоволенъ теперь.

Небывалаго свѣта горитъ ореоль
Подъ твоимъ, о, царица! волшебнымъ окномъ.
Издалека тебя навѣстить я пришелъ...
Подъ твоимъ я, царица, волшебнымъ окномъ.

Я молчу, ничего не прошу у тебя,
Я безцѣльно брожу въ очарованномъ снѣ,
Лишь таинственный свѣтъ созерцаю, любя,
У тебя, о царица! въ волшебномъ окнѣ.

ЛЕЙЛИ.

1. М о л и т в а . Перевелъ *В. Бакулинъ*.

МОЛИТВА.

Снова лампаду зажгла я во мглѣ,
Предъ Твоимъ ликомъ склоняю колѣни:
— Грѣшная—я, всѣмъ чужда на землѣ,
Грѣшная—я, какъ грѣшна передъ всѣми!

Холодъ и дождь, и метель на дворѣ,
Келья моя—здѣсь, надъ озеромъ льдистымъ...
Спать кипарисъ, видитъ сонъ о зарѣ:
Вѣтеръ играетъ ночной съ кипарисомъ.

Тихо молюсь я, безъ вздоха, безъ слезъ,
Муки души моей знаетъ ли небо?
— Предъ Твоимъ ликомъ, предъ вѣнчикомъ розъ,
Путь потерявшая, грѣшная дѣва!

Келья моя—въ безызвѣстной глуши,
Плачу беззвучно, съ безмолвной усладой...
— Тяжекъ мой грѣхъ для усталой души...
Предъ Твоимъ ликомъ мерцаетъ лампада...

НОВАЯ ПОЭЗІЯ.

II. Поэзія турецкихъ армянъ.

•

ГЕОНДЪ АЛИШАНЪ.

1820—1901 Г.

1. Р а з д а н ь. Перевелъ С. Шервинскій.

РАЗДАНЪ.

Разданъ—рѣка, потокъ родной,
 Разданъ, сладчайшая струя.
 Къ тебѣ, покинувъ край чужой,
 Пришелъ, Бабкенъ-скиталецъ, я.
 Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
 Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Я—вашъ! Меня ли не признать?
 Вѣдь сердце не забыло васъ.
 Зачѣмъ забыли вы журчать,
 И скорбь—въ сіяньи вашихъ глазъ?
 Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
 Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Увы, найду ль зеленый лѣсъ,
 Мою лачугу съ миндалемъ?
 Подъ бурей сгибъ, въ волнахъ исчезъ
 Ужель мой садъ? и ты, мой домъ?
 Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
 Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Гдѣ свѣтъ очей, моя Хантукъ?
 И гдѣ друзья мои, Разданъ?
 Въ плѣну ль у перса, въ рядѣ мукъ,
 Иль имъ покой въ могилѣ данъ?
 Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ,
 Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Пршло, исчезло все. Ушла
Исчезла мать Айастанъ.¹
Я сдинокъ здѣсь, у русла,
И мимо ты бѣжишь, Разданъ.
Бѣги! ты многое унесъ.
Довольно мнѣ, Бабкену, слезъ!

¹ Ай а с т а н ъ—Армскія.

МЪРТИЧЪ ПЭШИКТАШЛЯНЪ.

1820—1868 Г.

1. Къ зефиру Алемдага. Перевелъ Валерій Брюсоѡ.
2. Старикъ изъ Вана. Перевелъ Владиславъ Ходасевичъ.
3. Мы—братъ я. Перевела Е. Сырейщикова.
4. «О, милая мать!» Перевела она же.
5. «О, какъ нѣжно и прохладно...» Перевела она же.

КЪ ЗЕФИРУ АЛЕМДАГА.

Дитя-Зефиръ, нѣжнокрылатъ!
 Вдоль ручейковъ, будящихъ тишь,
 Межъ розъ, струящихъ аромать,
 Навстрѣчу мнѣ куда летишь?
 Прохладу льешь, льешь ѳиміамъ,
 Дыханьемъ сладкимъ льнешь къ устамъ!

О, вѣтерокъ! люблю тебя,
 Когда слѣшишь ко мнѣ прильнуть,
 Пляша, свистя, въ свой рогъ трубя,
 Лаская пламенную грудь!
 И, освѣжень, цвѣтокъ души
 Для свѣтлыхъ дней цвѣтеть въ тиши.

Мой милый вѣстникъ! мчись, лети,
 Скажи оврагамъ и холмамъ,
 Лѣсамъ, стоящимъ по пути,
 Гдѣ соловьи поютъ цвѣтамъ,
 Что вѣрный другъ вернулся къ нимъ,
 Что онъ восторгомъ полнъ былымъ!

О, радости погибшихъ дней,
 Васъ снова обрѣтаю я:
 Таились вы въ тѣни вѣтвей,
 Подъ пѣной тихаго ручья:
 Вы рѣете въ густыхъ листахъ
 И въ темныхъ зонтичныхъ кустахъ.

И свѣяно съ чела, чредой,
 Такъ много тягостныхъ заботъ!

И рядъ часовъ, суля покой,
 Надъ сердцемъ: «ты усни!» поеть.
 Природа, любящая мать,
 Въ объятяхъ хочетъ заласкать.

Гуляетъ здѣсь, подъ вечерокъ,
 Въ тѣни прохладной, много дѣвъ;
 Вздвѣваль ихъ кудри вѣтерокъ,
 Лицо пылало, заалѣвъ.
 Луна, и дѣва, и цвѣтокъ,—
 Любовью созданный вѣнокъ!

О! какъ, Любовь и Дружба, вы—
 Прекрасны, миръ лѣсной дѣля,
 Гдѣ ваше ложе—глубь травы,
 Гулянье—вольныя поля!
 Въ объятяхъ Дружбы, ей дыша,
 Пусть отлетитъ моя душа!

А ты, Зефиръ, нѣжнокрылатъ,
 Летя, вдоль звонковзвучныхъ струй,
 Съ цвѣтовъ свѣвая аромать,
 Дари, дари мнѣ поцѣлуй;
 Прохладу лей, лей оиміамъ,
 Дыханьемъ сладкимъ льни къ устамъ!

2.

СТАРИКЪ ИЗЪ ВАНА.

Въ ночи, какъ въ сердцѣ, мракъ царить.
 Блескъ пѣнныхъ переливныхъ волнъ
 По морю Ванскому бѣжить,
 И ропоть водъ стenanій полнъ.
 Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
 И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

О, лилія луговъ, Мегекъ,
 Дочь нѣжная моя, прійди

И дряхлаго отца навѣкъ
 Въ Айоць Дзорь, на востокъ веди.
 Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
 И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Храбрець Артакъ въ тебя влюбленъ,
 Но грустно въ эту ночь онъ пѣлъ:
 Хваля любовь, невольнo онъ
 О бѣдствіяхъ армянъ скорбѣлъ.
 Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
 И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

«Доколѣ будемъ мы, любя,
 Отчаянне таить въ сердцахъ?»
 На лирѣ такъ онъ пѣлъ, скорбя,
 Мы слушали его въ слезахъ.
 Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
 И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Тамъ кипарисы у могилъ,
 Подъ ними нашихъ предковъ прахъ.
 Тамъ, только зимній вѣтеръ взвыль,—
 Рыдаютъ сонмы душъ въ вѣтвяхъ.
 Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
 И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Я старъ, какъ скорбь. Пора и мнѣ
 Къ великимъ сыновьямъ армянъ,
 Туда, къ могильной тишинѣ...
 Пусть плачетъ надо мною Ванъ.
 Меgekъ, и ты въ слезахъ? О, нѣтъ,
 Пойдемъ: ужъ недалекъ разсвѣтъ!

3.

МЫ—БРАТЬЯ.

Пусть, какъ одинъ святой напѣвъ,
 Природы голоса поютъ;

Иль пусть—прекраснѣйшей изъ дѣвъ
Персты по струнамъ пробѣгутъ;
Всѣ эти пѣсни не звучать
Милѣ звуковъ слова: «братъ!»

Мы—братья! руку мнѣ подай:
Лишь буря разлучала насъ!
Въ лобзаньи братскомъ исчезай,
Все зло, что создалъ Рокъ на часъ!
Вездѣ, гдѣ очи звѣздъ блестятъ,
Что есть желаннѣй слова: «братъ»!

Пусть мать сѣдая Айастанъ
Другъ съ другомъ видитъ сыновей
И боль цѣлитъ глубокихъ ранъ
Слезами сладкими очей!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ огни горятъ,
Что есть прекраснѣй слова: «братъ»!

Мы прежде шли путемъ однимъ...
Мечты—вновь вмѣстѣ быть—зовуть!
Печаль и радость соединимъ,
И плодотворенъ будетъ трудъ!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ нетлѣненъ рядъ,
Что есть священнѣй слова: «братъ»!

Ахъ! вмѣстѣ сѣять, вмѣстѣ жать,
И вмѣстѣ лить на нивахъ потъ,
И жатву блага собирать:
Твой, твой расцвѣтъ, родной народъ!
Какіе жъ звуки прозвучать
Милѣй желанныхъ звуковъ: «братъ»!

4.

О, милая мать, здѣсь ты ищешь кого?
Не бойся, родная, приблизься сюда,
Не плача на сына гляди твоего:
Израненный гаснетъ и онъ навсегда....

Пусть матери турокъ рыдаютъ.... О, мать,
Въ Зейтунъ¹ поспѣши эту вѣсть передать!

Я помню, меня материнской рукой
Ты часто ласкала, склоняясь ко мнѣ,
И дѣтскому тѣлу давала покой,
Какъ ангель мнѣ пѣла въ ночной тишинѣ.
Теперь же, въ землѣ упокоивъ,—о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

«Армяне, я сына родила для васъ,
Чтобъ свѣтъ его жизни надъ вами сиялъ!»
Ты такъ напѣвала въ полночный часъ,
Когда въ колыбели, малютка, я спалъ.
И вотъ это солнце угасло... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

Пусть капаетъ кровь изъ сыновней груди...
Родная, морщины расправь на челѣ:
На трупы враговъ кровожадныхъ гляди,
Ихъ тысячи спятъ на холодной землѣ:
Какъ мечъ ихъ сразилъ безошадно, о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать

Когда же враги, словно стая звѣрей:
На насъ нападали въ безумьи слѣпомъ,
О, родина! Наши сердца горячѣй
Къ тебѣ устремлялись въ огнѣ боевомъ.
И красными стали долины... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

И били въ ладоши скелеты отцовъ,
Ликуя, что пламя въ потомкахъ горить.
И весело было рядамъ мертвецовъ,
Что вражеской кровью позоръ нашъ омыть.
Угрюмый Масисъ прояснился,—о, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

¹ Зейтунъ—городъ; Масисъ—Араратъ; Аястанъ—Арменія
(см. выше примѣчанія къ др. стихотвореніямъ).

О, мать, умирая, цѣлую тебя:
 Ты милой моей передай поцѣлуй!
 И землю родную лобзаю, любя,
 Сходя въ ея нѣдра... Но ты не тоскуй,
 И, крестъ надъ умершимъ поставивъ, о мать,
 Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

5.

ВЕСНА.

О, какъ нѣжно и прохладно
 Раннимъ утромъ вѣтерокъ,
 Вѣешь ты, лаская жадно
 Локонъ дѣвы и цвѣтокъ;
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь! Не властвуй надо мной!

О, какъ сладко въ благовонныхъ
 Вѣткахъ свищетъ соловей!
 Ты плѣняешь всѣхъ влюбленныхъ
 Пѣсней сладостной своей.
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь, не властвуй надо мной.

Въ глубь твою, гдѣ сказка снится,
 Чистый, тихій ручеекъ,
 И красавица глядится,
 И пурпуровый цвѣтокъ.
 Но, я знаю,—ты чужой—
 Прочь, не властвуй надо мной.

Пусть среди руинъ—армянскій
 Вѣтеръ съ соловьемъ поеть,
 Пусть ручей бѣжитъ армянскій
 Тамъ, гдѣ кипарисъ растетъ:
 Это пѣснь земли родной.
 Эта пѣснь всегда со мной.

ПЕТРОСЪ ДУРИАНЪ.

1851—1872 г.

1. Моя смерть. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
2. «Влизь океана голубого...» Перевель *онъ же.*
3. Моя скорбь. Перевель *К. Бальмонтъ.*
4. «Боролся день съ послѣдней тьмой.» Перевела *Е. Сырейщикова.*
5. Ропоты. Перевель *В. Бакулинъ.*

МОЯ СМЕРТЬ.

Если смерти ангель блѣдный
Мнѣ предстанеть, взоръ склонивъ,
Свѣтъ скорбь рукой побѣдной,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если свѣтомъ блѣднымъ свѣчи,
Ложе смерти озаривъ,
Мнѣ зальютъ лицо и плечи,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если другъ, въ слезахъ, быть можетъ,
Льдистымъ саваномъ обвивъ,
Въ черный гробъ меня положить,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если колоколь застонеть—
Смерти смѣхъ, ея призывъ,
И мой гробъ въ толпѣ потонеть,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если близкіе, съ рыданьемъ,
Гробъ въ могилу опустивъ,
Не промедлятъ съ разставаньемъ,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если жъ та могила станетъ
Всѣмъ чужой, и навсегда
Память обо мнѣ увянетъ,—
Знайте, что я—мертвъ тогда!

2.

Близъ океана голубого,
Гдѣ блещутъ золотомъ пески,
Когда въ золѣ, покрывшей снова
Весь пепель грезь, тѣхъ розъ тоски,
Зари засвѣтятся огни,
Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять въ листьвѣ зеленой,
Чью тѣнь любили мы съ тобой,
Гдѣ часто, въ часъ замороженный,
Сердцецъ мы пили сладкій зной,
Листъ дрогнетъ, какъ въ былые дни,
Мои признанья вспомяни!

И утромъ, на зарѣ весенней,
Когда просторъ и аль и чистъ,
Иди въ поля, въ просторъ цвѣтеній,
Смотри гдѣ сухъ, гдѣ зелень листь....
Вдругъ птичка запоетъ въ тѣни:
Мои мечты ты вспомяни!

Чамлы-Чая взойди на кручи,
Иль на уступъ Бахларь-Баши:¹
Мы любовались тамъ на тучи,
Мы тамъ блуждали,—двѣ души!
Зефиръ шепнетъ тебѣ «усни»!
Мою судьбу ты вспомяни!

Когда ночь лѣтняя привѣтитъ
Тебя, звѣздиста и чиста,
И, какъ фонарь, луна засвѣтитъ,
Чтобъ озарить твой путь къ Мота,²
Былымъ мечтамъ не измѣни,
Мою печаль ты вспомяни!

¹ Чамлы-Чая, Бахларь-Баши—горы.

² Мота—извѣстный, въ свое время, ресторанъ.

Когда посмотришь ты, угрюмой,
 На черноликой небосводъ,
 И сдвѣять сумрачныя думы
 Твое чело и взоръ, какъ гнетъ,
     Ударить колоколь... Вздохни
     И смерть мою ты вспомяни!

3.

МОЯ СКОРБЬ.

Я не о томъ скорблю, что въ жаждѣ сновидѣній,
 Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашель,
 Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
 Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золь;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
 Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
 И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
 Смотри—ужь предо мной зіяетъ смерти мгла...

И не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,
 Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
 Не усладить мое послѣднее страданье,
 Лучомъ своей любви не озарить меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
 Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
 Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
 Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!

4.

Боролся день съ послѣдней тьмой,
 Лучами сѣялъ и росой,
 Ты межъ цвѣтовъ была видна,
 И улыбалась, какъ луна.

Твои глаза—чертоги нѣгъ,
Персты—какъ лиліи, какъ снѣгъ,
И розы на щекахъ горять,
И новымъ небомъ мнится взгляды.

Къ твоимъ ногамъ склоняся мечтой,
Тебя любилъ я, ангель мой,
Но отъ любви я сѣдъ, какъ лень,
И поздно понялъ: жизнь, какъ сонъ.

Молю тебя: о пожалѣй!
Не властвуй надъ душой моей.
Увы, напрасно... Съ давнихъ поръ,
Какъ стрѣлы смерти милый взоръ.

Когда иду я въ лѣсъ грустить,
О прошломъ счастье слезы лить,—
Ты тамъ меня находишь вновь,
Межъ листьевъ шепчешь про любовь.

Когда на берегу ручья,
Найти покой стараюсь я,—
И тамъ ты снова въ тишинѣ,
Изъ свѣтлыхъ волнъ смѣешься мнѣ.

И въ горы я бѣгу тогда,
Чтобъ не встрѣчаться никогда,—
Но въ шумѣ бури голосъ твой
Звенить и таетъ надо мной.

Когда печальный свѣтъ луны
Мнѣ шепчетъ ласковые сны,—
Межъ звѣздъ веселыхъ съ высоты
Вновь улыбаешься мнѣ—ты.

И, вѣрно, только смертный часъ
Разъединитъ на свѣтъ насъ;
Тогда смогу произнести:
Прости, жестокая, прости!

5.

РОПОТЫ.

Прощайте, Богъ и солнце,—міръ лучей,
 Горящій знойно надъ душой моей!
 Собой умножу въ небесахъ огни.
 Что звѣзды? Не проклятье ли они
 Несчастливыхъ, неповинныхъ душъ, чело
 Браздящихъ неба, горько и свѣтло?
 О, ружья огненныя Бога!—вы
 Основы молній, перлы синевы!

Что я сказалъ? Испепели меня,
 Разбей, о Боже! Атомъ жалкій, я
 Осмѣлился стремиться къ небесамъ!
 Желалъ взнестись къ божественнымъ огнямъ!
 Молюсь Тебѣ, о Боже, въ дрожи мукъ,
 Цвѣтеніе и лучъ, волна и звукъ,
 О, снявшій розу съ моего чела,
 Огонь—съ очей, съ устъ—трепетъ, блескъ—съ крыла!
 Ты сердцу—вздохи даль и взорамъ—тьму,
 Сказалъ, что въ Смерти я Тебя пойму.
 За гробомъ жизнь, о вѣрю, для меня
 Ты сохранилъ: молитвъ, цвѣтовъ, огня!
 А если мнѣ исчезнуть суждено,
 Беззвучно, безответно пасть на дно,—
 Дай блѣдной молніей теперь же стать,
 Надъ именемъ твоимъ возставъ, кричать,
 Что Ты—«Богъ мести»,—впитаться въ грудь Твою
 Проклятіемъ, подобно острію!

Ахъ, я дрожу, я блѣденъ, я заклятъ,
 Во мнѣ вся внутренность кипить, какъ адъ...
 Межъ стоновъ кипарисовъ черный вздохъ,
 Я—листь осенній, что поблекъ, изсохъ.
 Мнѣ искру дайте, искру, чтобы жить!
 Какъ послѣ грезъ холодный гробъ взлюбить?
 О, Боже, какъ судьба моя черна,

Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени въ нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мнѣ въ душу падайте, огни небесъ,
Чтобъ вашъ любовникъ горестный воскресъ!

Весна челу ни розы не даетъ,
Ни лучъ съ небесъ улыбкой не скользнетъ:
Ночь—гробъ мой; звѣзды—факелы; уныль,
Блуждаетъ мѣсяцъ, плача, средь могиль.
Для тѣхъ, надъ кѣмъ никто не сронитъ слезъ,
Ты зотъ мѣсяцъ въ небеса вознесъ.
Кто къ смерти близки, все же нужны тѣмъ
Сначала—жизнь, и плакальщикъ затѣмъ.
Писали тщетно звѣзды мнѣ: «Любовь!»
Пѣлъ тщетно соловей: «Люби же вновь!»
Твердили тщетно вѣтры о «любви»
И отражали ясный ликъ ручьи!
Напрасно лѣсъ при мнѣ былъ молчаливъ,
Молчали листья, тайну затаивъ,
Чтобъ не смутить мечты святой моей,
Напрасно, я всегда мечталъ объ ней,
Напрасно вы, весенніе цвѣты,
Струили ладанъ на мои мечты!
Нѣтъ, все смѣялось, въ злобѣ торжества,
И зотъ міръ—насмѣшка Божества!

СИПИЛЪ.

1863 г.

1. Ладанъ. Перевель *К. Бальмонтъ.*
2. Идеаль. Перевель *С. Головачевскій.*
3. Въ монастырь. Перевель *Валерій Брюсовъ.*
4. Туча. Перевель *В. Спасскій.*

ЛАДАНЪ.

Восходитъ ейміамъ, курясь предъ алтаремъ;
Звеня серебряно, качаются кадила,
И дымка ладана, рожденная огнемъ,
Плывя, чело святыхъ молениемъ осѣнила.

Моления долгія подъ сводами дрожать,
И плачетъ пламя свѣчь. Длиннѣе и короче
Ихъ устремленія. Тоскливо—блѣдный рядъ,
Какъ-будто сонныя, слѣпясь, мигаютъ очи.

У сумрачныхъ колоннъ, гдѣ стонъ тлѣетъ страсть,
Трепещетъ бѣлое, снѣжисто, покрывало,
Тамъ сердце, сумрака извѣдавшее власть,
Какъ ладанъ отъ огня, горитъ и бьется ало.

До вышнихъ областей восходитъ ейміамъ,
Идя, какъ изъ цвѣтка, изъ чашечки кадила.
Былъ ладанъ веществомъ,—какъ запахъ входитъ въ храмъ,
Сожженный пламенемъ, онъ красочная сила.

И сердце женщины, лелѣющее стонъ,
Когда расплавится, тогда лишь будетъ сильно,
И сталью вырвется изъ кожаныхъ ноженъ,
Лазурнымъ пламенемъ взнесся надъ всѣмъ, что пыльно.

2.

ИДЕАЛЬ.

То—солнца яркій лучъ, затмившей свѣтъ луны,
 То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющей съ разсвѣтомъ,
 То—молнія на мигъ пришедшей къ намъ весны,
 Цвѣтокъ, роняющей свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ.

То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющей съ разсвѣтомъ,
 То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
 Цвѣтокъ, роняющей свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ,
 Сіянье сѣвера въ лазурныхъ небесахъ.

То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
 То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
 Сіянье Сѣвера въ лазурныхъ небесахъ,
 То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами.

То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
 Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшей пухъ съ высотъ,
 То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами,
 Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ.

Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшей пухъ съ высотъ,
 Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
 Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ,
 Для духа идеаль—качанье колыбели.

Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
 То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
 Для духа идеаль—качанье колыбели,
 Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ.

То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
 Кольцо, связавшее насъ съ жизнью, золотое,
 Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ,
 Сердечный гимнь любви въ торжественномъ покоѣ.

3.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Здѣсь, въ кельѣ я сижу одна. Вотъ полночь бьетъ.
Лампады нѣтъ, и нѣтъ луча на небесахъ.
Послѣдній свѣтъ погасъ въ дому и у воротъ,
И я—одна, погружена въ глухихъ мечтахъ.

Кочуетъ вокругъ унылый сонмъ густыхъ тѣней;
То подойдутъ, то отойдутъ, то станутъ въ рядъ.
И углубленъ ихъ скорбный стонъ сильнѣй, больнѣй,
Когда они, утомлены, вблизи стоятъ.

Видѣнья—то моей мечты, печальныхъ думъ,
Сны молодой, ахъ, молодой! моей души...
Когда звучить холодныхъ дней тоскливый шумъ,
Цѣленье слезъ приносятъ мнѣ они въ тиши.

Межъ грустныхъ лицъ склоняюсь ницъ, съ моей тоской,
Межъ строгихъ дѣвъ, для коихъ нѣтъ страстей и грозъ,
Чьи голоса—молитвъ напѣвъ, псаломъ святой,
Губящей—рой, прекрасный рой надеждъ и грезъ!

Я жить хочу, а мнѣ твердятъ про небеса!
Хочу любви,—онѣ кричатъ: «Богъ есть любовь!»
Въ разказахъ ихъ: Іовъ, Давидъ иль чудеса;
Внушаютъ: «Намъ надежда—смерть! не суесловъ!»

Горитъ заря, и свѣтъ дневной, и лунный лучъ,
Людей живя, цвѣты, поля и весь просторъ...
А предо мной лампадный свѣтъ, чуть живъ, не жгучъ,
Которымъ мой, всегда безъ сна, томится взоръ!

Я вздоха жду огнистыхъ устъ, средь душной тмы;
Порывы думъ—отвѣтныхъ словъ, страдая, ждуть...
А мнѣ въ кроватъ, предъ тѣмъ какъ спать, даютъ Псалмы,
И на ночь крестъ, на сердце мнѣ, какъ знакъ, кладутъ!

Но вижу я во снѣ всегда—одно, одно:
Борьбу за жизнь, бездонный свѣтъ, мечту свою!
Я въ міръ—прахъ, но сердце все жъ огнемъ полно,
И небо, ахъ! его святымъ я отдаю!

4.

ТУЧА.

СОНЕТЪ.

Той тучѣ свѣтлой я свои вручила грезы,
На небесахъ, въ лучахъ серебряной луны;
Но туча на клочки разбита; съ вышины
На землю падаютъ пылающія слезы.

Съ роднымъ сіяніемъ она разлучена,
Гонима злобными бичами вѣтра съ силой...
Ей въ небѣ жизнь была; земля была могилой,
Гдѣ радость помысловъ навѣкъ погребена.

И улыбаются просторы высоты,
Безстрастно чуждые всей нашей скорби жгучей,
Лелѣютъ новыя, въ своихъ объятыхъ, тучи,

Тревоги новыя и новыя мечты!
Межъ тѣмъ, палимыя безсонными страстями,
Мы плачемъ: кто—дождемъ, кто—горькими слезами!

Л. ШАНТЪ.

1869 г.

1. Ночной сторожъ.
2. Философы.
Перевель *С. Шервинскій*

НОЧНОЙ СТОРОЖЪ.

Тангъ-тангъ—часовъ ночныхъ унылый звонъ.
 Кругомъ все спитъ, все предано покою.
 Лишь сторожъ ходить. Одинокѣ онъ
 Бредеть въ раздумьи улицей пустою.

И свѣжій вѣтеръ вѣетъ на чело,
 Гдѣ все былое вновь живетъ воочью,—
 Такъ за небеснымъ пологомъ свѣтло
 Забытыя мерцаютъ звѣзды ночью.

И мчится мысль невольно въ домъ родной,
 И, вольная, уносится въ просторы,
 Туда, гдѣ жизнь въ тѣ дни была иной,
 Гдѣ дикія величественны горы.

Онъ помнить ночь надъ доломъ снѣговымъ.
 Вотъ онъ—съ сестрой. Сквало ихъ вниманье:
 Съдая мать рассказываетъ имъ
 Родной страны волшебное преданье.

Мать говорить, сама вдохновлена,
 О томъ, какъ Меръ прославленъ мощной силой...
 А вьюги вой тоскуетъ у окна,
 Въ отдушину врывается, унылый.

Какъ будто стонуть адскія уста,
 Груба угроза вьюжнаго порыва,
 И мать свершаетъ знаменье креста,
 Слова молитвы шепчетъ боязливо,

И на сестру въ молчаньи смотритъ братъ,
О будущемъ въ душѣ надежды строя,
И оба Меромъ, Меромъ стать хотятъ,
Когда достигнуть возраста героя.

И вотъ... тангъ-тангъ... Часовъ задумчивъ звонъ...
Кругомъ все спитъ, все предано покою...
Лишь сторожъ ходитъ. Одиноко онъ
Бредеть въ раздумьи улицей пустою.

2.

ФИЛОСОФЫ.

Подъ полной и яркой луной
На груди равнинной вдали,
Другъ къ другу склонясь головой,
Горбатыя горы легли.

О, нѣтъ! То не горы.—Тамъ рядъ
Морщинистыхъ старцевъ сѣдыхъ.
Согнувшись, прижавшись, стоятъ.
Окутали саваны ихъ.

Мрачны, безсловесны, одни,
Ушли они въ думу свою...
Быть можетъ, находятъ они
Разумнѣйшій смыслъ бытію...

АРШАҚЪ ЧОБАНИАНЪ.

1872 г.

1. «Вот и снова Ничто превращается въ Свѣтъ...»

2. М а р и н а.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

1.

Вот и снова Ничто превращается въ Свѣтъ.
Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Волны моря окрашены въ пурпурный свѣтъ:
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь!

Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Вырывается пламя изъ бездны небесъ
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь,—
Чтобы Сумракъ, дрожа, отступилъ и исчезъ.

Вырывается пламя изъ бездны небесъ,
Тѣни тають, клубясь, улетаютъ какъ дымъ...
Чтобы Сумракъ дрожа, отступилъ и исчезъ,
Солнце, солнце восходить съ лицомъ огненнымъ

Тѣни тають, клубясь, улетаютъ, какъ дымъ,
Птицы съ пѣньемъ порхаютъ съ чинары на вязъ,
Солнце, солнце восходить съ лицомъ огненнымъ...
Возрожденіе жизни!.. Плѣнительный часъ!

2.

МАРИНА.

Надъ главью моря вздохи вѣтерка
Лазурный шелкъ сгибаютъ непривычно,
И, въ складки ровнѣя согнувъ слегка,
Кладутъ запутанно, но симметрично.

И́ кажется: прозрачное шитье
Голубиной сияет углубленной,
Но зелень травъ подводныхъ сквозь нее
Просвѣчиваетъ неопредѣленно.

ВАНЪ МАЛЭЗІАНЪ.

1873 г.

1. «Словно кто-то въ тоскѣ...» Перевель *В. Стаскій*.
2. Сонетъ. Перевель *С. Бобровъ*.

1.

Словно кто-то въ тоскѣ,
Зашепталъ вдалекѣ....
Ахъ, не мысль ли моя
Вспоминаеть!

Вечерь холодно-мглисть....
Съ вѣтки падаетъ листь....
Не надежда ль моя
Увядаеть!

Лампа гаснетъ и въ ней
Свѣтъ слабѣй и слабѣй....
Не любовь ли моя
Умираеть.

Со свѣчами вдали
Черный гробъ пронесли....
Не себя ль жизнь моя
Погребаеть!

2.

СОНЕТЪ.

Свою корзину, полную плодовъ,
Поставивъ, негритянка проворчала:
— «Вглядишь въ очей темноты и на зовъ
Отвѣтствуй,—въ рай ведетъ любви начало

«Вдохни мой запах; я цвѣткомъ сгорала.
И мускусъ таять предо мной готовъ,—
Тѣмъ ядомъ пьянотнымъ дыша немало,
Пей дикую любовь межъ смутныхъ сновъ.

«Дай сжать твою бѣлѣющую шею,
И тотчасъ сердца раны излечу
Кудрей фатою темною моею;

«Пѣснь, какъ гашишь, твою жевать хочу
Пока и мнѣ споешь душой больною,—
И, если смерть во мнѣ—умри со мною.»

ВААНЪ ТЭЖЭЯНЪ.

1877 г.

1. Лампада Просвѣтителя. Перевела *Е. Выставкаина*.
2. Арменіи. Перевела *она же*.
3. «Тебя мы чтили, мшенія клинокъ...» Перевель *К. Липскеровъ*.
4. Падучія звѣзды. Перевель *Ю. Балтрушайтисъ*.
5. Пѣснь объ армянскомъ языкѣ. Перевель *онъ же*.

1.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ ¹.

Сонетъ.

Межъ звѣздъ, неисчетныхъ небесныхъ одна золотая
Горить еженощно, главу Арагаца вѣнчая.
Горить одиноко, лишь намъ дорога и близка,
Какъ-будто родная ее засвѣтила рука.

То, нашу земную навѣкъ освѣщая обитель,
Лампаду затеплилъ высоко армянъ просвѣтитель,
Наполнилъ слезами, и слезъ его чистый елей,
Пылая любовью, горитъ ослѣпительно въ ней.

Такъ вѣрилъ и вѣритъ народъ угнетенный, родимый
И взоръ его ищетъ, тоской и надеждой палимый,
Поутру Масисъ бѣлоснѣжный, а ночью звѣзду.

Такъ я, о Учитель, исполненный новой отрады,
Почувствовалъ свѣтъ отъ твоей драгоцѣнной лампы
И вмѣстѣ съ народомъ зари воскресенія жду.

2.

АРМЕНИИ.

Мы какъ знамя тебя полюбили
Съ дѣтскихъ лѣтъ и узнали съ тѣхъ поръ,

¹ См. примѣчаніе на стр. 326.

Что тебя на хребты нашихъ горъ
Вознесли и опять низложили.

Но мы вѣримъ, промчить надъ тобой
Вольный вѣтеръ широкой волной,
И согрѣетъ насъ вновь твое пламя.
Мы тебя полюбили, какъ знамя.

И какъ иву тебя мы любили,
Иву въ зелени нѣжныхъ кудрей
И поломанныхъ бѣдныхъ вѣтвей.
Люди мимо тебя проходили,

Надъ тобой заносили топоръ,
И слѣдилъ отуманенный взоръ
Какъ изъ вѣтокъ свирѣли точили.
Мы какъ иву тебя полюбили.

Ты какъ мечъ овладѣла сердцами,
Мечъ, забытый давно подъ землей,
Онъ изъять былъ безвѣстной рукой
И съ угрозой сверкнулъ надъ врагами.

Но сразить палачей онъ не могъ,
Онъ сломался, и ржавый клинокъ
Былъ отброшенъ съ насмѣшкою нами.
Ты какъ мечъ овладѣла сердцами.

Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи,
Призывая къ возстанію насъ,
Ты въ безсильное тѣло влилась,
И отъ острой, безжалостной боли

До земли преклоняемъ мы станъ.
Но возлюбимъ и слѣдъ твоихъ ранъ
Въ день и часъ торжества твоей доли.
Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи.

3.

Тебя мы чтили, мщенія клинокъ....
Ты былъ въ землѣ, когда тебя подъяла

Рука бойца и сталь твоя сверкала...
 Приникнуть къ горлу деспота ты смогъ,
 Но онъ дрожалъ лишь краткую минуту...
 Ты разломился, ржавый и погнутый,
 Осмѣянный, ты легъ у нашихъ ногъ...
 Тебя мы чтили, мщенія клинокъ...

Мы любимъ васъ, о цѣпи униженья,
 Зовете вы, звенящія, возстать...
 Вамъ велѣно намъ шею обвивать.
 При каждомъ шагѣ каждое мгновенье
 Нашъ горбится, отъ ярой муки, станъ...
 Но мы слѣды полюбимъ нашихъ ранъ,
 Когда цвѣтами станутъ ваши звенья...
 Мы любимъ васъ, о, цѣпи униженья...

4.

ПАДУЧИЯ ЗВѢЗДЫ:

Сонетъ.

Мои глаза падучихъ звѣздъ полны.
 Я собиралъ ихъ лѣтними ночами,
 Когда, скользя средь сонной тишины,
 Онъ сверкали кроткими лучами.

Я ихъ собралъ въ полночномъ лѣтнемъ храмѣ,
 Пока онѣ, въ паденьи съ вышины,
 Цвѣли еще надъ дольными холмами
 И, взрывъ любовь, не умерли, какъ сны.

Моя душа, отсель, всегда свѣтла.
 Мои глаза—ларцы съ лучистымъ кладомъ.
 И въ день, когда мнѣ слишкомъ тяжела:

Скорбь нищаго и съ горестнымъ разладомъ
 Тревога мрака входитъ въ жизнь мою—
 Изъ этихъ звѣздъ я солнце создаю.

5.

ПѢСНЯ ОБЪ АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Ты мнѣ, языкъ армянскій, милъ какъ пышный садъ.
Средь древней чаши нашего былого,
Гдѣ—только мракъ, твое любимое слово—
Какъ сочный плодъ, что я срывать, блуждая, радъ.

Какъ пышный садъ, ты любовь пѣвцу, языкъ армянъ.
Честь нашихъ храминъ, рощею зеленой,
Въ борьбѣ столѣтій, цвѣлъ ты полный зсна,
И будетъ цвѣсть въ вѣкахъ, и сокъ твой будетъ прянь.

Въ тѣни твоихъ деревьевъ я плетусь самъ другъ,
Гляжу, въ слезахъ, на вѣтви ихъ и корни
И лишь дивлюсь, какъ живъ твой шелестъ горній
Тамъ, гдѣ грса не разъ сметала все вокругъ.

Грузъ сочныхъ пестрыхъ грсдй—вотъ твои слова!
Твои слова, что въ разномъ зноѣ зрѣли,
Слова, что здѣсь поютъ въ моей свирѣли,
Звонъ сочныхъ словъ твоихъ, чьимъ медомъ грудь жива.

МИСАКЪ МЭЦАРЕНЦЪ.

1885—1903 г.

1. «Ночь сладостна.» Перевель *Валерій Брюсовъ*.
2. На разсвѣтъ. Перевель *онъ же*.
3. Сонетъ съ кодою. Перевель *В. Бакулинъ*.

1.

Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна,
Напоена гашишемъ и бальзамомъ;
Я, въ опьяненіи, иду—какъ свѣтлымъ храмомъ:
Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна.

Лобзанія даритъ мнѣ вѣтръ и море,
Лобзанія даритъ лучей сплетенье,
Сегодня—праздникъ, въ сердцѣ—воскресенье,
Лобзанія даритъ мнѣ вѣтеръ и море..

Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ,
Уста иного жаждутъ поцѣлуя...
Ночь — въ торжествѣ; луна горитъ ликуя...
Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ.....

2.

НА РАЗСВѢТѢ,

Сонетъ.

Въ горахъ, въ монастырѣ, пѣснь колокола плачетъ;
Газели на зарѣ, на водопой спѣшать;
Какъ дѣва, впившая мускатный ароматъ,
Пьянь, вѣтеръ надъ рѣкой и кружится и скачетъ;

На тропкѣ караванъ по склону горъ маячить,
И стоны бубенцовъ, какъ ночи пѣснь, звучать;

Я слышу шорохи за кольями оградъ
И страстно солнца жду, что ликъ свой долго прячетъ .

Весь сумрачный ландшафтъ,—ущелье и скала,—
Похожъ на стараго, гигантскаго орла,
Что сталь когтей вонзилъ въ глубины безъ названья.

Пьянящій запахъ мнѣ безстрастно шлеть заря;
Мечтаю межъ деревъ, томлюсь, мечтой горя,
Что Пери явится—вѣнчать мои желанья!

3.

СОНЕТЪ СЪ КОДОЮ.

Цвѣты роняютъ робко лепестки,
Вечерній вѣтеръ полонъ ароматомъ,
И въ сердцѣ, грезой сладостной объятъ,
Такъ сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатомъ,
Льютъ нѣжный духъ, клоня свои листки,
Къ нимъ вѣтеръ льнетъ, и вихремъ бѣловатымъ,
Какъ снѣгъ, летятъ пахучіе цвѣтки.

Какъ гуріи невѣдомаго рая,
Сребристыхъ кудрей пряди распуская,
Ихъ бѣлый сонмъ струится въ водометъ;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна какъ слеза ребенка,
Но сладострастно пѣснь ея зоветъ...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

СИМАНО.

1877 г.

1. Мои слезы.
2. Родной источникъ.
3. Горсть пепла.

Перевель *С. Шервинскій.*

МОИ СЛЕЗЫ.

Я съ грезой одинъ межъ родимыхъ долинъ проводилъ свой мла-
 денческой день.
 Былъ легкокъ мой шагъ, какъ на горныхъ лугахъ бѣлокурый
 прекрасный олень.
 Я, радостный, бѣгалъ, была моя грудь отъ лазурнаго неба
 пьяна.
 Въ глазахъ было золото, въ сердцѣ—надежда, душа была Бо-
 гомъ полна.
 Пришелъ и роскошный, дарующій блага румянаго лѣта, закатъ,
 И мнѣ, и землѣ за корзиной корзину дарилъ плодородный нашъ
 садъ.
 И молча я срѣзала со стройнаго стана ветлы, изъ прекрасныхъ
 вѣтвей.
 Одну—для свирѣли, для тайной свирѣли, для будущей пѣсни
 моей.
 Я пѣлъ, и ручей, адаманта свѣтлѣй, и знакомые птицъ голоса.
 И ропотъ источниковъ съ чистой волной, и шумящiе вѣчно лѣса.
 И утреннiй вѣтеръ, зефиръ легковѣйный, нѣжнѣе, чѣмъ ласка
 сестры,
 Мнѣ все отвѣчало на лепетъ пѣвучiй, на звуки свирѣльной
 игры.
 Сегодня во снѣ я коснулся рукой сладковзвучной свирѣли моей.
 Къ губамъ трепетавшимъ прильнула она поцѣлуемъ утрачен-
 ныхъ дней,—
 Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою
 ночной,
 Не пѣсня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

2.

РОДНОЙ ИСТОЧНИКЪ.

То было въ дни моей зари, когда я жилъ съ тобой,
О, сладостный, прохладный ключъ, источникъ мой родной!
И голосъ твой еще со мной, какъ прежде, говорилъ.
Усталый, безнадежный мозгъ еще тебя хранилъ.
Твой алмазъ потокъ, потокъ, потокъ обильныхъ водъ,
Въ развалинахъ души моей давно-давно течеть,
Со мной онъ память о быломъ оплакивать привыкъ.
Тебя я помню, дальній мой, о братскій мой родникъ!
Я помню, къ тайнѣ водъ твоихъ, сверкающихъ свѣтло,
Я, мальчикъ, приходилъ смочить счастливое чело.
И ты, о ласковая мысль о волѣ дорогой,
Мнѣ улаждала жизнь и свѣтъ, витая надо мной.
Тогда еще объ злой утесъ не поломалъ я крыль,
Тогда не разъ глаза свои отъ радости закрылъ.
Мечталось о побѣдахъ мнѣ, и счастливъ былъ мой вздохъ
Тебя я помню, о ручей; твой золотистый мохъ,
Что лентой по теченью шель журчанья твоего,—
И брель младенческой стопой я по коври его.
Я брель, мечтами опьяненъ, по мшистому пути,
Какъ тѣ, которые хотять желанное найти...
Еще течешь ли ты, ручей, журчащемъ говоря,
Ты, чистый, какъ минувшихъ дней весенняя заря?
Все такъ же ли, какъ въ былые дни прозраченъ ты, родникъ?
И пѣсня ль все звучитъ изъ волнъ или мести грозный крикъ?
Не замутилась ли въ твоей прозрачной синевѣ
Отъ крови, мною пролитой, невинныхъ капли двѣ,
Чтобъ горькимъ сдѣлать алмазъ сверкающей струи?
Въ потокахъ крови, въ страшныхъ дняхъ всѣ помыслы мои
Безумны стали — навсегда... О, горе, горе мнѣ!

3.

ГОРСТЬ ПЕПЛА—РОДНОЙ ДОМЪ.

Увы! ты, какъ дворець, великъ былъ и богатъ,
 И съ плоской высоты твоихъ бѣленныхъ крышь,
 Звѣздоточивой лишь настанетъ ночи тишь,
 Внималъ я какъ внизу, шумя, бѣжить Евфратъ...

Я плакалъ, плакалъ я, узнавъ, что нынѣ ты—
 Развалина, лежатъ обломки лишь одни...
 То былъ день ужаса, и крови, и рѣзни...
 А около тебя цвѣли въ саду цвѣты.

Теперь спаленная, тамъ комната была
 Вся голубая. Въ ней я ползалъ на коврѣ,
 Тамъ дѣтство проводилъ въ весельи и въ игрѣ,
 И за спиной росли два радостныхъ крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристаллъ,
 Сіявшій золотомъ, въ своихъ лучахъ таилъ
 Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыль,
 Гдѣ воля красная, гдѣ разумъ мой блисталъ.

Ахъ, умеръ ли родникъ, поющій во дворѣ?
 Ахъ, ива сломлена ль и мой зеленый тутъ?
 И подъ деревьями ужели не текутъ
 Источника струи, стекая по горѣ?

И клѣтку помню я, и куропатку въ ней...
 Напротивъ—розъ кусты... Когда горѣлъ востокъ,
 На утренней зарѣ журчащій голосокъ
 Дремоту съ глазъ сгонялъ мнѣ пѣсенкой своей.

О, домъ мой, вѣрь! Едва засну я вѣчнымъ сномъ,
 Душа свободная къ развалинамъ роднымъ,
 Какъ голубь, прилетитъ, чтобъ волю дать своимъ
 И пѣснямъ, и слезамъ. О, вѣрь, родимый домъ!

Но кто, когда умру, кто принесетъ съ собой
Святого пепла горсть отъ пепелищъ твоихъ
И бросить на парчу покрововъ гробовыхъ
И съ нимъ смѣшаетъ прахъ пѣвца земли родной?

Горсть пепла, отчій домъ! О, съ прахомъ горсть твоимъ,
Горсть пепла изъ нѣмой развалины твоей,
Изъ прошлыхъ дней твоихъ, отъ горя и скорбей
Горсть пепла,—чтобъ мое осыпать сердце имъ!..

ДАНИЭЛЪ ВАРУЖАНЪ.

1884 г.

1. Письмо тоски. Перевель *С. Шервинскій*.
2. Курящаяся лампада. Перевель *онъ же*.
3. Колыбель армянъ. Перевель *Валерій Брюсовъ*.

1.

ПИСЬМО ТОСКИ.

Мать пишетъ: сынокъ, о, скиталець ты мой,
Доколь свои дни подъ чужою луной
Ты будешь влачить, не придешь отдохнуть
    Ко мнѣ на горячую грудь.

Согрѣтымъ когда-то въ ладоняхъ моихъ,
Довольно ногамъ твоимъ—лѣстницъ чужихъ.
Ты сердцемъ изсохъ, вспоминая съ тоской
    Пустынное сердце родной.

Рука истомилась, а пряжа длинна...
Изъ бѣлыхъ волосъ—мнѣ на гробъ пелена.
Лишь видѣть тебя—да подъ тяжестью вѣкъ
    Закрѣть бы и душу навѣкъ.

Сажусь передъ домомъ: мнѣ вѣсть про тебя ль
Приносить журавль, улетающій вдаль?..
А ива твоя осѣняетъ меня,
    Печальныя вѣтви клоня.

Напрасно глаза мои подъ вечеръ ждуть.
Изъ селъ молодцы только мимо идутъ,
Работникъ идетъ, тамъ пастухъ молодой,
    Лишь я одинока—съ луной.

Въ дому разоренномъ одна я сижу,
Очагъ берегу, да въ могилу гляжу;

Сижу черепахой, чей треснутый щитъ
Прилипшую кожу хранить.

Домъ отчій лишь ты возстановишь теперь.
И погребъ расхищенъ, и сломана дверь.
Весеннія птицы влетаютъ въ окно,
Гдѣ выбиты стекла давно.

Изъ стада всего ни одной голсвы
Въ живыхъ не осталось, баранъ лишь, увы,
Чьей маткѣ ребенкомъ,—припомни тотъ день,—
Даваль ты изъ ручекъ ячмень.

Даю ему клеверъ и отруби, рись.
Богатый курдюкъ у барана повись!
Расческой слоновой вожу по шерсти,
Чтобъ жертвѣ роскошнѣй расти.

Вернешься—ему я надѣну вѣнокъ,
Твсей ради жизни зарѣжу, сынокъ!
Въ той жертвенной крови, скиталецъ ты мой,
Усталыя ноги омой.

2.

КУРЯЩАЯСЯ ЛАМПАДА.

Намъ праздникъ—эта ночь! Пришелъ побѣдный часъ!
Невѣстка, ты въ лампаду масла влей!
Вернется съ боя сынъ, обниметь, милый, насъ!
Сними нагаръ, невѣстка, съ фитилей!

Тамъ, у колодца мнѣ ужъ слышенъ стукъ колесъ.
Невѣстка, намъ пора зажечь огни!
То ѣдетъ сынъ—въ вѣнцѣ! Побѣды вѣсть принеси!
Лампаду въ дверь, невѣстка, протяни!

Но... кузовъ трауромъ и кровью нагруженъ.
 Скорѣй огонь, невѣстка, поднеси!
 О, воинъ, о, мой сынъ, ты въ сердце пораженъ!
 Лампаду, ахъ, невѣстка, погаси!

3.

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯНЪ.

Есть хата; въ ней—колыбель;
 Изъ кипариса она.
 Вкругъ дико востъ метель
 И совъ насмѣшка слышна.

Со сводовъ виснетъ сѣдыхъ
 Бусь синихъ, синихъ овалъ.
 То слезы неба, но ихъ
 Жестокій холодъ сковаль.

Тамъ копотъ, сырость, капель...
 И тамъ, безмолвно въ тиши
 Качается колыбель,
 Какъ мечь въ глубинахъ души.

То—мѣсто, гдѣ армянинъ
 Мятежныхъ кормить дѣтей,
 Гдѣ цвѣтъ лобзаній—одинъ:
 Красавой розы алѣй.

Тамъ нѣжныхъ словъ не слышать,
 Подъ нѣсъ въ любви не уснуть:
 И мгла тамъ—строгая мать,
 А молній вспѣшка тамъ—грудь.

Въ слезахъ, лишенный всего,
Ребенокъ долженъ тамъ жить;
Тамъ случай зыблетъ его
И другъ приходитъ кормить.

Но тамъ, подъ синюю тѣхъ бусь,
Герой, быть можетъ, сокрытъ
Какъ въ ясляхъ спалъ Исусъ,
Освободитель тамъ спить!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЯ И ПЕРЕПѢВЫ.

- А. Исаакіанъ. 1. Отгадчица. Перевель *Вячеславъ Ивановъ*.
- Онъ же. 2. На чужбинѣ. Перевель *онъ же*.
- Онъ же. 3. Ожиданіе. Перевель *онъ же*.
- А. Чарыгъ. 1. Тринадцать лѣтъ. Перевель *С. Бобровъ*.
- В. Тэкэянъ. 1. Сонетъ. Перевель *Валерій Брюсовъ*.

1.

ОТГАДЧИЦА.

«Дѣвица, красавица!
Обернись я, молодецъ,
Мать-землею черною,—
Чѣмъ бы ты была?»
—«Я бь тебѣ покорною
Весенкой цвѣла».

«Дѣвушка—отгадчица!
А прикинься молодецъ
Глубиной озерною,—
Какъ бы догнала?»
—«Утицей проворною
Я бы поплыла».

«А скажи, отвѣтчица!
Растекись въ поднебесье
Молодецъ, въ просторное,—
Что бы ты взяла?»
—«Солнышко дозорное!
Небушко бь зажгла!»

2.

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную кляню:
Какъ съ родимую простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горь:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакъ кричить,
 Мимовѣйный вѣтръ молчить:
 Краемъ крылъ души коснулись,
 Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
 Сладкой звучностью рѣчей
 Хоть во снѣ бь отвелъ я душу,
 Хоть во снѣ бь ее подслушаль!

Какъ покроетъ долы тьма,
 Одолѣетъ мать дрема,—
 Льнуль бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
 Ей привидѣлся бь ребенкомъ!

3.

ОЖИДАНИЕ.

Вечерь—гость на дворъ; обошелъ дома;
 По селу въ окнахъ посажались огни.
 Мой лишь дворъ одинъ утонулъ въ тѣни:
 Какъ въ душѣ, въ дому безъ просвѣта тьма.

Всѣхъ собралъ сельчанъ съ поля позднѣй часъ;
 Вечерятъ сѣли за семейный столъ.
 Съ горь газель моя не бѣжить ли въ доль,—
 Я глядѣлъ въ темень, не жалѣя глазъ.

Наступила ночь непроглядная;
 Водить души въ снахъ по садамъ весна.
 Жду, пожду одинъ, въ ночь гляжу безъ сна:
 Не пришла греза ненаглядная!

АРАМЪ ЧАРЫГЪ.

I.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЙ.

Тринадцать лѣтъ ей, милой; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
У изголовья сядетъ—и лобзаетъ.

Лобзаетъ ненасытно, и, вперивъ
Въ глаза мои свои газельи очи,
Холоднымъ голосомъ мнѣ говоритъ:
«Люблю тебя, люблю—всѣ наши ночи!»

Она мнѣ родственницею была,
Недѣлями у насъ жила въ домѣ;
Бывало, сладко поцѣлуемъ жгла,—
«О, мое сердце!»—плакалась въ истомѣ.

И въ тѣ же дни ее покинулъ я,
Не вѣдая, что въ жизни съ нею сталося;
И на письмо отвѣтила семья,
Что «безъ тебя одна она скончалась.»

Тринадцать лѣтъ умершей; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
Съ тоской могильною меня лобзаетъ.

ВААНЪ ТЭКЭЯНЪ.

I.

СОНЕТЪ.

Какъ братъ, что издавна не видѣлъ брата,
Сталь сѣять дождь, вокругъ и на поляхъ,
И я услышалъ звукъ, звукъ поцѣлуевъ, ахъ!
И сердце было завистію сжато;

И о цвѣтахъ я вспомнилъ, что въ садахъ
Возносятся чаши, полны аромата;
И о слезахъ, не пролитыхъ когда-то,
И о моряхъ сіяній, о моряхъ

Благоуханій: о твоихъ очахъ!
Ни капли мнѣ то не послало море,
Чтобъ умягчить вздыбившееся горе!

И что жь, дитя, я вновь—въ твоихъ вратахъ,
Пришелъ, какъ странникъ, что пріюта ищетъ,
Когда льетъ дождь и вѣтеръ скорби свищетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ. БИБЛІОГРАФІЯ.
СОДЕРЖАНІЕ.

Примѣчанія и Библиографія составлены *В. Я. Брюсовымъ*, въ сотрудничествѣ съ *Карэномъ Микаэляномъ*.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ОБЩІЯ ЗАМЪЧАНІЯ.

Вступительный очеркъ, какъ указано въ Объясненіяхъ редакціи (стр. 18), отнюдь не притязаетъ на-полноту сообщаемыхъ въ немъ историко-литературныхъ свѣдѣній, являясь лишь предисловіемъ къ данной книгѣ.

Историческая часть очерка основана на работѣ того же автора: «Очеркъ историческихъ судьбъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, Мск. 1916 г.», гдѣ указаны источники, которыми пользовался авторъ. Для историко-литературной части очерка важнѣйшими источниками были: работы А. Чобаньяна и др., указанные ниже въ Библиографіи, непосредственное знакомство съ созданіями армянской литературы, въ переводахъ и, частью, въ оригиналѣ, и, особенно, личныя разъясненія и указанія П. Н. Макинціана и Карэна Микаэляна, которымъ авторъ еще разъ выражаетъ свою глубокую признательность. Нѣкоторыя дополненія къ даннымъ, сообщеннымъ во Вступительномъ очеркѣ, приведены далѣе въ Примѣчаніяхъ.

Орѳографія армянскихъ словъ и собственныхъ именъ, какъ во Вступительномъ очеркѣ, такъ и во всемъ сборникѣ, выдержана въ согласіи съ произношеніемъ русскихъ армянъ (включая и имена западно-армянскихъ поэтовъ, за немногими исключеніями уже установившихся написаній). При этомъ редакція имѣла въ виду воспроизвести именно произношеніе, отчего написаніе отдѣльныхъ именъ не единообразно. Въ частности окончаніе армянскихъ фамилій имѣетъ, въ русской транскрипціи, нѣсколько формъ: на —*іанъ* (напр., Чобаніанъ, Исаакіанъ), на —*ьянъ* (напр., Патканьянъ, Туманьянъ), на —*ьянцъ* (напр., К. Костаньянцъ) или, иногда, на —*янъ* (напр., Микаэлянъ). Имена крестныя приведены—частью въ армянской формѣ, напр., Петросъ Дуріанъ, частью—въ русской формѣ, напр., Моисей Хоренскій, Іоаннъ Мандакуни, Григорій Магистръ, частью—въ обихъ формахъ, напр., Елисей (Егише), Лазарь (Газоросъ), Левъ (Левонъ); также, въ отдѣльныхъ случаяхъ, различно написаніе имени—Іоаннесь, Ованнесь и др. Редакція рѣшилась допустить такую пестроту написаній, чтобы не нарушать уже установившейся традиціи, по которой въ русскихъ сочиненіяхъ постоянно пишется Моисей, а не Мовсесь Хоренскій, но Рафазль, а не Рафанль Патканьянъ, Ованнесь Туманьянъ, но большею частью—Іоаннесь Іоаннисіанъ, Александръ Цатуріанъ, но—Петросъ Дуріанъ и т. под.

Тексты народных пѣсенъ взяты, преимущественно, изъ изданій еп. Сервандзціана, Н. О. Эмина, А. Чобаніана и изъ различныхъ пѣсенинновъ («сергараны» и «тагараны»); тексты древнѣйшихъ пѣсень изъ изд. исторіи Моисея Хоренскаго. Текстъ сказки о «Владыкѣ Асланѣ» основанъ на изд. К. Костаньянца; эпопеи «Давидъ Сасунскій»—на изд. Манука Абегиана; нѣкоторыхъ джанъ-гюлюмовъ—на изд. «Кнаръ Айкаканъ» («Армянская Лира»). Нѣсколько пѣсень заимствовано (П. Н. Макинціаномъ) изъ вандскихъ журналовъ и выписано (имъ же) изъ рукописей Эчміадзинской библиотеки. Небольшое число пѣсень, главнымъ образомъ—обрядовыхъ, переведено съ французскаго перевода А. Чобаніана, такъ какъ армянскій текстъ этихъ стиховъ получить не удалось. Тексты произведеній средневѣковыхъ поэтовъ и ашуговъ взяты, частью, изъ изд., названныхъ выше (К. Костаньянца, А. Чобаніана, «Кнаръ Айкаканъ»), а также изъ изд.: арх. Тевнанца («Айергъ») Г. Ахвердова (Саятъ-Нова), А. Потуріана и др.; тексты шаракановъ—изъ изд. «Шаракана» (армянскаго, сличеннаго съ русскимъ переводомъ Н. О. Эмина); тексты «Элегія на взятіе Эдессы» и «Пѣсни о плѣненіи короля Левона»—изъ изд. Э. Дюлорье. Тексты произведеній новыхъ поэтовъ почерпнуты изъ изд. ихъ соч. и различныхъ антологій, причѣмъ нѣкоторые тексты сообщены самими авторами.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ. ЛИРИКА.

Изъ древнѣйшихъ пѣсень, стр. 93—96.

«Древняя армянская литература, пишетъ А. Чобаніанъ (*Chants populaires Arméniens*, LXXI), лишена своей интереснѣйшей половины: поэзія языческой... Погибли навсегда цѣлые циклы прекрасныхъ эпическихъ и миеологическихъ пѣсень, отъ которыхъ осталось лишь нѣсколько отрывковъ, приводимыхъ Моисеемъ Хоренскимъ и Григоріемъ Магнстромъ... Соглашаясь съ авторомъ этихъ строкъ, мы постарались, въ началѣ нашего изд., собрать важнѣйшіе изъ этихъ скудныхъ отрывковъ.

Рожденіе Ваагна. Моисей Хоренскій, кн. I, гл. 31, приводя эту пѣсню и называя Ваагна (или Вахагна) сыномъ царя (миеическаго) Тигра на Древняго, говоритъ: «Мы собственными ушами, слышали, какъ пѣли эту (пѣснь), сопровождая ее бамбирномъ. Затѣмъ въ пѣснѣ воспѣвали борьбу Ваагна съ драконами и побѣду надъ ними... Воспѣвали также его апофеозу; и тамъ, въ странѣ Иверовъ, была ему воздвигнута статуя въ ростъ его, которую чествовали жертвами.» Полагаютъ, что Ваагнъ одно изъ древнѣйшихъ національныхъ божествъ у армянъ. Въ эпоху вліянія эллинизма, при Тигра нѣ Великомъ, Ваагна приравняли къ Гераклу, чѣмъ объясняются слова Моисея Хоренскаго (тамъ же): «Все воспѣваемое (о Ваагнѣ) имѣло большое сходство съ подвигами Геракла.» Другіе армянскіе писатели (Агаангель, Ананій Ширакскій) дополняютъ свѣдѣнія о Ваагнѣ. Это Ваагнъ образовалъ млечный путь, разоряя въ пути на небо соломенки изъ снопа, похищеннаго у Баршама (по-сирійски,—Солнце); женой Ваагна была Астхикъ (букв.,—звѣздочка), и т. под. Все это позволяетъ видѣть въ Ваагнѣ—божество звѣздное.—См. ниже литературную обработку преданія о рожденіи Ваагна въ стихахъ І. Иоаннисціана (стр. 301).

О царѣ Арташесѣ. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 50, кромѣ этого отрывка, приводитъ еще два стиха изъ пѣсни о женитьбѣ Арташеса на Сатеникѣ, царевнѣ алановъ, говоря: «Это мѣсто такъ поется выпасанами въ нхъ пѣснѣ:

Арташеса на свадьбѣ шель дождь золотой;
Сатеникѣ на свадьбѣ шель дождь жемчуговъ.»

Моисей Хоренскій относитъ эту пѣсню къ «последнему Арташесу», котораго считаетъ преемникомъ Еруанда II (врядъ ли существовавшего) и отцомъ Артавазда II, при чемъ смерть Арташеса приходится на годы правленія Адриана (117—138 г. по Р. X.). Все это не вяжется съ исторіей Арменіи, поскольку она намъ извѣстна документально. Естественное предполагать, что эта народная пѣсня возникла въ болѣе древнія времена; ктому же имя Арташесъ (въ греческой транскрипціи,—Артаксія) носило нѣсколько царей Арменіи, начиная съ Арташеса I (189—160 г. до Р. X.), современника Ганнибала и основателя города Арташата. Моисей Хоренскій сообщаетъ про другія пѣсни «гохтанскихъ пѣвцовъ» о царѣ Арташесѣ (II, 49, 61 и др.) и, между прочимъ, передаетъ преданіе, что онъ, связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ пещерѣ,—обработанное, въ стихахъ I. Иоаннисяномъ (см. стр. 378—9 и примѣчаніе къ этой легендѣ, стр. 505).

О построеніи Вардгеса. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 65, говоритъ, что царь Вагаршъ, котораго отождествляютъ съ Вагаршемъ или Вологасомъ, царствовавшимъ въ Арменіи въ эпоху Септимія Севера (194—211 г. по Р. X.) и, по преданію, основавшемъ городъ Вагаршапата (иначе Норъ-Каханъ или Кайнеполь, м. б., современный—Эчмиадзинъ), «обвелъ также стѣною большое селеніе Вардгеса, что на рѣкѣ Касахъ, объ чемъ въ легендѣ говорится слѣдующее»... Слѣдуютъ 5 стиховъ, воспроизводимыхъ нами почти безъ измѣненій въ переводѣ Н. О. Эмина, такъ какъ его прозаическій переводъ почти совпадаетъ съ ритмомъ подлинника. Добавимъ, что послѣдній стихъ для перевода представляетъ трудности и можетъ быть истолкованъ иначе.

Другіе народные стихи, приводимые Моисеемъ Хоренскимъ,—крайне отрывочны и представляютъ болѣе исторической, нежели художественный интересъ. См. Н. О. Эминъ, «Моисей Хоренскій и древній армянскій эпосъ»; E. Dulaurier, «Chants populaires arméniens», и др.

Пѣсня о разсвѣтѣ. Хотя въ стихахъ говорится о Христѣ и Пресвѣтителѣ (т. е. Григоріи изъ царскаго рода Аршакидовъ, съ именемъ котораго связано крещеніе царя Тирidata и армяны, въ самомъ концѣ III в.), однако, полагаютъ, что эта пѣсня могла возникнуть еще въ языческую пору, причемъ позднѣе языческіе имена и образы были замѣнены христіанскими.

Пѣсни о любви, стр. 97—104.

Армянскія народныя пѣсни о любви, какъ аналогичныя народныя пѣсни русскія и др. народовъ, прежде всего показываютъ, какъ высоко самъ народъ цѣнилъ жизнь чувства. Въ то время, какъ интеллигентные печальники горя народнаго, въ своихъ стихахъ наибольшее вниманіе уделяютъ обычно бѣдствіямъ роднаго народа, его тяжелой долѣ, онъ самъ охотно поетъ о радостяхъ любить и быть любимымъ. Въ стихахъ о любви, сложенныхъ ар-

мянскимъ народомъ, эстетическое стншеніе къ міру одерживаетъ полную побѣду, отражая силу духа «народа-художника». Вотъ почему мы сочли нужнымъ дать сравнительно много мѣста этимъ любовнымъ пѣснямъ, большинство которыхъ выдѣляется особой художественностью выраженія. Дѣѣ изъ этихъ пѣсенъ:

Для милой надо платье сшить, стр. 97, и Золотая звѣздочка въ небѣ, стр. 115, были ранѣе напечатаны («Огонекъ» 1915 г.); перепечатано въ «Сборникъ армянской литературы», Пгд. 1916) въ другой редакціи перевода:

I.

Сшейте платье для милой
Вы изъ солнечнаго свѣта;
Лунный свѣтъ—подкладка платью,
Нитки—облаковъ волокна;
Кружева—морская пѣна;
Звѣзды яркія—застежки,
А на грудь цвѣтокъ—я самъ!

II.

Полюбила звѣздочка въ небѣ
Рыбку малую въ синемъ морѣ;
Но не плавать рыбешкѣ въ небѣ,
Не блистать и звѣздочкѣ въ морѣ.

Джанъ-гюлюмы связаны съ гаданіемъ подъ праздникъ. Въ судъ съ водой, простоявшій всю ночь подъ розовымъ кустомъ и свѣтомъ звѣздъ, дѣвушки кладутъ свои мѣтки: утромъ дѣвочка, «мать цвѣтовъ», съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, достаетъ эти мѣтки подъ пѣніе джанъ-гюлюмовъ: чья мѣтка вынется, къ тому и относятся слова пѣсни (П. Маницианъ, «Очеркъ армянской литературы»).

Свадебная пѣсня, стр. 107—8, переведена не полностью; поется еще рядъ строфъ, продолжающихъ развитіе тѣхъ же варіацій.

Зейтунскій маршъ, стр. 117, до сихъ поръ распространенная, пѣсня удалцовъ. Названіе Зейтунъ не упоминается въ хроникахъ Киликійскаго царства и встрѣчается впервые въ XVI в. Но съ того времени Зейтунъ постоянно оставался горнымъ гнѣздомъ, обитатели котораго не хотѣли признавать чужеземной власти. Съ оружіемъ въ рукахъ, всѣ—воины съ дѣтства, зейтунцы упорно обороняли свою свободу и отъ турецкихъ чиновниковъ и отъ турецкаго регулярнаго войска, которому затруднительно было бороться съ партизанскими отрядами, въ горной области. Въ Зейтунѣ сохранялись патріархальные нравы старины, жили древнія пѣсни и преданія; въ мѣстномъ монастырѣ хранилось много старинныхъ рукописей. Въ 1865 г. туркамъ, хитростью, удалось воестановить

зависимость Зейтуна, впрочем, первоначально совершенно номинальную. Въ 1879 г. впервые въ Зейтунъ былъ введенъ турецкій гарнизонъ. Но когда турки стали облагать населеніе Зейтуна тяжелыми податями, жители начали волноваться. Послѣднее, самое серьезное восстаніе, въ числѣ причинъ котораго были и систематическія избиенія армянъ турками въ другихъ вилайетахъ, произошло въ 1895 г. Противъ Зейтуна была отправлена огромная армія Эдхема-паши съ осадной артиллеріей. Зейтунцы геройски оборонялись, но, лишенные подвоза боевыхъ припасовъ, должны были уступить силѣ. Благодаря посредничеству Россіи, Англіи и Франціи, условія сдачи были почетны: зейтунцамъ былъ гарантированъ губернаторъ-христіанинъ и т. под. Однако, впоследствии, турки большинства этихъ условий не выполнили. Лучшая работа о Зейтунѣ: Aghassi, Zeitun, depuis les origines jusqu'a l'insurrection de 1895. Trad. d'A. Tchobanian. 2 éd. P. 1897.

Пѣсни средневѣковыя, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ. О происхожденіи этихъ пѣсней см. Вступительный очеркъ, стр. 59.

Пѣснь на плѣненіе короля Левона, стр. 120. Текстъ взятъ изъ изд. E. Dulaurier, Recueil des historiens de croisades. Въ 1266 г. египтяне (мамелюки) вторглись въ Киликію, одержали побѣду при Терпесагѣ и взяли въ плѣнъ Левона, сына короля Гетума I. Левонъ былъ уведенъ въ Каиръ и томился въ плѣну больше двухъ лѣтъ. Наконецъ, Гетуму, горько оплакивавшему утрату двухъ сыночекъ (другой, Торосъ, т.-е. Феодоръ, былъ убитъ при Терпесагѣ), удалось добиться обмена плѣнными: султанъ согласился отпустить Левона въ обменъ на своего эмира, Соннора-Ашкара, попавшаго, при взятіи Алеппо, въ плѣнъ къ татарамъ, бывшимъ въ то время союзниками армянъ. Левонъ вернулся въ Киликію и, по смерти Гетума I, царствовалъ подъ именемъ Левона (Льва) III.—Народная пѣсня излагаетъ эти событія въ томъ освѣщеніи, какового требовала народная гордость. О Сисѣ, столицѣ Киликіи, см. Вступительный очеркъ, стр. 34.

Арутюнь Туманьянъ, стр. 128,—современный поэтъ, авторъ нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ.

ЭПОСЪ.

Эпосъ. По свидѣтельствамъ Моисея Хоренскаго и Григорія Магистра, древнѣйшая народная армянская поэзія была богата эпическими созданіями, воспѣвавшими сказанія о богахъ и герояхъ. Эти пѣсни до-христіанской эпохи погибли для насъ, кромѣ скудныхъ отрывковъ (см. выше). Дошли до насъ лишь позднѣйшія народныя обработки христіанскихъ легендъ и отрывки обширной эпопеи о Давидѣ Сасунскомъ, можетъ быть, впитавшіе въ себя, однако, кое-что изъ древнѣйшихъ пѣсней. Поэтому о народномъ армянскомъ эпосѣ должно судить, какъ о скромныхъ остаткахъ некогда величественнаго цѣлага.

Владика Асланъ, стр. 131 и сл. Въ основѣ этой сказки лежитъ обще-арійскій мифъ о вѣрной жейѣ, которая отдаетъ свою жизнь въ обменъ за жизнь мужа. Наиболее извѣстенъ этотъ мифъ въ эллинской обработкѣ сказанія о царѣ Адметѣ и его жейѣ Алкестѣ, пересказаннаго въ утерянной поэмѣ, приписываемой Гесиоду, въ также утерянной драмѣ Фриниха

и въ сохранившейся трагедіи Еврипида «Алкеста». У греческаго трагика, какъ и у армянскаго поэта, и старикъ-отецъ Адмета и его старуха-мать отказываются отдать свою жизнь въ обмѣнъ за жизнь сына; соглашается пожертвовать за мужа своей жизнью лишь его юная и прекрасная жена—Алкеста. Трагедія Еврипида заканчивается счастливымъ исходомъ: Геракль, связанный съ Адметомъ узами гостепрѣимства, въ рукопашномъ бою отбиваетъ у демона смерти Алкесту и возвращаетъ ее мужу. Такой конецъ у армянскаго поэта-христіанина замѣненъ вмѣшательствомъ Господней воли. Впрочемъ, полагаютъ, что сюжетъ возвратился въ Армению черезъ посредство восточныхъ обработокъ (персидскихъ и арабскихъ).

Давидъ Сасунскій, стр. 135 и сл. Текстъ взять изъ изд. Манука Абегиана «Давидъ и Мызръ», Шуша 1889. Въ нашемъ переводѣ воспроизведена лишь часть эпоса (около половины), съ небольшими пропусками. Впрочемъ, извѣстно много различныхъ ея вариантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержать совершенно новые эпизоды. Судя по вступленію, гдѣ перечислены имена лицъ, дѣйствующихъ въ эпосѣ, она дошла до насъ не полностью, и возможно, что еще будутъ открыты новыя ея части.—Провѣтаніе Сасунскаго княжества относится къ XI—XIV в. Послѣ сельджукскаго завоеванія, отдѣльныя области Арменіи стали постепенно добиваться полу-независимаго положенія. Наиболѣе значительнымъ княжествомъ было Захаридское (называемое такъ по династіи, шедшей отъ Захарія Долгорукаго), ставшее въ вассальныя отношенія къ Грузіи. Рядомъ съ нимъ возникли княжества—Сюнійское (князей Орбельяни), Хаченское, Хедженидовъ (гдѣ княжила вѣтвь Арцрунидовъ) и др., въ томъ числѣ Чортуанелидовъ (князя котораго вели свой родъ отъ Мамиконидовъ). Послѣдніе были оттѣснены изъ равнины Тарона въ горный Сасунъ. Мѣстоположеніе въ горахъ помогало Сасуну отстаивать свою независимость, среди постоянной борьбы окружныхъ мелкихъ династій, характерной вообще для феодальной эпохи. Окончательно утратилъ Сасунъ свою независимость лишь вмѣстѣ съ другими армянскими княжествами послѣ нашествія Тамерлана и завоеваній турокъ-османовъ.—Эпоса «Давидъ Сасунскій», въ подлинникѣ, написана неравносложными стихами, о метрѣ которыхъ еще продолжаютъ споры. Судя по языку и чертамъ нравовъ, встрѣчающимся въ эпосѣ, окончательную обработку она получила вначительно позднѣ той эпохи, когда процвѣталъ Сасунъ. Однако, есть въ эпосѣ черты глубокой древности, показывающія, что въ ея основу легли древнѣйшія историческія пѣсни, позднѣ пріуроченныя къ Сасунскому Давиду: таковы черты, намекающія на языческія вѣрованія. Возможно, что на армянскій эпосъ оказали вліяніе эпосы персидскій и, черезъ него, индійскій; съ другой стороны, извѣстны на персидскомъ и нурдскомъ языкахъ варианты «Давида Сасунскаго».

ПОЭЗІЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

Поэзія средневѣковья. Къ тому, что сказано въ нашемъ вступительномъ очеркѣ о поэзіи армянскаго средневѣковья, мы можемъ добавить сказанное объ ней А. Чобаніаномъ (*Chants populaires*, LXXIII):

«Эта поэзия, свободная, полная живого и чарующаго изящества, часто преражающая своимъ сильнымъ и самобытнымъ складомъ, составляетъ наиболѣе живую и наиболѣе оригинальную часть древней армянской литературы.» Говоря далѣе о религіозной поэзи армянскаго средневѣковья, тотъ же авторъ пишетъ: «Ея созданія не блѣднѣютъ рядомъ съ прославленнѣйшими твореніями мировой литературы христіанства.» Такое высокое значеніе средневѣковой армянской поэзи и побудило насъ отвести ей значительное мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

Григорій Нарекскій, стр. 159—163, и Вступ. оч., стр. 43—44. Очеркъ о жизни и произведеніяхъ Григорія Н. см. въ книгѣ F. Nève, *L'Arménie chrétienne et sa littérature*, Louvain 1886. Комментаторы считаютъ стихи «Алмазная роза» аллегоріей Богоматери; въ подлинникѣ стихотв. щедро украшено аллитераціями, которыя переводчикъ, по возможности, старался воспроизвести. Объ аллегорическомъ смыслѣ «Пѣсни на Воскресеніе Христово» мнѣнія комментаторовъ расходятся. Въ образѣ телѣги видятъ, напр., изображеніе Арменіи, погрязшей въ язычествѣ, которую выводитъ на правый путь христіанство. Недавно было высказано мнѣніе, что поэтъ, аллегоричнаю спасенія вѣрныхъ, черезъ Воскресеніе Христово, въ «Новомъ Сіонѣ», описаль, въ своихъ стихахъ, простое явленіе природы: изъ того монастыря, гдѣ жилъ Григорій, созвѣдіе Большой Медвѣдицы представляется въ видѣ колесницы, спускающейся съ Арарата (Масиса горы).

Нерсесъ Благодатный, стр. 165—178, и Вступ. оч., стр. 44—45. Характеристину Нерсеса Б. см. въ брошюрѣ: A. Tchobanian, *L'Arménie, son Histoire, sa Littérature*, P. 1897. См. также обширный очеркъ въ книгѣ F. Nève и вступительную замѣтку Dulaurier въ его изд. *Recueil etc.*

Стихи: На великій пятокъ составляютъ отрывкомъ стихотворенія, въ которыхъ каждыя два стиха начинаются послѣдовательно съ новой буквы алфавита (въ нашемъ переводѣ отъ К до Т).

Въ Элегіи на ваятіе Эдессы, въ подлинникѣ, около 4000 стиховъ оканчиваются на одну и ту же риму (—инъ; переводчикъ, по возможности, стремился воспроизвести эту особенность оригинала. Нѣкоторые думаютъ, что такой приемъ стихосложенія заимствованъ армянскими поэтами у арабскихъ; Saint-Martin (въ предисл. къ французскому изд. «Элегіи» Jehan Zohrab) приписываетъ его вліянію франковъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Должно, однако, напомнить, что подобный приемъ встрѣчается, въ армянской поэзи, уже у Григорія Магистра (ум. около 1058 г.). Авторъ называетъ свою поэму «просопопеей», такъ какъ олицетворяетъ городъ Эдессу и заставляетъ ее самое рассказывать о своихъ несчастіяхъ (отсюда выраженія: «созерцала я...», «мой», «у меня» и т. под.). Ваятіе Эдессы связано съ началомъ наступленія мусульманъ на новыя христіанскія государства Передней Азіи въ XII в. Въ 30-хъ годахъ этого столѣтія атабекъ (визирь Зенги или Занки), правившій Мосуломъ, какъ опекунъ малолѣтняго сельджукскаго эмира Альпъ-Аслана, предпринялъ завоеваніе всей Сиріи и Месопотаміи. Захвативъ рядъ городовъ, Занки осадилъ Эдессу. Архіепископъ города, ждавшій помощи изъ Иерусалима и Антиохіи, убѣдилъ гарнизонъ и жителей обороняться. Но помощь не подошла (см. примѣч. къ ст. 811), и въ городѣ начался голодъ. Занки подкопалъ

стѣны, зажегъ бревна, вставленныя въ подкопы, и этимъ обрушилъ стѣны. Мусульмане ворвались въ Эдессу и разграбили городъ; архіепископъ былъ убитъ въ свалкѣ. Черезъ два дня сдалась и цитадель (декабрь 1144 г.). Мусульманскіе поэты прославили подвиги Занки. «Элегія» Нерсеса, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, является важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ современника.—Въ армянской литературѣ известна другая поэма, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ «Элегіей» Нерсеса Б.; «Элегія на взятіе Іерусалима» (Саладиномъ въ 1187 г.), написанная католикосомъ Григоріемъ Отрокомъ или Тга (1133—1189 г.). Отъ Григорія Отрока осталось нѣсколько писемъ по богословскимъ вопросамъ и «Элегія», написанная тѣмъ же стихомъ, какъ поэма Нерсеса Б.

Ф р и н к ъ, стр. 179—184, и Вступ. оч., стр. 49—50. Ожидается изд. его соч., въ которомъ долженъ впервые появиться рядъ произведеній (подъ ред. арх. Тирайра). Изъ стихотв. «Жалобы» переведено нами лишь начало; въ подлинникѣ все стихотв. выдержано на одну риему.

І о а н н ѣ Е р з ы н к а й с к і й, стр. 185—188, и Вступ. оч., стр. 49—50. Іоаннъ Е. род. въ 1250 г., въ Ерзынкъ (Ерзынжанъ) и ум. около 1326 г. Его называютъ также: Ованнесь изъ Ерзынка, Плюсъ (т.-е. голубоглазый, изъ Дзордзора (ибо долгое время жилъ въ Дзордзорскомъ монастырѣ). Во время пребыванія Ованнеса Е. въ Киликіи, король Левонъ III устроилъ ему торжественный приемъ и поручилъ управленіе академіей Сиса; тогда же Ованнесь Е. изучилъ латинскій яз. и перевелъ на армянскій часть «Summa Theologiae» Фомы Аквинскаго. Число соч. Ованнеса Е. (частью не дошедшихъ до насъ) весьма велико; въ ихъ числѣ имѣется поэма, въ 1000 стихотв., о движеніи небесныхъ тѣлъ (на тотъ же сюжетъ авторомъ написано прозаическое разсужденіе), составленная въ Тифлисъ.

К о н с т а н т и н ѣ Е р з ы н к а й с к і й, стр. 189—192, и Вступ. оч., стр. 50—51. Соч. Константина Е. изданы, о. Потуріаномъ, членомъ братства мхитаристовъ, въ Венеціи, съ подробнымъ комментариемъ.

А р а к е л ѣ Б а г е ш с к і й, стр. 193—197, и Вступ. оч., стр. 51—52. Аракель Б. род. въ деревнѣ Боръ, около Багеша (совр. Битлисъ), въ исцѣ XIV в., и былъ ученикомъ поэта-мистика Григорія Тзеренца. Отъ Аракела Б. дошелъ до насъ рядъ поэмъ на грапарѣ и на народномъ яз., а также стихотворныя переложенія «Исторіи Іоасафа» и «Исторіи семи мудрецовъ» (сюжеты—широко распространенные на Востокѣ).

М к р т и ч ѣ Н а г а ш ѣ, стр. 199—202, и Вступ. оч. стр. 52. Отъ Мкртича Н. дошло до насъ 11 стихотв. частью посвященныхъ вопросамъ современности, частью—гномическихъ раздумій. О Мкртичѣ Н. см. очеркъ К. Костаньянца (его изложеніе въ книгѣ: А. Tchobanian, Les Trouvères Arméniens.)

О в а н н е с ѣ Т ы л к у р а н с к і й, стр. 203—206, и Вступ. оч., стр. 53. Тылкуранъ—деревня въ Діарбекирѣ. Что Ованнесь Т. скончался престарѣлымъ, видно изъ его словъ, въ одномъ стихотв., обращенныхъ къ самому себѣ: «Вотъ уже 70 лѣтъ ты живешь на свѣтѣ!» Отъ Ованнеса Т. дошло до насъ около 25 стихотв., изъ которыхъ 16 изданы К. Костаньянцомъ (Тифлисъ 1892).

О в а н н е с ѣ (Ерзынкайскій), стр. 207—210, и Вступ. оч., стр. 53—54.

Предположеніе, что зтотъ Ованкесъ жилъ въ концѣ XV в., въ одномъ изъ Ерзыннайскихъ монастырей, принадлежитъ К. Костаньянцу.

Григорій Ахтамарскій, стр. 211—222, и Вступ. оч., стр. 54—55. О двухъ переведенныхъ нами стихотв. (1-мъ и 3-мъ) см. брошюру К. Костаньянца: Роза и соловей. Къ положенію армянъ въ XVI в., М. 1913. Авторъ приходитъ къ выводу, что въ «Пѣснѣ объ одномъ епископѣ» мы имѣемъ дѣло со стихотв. чисто бытового характера. Относительно «Пѣсни о розѣ и соловѣѣ» К. Костаньянцъ пишетъ: «Армянскіе авторы до Григорія А. пользовались аллегоріей о розѣ и соловѣѣ для представленія религиозныхъ понятій. Между тѣмъ у Григорія А. аллегорія эта даетъ картину опять-таки разбитой жизни, впрочемъ, поддерживаемой надеждою на восстановление и обновленіе,—картину, вполне соотвѣтствующую историческому и бытовому положенію армянъ XVI вѣка.»

Наапетъ Кучакъ, стр. 223—232, и Вступ. оч., стр. 55—56. Характеристику Кучака см.: А. Tchobanian, Les Tchouvères Arméniens. Принадлежность Кучаку пѣсни «К р у н к ѣ»—сильно оспаривается: по языку и по манерѣ письма она представляетъ значительныя отличія отъ стихотв., несомнѣнно принадлежащихъ Наапету Кучаку.—Четверостишіе XII («Ахъ милой мой миндальный цвѣтъ»...), стр. 227) въ заключительныхъ стихахъ повторяетъ мысль, часто встрѣчающуюся у различныхъ поэтовъ Востока (персидскихъ, арабскихъ, индусскихъ) и заимствованную у нихъ нѣкоторыми нѣмецкими романтиками (Жанъ Поль Рихтеръ, Уландъ, Глей-Реттихъ). У насъ та же мысль была обработана въ четверостишіи К. Фофанова:

Съ плачемъ младенецъ родился на свѣтъ.
Всѣ улыбаются, ты только нѣтъ.
Сдѣлай же такъ, чтобъ на смертномъ одрѣ,
Ты улыбался, а плакали бѣ всѣ.

Іеремія Кѣмурджіанъ, стр. 233—236, и Вступ. оч. стр. 57—58. А. Чобаніанъ считаетъ Іеремію К. «самой значительной фигурой въ армянской литературѣ XVII в.»

Іонатанъ Нагашъ, стр. 237—242, и Вступ. оч., стр. 58. Дата смерти Нагаша І. извѣстна намъ изъ стихотворенія, написаннаго его сыномъ Гакобомъ въ память отца.

Помимо поэтовъ, стихи которыхъ приведены въ нашемъ сборникѣ, извѣстенъ еще цѣлый рядъ другихъ армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ, а изученіе монастырскихъ архивовъ и др. собраній рукописей, за послѣднее время, почти ежегодно обнаруживаетъ новыя имена. Особенно заслуживаютъ вниманія поэты: Кэробэ (жилъ, по мнѣнію о. Потуріана, въ концѣ XV в.), Газаросъ (Лазарь) Севастійскій (конецъ XVI и начало XVII в.), Нерсесь-архимандритъ (род. въ Моккѣ, въ концѣ XVI в., жилъ въ Іерусалимѣ, потомъ въ Татевскомъ монастырѣ, наконецъ, поселился на островѣ Ахтамарскаго озера, гдѣ основаль, въ 1622 г., монастырь, существующій понынѣ; оставилъ стихи на взятіе Іерусалима, хвалу Пресвятой Дѣвѣ, гимнъ Небу и Землѣ и др.), Давидъ Салнадзорскій, Акопъ изъ Арцкѣ, Оксисъ Тэртеръ, Минасъ Тохатскій, Саркавагъ Бердакскій и др.

ПОЭЗІЯ АШУГОВЪ.

О поэзіи ашуговъ см. Вступительный очеркъ, стр. 58—64.— Различаютъ типъ ашуга: русской и турецкой Арменіи. Ашуги русской Арменіи постепенно составили какъ бы особый цехъ пѣвцовъ, необходимыхъ на каждомъ домашнемъ или общественномъ торжествѣ. Наиболее удачливые изъ нихъ получали отъ своего ремесла пѣвцовъ и импровизаторовъ порядочный достатокъ. Въ турецкой Арменіи, въ областяхъ Муша, Битлиса, Вана, до послѣдняго времени сохранялся старинный типъ ашуга-перехожка. Часто это—слѣпецъ, бродящій изъ деревни въ деревню и почитаемый за существо боговдохновенное. Матери иногда, по объѣту, назначаютъ своего будущаго ребенка для служенія Богу и тогда отдають мальчика извѣстному ашугу: сначала мальчикъ служитъ поводыремъ слѣпцу, а потомъ перенимаетъ у него искусство пѣть и слагать стихи. Впрочемъ, этотъ древній типъ исчезаетъ теперь и на своей родинѣ. Поэзія ашуговъ заинтересовала изслѣдователей райѣ, чѣмъ монастырская поэзія средневѣковья. Однимъ изъ первыхъ собирателей пѣсенъ ашуговъ былъ поэтъ Алишанъ. Однако, большинство пѣсенъ, сложенныхъ ашугами въ прошлые вѣка, погибло безвозвратно или живеть безымянно, какъ народныя пѣсни. Ашуги послѣдняго времени сами собирають и печатають свои сочиненія.

С т е п а н и о с ь, стр. 243—246. Одинъ изъ старѣйшихъ ашуговъ, пѣсни котораго дошли до насъ съ именемъ автора.

С а я т ь - Н о в а, стр. 247—258, и Вступ. оч., стр. 59—64. О Саять-Новѣ существуетъ богатая литература на армянскомъ яз.,—работы Ахвердовъ, К. Костаньянца, Ов. Туманьяна, Н. Агбальяна и мн. др.; по-французски см. этюды М. Tchégaz, въ журналѣ «l'Arménie» 1893 г., А. Tchobanian и др.; по-русски этюды и переводы Я. Полонскаго, А. Гарденина, Аврелиана и др. Формы своихъ стиховъ Саять-Нова брала, большею частью, у персидскихъ поэтовъ. Грузинскіе и татарскіе стихи Саять-Новы еще не изданы, какъ, повидимому, остается въ рукописяхъ и рядъ ео армянскихъ стихотвореній.

Л у н к і а н о с ь, стр. 259—262. Лункіанось писалъ пѣсни на армянскомъ и турецкомъ яз., мистическія, эротическія, на темы историческія и злободневныя. Дошли до насъ почти исключительно пѣсни мистическія и нѣсколько злободневныхъ.

Д ж и в а н и, стр. 263—266. Память Дживани понынѣ жива среди современныхъ ашуговъ русской Арменіи, и его пѣсни понынѣ поются на празднествахъ. Дживани былъ поэтъ очень чуткій, и на рѣдкое событіе, производившее впечатлѣніе среди армянъ, не отзывался пѣсней.

Число изданныхъ пѣсенъ ашуговъ довольно велико, но мы не пользовались ихъ по причинамъ, указаннымъ на стр. 63—4. Такъ, послѣ смерти Г. Ахвердова, его наслѣдниками напечатанъ 2-ой томъ его собранія пѣсенъ ашуговъ, куда вошли произведенія Ш и р и н а, А з б а р ь - А д а м а, М и с к и н ь - Б у р д ж и и мн. др.

ПОЭЗІЯ РУССКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія русскихъ армянъ распадается на три періода: ея зачинателей, какъ Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азисъ и др.; ея рас-

цвѣта, въ творчествѣ І. Іоаннисіана, А. Цатуріана, Ов. Туманьяна, А. Исаакіана и др.; новыхъ теченій, наиболѣе виднымъ представителемъ которыхъ является В. Таріанъ. Несомнѣнно, что на эту поэзію оказала свое вліяніе русская литература (см. брошюру Ю. Веселовскаго, Русское вліяніе въ армянской литературѣ, М. 1901). Въ нашемъ изд. мы старались собрать произведенія, отмѣченныя печатью оригинальности, оставляя въ сторонѣ, хотя бы и талантливые, перепѣвы мотивовъ русскихъ поэтовъ.

Р. Патканьянъ, стр. 296—282 и Вступ. очеркъ, стр. 71—74. Поэтическая дѣятельность Патканьяна представляетъ два раздѣльныхъ періода. Къ первому относятся юношескіе опыты и затѣмъ стихи 1855—1864 гг., въ томъ числѣ «Слезы Аракса», появившіеся въ пяти сборникахъ «Гамарь-Катипа» (подъ этимъ псевдонимомъ, присвоенномъ себѣ позднѣе однимъ Патканьяномъ, печатали свои стихи члены маленькаго дружескаго кружка, среди нихъ—Г. Додохьянъ). Въ этотъ же періодъ Патканьянъ издалъ «Новую азбуку», «Народный пѣсенникъ» и др. Съ середины 60-хъ годовъ Патканьянъ, какъ поэтъ, почти замолкаетъ. Продавъ маленькую типографію, которую онъ имѣлъ въ Петроградѣ, и прекративъ свой журналъ «Сѣверъ», онъ живетъ въ Нахичевани, занимаясь педагогической дѣятельностью. Въ турецкую войну 1878 г. Патканьянъ вновь выступаетъ со сборникомъ стиховъ «Свободныя пѣсни» и уже до конца жизни продолжаетъ дѣло поэта. По-русски о Патканьянѣ см. статьи Ю. Веселовскаго; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Патканьяна, Р. н/Д. 1886; А. Дервишъ, Патканьянъ, М. 1904 и др. Переводили стихи Патканьяна Ю. Веселовскій, Л. Уманецъ, С. Головачевскій, В. Шуфъ, Д. Пагиревъ, Эллисъ и мн. др.

Изъ поэмы Смерть Вардана, стр. 271. Варданъ Мамиконьянъ Великій былъ предводителемъ возстанія армянъ противъ персидскаго владычества въ V в., вскорѣ послѣ раздѣленія Арменіи между Византіей и Персіей. Одно время во главѣ движенія думалъ встать Васакъ Сюнійскій, бывший марзпаномъ (т.-е. правителемъ,—персы часто назначали правителей изъ природныхъ армянъ), и ожидалась помощь византійской Арменіи, гдѣ правителемъ былъ Васакъ Мамиконидъ, а также императора Феодосія, Иберіи, Албаніи (кавказской) и гунновъ. Однако надежды на поддержку со стороны не оправдались. Тогда Вагратиды (соперничавшіе съ Мамиконидами: два наиболѣе вліятельныхъ княжескихъ дома въ Арменіи) отступились отъ дѣла возстанія, также какъ Васакъ Сюнійскій (за что и былъ заклеименъ армянскими историками какъ изменникъ,—мнѣніе, которое нынѣ оспаривается). Армянское ополченіе, подъ начальствомъ Вардана Великаго было, въ 451 г. по Р. Х., разбито и истреблено при Аварайрѣ, близъ Аракса. Но персы, встрѣтивъ сильное сопротивление, сдѣлали различныя уступки армянамъ (въ вопросахъ вѣроисповѣданія), такъ что возстаніе не пропало даромъ. Позднѣе всѣ, павшіе въ бою съ Варданомъ, были армянской церковью причтены къ лику святыхъ (вардананцы). (См., кромѣ общихъ исторій, брошюру Н. Адонца, Марзбанъ Васакъ). Лѣтъ черезъ 30 возстаніе персидскихъ армянъ повторилось подъ руководствомъ племянника Вардана, князя Ваана Мамикониды, который добился назначенія его марзпаномъ (484 г.)—Гайкъ и Торгомъ—миоическіе родоначальники армянъ: по Моисею Хоренскому (кн. I, гл. 5) «Гаетъ родитъ Гомера, Гомеръ—Өираса, Өирасъ—Өоргома (Торгома), Өоргомъ—

Хайка (Гайка). Современная филологія въ словѣ hai (мн. число: haik) видитъ производное отъ арійскаго корня peti, даващаго въ греческомъ—peter, въ латинскомъ—pater (отець). Отсюда и названіе Арменіи Айастанъ или Haiastan, т. е. «домъ гайковъ», съ помощью корня (иранскаго происхожденія): stan (домъ, область).—Другіе переводы (не полныя) того же стихотворенія принадлежатъ: Ю. Веселовскому («Армянская Муза») и С. Шервинскому («Сборникъ армянской литературы»).

Ребенка святой колыбелью клянусь, стр. 280. Свв. Месропъ и Саакъ—изобрѣтатели армянскаго алфавита, въ V в. по Р. X. Преданіе говоритъ, что въ самомъ началѣ V в. католикозъ Саакъ (Исаакъ) и монахъ Месропъ Маштоцъ были заняты вопросомъ о созданіи азбуки для армянъ (которые ранѣе пользовались, можетъ быть, алфавитами греческимъ и сирійскимъ, не передающими всѣхъ звуковъ армянскаго языка). Испробовавъ различные алфавиты, а также «писмена Даниила», изобрѣтенныя «въ древнѣйшія времена» для армянскаго яз., Саакъ и Месропъ нашли ихъ не достаточными и изобрѣли новую азбуку (по преданію, она явилась св. Месропу въ вѣщемъ снѣ), послѣ чего завели школы и стали учить мальчиковъ новой грамотѣ. Въ томъ же V в. былъ совершенъ и великій трудъ—перевода на армянскій яз. Библии. (Такъ разсказываютъ армянскіе историки: Корякъ, Лазаръ Парпскій и Монсей Хоренскій; см. изслѣдованіе Месропа Теръ-Мовсеяна: Исторія перевода Библии на армянскій языкъ, Спб. 1902).—Гэвондъ—іерей, герой битвы на Аварайрскомъ полѣ. Ашотъ Милосердый и Гагикъ Неутъшный—цари Багратидской династіи. «Строители царства армянъ»—въ подлинникѣ: «азгашэн», изъ «аз»—нація, народъ и «шэн», отъ глагола «шинел»—строить.

Георгъ Додохьянъ, стр. 283—286 и Вступ. сч., стр. 75—76. Поэтъ родился въ селѣ Аштаракъ, какъ и С. Шахъ-Азизъ. Другіе переводы того же стихотв.—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза») и Н. Реулло («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.)

С. Шахъ Азизъ, стр. 287—294, и Вступ. оч., стр. 74—75. Въ русской литературѣ Шахъ-Азизъ нашель дѣятельнаго пропагандиста въ лицѣ Ю. Веселовскаго, издаващаго отдѣльную книгу переводовъ произведеній Шахъ-Азиза и посвятившаго ему нѣсколько статей («Женская доля въ изображеніи армянскихъ литераторовъ» въ сборникѣ: Литературные очерки, М. 1900, и др. см. Библиографію). Переводили Шахъ-Азиза, кромѣ Ю. Веселовскаго, Л. Уманецъ, С. Головачевскій, И. Гриневскія, О. Чюмнина и др. Др. переводъ стихотв. Со нъ—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза»).

Г. Ага янъ, стр. 295—298, и Вступ. оч., стр. 76. Ага янъ началъ литературную дѣятельность псалмами («Арутюнъ и Мануэль», «Дѣв сестры» и др.); истемъ работаль по педагогикѣ (прекрасные учебники); считается лучшимъ писателемъ для дѣтей.

І. Иоаннисианъ, стр. 299—310, и Вступ. оч., стр. 76—77. Къ сказанному нами добавимъ сужденіе П. Макниціана: «Основателемъ ново-армянскаго національной поэзіи нужно считать Иоаннисиана. Онъ впервые внесъ въ поэзію понятіе стиля. Онъ, прекрасно знакомый съ народной поэзіей, изъ этого неизскаемаго источника черпаль образы и краски для воплощенія, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ настроеній». По-русски характеристику Иоаннисиана см. въ статьѣ М. Алавердянца, «Спб.

Вѣдомости», 1912 г. Иоаннисіана переводили Ю. Веселовскій, К. Бальмонтъ, И. Бѣлоусовъ, Л. Уманецъ, Е. Богословскій, М. Шагиньянъ, Л. Зиповъ и др.

Рожденіе Ваагна, стр. 301,—литературная обработка древняго стихотв., сохраненнаго Моисеемъ Хоренскимъ (см. примѣч. на стр. 494).

Аразъ, стр. 304. Др. переводы того же стихотв.: К. Липскерова («Сборникъ армянской литературы») и А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Новая весна, стр. 303, Снѣгъ засыпаль всѣ пути, стр. 305. Др. переводъ этихъ стихотв. Е. Богословскаго.

Царь Артаваздъ, стр. 308. Моисей Хоренскій (кн. II, гл. 61) такъ рассказываетъ легенду: «Артаваздъ, при переѣздѣ черезъ мостъ города Арташата, чтобы охотиться на кабановъ и онагровъ у истоковъ рѣки Гина, встревоженный какими-то видѣніями, долго нсился на конѣ безъ цѣли, пока, наконецъ, не упалъ въ глубокою пропасть и не пропалъ безъ слѣду. Объ немъ Гохтанскіе пѣвцы поютъ такъ: По случаю смерти Арташеса (отца Артавазда) большая была гибель народу по языческому обычаю. Огорчился, говорятъ, Артаваздъ и говоритъ отцу: «ты ушелъ и унесъ съ собою всю нашу землю, какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами», За это Арташесъ проклялъ его, сказавъ: «если ты пойдешь на охоту на свободный (т.-е. недоступный людямъ) Масисъ (Араратъ), тебя захватятъ калжи (злые духи), тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе». Старухи также рассказываютъ про него, что онъ (Артаваздъ), связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ какой-то пещерѣ, что двѣ собаки грызутъ безпрестанно его цѣпи, и онъ силится выйти и положить конецъ міру; но что отъ звука ударовъ кузнечныхъ молотовъ снова, говорятъ, цѣпи укрѣпляются. Поэтому также и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя легендѣ, по воскресеньямъ ударяютъ трижды и четырежды (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились цѣпи Артавазда.» Съ историческими царями Артаваздами (Артаваздъ I, полумиѳическій царь III в. до Р. X.; Артаваздъ II, 125—95 г. до Р. X.; Артаваздъ III, 56—33 г. до Р. X.; Артаваздъ IV, 5—2 г. до Р. X., и Артаваздъ V, ум. въ 11 г. по Р. X.) герой легенды имѣетъ мало общаго, развѣ только если принять мнѣіе А. Амфитеатрова (Арменія и Римъ, Пгд. 1916 г., стр. 297), что «эти государи солоно пришли армянскому народу, потому что имя Артавазда осталось въ былинахъ армянскаго эпоса весьма недалекимъ отъ имени злого духа». Легенда о скованномъ въ пещерѣ царѣ, можетъ быть,—отголосокъ персидскаго мѣа о скованномъ Ариманѣ.

А. Цатуріанъ, стр. 311—322, и Вступ. оч., стр. 81—82. По-русски о Цатуріанѣ см. статью М. Алавердыянца, «Спб. Вѣдомости», 1912 г., и др., связанная преимущественно съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности поэта (праздновавшемся въ Московсксмъ Литературно-Художественномъ Кружкѣ). Переводили Цатуріана Ю. Веселовскій, К. Бальмонтъ, Л. Уманецъ, И. Бунинъ, М. Шагиньянъ, Е. Выставкина и др. Въ стихотв. Не я пою, по желанію автора, опущено нѣсколько строкъ.—Пѣсня, стр. 314. Др. переводъ этой пѣсни—Е. Выставкинъ («Сборникъ армянской литературы»).

О в. Туманьянъ, стр. 321—364, и Вступ. оч., стр. 77—79. Эпи-

ческий склад творчества Туманьяна сказанъ между прочимъ въ его литературной обработкѣ эпопеи о Давидѣ Сасунскомъ. Переводили Туманьяна К. Бальмонтъ, Тхоржевскіе, Л. Уманецъ, Эллисъ и др.; отдѣльно издано: «Парвана», Т. 1913.

Голубиный скитъ, стр. 328 и сл. Легенда относится къ эпохѣ нашествія Тамерлана и могла вырасти изъ обычая—устраивать въ нѣкоторыхъ армянскихъ церквахъ потайные ходы, черезъ которые молящіеся скрывались при приближеніи враговъ (такія церкви сохранились до нашего времени).

Анушь, стр. 334 и сл. Поэма появлялась въ трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ автора. Въ основу нашего перевода положенъ послѣдній вариантъ. Въ поэму включено авторомъ много мотивовъ народной пѣсни.

Одна капля меда, стр. 360,—художественная обработка пространенной на Востокъ сказки.

Аисаакіанъ, стр. 365—398, и Вступ. оч., стр. 79—80. Последніе годы Аисаакіанъ жеветь, какъ эмигрантъ, въ З. Европѣ. Переводили Аисаакіана И. Буинъ, И. Бѣлоусовъ, С. Головачевскій, Эллисъ, М. Шагинянь и др.; отдѣльно издано «Цвѣты Араза», М. 1907.

Въ долину Сально..., стр. 369. Др. переводъ этого стихотв. А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Я увидѣлъ во снѣ, стр. 372. Др. переводъ этого стихотв., Валерія Брюсова, мы помѣщаемъ здѣсь:

Мнѣ снился сонъ: вѣся какъ змѣя,
Шель караванъ, звеня,—о нѣжный звонъ!
По склонамъ горъ, извилины вѣя,
Брель караванъ, звеня: динь-донъ, динь-донъ!
Тамъ, въ караванѣ,—милая моя!
Нарядъ невѣсть на ней, блистая, цвѣлъ.
Въ огнѣ тоски къ ней устремился я...
Ахъ, караванъ по сердцу мнѣ прошелъ.
И я лежалъ, раздавленъ, на песокъ,
Съ разбитымъ сердцемъ, скорбью сокрушенъ...
Но все еще былъ слышенъ вдалекѣ
Звонъ нѣжный каравана: динь-донъ-донъ!

Абуль-Ала-Маари, стр. 380 и сл. Поэма написана въ формѣ, любимой арабскими поэтами, откуда названіе «каситъ» (поэма, написанная длинными двустіями) и дѣленіе на «суръ» (пѣсни, какъ раздѣленъ и Коранъ). Абуль-Ала-Маари—лицо историческое, дѣйствительно арабскій поэтъ, жившій въ Багдадѣ, 973—1058 г., но, конечно, авторъ подъ маской арабскаго поэта изобразилъ себя самого и свои переживанія... Воспроизводя духъ арабской поэзіи, авторъ оставилъ въ поэмѣ рядъ арабскихъ словъ: дженатъ—рай; гюлистанъ—цвѣтникъ розъ, rosarium; саламъ—привѣтъ и шюкръ—слава, благословеніе; Шэмсъ—солнце (древній богъ солнца), и др. Нѣкоторыя выраженія подлинника, при всей ихъ картинности, не поддавались переводу, напр., сур I, ст. 3: путь «волор у молор», т.е. путь зигзагами (въ переводѣ: «вѣясь, какъ змѣя»); сур I,

ст. 11: караванъ «орор у шорор звенѣлъ впередъ» («орор у шорор»—звуко-подражательное выраженіе), т.-е. подвигался впередъ, звеня бубенцами, колокольчиками, и нолыхаясь, колеблясь (въ переводѣ: «віаясь, какъ змѣя, звенѣлъ дальше во мглу»), и др. Кромѣ объясненій, данныхъ подъ текстомъ, должно добавить еще къ сурѣ II: И бл н с ѣ — сатана мусульманской демонологіи (искаженное греческое слово *diabolos*, диаволь); стихъ—

Согрѣшилъ мой отецъ въ быломѣ предо мной, но я ни передъ
кѣмъ грѣха не свершилъ,

начертанъ на памятникѣ надъ могилой Абуль-Ала-Маари.—Въ нашемъ переводѣ нѣсколько строкъ (двустихій), въ разныхъ сурахъ, опущено.

Д. Д э м и р ч і а н ѣ, стр. 399—402, и Вступ. оч., стр. 82; Ш. К у р г и н ѣ я н ѣ, стр. 403—406, и Вступ. оч., стр. 83; В. Т э р і а н ѣ, стр. 407—414, и Вступ. оч., стр. 86—87. По-русски характеристику В. Т э р і а н а далъ М. Манучаріанъ, «Баку», 1911 г. Др. переводы стиховъ тѣхъ же авторовъ см. въ изданіяхъ, указанныхъ въ Библиографіи.

Т е р ъ - М а р т и р о с і а н ѣ, стр. 415—418, и Лейли, стр. 419—22, и Вступ. оч., стр. 87; см. Объясненія ред., стр. 14.

ПОЭЗИЯ ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія турецкихъ армянъ развивалась въ иныхъ условіяхъ, нежели армянская поэзія въ Россіи. Западные армяне имѣли за собой большій опытъ культурнаго обновленія народа. Уже съ конца XVIII в. въ интеллигентныхъ кругахъ армянскаго общества въ Турціи и на Западѣ (въ колоніяхъ) дѣлались попытки создать новую національную литературу (сначала на грапарѣ). Въ самомъ началѣ XVIII в. въ Константинополь былъ основанъ цѣлый рядъ армянскихъ школъ; въ 1794 г., въ Кальнуттѣ возникла первая армянская газета «Аздараръ», а въ 1803 г.—вторая, въ Венеціи, что повело къ развитію армянской прессы. Если, однако, имѣть въ виду только литературу на новомъ яз., поэзію турецкихъ армянъ также можно раздѣлить на три періода: первый—дѣятельность зачинателей, М. Пэшикташляна, П. Дуріана, позднѣйшіе стихи Алишана и др.; второй—развитіе лирики, подъ господствующимъ вліяніемъ французской литературы, въ творчествѣ В. Тэкзяна, г-жи Сипиль, А. Чобаніана, М. Мэцаренца и др.; третій—возвращеніе къ народности лучшими представителями котораго являются Сіаманто и Д. Варужанъ (что и побудило насъ, нѣсколько нарушивъ хронологическую послѣдовательность, поставить этихъ двухъ поэтовъ въ самое послѣднее отдѣла, послѣ М. Мэцаренца, бывшаго моложе ихъ по годамъ, но скончавшагося уже нѣсколько лѣтъ назадъ).

Г е в. А л и ш а н ѣ, стр. 425—428, и Вступ. оч., стр. 66. Алишанъ замѣчательнѣе также, какъ одинъ изъ первыхъ собирателей древней армянской литературы; нѣсколько стихотв. ашуговъ было издано имъ съ англійскимъ переводомъ (*Armenian popular songs*, Ven. 1852).—Р а з д а н ѣ, стр. 427—8. Др. переводъ того же стихотв.—Л. Умаица («Армянская Муза», гдѣ и переводъ отрывка изъ поэмы Алишана).

М. Пэшикташлянъ, стр. 429—436, и Вступ. оч., стр. 67—68. О Пэшинкташлянъ, кромѣ др. изслѣдованій, см. обстоятельный очеркъ Ю. Веселовскаго въ книгѣ: «Литературные очерки», М. 1900. По-русски Пэшинкташляна много переводилъ Л. Уманецъ, переведшій также стихотв. Мы — братья и О какъ нѣжно и прохладно.—Але м да гъ—мѣстность на родинѣ поэта. Ванъ—озеро, которое въ народныхъ пѣсняхъ часто именуется моремъ. Ай о цъ-Д з о ръ—букв. «армянское ущелье», въ Ванскомъ вилайетѣ. О Зейтунъ см. выше стр. 496.

П. Дуріанъ, стр. 438—444, и Вступ. оч., стр. 68—69. О Дуріанъ кромѣ др. изслѣдованій см. брошюру: Hrand Nazariantz, Bedros Turian, Bagi 1915 (на итальянскомъ яз.). Дуріана переводили Ю. Веселовскій, О. Чюмина, И. Гриневская, Л. Уманецъ и др.

Силиль, стр. 445—450; Л. Шантъ, стр. 451—4; А. Чобаніанъ, стр. 455—8; Малэзіанъ, стр. 459—462; В. Тэкзянъ, стр. 463—8; М. Мэцаренцъ, стр. 469—472, и Вступ. оч., стр. 84—85. Всѣ эти авторы пользуются популярностью и въ читательскихъ кругахъ русскихъ армянъ, ибо разница въ языкѣ, которымъ пользуются писатели турецкой Арменіи, съ языкомъ русской Арменіи, не велика, сводится къ произношенію нѣкоторыхъ буквъ, къ употребленію нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ и т. под. Л. Шантъ пишетъ на языкѣ, представляющемъ нѣчто среднее между двумя литературными нарѣчіями. Языкъ западно-армянскихъ писателей считается болѣе разработаннымъ и болѣе гибкимъ, хотя близость къ древнему армянскому говору, бесспорно, на сторонѣ русскихъ армянъ (въ чемъ сознается, напр., историкъ F. Tournebize, Histoire de l'Arménie, p. 813). Стихи названныхъ поэтовъ переводили Ю. Веселовскій, С. Головачевскій, Н. Новичъ, Эллис и др.

Идеаль, стр. 448, и Вотъ и снова, стр. 457. Форма стихотв., несомнѣнно, заимствована изъ французской поэзіи (у Ш. Бодлэра и др.). Лампада Просвѣтителя—см. примѣч., на стр. 326, къ аналогичному стихотв. Ов. Туманьяна (на ту же тему есть стихотв. І. Іоаннисіана). Пѣсня объ армянскомъ языкѣ, стр. 468. Аналогичное стихотв. есть у А. Чобаніана.

Сіаманто, стр. 473—8; Д. Варужанъ, стр. 479—484, и Вступ. оч., стр. 87—88. Судьба этихъ поэтовъ, ко времени, когда редактируются эти примѣчанія (іюль 1916 г.), остается невыясненной. Извѣстно, что, въ началѣ Великой войны, послѣ Ванскаго возстанія, они были арестованы турецкимъ правительствомъ, въ Константинополь, въ числѣ 10.000 армянъ (всей мѣстной интеллигенціи), и сосланы въ глубь азіатской Турціи. Посредь окнами тюрьмы, въ которой были заключены Сіаманто и Варужанъ, три дня стояли висѣлицы, при чемъ узникамъ было категорически заявлено, что они будутъ повѣшаны. Однако, потомъ висѣлицы были убраны, а заключенные уведены въ другое мѣсто. Есть извѣстіе, что на пути узники были убиты, но нѣкоторые изъ бѣженцевъ оспариваютъ это. Хочется вѣрить, что страшная судьба минула талантливейшихъ изъ представителей молодой поэзіи турецкой Арменіи...

Колыбель армянъ, стр. 483. Въ подлинникѣ—«Колыбель гайковъ»; о значеніи слова «гайкъ», см. выше, стр. 504.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ стихотворенія представляютъ скорѣе свободное подражаніе, нежели точный переводъ оригиналовъ, но все же въ такой мѣрѣ передаютъ, по мнѣнію редакціи, духъ подлинника и художественность его формы, что вполне заслуживаютъ включенія въ нашъ сборникъ, какъ образцы именно *армянской поэзіи*.

А р а м ъ Ч а р ы г ѣ, стр. 489. То же стихотв. имѣется въ переводѣ Валерія Брюсова:

ВИДѢНІЕ.

Прелестная дѣвочка тринадцати лѣтъ
 Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ;
 Возьметъ мою голову, и, лаской согрѣтъ,
 Прижавшись къ щекѣ ея,—вѣряться мечтамъ.
 Меня съ ненасытностью цѣлуетъ она,
 Глазами газельими въ глаза мнѣ глядитъ.
 Шепча лихорадочно, но вся холодна,
 «Люблю я, люблю тебя!»—до утра сидитъ.
 Прелестная дѣвочка была мнѣ родной,
 Бывало, на много дней, входила въ нашъ домъ,
 И также шептала мнѣ: «Ахъ, радостный мой!»
 И плакала, плакала,—со мною вдвоемъ.
 Въ тѣ дни съ ней разстались мы, увы! навсегда!
 Не зналъ я, куда она на свѣтъ ушла,
 Когда жъ я спросилъ объ ней, въ отвѣтъ мнѣ тогда
 Сказали: «Увянувши,—она умерла!»
 Умершая дѣвочка тринадцати лѣтъ
 Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ,
 Беретъ мою голову... Я—лаской согрѣтъ,
 Она же, печальная, прикинеть къ устамъ.

Изъ новыхъ поэтовъ, не включенныхъ въ нашъ сборникъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Левонъ Мануельянъ (р. въ 1864 г., переводы—въ «Армянской Музѣ»), Леренцъ, Христофоръ Татевосянъ. Онопріосъ Анопьянъ, Семенъ Бабіанъ, д-ръ Левонъ Атабекьянъ (сборн. стиховъ 1913 г.), Акопъ Акопьянъ (см. Вступ. оч., стр. 83), Егія Демирчибашьянъ (см. Объясненія ред., стр. 15) и др.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Русскіе переводы стиховъ армянскихъ поэтовъ появились въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изд. А)—сборники:

Армянскіе беллетристы, драматурги и поэты, подъ ред. Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна, М. 1894. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, М. Бешикташленъ (Пэшикташлянъ), П. Дуріанъ, Ов. Ованнисьенъ (І. Иоаннисіанъ), Леренцъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянцъ (Туманьянъ).

Стихотвореніе переводы Ю. Веселовскаго, М. 1898. С. Шахъ-Азизъ, І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ.

Современные армянскіе поэты, подъ ред. Л. Уманца и А. Дервишъ, М. 1903. І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Л. Мануэльянъ, А. Исаакіанъ.

Современная армянская литература, М. 1906. Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Тадевосянъ.

Армянская Муза, подъ ред. Ю. Веселовскаго и Г. Халатянца. М. 1907. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, Г. Додохьянъ, Ов. Ованнисьенъ (І. Иоаннисіанъ), Л. Мануэльянъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Гев. Алишанъ, С. Гекимянъ, Хоренъ Наръ-Бей, М. Бешикташленъ (Пэшикташленъ), П. Туріанъ (Дуріанъ), А. Чобаніанъ, Малезіанъ, Сибиль (Сипиль).

Сборникъ армянской литературы, подъ ред. М. Горьнаго, Пгд. 1916. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, І. Иоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Д. Дэмירчьянъ, В. Тэріанъ.

В)—отдѣльные поэты.

Р. Патканьянъ, пѣвецъ гражданской скорби, вступ. статья А. Дервишъ, М. 1904.

Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ, 2-е изд., М. 1905. Критич. этюдъ и переводы Ю. Веселовскаго и др.

А. Исаакіанъ, Цвѣты Араза, предисл. П. Макинціана, М. 1907.

Ов. Туманьянъ, Парвана, легенда, Тифл. 1913.

Л. Григорьянцъ, Чайка, стихотворенія, Спб. 1913.

С)—журналы, альманахи и т. под.

Саятъ-Нова, въ сборн. «Братская помощь», 2-е изд., М. 1898, «Тифлиссій Журналь» 1913 г., соч. Я. Полонскаго, «Русс. Мысль» 1915 г. «Армянскій Вѣстникъ» 1916 г. Н. Кучакъ, «Русс. Мысль» 1915 г.

Новые поэты—въ «Армянскомъ Вѣстникѣ» 1916 г., «Одесскомъ Листкѣ», 1915—6 г., «Утрѣ Россіи» 1915—6 г., «Лѣтописи» 1916 г., «Кличѣ» 1915 г., Бакинскихъ и Тифлисскихъ газетахъ и мн. др. изд.

Характеристики поэтовъ, на русскомъ яз., были даны:

Во вступительныхъ статьяхъ къ сборникамъ «Армянскіе беллетристы» (М. Берберьяна, Ю. Веселовскаго, А. Хатисова), «Армянская Муза» (Ю. Веселовскаго), «Современные армянскіе поэты» (А. Микаэльянца, А. Дервиша, А. Багратуни) и др.

Въ отдѣльныхъ изд.: М. Алавердянцъ, Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ (Р. Патканьянъ), Пгд. 1905; Ю. Веселовскій, Русское вліяніе въ современной армянской литературѣ, М. 1901; Его же, Литературные очерки (М. Пашикташленъ и др.) М. 1900; Ив. Гнуні, Мотивы армянской поэзіи, Саратовъ 1915; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Р. Патканьяна, Р. н/Д. 1886; Я. Полонскій о Саятъ-Новѣ въ собр. соч.

Въ альманахахъ, газетахъ и журналахъ: см. статьи, указанныя въ Примѣчаніяхъ, М. Алавердянца о Іоаннисіанѣ и Цатурианѣ, М. Манучариана о В. Тэрианѣ; Армянскіе ашуги, «Кавказъ», 1853 г.; Айранетъянцъ, Армянская литература, современная поэзія, «Новая Заря» 1909 г. М. Берберянъ, Замѣтки о новой армянской литературѣ, «Братская помощь», М. 1897; Ю. Веселовскій, «Русс. Мысль» 1901 г., «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г.; С. Р-ій, современная армянская поэзія, «Южные Записки», 1905 г. и др.

Общая свѣдѣнія объ Арменіи, ея исторіи и т. д., на русскомъ яз., въ общедоступной формѣ, даютъ слѣдующія изд.:

Статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ (въ томъ числѣ въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона прекращены статьи—Н. Адонца и І. Орбели).—Вступит. статьи къ «Сборнику армянской литературы» (П. Макинціана и Д. Анануна).—Обстоятельная работа (преимущественно географическая и этнографическая)—Линчъ, Арменія, перев. Джунковской, Тиф. 1910.—К. Костаньянцъ, Краткій очеркъ исторіи Арменіи, «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г. (и отдѣльнымъ оттискомъ).—Статьи Ю. Веселовскаго, А. Дживилегава, С. Кара-Мурзы, А. Симеоньянца, В. Томоіанца и др. въ томъ же сборникѣ.—Валерій Брюсовъ, Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа, М. 1916.—А. Амфитеатровъ, Арменія и Римъ, Пгд. 1916.—Н. М. Лаговъ, Арменія, Пгд. 1915.—Л. де Контансонъ, Армянскій вопросъ, М. 1914, и др. брошюры, преимущественно по политическимъ вопросамъ.

Научная литература, на русскомъ языкѣ, по армяновѣдѣнію за послѣдніе годы значительно обогатилась. Къ болѣе старымъ работамъ принадлежатъ: Лекція и изслѣдованія Г. Халатьянца, Очеркъ исторіи Арменіи, М. 1910 (читаны въ Лазаревскомъ Инст.); Армянскіе аршакиды, М. 1903; Армянскій эпосъ, М. 1896, и др.; Н. Эминъ, Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, М. 1881; Переводы и статьи по духовной армянской литературѣ, М. 1897, и др.; Г. Эзовъ, Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ, Спб. 1898; М. Теръ-Мовсесянъ, Исторія перевода Библии на армянскій яз., Спб. 1902; Его же, Эчмιάдинъ и др. армянскія церкви, Спб. 1905, и др. изслѣдованія въ «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи» и др. изд.; Гренъ, Династія Багратидовъ въ Арменіи, «Ж. М. Н. П.» 1893 г.—Устарѣли работы: Муравьевъ, Грузія и Арменія, Спб. 1843; Д. Баκραдзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, Тиф. 1875, и др. Совершенно устарѣли книги Ив. Шопена, Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской имперіи, Спб. 1852, и др., но содержащія въ нихъ цифровыя и вообще фактическія данныя могутъ быть полезны понынѣ.

Къ болѣ новымъ работамъ принадлежать замѣчательные труды акад. Н. Я. Марра, изслѣдованія Н. Адонца, І. Орбели и др., попутныя изслѣдованія акад. А. Крымскаго и др., въ томъ числѣ: Н. Я. Марръ, Грамматика др.-армянскаго яз., Спб. 1903; О раскопкахъ и работахъ въ Ани, Спб. 1907; Разысканія по армяно-грузинской филологіи, «Ж. М. Н. П.», а также др. изслѣдованія, замѣтки и статьи въ «Ж. М. Н. П.», «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи», «Запискахъ Вост. Отд. Археол. Общ.», «Запискахъ Общ. Любит. Кавказской археологіи» и др. ученыхъ изд.; среди нихъ статья: Кавказскій культурный міръ, «Ж. М. Н. П.» 1915 г. (и отдѣльно),—сжатое изложеніе основныхъ идей автора по армяновѣднію; Н. Адонцъ, Армения въ эпоху Юстиніана, Спб. 1908; Марзбанъ Васакъ передъ судомъ историковъ, «Записки Вост. Стд. Р. Археол. Общ.» XV (и отдѣльно, Спб. 1904), а также др. изслѣдованія, статьи и замѣтки въ различныхъ ученыхъ изд.; І. Орбели, Развалины Ани, Спб. 1911; А. Крымскій, Исторія Сассанидовъ, М. 1905; Джаваховъ, Государственный строй въ древней Грузіи и Арменіи, М. 1905; Рядъ брошюръ Н. Я. Марра, Н. Адонца и др. подъ общимъ заглавіемъ: «Анійская серія», Спб. 1910 г. и сл. (I и III: Каталогъ Анійскаго музея; II: Реестръ предметовъ изъ раскопокъ Ани; IV: Путеводитель по Ани; V: Надпись царя Тиридата, и др.).—По вопросамъ армянскаго искусства еще—работы И. Толстого, Н. Кондакова, Егіазарова, Мартиросянца, Д. Айялова и др.

Большая часть армянскихъ историковъ имѣется въ переводѣ на русскій яз.: Моисей Хоренскій, перев. Н. О. Эмина, 2-е изд., М. 1893; Себеосъ, перев. К. Патканьяна, Спб. 1862; Леонтій, Исторія халифовъ, перев. его же, Спб. 1862; Моисей Каганкавацци, Исторія ага-вянь, перев. его же; Исторія Варлана Великаго, перев. Н. О. Эмина; Елисей, перев. Шаншіевалая; Стефанъ Сюнійскій, перев. Х. Иоаннсова, М. 1883, и др. Значительные отрывки изъ армянскихъ историковъ—въ работахъ: Эзовъ, Объ ученіи древнихъ маговъ (Езникъ и др.), Спб. 1858; К. Патканьянъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. Спб., и др.

На другихъ яз., кромѣ армянскаго, основныя соч. по армяновѣднію принадлежать слѣдующимъ авторамъ: Hüb sch mann (по исторіи Арменіи и по армянской филологіи); N. Dolens et A. Katch, Histoire des anciens arméniens, Gen. 1907; F. Tournèze, Histoire de l'Arménie, P. (jusqu'à l'an 1393); E. Dulaurier, Le royaume de la Petite Arménie (Recueil des historiens de Croisades) P. 1908; Marquart (исторія); E. Lehmann-Haupt (географія и этнографія), и др. Работа: Saint Martin, Mémoires sur l'Arménie, 2 vol., P. 1819, значительно устарѣла, но сохраняетъ значеніе, какъ сводка фактовъ и по включеннымъ въ нее переводамъ; большое значеніе имѣютъ разнообразныя работы А. Чобаніана (о которыхъ см. Вступ. очеркъ, стр. 85—86), историко-литературныя, публицистическія и инныя двз т. переводовъ (на французскій яз.) армянскій народной поэзіи, Chants populaires, P. 1896, и поэзіи ашурговъ, les Trouvères Arméniens, P. 1905, очеркъ исторіи армянской литературы, L'Arménie, P. 1896, изданная подъ его ред. книга о Зейтунѣ, Zeitoun, P. 1896, и мн. др.

СОДЕРЖАНИЕ.¹

ОБЪЯСНЕНИЯ РЕДАКЦИИ.

	<i>Стр.</i>
<i>Валерій Брюсовъ.</i> Отъ редактора къ читателямъ	3
<i>Редакція.</i> Задачи изданія	11
» Распредѣленіе работъ	19

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

<i>Валерій Брюсовъ.</i> Поэзія Арменіи и ея единство на протяженіи вѣковъ. Историко-литературной очеркъ. 1—7	21
---	----

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ—ПѢСНИ.

Изъ древнѣйшихъ пѣсень. Перевелъ <i>Валерій Брюсовъ.</i>	
Рожденіе Ваагна	95
О царѣ Арташесѣ. Отрывокъ	—
О построеніи Вардгеса	96
Пѣсня о разсвѣтѣ	—

Пѣсни о любви. Пер. *Валерій Брюсовъ.*

Пѣсня на день Преображенія.	97
Для милой надо платье шить.	—
Ахъ, раствориться	98
Я повторяю всегда готовъ	—
Отнесите меня	—
Какъ изъ яблокъ шерbetъ	99
Быль бы сазомъ я	—
Ахъ, дѣва! твой станъ	100

Д ж а н ь - г ю л ю м ы. Пер. *Валерій Брюсовъ.*

Соловей, въ мой садъ летай	101
Ахъ, въ бахчѣ ты возросла	—

¹ Звѣздочкой отмѣчены переводы, заимствованные редакціей изъ другихъ изданій (преимущественно изъ сборника «Армянская Муза»); остальные переводы были исполнены специально для нашего изданія.

Ты, Аразь, меня поийи	101
Ночь велѣла людямъ спать	102
Статный всадникъ проскакаль	—
Не умчатся жерновамъ	—
Противъ вашего нашъ садъ	—
Что ты, парень молодой	103
Бѣлый конь, тебѣ ль подкова	—
Какъ у насъ за домою	104
Дождь прошелъ и просверкаль	—

Пѣсни колыбельныя. Пер. Валерій Брюсовъ.

Ты, вода, теки	105
У меня ль невѣста есть	—
Ты въ постелькѣ хороша	106
Баю-бай, идутъ овечки	—

Свадебная пѣсня. Пер. Валерій Брюсовъ.

Царю что дама я, съ нимъ что схоже	107
--	-----

Пѣсни похоронныя. Пер. Валерій Брюсовъ.

Плачь вдовы	109
Плакальщицы—матери	—
» надъ молодымъ	—
Жалоба сестеръ	110
Заплачка	—

Религіозныя. Заклинанія. Пер. Валерій Брюсовъ.

Забѣлѣлася заря	111
На подушку я голову склонилъ	—
Погашены огни	—
Заклинаніе на волка	112
» на сглазь	—
» старухъ къ лунѣ	113

Пѣсни о природѣ и разныя. Пер. Валерій Брюсовъ.

Ноктюрнь	114
Какъ вамъ не завидовать	—
Не пой ты солнцу обо мнѣ	115
Золотая звѣздочка въ небѣ	—
Пѣсня хариба	—
Плясовая ванцевъ	—

Военныя пѣсни. Пер. Валерій Брюсовъ.

Зейтунскій маршъ	117
Военная эрзерумская пѣсня	118
Пѣсня удальцовъ	—

Пѣсни средневѣковья, народныя и неизвѣстных авторовъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	Стр.
На плѣненіе короля Левона	120
Пѣсня аиста	121
Юноша и вода	122
О, злая! съ черной красотой	123
Пѣсня пахарей	124
О четырехъ элементахъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня о четырехъ элементахъ. Весна. Лѣто. Осень. Зима.	126
Подражаніе народному. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Аругюнь Туманьянь. Пѣсня	128
НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ. ЭПОСЪ.	
Владыка Асланъ. Сказка. Пер. Валерій Брюсовъ.	131
Давидъ Сасунскій. Эпопея. Пер. онъ же	135
ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.	
Изъ Шаракана. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Месропъ-Маштоцъ. Море жизни	157
Онъ же. Рано утромъ предстану	—
Іоаннъ Мандакуні. Преображеніемъ Твоимъ на горѣ	—
Комитасъ. Изъ канона спутницамъ св. Рипсимѣ	158
Григорій Нарекскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Алмазная роза	161
Пѣснь на воскресеніе Христова	162
Нерсесъ Благодатный.	
На распятіе Господне. Пер. Валерій Брюсовъ	167
На Великій Пятокъ. Пер. С. Шергинскій	168
На ночь Великаго Пятка. Пер. Валерій Брюсовъ	169
Всѣмъ усопшимъ. Пер. онъ же	—
Свѣтъ, Свѣта Творецъ... Пер. онъ же	170
Изъ Элегій на взятіе Эдессы. I—VII. Пер. онъ же	171
Фрикъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Жалобы. Отрывокъ	181
Колесо судьбы	183
Іоаннъ Ерзынкайскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Гномическія размышленія. I—V	187
Константинъ Ерзынкайскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Весна.	191
Аракель Багешскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня о розѣ и соловьѣ	195

Мкртичъ Нагашъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	Стр.
Суета міра	201
Ованесь Тылкуранскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	205
Къ смерти	206
Ованнесь (Ерзынкайскій). Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	209
Григорій Ахтамарскій. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня объ одномъ епископѣ	213
Пѣсня	214
Пѣснь о розѣ и соловѣѣ	216
Наапеть Кучакъ.	
Пѣсни любви и гномы. I—XVI. Пер. Валерій Брюсовъ	225
Пѣсни любви. I—VII. Пер. Федоръ Сологубъ	229
Гномы. I—II. Пер. С. Шервинскій	230
Крункъ. Пѣсня хариба. Пер. Валерій Брюсовъ	231
Іеремія Кемурджіанъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	235
Нагашъ Іонатанъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсни любви. I—III	239

ПОЭЗИЯ АШУГОВЪ.

Степанносъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Пѣсня любви	245
Саятъ-Нова. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Я въ жизни вздоха не издамъ	249
Я—на чужбннѣ соловей	250
Нынче видѣль я во снѣ	251
Меня и млую мою година та жъ родила	—
Чужбнна—мука соловья	252
Ахъ, почему мой влаженъ глазъ	253
Откуда ты? (я—соловью)	254
Твоихъ грудей гранатъ—что мечъ	255
Твой силенъ умъ	—
Угодливо, народный рабъ, служить ступай	256
Ты, безумное, сердце, мнѣ внемли	257
Каманча	—
Лунніаносъ. Пер. Валерій Брюсовъ.	
Видѣніе	261
Гимнъ Богоматери	262

Д ж и в а н и. Пер. Валерій Брюсовъ.	Стр.
Какъ дни зимы	265
Въ эту ночь	—

НОВАЯ ПОЭЗІЯ РУССКИХЪ АРМЯНЪ.

Р. Патканьянъ.

И теперь намъ молчать. (Изъ поэмы «Смерть храбраго Вардана Мами- коньяна»). Пер. Валерій Брюсовъ	271
*Слезы Аракса. Пер. Ю. Веселовскій	273
Жаворонокъ. Пер. Е. Сырейщикова	275
Покинь свой садъ... Пер. С. Шервинскій	276
Не думайте, что славою обольщень... Пер. онъ же	277
Художникъ. Пер. Валерій Брюсовъ	—
*Передъ изображеніемъ Богоматери. Пер. Эллисъ	278
Ученый, книгу брось... Пер. В. Бакулинъ	279
Ребенка святой колюбелью клянусь... Пер. Валерій Брюсовъ	280
Великій человѣкъ. Пер. онъ же	281

Г. Додохьянъ.

Цицернакъ. Пер. Валерій Брюсовъ	285
---	-----

С. Шахъ-Азизъ.

Сонъ. Пер. Валерій Брюсовъ	289
Кругомъ—весна... Пер. В. Ходасевичъ	—
Сонетъ. Пер. онъ же	290
*Аштаракъ. Пер. Ю. Веселовскій	—
*Изъ поэмы Скорбь Леона. Пер. онъ же	291

Г. Агаянъ.

Прялка. Пер. Валерій Брюсовъ	297
--	-----

І. Іоаннисіанъ.

Рожденіе Ваагна. Пер. Вячеславъ Ивановъ	301
*Умокли навсегда. Пер. К. Д. Бальмонтъ	302
Новая весна. Пер. Ю. Верховскій	303
Зерно. Пер. Е. Сырейщикова	304
Аразъ течетъ, волной бія. Пер. В. Шершеневичъ	—
Снѣгъ засыпаль всѣ пути. Пер. А. Глоба	305
Будь молчаливо, сердце!.. Пер. Ю. Верховскій	306
Дѣва-роза, подойди. Пер. Вячеславъ Ивановъ	307
Онъ лежалъ на холодной постели. Пер. К. Линскеровъ	—
Надъ ручьемъ. Сонетъ. Пер. Валерій Брюсовъ	—
Все впередъ, все наверхъ. Пер. онъ же	308
Легенда о царѣ Артаваздѣ. Пер. онъ же	—

А. Цатуріанъ.

*Не я пою. Пер. Л. Уманецъ	313
*Ручей. Пер. К. Бальмонтъ	—

	Стр.
Пѣсня. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	314
*Мрачна, темна душа моя. Пер. <i>Ив. Бунинъ</i>	315
Пѣсня странника. Пер. <i>Ю. Балтрушайтисъ</i>	316
*Пѣсня о разсвѣтѣ. Пер. <i>онъ же</i>	317
Помию я. Пер. <i>Ю. Верховскій</i>	—
Мой милый сынъ, ты слезъ не лей. Пер. <i>Н. Ашукинъ</i>	318
*Ребенка видѣлъ я. Пер. <i>Л. Уманецъ</i>	319
Рыбакъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	—

О в. Т у м а н ь я н ь .

Переваль. Пер. <i>Вячеславъ Ивановъ</i>	323
Пахарь. Пер. <i>онъ же</i>	324
*Съ горныхъ высей стремится ручей. Пер. <i>К. Бальмонтъ</i>	—
Армянское горе. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	325
Экспромптъ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Лампада Просвѣтителя. Пер. <i>онъ же</i>	326
Голубинный скитъ. Пер. <i>Вячеславъ Ивановъ</i>	328
Сердце дѣвы. Пер. <i>онъ же</i>	331
Аиушъ. (Лирическая поэма въ VI пѣсняхъ съ Прологомъ и Эпилогомъ). Пер. <i>онъ же</i>	334
Капля меда. Сказка. Пер. <i>В. Ходасевичъ</i>	360

А в. И с а а к і а н ь .

Моей матери. I—II. Пер. <i>А. Блокъ</i>	367
Аль-златъ нарядь. Пер. <i>онъ же</i>	368
Былъ бы на Аразѣ у меня баштанъ. Пер. <i>онъ же</i>	369
Быстролетный и черный орель. Пер. <i>онъ же</i>	—
Во долинь, въ долинь Сальнд. Пер. <i>онъ же</i>	—
Подъ алмазнымъ вѣнцомъ. Пер. <i>онъ же</i>	370
Ужъ солнце за вершиной горъ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Караванъ мой бренчитъ и плетется. Пер. <i>онъ же</i>	371
Издалека въ тиши ночной. Пер. <i>онъ же</i>	372
Я увидѣлъ во снѣ... Пер. <i>онъ же</i>	—
Да, я знаю всегда. Пер. <i>онъ же</i>	—
Видитъ лань... Пер. <i>онъ же</i>	373
Словно молній лучъ... Пер. <i>онъ же</i>	—
Съ посохомъ въ рукѣ. Пер. <i>Вячеславъ Ивановъ</i>	374
Гиацинту ли нагорій. Пер. <i>онъ же</i>	—
Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ. Пер. <i>онъ же</i>	375
Моей матери. Пер. <i>онъ же</i>	376
Нѣтъ тебя, душа отчизна, краше. Пер. <i>онъ же</i>	377
Сорванную розу вѣткъ не вернуть. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	—
Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча. Пер. <i>онъ же</i>	378
Безвѣстна, безымянна, позабыта. Пер. <i>онъ же</i>	—
Моя душа объята тьмой полночной. Пер. <i>Ив. Бунинъ</i>	—
Черныя, мрачныя тучи. Пер. <i>Л. Зильовъ</i>	379
Абуль-Ала-Маари. Касить въ 7 сурахъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	380

Дѣрзникъ Дѣмирчьянъ.	Стр.
Осень. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	401
Изъ поэмы Лэнкъ-Тимуръ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Ш. Кургиньянъ.	
Панихида. Пер. <i>В. Спасскій</i>	405
Ваанъ Тэрианъ.	
Скользящей стопой... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	409
Опять опустилась ночь... Пер. <i>онъ же</i>	—
Газелла. Пер. <i>онъ же</i>	410
Въ весеннемъ городѣ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Изъ «Наирскихъ пѣсенъ». Пер. <i>Θ. Сологубъ</i>	411
Наирянка. Пер. <i>К. Д. Бальмонтъ</i>	412
Ужель поэтъ послѣдній я? Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	—
Какъ не любить тебя... Пер. <i>онъ же</i>	413
Я помню, осень подошла. Пер. <i>Е. Выставкаина</i>	—
Если нѣтъ любви... Пер. <i>В. Бакулинъ</i>	414
Терь-Мартиросьянъ.	
Словно звѣзды... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	417
Я теперь ничего не прошу. Пер. <i>онъ же</i>	—
Лейли.	
Молитва. Пер. <i>В. Бакулинъ</i>	421
НОВАЯ ПОЭЗІЯ ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.	
Г. Алишанъ.	
Разданъ. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	427
М. Пѣшикташлянъ.	
Къ зефиру Алемдага. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	431
Старикъ изъ Ваа. Пер. <i>В. Ходасевичъ</i>	432
Мы—братья. Пер. <i>Е. Сырейщикова</i>	433
О, милая мать! Пер. <i>она же</i>	434
О, какъ нѣжно и прохладно... Пер. <i>она же</i>	436
П. Дуріанъ.	
Моя смерть. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	439
Влизъ океана голубого. Пер. <i>онъ же</i>	440
*Моя скорбь. Пер. <i>К. Бальмонтъ</i>	441
Боролся день... Пер. <i>Е. Сырейщикова</i>	—
Ропоты. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	443
Сипиль.	
Ладаиъ. Пер. <i>К. Бальмонтъ</i>	447
*Идеаль. Пер. <i>С. Головачевскій</i>	448

Въ монастырѣ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	449
Туча. Пер. <i>онъ же</i>	450

Л. Шантъ.

Ночной сторожъ. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	453
Философы. Пер. <i>онъ же</i>	454

А. Чобаніанъ.

Вотъ и снова... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	457
Марина. Пер. <i>онъ же</i>	—

В. Малезіанъ.

Словно кто-то въ тоскѣ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	461
Сонетъ. Пер. <i>С. Бобровъ</i>	—

В. Тэкэянъ.

Лампада Просвѣтителя. Сонетъ. Пер. <i>Е. Выставкина</i>	465
Арменія. Пер. <i>она же</i>	—
Тебя мы чтили... Пер. <i>К. Липскеровъ</i>	466
Падучія звѣзды. Пер. <i>Ю. Балтрушайтисъ</i>	467
Пѣсня объ армянскомъ языкѣ. Пер. <i>онъ же</i>	468

М. Мэцаренць.

Ночь сладостна... Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	471
На разсвѣтъ. Сонетъ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Сонетъ съ кодою. Пер. <i>онъ же</i>	472

Сіаманто.

Мои слезы. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	475
Родной источникъ. Пер. <i>онъ же</i>	476
Горсть лепла. Пер. <i>онъ же</i>	477

Д. Варужанъ.

Письмо тоски. Пер. <i>С. Шервинскій</i>	481
Курающаяся лампада. Пер. <i>онъ же</i>	482
Колыбель армянъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	483

Приложеніе.

А. Исаакіанъ. Отгадница. Пер. <i>Вячеславъ Ивановъ</i>	487
Онъ же. На чужбинѣ. Пер. <i>онъ же</i>	—
Онъ же. Ожиданіе. Пер. <i>онъ же</i>	488
А. Чарычъ. Тринадцать лѣтъ. Пер. <i>С. Бобровъ</i>	489
В. Тэкэянъ. Сонетъ. Пер. <i>Валерій Брюсовъ</i>	490

ПРИМѢЧАНІЯ, БИБЛИОГРАФІЯ.

Примѣчанія	493
Библиографія	510
Алфавитный указатель	521

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. *

- Абовіанъ, Хачатуръ—15, 70, 76.
 Абегіанъ, Манунъ—40, 494, 498.
 Агаянъ, Газарось—76, 295—298, 504.
 Агаѡангель—494.
 Агбельянъ, Н.—502.
 Азмаръ-Аданъ—502.
 Айранетьянцъ—511.
 Аюпьянъ, Аюль—83, 509.
 Аюль изъ Артикэ—501.
 Алавердыанцъ—504, 505, 511.
 Алишанъ, Геонидъ—66, 67, 425—428, 507, 510.
 Ананій Ширакскій—494.
 Ананунъ, Д.—511.
 Анопьянъ, Онопріосъ—509.
 Аракель Багешскій—51, 52, 193—198.
 Арцруни, Г.—71.
 Атабекьянъ, Левонъ—509.
 Атома Ярджаньянъ—см. Сіаманто.
 Ахвердовъ, Г.—494, 502.
 Ачемьянъ—69.
 Бабіанъ, Семенъ—509.
 Багратуни, Арсенъ—66, 510.
 Барсегъ Тчонъ—42.
 Берберьянъ—75, 510, 511.
 Бодуріанъ, о. А.—см. Потуріанъ.
 Бэшикташлянъ, М.—см. Пэшикташлянъ.
 Баружанъ, Даніэль—20, 88, 479—484, 507, 508.
 Восканіанъ—69.
 Газарось Парпскій—см. Лазарь.
 Газарось Севастійскій—51, 501.
 Галфаянъ (Хоренъ Наръ Бей)—69, 510.
 Гекимьянъ, С.—510.
 Григорій Ахтамарскій—8, 51, 54, 55, 211—222, 501.
 Григорій Магистръ—37, 493, 494, 497, 499.
 Григорій Мартирофилъ—43.
 Григорій Нарекскій—8, 13, 16, 43, 44, 45, 159—163, 499.
 Григорій Отронъ (Тра)—500.
 Григорій Просвѣтитель—96, 323, 465, 495.
 Григорій Тэеренцъ—500.
 Григорьянцъ, Л.—510.
 Давидъ Салнадзорскій—501.
 Дживанн—13, 64, 263—266, 502.
 Додохьянъ, Георгъ—75, 76, 283—286, 503, 504, 510.
 Дуріанъ, Петросъ—66, 68, 69, 84, 85, 437—444, 493, 507, 503, 510.
 Дэмерчибашьянъ, Егія—15, 69, 84, 509.
 Дэмерчьянъ, Дереникъ—82, 399—402, 507.
 Евнникъ—512.
 Елисей (Егйше)—293, 493, 512.
 Исаакіанъ, Аветикъ—11, 14, 20, 76, 77, 79, 80, 81, 83, 84, 365—

* Въ Указателѣ перечислены имена исключительно *армянскихъ писателей* (какъ тѣхъ, чьи произведенія представлены въ сборникѣ, такъ и тѣхъ, которые только упомянуты въ Вступительномъ очеркѣ или Примѣчаніяхъ).

- 393, 486—488, 493, 503, 506—507, 510.
- Іоаннісіанъ, Іоаннесъ—14, 20, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 299—310, 493, 494, 503, 504—505, 508, 510.
- Іоаннь Ерзынкайскій—43, 44, 45, 49, 50, 51, 185—188, 503.
- Іоаннь Мандакуни—42, 43, 156—157, 493.
- Іоаннь Плузъ или изъ Дзюрдзюра—смотри Іоаннь Ерзынкайскій.
- Іонатанъ Гакобъ—501.
- Іонатанъ Нагашъ—8, 58, 237—242, 501.
- Кемурджианъ, Іеремія—14, 57, 58, 233—236, 501.
- Керобъ—51, 501.
- Комитъ, католиносъ—42, 156, 158.
- Константинъ Ерзынкайскій—8, 50, 51, 53, 189—192.
- Корюнь—504.
- Костаньянцъ, К.—19, 37, 55, 433, 474, 501—502, 511.
- Кургиньянъ, Шушаникъ—14, 83, 403—405, 507.
- Кучачъ, Наапеть—8, 14, 20, 55, 56, 57, 223—232, 501, 510.
- Лазарь (Газарось) Парпскій—504.
- Леонтій—512.
- Леренцъ—503, 510.
- Лейли—87, 419—421, 507.
- Лункіаносъ—64, 259—262, 502.
- Мамурианъ—69.
- Мякинціанъ, Павель—19, 433—435, 504, 511.
- Малезіанъ—84, 85, 459—462, 503, 510.
- Манучаріанъ, М.—507.
- Манувьянъ, Левонъ—82, 509, 510.
- Мартиросьянъ, теръ, А.—87, 415—418, 507.
- Матей Эдесскій—172.
- Месропъ, св.—31, 42, 43, 200, 504.
- Месропъ-Маштоцъ, св.—156—157.
- Месропъ, еп. (Теръ-Мовсесянь)—4, 504, 511.
- Микаэлянцъ, А.—510.
- Микаэлянь, Карёнъ—19, 492, 493.
- Минась Тохатскій—501.
- Мираіанъ, Ваанъ (Миръ-Коно)—82.
- Миръ-Коно—см. Миракіанъ, В.
- Мискинъ-Бурджи—502.
- Мкртчичъ Нагашъ—8, 51, 52, 53, 58, 199—202, 500.
- Моисей Каганкаваццц—512.
- Моисей Хоренскій—12, 37, 40, 42, 58, 473,—475, 497, 503—505, 512.
- Мхитаръ Себастаци—65.
- Мэцаренцъ, Мисанъ—84, 85, 469—472, 507, 508.
- Назарьянцъ, Г.—503.
- Назарьянцъ, С.—70.
- Налбандьянъ, М.—70.
- Нерсесъ, архимандритъ—51, 501.
- Нерсесъ Благодатный—8, 13, 16, 43, 44, 45, 165—178, 499—500.
- Нерсесъ Ламбронскій—43, 44, 45.
- Ованесъ Ерзынкайскій—8, 51, 53, 54, 207—210, 503, 501.
- Ованесъ Тылкураискій—51, 53, 203—206, 500.
- Оксисъ Тэртэръ—501.
- Отіанъ—69.
- Паткановъ (Патканьянъ), К.—512.
- Патканьянъ, Габріэль—70, 71.
- Патканьянъ, Коровлзъ (дѣдъ и внунъ)—71.
- Патканьянъ, Рафаэль—11, 20, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 269—282, 493, 502, 503—504, 510.
- Пароніанъ—69.
- Потурианъ, о. А.—494, 500, 501.
- Прошьянцъ, Перчъ—71.
- Пэшинкташлянь, Мкртчичъ—66, 67, 68, 69, 84, 85, 429—436, 507, 503, 510.
- Раффи, Александръ—15, 71, 76.
- Русиньянъ—69.
- Саакъ, св.—31, 42, 280, 504.
- Сарнавагъ Бердакскій—51, 501.
- Саятъ-Нова—3, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 246—258, 502, 510.
- Сервандзціанъ, сп.—494.
- Сипиль—20, 84, 85, 445—450, 507, 508, 510.

- Сіамант (псевдонимъ Атома Ярд-жаньяна)—20, 88, 473—478, 507, 508.
- Степанность—59, 243—246, 502.
- Стефанъ Сюнійскій—512.
- Сундукіанъ, Габріэль—70.
- Татевосянь, Христіанъ—509.
- Тевканць, арх.—474.
- Терь-Мовсесянь, М.—см. Месропъ.
- Тиграніанъ, Арменуи—87.
- Туманьянь, Арутюнь—128, 497.
- Туманьянь, Ованесь—11, 14, 18, 20, 60, 61, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 321—364, 493, 502, 503, 505,—506, 508, 510.
- Туріанъ, П.—см. Дуріанъ.
- Тиеренць—69.
- Тэкзянь, Ваанъ—20, 84, 85, 463—468, 490, 507, 508.
- Търіанъ, Ваанъ—20, 86, 87, 407—414, 503, 510.
- Фрикъ—8, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 179—184, 500.
- Халатьянць, Г.—4, 511.
- Хосровъ Андзевациійскій—43.
- Цатуріанъ, Александръ—14, 20, 76, 81, 82, 84, 311—320, 493, 503, 505, 510.
- Чалхушьянь, Гр.—503, 511.
- Чарыгъ, Аранъ—489, 509.
- Чобаньянь, Аршакъ—44, 49, 51, 56, 57, 84, 85, 86, 455—458, 493, 494, 498—502, 507, 503, 510, 512.
- Шантъ, II.—84, 85, 451—454, 508.
- Шахъ-Азисъ, Смбаць—11, 20, 71, 74, 75, 76, 287—294, 502, 504, 510.
- Ширннь—502.
- Эминъ, Н.—43, 494, 495, 511, 512.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Сборникъ поступилъ въ продажу въ слѣдующихъ изданіяхъ:

- 1) На обыкновенной бумагѣ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автоматія). Ц. 3 р.
- 2) На бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автоматія), на лучшей бумагѣ. Ц. 5 р.
- 3) Ограниченное число роскошныхъ экземпляровъ на бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автоматія), на лучшей бумагѣ. Фронтисписъ работы В. Я. Суриана (хромолитографія).

Съ требованіями на роскошные экземпляры просятъ обращаться къ издателямъ: Московскій Армянскій Комитетъ (Москва, Армянскій пер., д. Армянской церкви). Выписывающіе отъ издателей за пересылку не платятъ.

PK
8831
R3B69
1916

Brîusov, Valeriĭ Īakovlevich
Poèziĭa Armenii s drevnĭei-
shikh vremen

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
